

**ИСТОРИЯ
И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ**

SARATOV STATE UNIVERSITY
Institute of History and the International Relations
SEC «Regional cultural-historical heritage
and cross-cultural contacts»

NORTH-CAUCASIAN FEDERAL UNIVERSITY
Institute for the Humanities
Faculty of history, philosophy and arts
SEC «New local history»

HISTORY AND HISTORICAL MEMORY

The interuniversity collection of proceedings

Editor A.V. Gladishev, T.A. Bulygina

ISSUE 6

Saratov State University
North-Caucasian Federal University
2012

САРАТОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

Институт истории и международных отношений
НОЦ «Региональное культурно-историческое наследие
и кросс-культурные связи»

СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Гуманитарный институт
Факультет истории, философии и искусств
НОЦ «Новая локальная история»

ИСТОРИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

Межвузовский сборник научных трудов

Под редакцией А.В. Гладышева, Т.А. Булыгиной

ВЫПУСК 6

Саратовский государственный университет
Северо-Кавказский федеральный университет
2012

УДК 94(100)[15/19](082)
ББК 63.3(0)5я43
И90

История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. / И90 под ред. А.В. Гладышева, Т.А Бульгиной – Саратов; Ставрополь: Сарат. гос. ун-т; СКФУ, 2012. – Вып. 6. – 292 с.

В шестом выпуске межвузовского сборника научных трудов рассматриваются различные аспекты исследования исторической памяти на материале современной отечественной и зарубежной истории. В тематических разделах публикуются работы, охватывающие проблемы конструирования исторической памяти, механизмов властного контроля, категорий времени в университетской культуре, сохранения и использования культурного наследия, а также биографики. Выпуск посвящен 200-летию Отечественной войны 1812 года.

Для специалистов-историков, политологов, философов, социологов, студентов и аспирантов, всех интересующихся актуальными проблемами исторической памяти.

Редакционная коллегия:

Д-р ист. наук, проф. *А.В. Гладышев* (отв. редактор),
д-р ист. наук, проф. *Т.А. Бульгина* (отв. редактор),
д-р ист. наук, проф. *И.В. Крючков*, д-р ист. наук, проф. *Е.А. Вишленкова*,
д-р ист. наук, проф. *С.И. Посохов*, канд. ист. наук, доц. *Д.Е. Луконин*
(зам. отв. редактора), канд. ист. наук, доц. *А.В. Баранов* (отв. секретарь),
д-р полит. наук, проф. *Н.И. Шестов*.

Рецензент

Доктор исторических наук, профессор А.В. Чудинов

УДК 94(100)[15/19](082)
ББК 63.3(0)5я43

ISSN 2218-5488

© Саратовский государственный
университет, 2012
© Северо-Кавказский федеральный
университе, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

История, власть и массовое сознание

- Крючков И.В., Крючкова Н.Д.* (Ставрополь, Россия). Образ Отечественной войны 1812 г. в либеральной российской прессе в контексте столетнего юбилея войны 9
- Ростиславлева Н.В.* (Москва, Россия). Реконструкция войны 1812 года в историческом нарративе Карла фон Роттека (первая половина XIX века) 20
- Хаазер Р.* (Гиссен, Германия). От братства по оружию к идеологической вражде: политизация университетской жизни в Германии и образ России в национальном движении 1813–1819 годов (пер. с нем. П.В. Резвых) 31
- Булыгина Т.А., Кожемяко Т.Н.* (Ставрополь, Россия). Историческая память и юбилеи в России в XX–XXI веках 63

От политики забвения к политике памяти

- Постникова А.А.* (Екатеринбург, Россия). «Польская» Березина: «живая» память 77
- Ильина К.А.* (Москва, Россия). 1812 год и университетские архивы 88
- Трошин Н.Н.* (Москва, Россия). К вопросу об участии купечества в Отечественной войне 1812 года 101

Историческая память и «локальная история»

- Амбарцумян К.Р., Федоренко А.И.* (Ставрополь, Россия). К вопросу о месте Северного Кавказа в событиях Отечественной войны 1812 года 109
- Посохов С.И.* (Харьков, Украина). О памяти и памятниках в университетской истории 117
- Тотфалушин В.П.* (Саратов, Россия). 200-летний юбилей Отечественной войны 1812 года в Саратовской области..... 132

«Образы исторических событий в литературе, живописи, кинематографе»

- Вишленкова Е.А.* (Москва, Россия). «Метки на память»: сатирические образы войны 1812 года 150
- Ададуров В.В.* (Львов, Украина). Польское дворянство Юго-Запада России в планах Наполеона во время военной кампании 1812 года 164

Биографика

- Галиуллина Р. Х.* (Казань, Россия). М.Н. Мусин-Пушкин – участник Отечественной войны 1812 года и заграничных походов... 181
- Малютина Т.П.* (Воронеж, Россия). Сахар полковника А.Д. Черткова 193
- Самохвалова Н.В.* (Саратов, Россия). Правда и вымысел о Г.С. Котлове, или откуда берутся легенды..... 201
- Захарова И.Е.* (Саратов, Россия). Герой войны 1812 г. К.Ф. Казачковский и потомки Н.Г. Чернышевского 210

Публикации

- Гатина З.С., Ильина К.А.* (Москва, Россия). 1812 год: парадоксы университетской памяти 218

Обзоры и рецензии

- Степанов Ю.Г.* (Саратов, Россия). В.П. Тотфалушин. Саратовский край и Наполеоновские войны: к 200-летию Отечественной войны 1812 года. Саратов: Из-во Саратов. ун-та, 2011. – 216 с. 252
- Гладышев А.В.* (Саратов, Россия). Вопросы изучения истории оккупации Франции в 1814-1818 гг. и работы Ж. Антрэ 260
- Сведения об авторах 287
- Список аббревиатур и сокращений 289

CONTENTS

History, the power and mass consciousness

- Kryuchkov I.V., Kryuchkova N.D.* (Stavropol, Russia). Image of the Patriotic War of 1812 in the russian liberal press in the context of the centennial of the wa 9
- Rostislavleva N.V.* (Moscow, Russia). Rekonstruction of the war of 1812 by Carl von Rotteck (first half of the 19th century) 20
- Haaser R.* (Gießen, Deutschland). From military brotherhood to ideological war: politization of the university life in Germany and Russia's image among participants of the national movement of 1813–1819 years (пер. с нем. P.V. Rezvykh) 31
- Bulygina T.A., Kozhemyako T.N.* (Stavropol, Russia). Historical memory and anniversaries in Russia in the XX–XXI centuries 63

From the oblivion policy to the memory policy

- Postnikova A.A.* (Ekaterinburg, Russia). «Polish» Berezina: «live» memory 77
- Ilyina K.A.* (Moscow, Russia). 1812 and university archives 88
- Troshin N.N.* (Moscow, Russia). To the question about involvement of russian merchants in Patriotic War of 1812 101

Historical memory and «Local history»

- Ambartsumian K.R., Fedorenko A.I.* (Stavropol, Russia). On the place of the north Caucasus in the events of the war of 1812 109
- Posokhov S.I.* (Kharkiv, Ukraine). About memory and memorials in history of university 117
- Totfalushin V.P.* (Saratov, Russia). 200-year anniversary of Patriotic war of 1812 in the Saratov region..... 132

Images of historical events in the literature, painting, film

- Vishlenkova E.A.* (Moscow, Russia). «Signs for Storing»: Satirical Images of the 1812 War 150
- Adadurov V.V.* (Lvov, Ukraine). Polish nobility from South-West Russia in Napoleon plans during the military campaign 1812 164

Biographical researches

- Galiullina R.K.* (Kazan, Russia). M.N. Musin-Pushkin as a Participant of the Patriotic War and the Foreign Campaigns 181

<i>Malutina T.P.</i> (Voronezh, Russia). Colonel A.D. Chertkov's Sugar	193
<i>Samokhvalova N.V.</i> (Saratov, Russia). Truth and Flight of imagination about G.S. Kotlov, or Where Legends Come from	201
<i>Zakharova I.E.</i> (Saratov, Russia). The hero of the War of 1812 K.F. Kazachkovsky and descendants of the N.G. Chernyshevsky	210

Publications

<i>Gatina Z.S., Ilyina K.A.</i> (Moscow, Russia). 1812: paradoxes of university memory	218
---	-----

Reviews

<i>Stepanov Y.G.</i> (Saratov, Russia). V.P. Totfalushin. Saratov's region and the Napoleonic Wars: in commemoration to bicentennial of the 1812 Russian Patriotic War. Saratov State University, 2011. – p. 216.....	252
<i>Gladishev A.V.</i> (Saratov, Russia). J. Hantraye on historical issues of French occupation 1814–1818.....	260
Data on authors	287
The list of abbreviations and reductions	289

ИСТОРИЯ, ВЛАСТЬ И МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ

УДК 070:94(47).072.5

ОБРАЗ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА В ЛИБЕРАЛЬНОЙ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЕ В КОНТЕКСТЕ СТОЛЕТНЕГО ЮБИЛЕЯ ВОЙНЫ

И.В. Крючков

Северо-Кавказский федеральный университет,
кафедра археологии и всеобщей истории
E-mail: igory5@yandex.ru

Н.Д. Крючкова

Северо-Кавказский федеральный университет,
кафедра археологии и всеобщей истории
E-mail: vshistory@mail.ru

В статье анализируется специфика отражения событий Отечественной войны 1812 года в российских либеральных изданиях начала XX века. Столетний юбилей войны с Наполеоном стал основанием для формирования патриотической модели памяти. Но либеральные журналы конструировали иные образы, которые развенчивали официальные мифы. Такая позиция была основана на идеологических предпочтениях и отношениях с властью.

Ключевые слова: модель памяти, либеральная пресса, столетний юбилей Отечественной войны 1812 года, имперская идентичность.

IMAGE OF THE PATRIOTIC WAR OF 1812 IN THE RUSSIAN LIBERAL PRESS IN THE CONTEXT OF THE CENTENNIAL OF THE WAR

I.V. Kryuchkov

N.D. Kryuchkova

In this article the specific reflection of the events of the War of 1812 in the Russian liberal publications beginning of the XX century is analyzed. The centenary of the war with Napoleon became the basis for the formation of patriotic memory model. But liberal magazines constructed other images that official myths debunked. This position was based on ideological preferences and practical relationship with the government.

Key words: memory model, liberal press, the centenary of the War of 1812, the imperial identity.

Столетний юбилей начала войны с Наполеоном в 1912 г. официальная Россия отмечала с большим размахом. Торжества затронули не только Москву, С.-Петербург и другие крупные города страны, но и самые отдаленные регионы Российской империи. Российская периодика всех направлений широко освещала основные праздничные события, связанные с юбилеем. Власть и лояльная ей часть общества видели в этом возможность вернуть вздыбленной реформами, войной и революцией стране прежнее единство. Укрепить пошатнувшуюся имперскую идентичность предполагалось с помощью патриотической модели памяти, для которой юбилей Отечественной войны 1812 года как память о славном прошлом дедов очень подходил. Однако общество уже было необратимо расколото, о чем свидетельствуют материалы в либеральных изданиях, в которых образ войны был порой прямо противоположен официозу.

Во-первых, российские либеральные «толстые» альманахи («Русская мысль», «Русское богатство», «Вестник Европы») разрушали сусальный образ 1812 г. уже тем, что не освещали праздничные мероприятия в различных регионах империи, не публиковали поздравительные телеграммы. Во-вторых, они отказались от «лубочных» исторических картинок войны 1812 года. В-третьих, на формирование либеральных представлений об Отечественной войне влияли идеологические предпочтения издания и их практические отношения с властью. Старейший либеральный альманах «Вестник Европы», издававшийся с 1866 г., считался рупором центристского направления в российском либерализме и не раз спорил с правительством по текущим проблемам внутренней и внешней политики России. Левое крыло либерализма представлял альманах «Русское богатство», основанный в 1876 году. На рубеже XIX–XX вв. журнал дрейфовал от народничества к левому либерализму. В 1906 г. альманах был закрыт правительством за крайнюю оппозиционность его публикаций. В это время альманах выходил под названиями «Современные записки» и «Современность». Затем альманах вернул свое прежнее название, его редактором стал В.Г. Короленко. С сентября 1914 г. альманах из-за очередных проблем с цензурой вновь был закрыт. Альманах «Русская мысль», созданный в 1880 г., считался одним из самых содержательных периодических изданий России. Альманах, редактором которого был историк А.А. Кизеветтер, а со-

редактором – П.Б. Струве, представлял академическую ветвь в российском либеральном пространстве.

Несмотря на противостояние официоза, либералы в то время занимали активную общественную позицию и игнорировать юбилей не могли уже по своим убеждениям. Поэтому на страницах их изданий в небольшом количестве, но появились исторические материалы, посвященные войне 1812 года. Их целью было развенчание официальных мифов. Естественно, что в первую очередь на событие откликнулись историки. В этой связи надо обратить внимание на статью известного российского историка и либерального деятеля А.А. Кизеветтера, как уже отмечалось, главного редактора «Русской мысли», опубликованную в № 12 альманаха. Статья посвящена графу Ф.В. Ростопчину, занимавшему во время войны с Наполеоном должность московского градоначальника. В отличие от консервативных и проправительственных авторов А.А. Кизеветтер рисует довольно неприглядный образ Ф.В. Ростопчина, самодовольного, недалекого и тщеславного барина, который в тяжелый для России и Москвы период истории показал себя только с отрицательной стороны¹. Для автора граф – человек ограниченных познаний, воспитанный «на французский манер». При этом он на все лады критиковал наполеоновскую Францию и более других демонизировал образ Наполеона. Этот вельможа – типичное порождение салонной Москвы

А. Кизеветтер не останавливался на анализе деятельности Ф.В. Ростопчина на посту московского градоначальника, но отмечал, что если бы он провел такое исследование, то наверняка оно не украсило бы образ графа. А. Кизеветтер с иронией относился к утверждениям о том, что граф пользовался большой популярностью после войны 1812–1814 гг. за пределами России. Эта популярность во многом напоминала попытки самого графа представить Наполеона в уничижительной форме накануне и во время войны 1812 года, когда император Франции изображался в карикатурных образах на лубочных картинках, в виде матрешек и т.д. То, что в Англии называли водку и лошадей в честь графа или в Германии женские чепчики, демонстрировало, что эта слава была в высшей степени сомнительной. Это скорее свидетельствовало об иронии, с которой относились иностранцы к графу, а не о проявлении к нему большого уважения и признании его заслуг в побе-

¹ Кизеветтер А.А. Граф Ф.В. Ростопчин // РМ. 1912. № 12. С. 8.

де над Наполеоном². Еще меньшей популярностью граф пользовался в России. За исключением небольшой группы сторонников, роль графа в войне 1812 года российской общественностью оценивалась скептически. Об этом же писал знаток политической биографии Ф.В. Ростопчина Семен Воронцов³.

В России много писали о причинах разрушения карьеры графа. Многие видели их в знаменитом московском пожаре 1812 г., связывая трагедию с действиями Ф.В. Ростопчина накануне вступления армии Наполеона в Москву. Москвичи не сомневались в том, что Москву подожгли именно по приказу графа. Сам Ф.В. Ростопчин постоянно обвинял москвичей в мещанстве и неблагодарности, в нежелании понять оправданность патриотических деяний графа. Правда, граф отрицал свою причастность к организации пожара. А.А. Кизеветтер, признавая важность данного обстоятельства в отставке графа, в то же время отмечал еще ряд причин падения московского градоначальника. Прежде всего, важную роль здесь сыграло «дело Верещагина», поразившее своей жестокостью императора Александра⁴, интриги против М.И. Кутузова и ряд других нечистоплотных действий графа. Поэтому он потерял популярность среди всех слоев общества, что предопределило его отставку в сентябре 1814 года⁵. Ощущая презрение к нему со стороны московского общества, граф перебрался в Санкт-Петербург, а затем за границу, где он пробыл большую часть своей жизни после отставки, не погнушался граф жизнью и в столь «ненавистном» ему в 1812 г. Париже, где вел себя, как настоящий русский барин.

² Кизеветтер А.А. Указ соч. С. 45.

³ См. подр.: РА. 1912. Апрель.

⁴ Профессиональный переводчик М.Н. Верещагин перевел на русский язык несколько речей Наполеона, которые были размножены губернским секретарем П.А. Мешковым в нарушение указаний цензуры. По приказу Ф.В. Ростопчина они были арестованы и обвинены в государственной измене. После скорого суда, объективность которого вызвала сомнение уже у современников, М.Н. Верещагин был жестоко казнен (зарублен саблей). Общественность и власти были поражены самоуправством графа и неадекватностью наказания М.Н. Верещагина. См.: *Вяземский П.А. Характеристические заметки и воспоминания о графе Ростопчине* // РА. 1977. № 2. Эта история нашла отражение в романе Л.Н. Толстого «Война мир», показывая бессмысленность многих действий московских властей накануне вступления в Москву армии Наполеона.

⁵ Кизеветтер А.А. Указ. соч. С. 7.

Появление статьи А.А. Кизеветтера не было случайным. Российские либералы во время юбилея старались отойти от идеальных картинок официальной пропаганды, конструировавшей собственный образ войны 1812 года и утверждений о полном единении народа и трона. Либеральные авторы старались не скрывать нелицеприятные сюжеты из истории войны 1812 года. С некоторыми оговорками можно сделать вывод, что столетие войны 1812 года отчасти стало еще одним полем боя оппозиции с российским правительством.

Весьма содержательным является материал, опубликованный известным российским историком, социологом и общественным деятелем М.М. Ковалевским в «Вестнике Европы» в июле – августе 1912 г. под броским заголовком «1812-й год». Отец автора статьи принимал непосредственное участие в войне с Наполеоном в звании прапорщика, что наложило отпечаток на характер данного материала. Статья М. Ковалевского интересна тем, что автор привлекает к анализу событий 1812 г. широкий круг источников, материалов российской и зарубежной историографии. М. Ковалевский далек от идеализации действий России в войне и демонизации образа Наполеона, он стремится дать объективный взгляд на Отечественную войну.

Ковалевский в своем исследовании проводит обстоятельный историографический обзор, что позволяет ему решить ряд сложных научных проблем. Автора интересовала не только сама война, но и ее предыстория. Его волновал вопрос, можно ли было избежать войны, и являлась ли война объективной реальностью или деянием злого гения Наполеона? Он приводил ряд аргументов, показывавших неизбежность войны России с наполеоновской Францией. М. Ковалевский не соглашался с теми авторами, которые утверждали, что Россия не несла особых потерь от континентальной блокады и что, в крайнем случае, от нее страдало только дворянство. Автор не сомневался в губительности континентальной блокады для всей экономики России, поскольку в начале XIX в. страна медленно переходила от натурального к капиталистическому типу ведения хозяйства⁶. Поэтому дальнейшее участие России в континентальной блокаде было обременительным для ее экономики, что неизбежно вело к ее конфликту с наполеоновской Францией.

⁶ Ковалевский М.М. 1812-й год (Посвящается памяти моего отца, прапорщика в армии Кутузова) // ВЕ. 1912. № 7. С. 200.

По мнению Ковалевского, большой разлад во франко-русские отношения накануне войны вносил польский вопрос. Россия постоянно подозревала Наполеона в желании восстановить независимую Польшу, что представляло угрозу для ее территориальной целостности и геополитических интересов. В свою очередь, Наполеон подозревал Александра в том, что он хотел захватить Герцогство Варшавское. Тщательно проанализировав источники и историческую литературу, Ковалевский не нашел четких свидетельств об истинных намерениях сторон по польскому вопросу. Наполеон постоянно блефовал, с одной стороны, давая надежду полякам, а с другой стороны, обещая Австрии Галицию. Однако в любом случае взаимное недоверие и подозрительность в польской политике провоцировали Россию и Францию на конфликт.

М. Ковалевского интересовала система гражданского управления, созданная Наполеоном на оккупированной территории России, он сознательно уходил от анализа специфики военной администрации, не считая себя специалистом в этой области. Автор подробно рассматривает структуру органов власти, проводя параллели с аналогичными учреждениями во Франции. Он обращает внимание на то, что при создании губернских и уездных органов власти в России Наполеон учитывал опыт французской директории, основанный на коллегиальности управления, полагая, что в контексте 1812 г. для России это был самый оптимальный вариант организации гражданской власти⁷. Ковалевский поднимает проблему сотрудничества с оккупантами некоторых россиян, что нашло отражение в их активном участии в создании новых органов власти. В то же время автор не сомневался в том, что подавляющая часть россиян всячески стремилась избежать любых контактов с оккупантами. Поэтому им приходилось под угрозой смертной казни заставлять россиян идти на службу в оккупационные органы власти. Прежде всего, это относилось к уездным предводителям дворянства⁸. Он не питал иллюзий в отношении политики гражданских органов управления, созданных французами, полагая, что их главная задача заключалась в мобилизации ресурсов, необходимых наполеоновской армии, и поддержании элементарного порядка на занятых Наполеоном территориях.

Ковалевского интересовали причины поражения французской армии в России. Он признавал, что его не интересуют воен-

⁷ Ковалевский М.М. Указ. соч. С. 200.

⁸ Там же. С. 207.

ные аспекты проблемы, которые были хорошо освещены другими исследователями и мемуаристами. Опираясь на свидетельства очевидцев, автор отмечал, что уже после перехода Немана у многих солдат и офицеров возникает ощущение неизбежности катастрофы. Уже в первые дни «Великая армия» столкнулась с проблемами в снабжении фуражом и продовольствием, по мере продвижения вглубь России эти трудности только нарастали, особенно с наступлением холодов. Русские, используя тактику выжженной земли, усугубили положение оккупантов. На пути к Вильно дезертировало или отстало от частей около 40 тысяч солдат «Великой армии», что стало весьма тревожным симптомом. На дороге от Вильно до Смоленска дезертирство набирало обороты, особенно в разложении отличились новые полки, набранные в Северной Германии.

Большие проблемы у Наполеона возникли с обеспечением армии лошадьми. В спешке готовясь к походу против России, Наполеон реквизирует в Германии молодых животных, неприученных к перевозке тяжелойклади. Это, наряду с отсутствием овса, привело к массовой гибели лошадей уже летом 1812 г., обозы, артиллерия оказались парализованными⁹. К бедам «Великой армии» добавилась ливень, шедший в течение трех дней после того, как она перешла Неман, летние холода, дизентерия и мародерство. Мародеры, вне зависимости от их национальной принадлежности, грабили собственные обозы и местное население. Наполеон пытался суровыми мерами бороться с мародерами и дезертирами, но меры не давали желаемого эффекта¹⁰.

Главной бедой наполеоновской армии в 1812 г., по мнению Ковалевского, являлся ее многонациональный состав. Армия потеряла монолит и ощущение единства, так как почти треть солдат относилась к числу покоренных народов. Все это давало основание ему сделать вывод, что через две-три недели после начала похода армии Наполеона в Россию, она начала разлагаться¹¹.

Не оправдались надежды Наполеона на поддержку со стороны российского крестьянства. Обещания отмены крепостного права, в силу особенностей психологии крестьянства, не нашли никакого отзвука в его среде. Кроме того, крестьяне, ввиду своей неграмотности, просто не могли прочесть манифесты Наполеона,

⁹ Ковалевский М.М. Указ. соч. С. 210.

¹⁰ Там же. С. 211.

¹¹ Там же. С. 212.

где им обещалось дарование гражданских прав. Возвращения французского императора только вызвали раздражение у дворян Литвы, охладив их стремление активно поддержать Наполеона¹².

М. Ковалевский в общих чертах остановился на стратегии ведения войны противоборствующими сторонами. Он в целом положительно оценивал деятельность генерала М.Б. Баркляя де Толли, так как его план заманивания противника вглубь России, избегая генерального сражения, себя полностью оправдал. Правда, генерал не пользовался популярностью в свете и высших армейских кругах. Против него интриговал даже собственный начальник штаба генерал А.И. Ермолов. Французская армия также столкнулась с бесконечными конфликтами между маршалами, принцами и генералами, именно поэтому российской армии удалось избежать поражения под Витебском и соединиться в Смоленске во время очередного конфликта между королем Вестфалии, братом Наполеона Жеромом и маршалом Даву¹³.

Полный крах, по мнению Ковалевского, потерпели внешнеполитические планы Наполеона. Начиная войну с Россией, он никак не предполагал, что Османская империя заключит быстрый мир с Россией, а Швеция займет благожелательный по отношению к ней нейтралитет¹⁴. Эти обстоятельства позволили России не бояться за свои северные и южные границы и перебросить войска на запад. Таким образом, Наполеон оказался в полной дипломатической изоляции, в отличие от России.

В заключение М.Ковалевский выделял героизм русского народа, его патриотизм, выносливость и популярность Александра I в качестве главных причин победы России над Наполеоном. В войне 1812 года М. Ковалевский видел исторический урок для России начала XX в.: «мы только с гордостью смотрим на прошлое и видим в нем залог такой же стойкости в отстаивании нашего самоопределения против всяких внутренних и внешних врагов, каких может поставить нам ближайшее и отдаленное будущее»¹⁵. Хотелось бы в данной связи обратить внимание на ремарку автора о внутренних врагах, под которыми могли подразумеваться как революционная анархия, так и самодержавный консерватизм.

¹² Ковалевский М.М. Указ. соч. С. 212.

¹³ Там же. С. 220–221.

¹⁴ Там же. С. 221.

¹⁵ Там же. С. 224.

В связи с войной 1812 года определенное внимание либеральные альманахи, и прежде всего альманах «Русская мысль» уделили российской и зарубежной прозе. В «Русской мысли» в 1911 и 1912 гг. был опубликован роман Д. Мережковского «Александр I», вызвавший широкий резонанс среди российских интеллектуалов¹⁶. Кроме того, альманах опубликовал отрывки из романа немецкого писателя Г. Шумахера «Лорд Нельсон» и романа британского автора У. Сичела «Леди Гамильтон»¹⁷. По мнению автора рецензии Э. Пименова, лондонское общество неоднозначно относилось к адмиралу Нельсону: с одной стороны, оно восхищалось его военными победами, а с другой стороны, Нельсон вызывал раздражение за независимость суждений, пренебрежение к общественным условностям и талант. С полным основанием это можно отнести и к леди Гамильтон. В какой-то мере интерес к этим личностям, прославившимся в эпоху наполеоновских войн, был подогрев ажиотажем вокруг грядущего юбилея.

Особой формой реакции альманахов на праздничные мероприятия стала публикация рецензий на выходившие в России юбилейные издания. «Русская мысль» в данной связи довольно высоко оценила книгу «Отечественная война и русское общество»¹⁸. Наибольшее внимание в рецензии уделено очерку С.П. Мельгунова, посвященному графу Ф.В. Ростопчину. Автор очерка не сомневался в том, что московский пожар организовал именно Ф.В. Ростопчин, хотя признавал, что прямых доказательств для таких утверждений было недостаточно. На взгляд рецензента, большой оригинальностью отличался очерк В.Я. Уланова, где автор впервые в России провел системный анализ организации французской администрации на оккупированных территориях России.

Очень интересными были рецензии на юбилейные издания альманаха «Русское богатство», где звучало немало и критических выпадов. Редакция альманаха полагала, что к столетию войны 1812 года появилось огромное количество различных изданий, зачастую подготовленных на низком уровне. Особое внимание «Русское богатство» уделило трем юбилейным изданиям. Альманах дал положительный отзыв на иллюстрированный альбом

¹⁶ Мережковский Д. Александр I // РМ. 1911. № 5, 6, 10, 12; 1912. № 1, 3, 4.

¹⁷ РМ. 1912. № 5.

¹⁸ Юбилейное издание. Историческая Комиссия Учебного Отдела / Ред. кол. А.К. Дживелегов, С.П. Мельгунов, В.И. Пичета. Т. IV. М.: Издание Товарищества И.Д. Сытина, 1912» // РМ. 1912. № 3. С. 148–149.

«Нашествие Наполеона. Отечественная война 1812 года»¹⁹. В нем были собраны иллюстрации, подготовленные известными российскими художниками, которые были посвящены различным аспектам войны 1812 года²⁰. Следует подчеркнуть, что при высокой цене в 15–18 рублей, книга мгновенно исчезла с прилавков книжных магазинов России, что свидетельствовало о ее популярности и востребованности.

Более сложным было отношение к сборнику рассказов очевидцев событий войны 1812 года, подготовленному под редакцией Т. Толмачевой²¹. Первое издание сборника осуществляется в 1873 г., к юбилею он переиздается. Альманах в целом положительно отзывался о данном издании, выделяя его из множества подобных проектов, где были собраны свидетельства очевидцев войны 1812 года. В то же время он подчеркивал ряд слабых сторон издания. Это однообразное изложение материала, множество повторов, а самое главное – подавляющее число очерков было посвящено жизни до войны, во время войны и после войны в Москве и ее окрестностях, из поля зрения редакторов сборника практически полностью выпадала остальная Россия²². Некоторые сомнения у рецензента Н.С. Русанова вызывала достоверность ряда фактов, описанных очевидцами событий, поскольку большинство очерков было написано уже после войны, по прошествии ряда лет. Особый интерес, по мнению Н.С. Русанова, представляли очерки, в которых характеризовались отношения между французскими солдатами и местным населением, они не приукрашивались и не идеализировались.

Еще больше положительных откликов получило издание «Россия и Наполеон»²³. В этот сборник вошли российские и французские письма, мемуары, официальные документы, фольклор. По мнению альманаха, подборка документов была осуществлена очень удачно, отражая в полной мере отношение к войне различных слоев российского общества (армии, аристократии, купечества,

¹⁹ РБ. 1912. № 3. С. 3.

²⁰ Нашествие Наполеона. Отечественная война 1812 г. Альбом в картинках в красках по оригиналам известных художников. СПб., 1912.

²¹ Рассказы очевидцев о двенадцатом годе. Собрание Т. Толмачевой. Издание второе. М., 1912.

²² РБ. 1912. № 7. С. 147.

²³ Россия и Наполеон. Отечественная война в мемуарах, документах и журнальных произведениях. Иллюстрированный сборник / Сост. Н. Бродский, П. Мельгунов, К. Сивков, Н. Сидоров. М., 1912.

рядовых горожан, крестьян)²⁴. Единственным недостатком издания стало использование фрагментов художественной литературы, что представлялось рецензенту излишним и малоубедительным.

Юбилей войны 1812 года оживил общий интерес либеральных альманахов к истории Великой французской революции и истории Франции эпохи наполеоновских войны. «Русская мысль», «Русское богатство», «Вестник Европы» на своих страницах размещали статьи Н.Н. Розанова, Н.И. Кареева, И. Лучицкого, Н.С. Рusanова, И. Иванюкова²⁵.

Таким образом, юбилей войны 1812 года на страницах либеральных изданий в сравнении с официальной и консервативной периодикой освещался в меньшей степени. Ведущие либеральные альманахи предпочитали не публиковать официальные сообщения по данному поводу. Критическая риторика и жесткие комментарии в адрес официальной власти присутствуют в статьях, посвященных юбилею. Вместе с тем юбилей привлек внимание альманахов к отдельным аспектам войны 1812 года, которые предпочитали замалчивать официальные издания, и в целом к истории Великой французской революции.

²⁴ РБ. 1912. № 7. С. 148.

²⁵ См.: *Борецкий-Бергфельд Н.* Дух армии в эпоху французской революции // РМ. 1912. № 7; *Розанов Н.Н.* Ж.Ж. Руссо и демократический идеал жизни // Там же. № 10; *Кареев Н.И.* Политические выступления парижских секций во время великой революции // Там же. № 11; *Лучицкий И.* Отчуждение национальных имуществ во Франции в конце XVIII в. // РБ. 1912. № 2, 4; *Рusanов Н.С.* К двухсотлетию Руссо // Там же. № 7; *Иванюков И.* Экономическое состояние Франции накануне революции // ВЕ. 1912. № 4 и др.

РЕКОНСТРУКЦИЯ ВОЙНЫ 1812 ГОДА В ИСТОРИЧЕСКОМ НАРРАТИВЕ КАРЛА ФОН РОТТЕКА (ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА)¹

Н.В. Ростиславлева

Российский государственный гуманитарный университет,
кафедра всеобщей истории
E-mail: ranw@mail.ru

В статье рассматриваются особенности реконструкции войны 1812 года известным либеральным политиком и историком немецкого великого герцогства Баден Карлом фон Роттеком. Основой коммеморации Роттеком этого события являются принципы естественного права, которые определили некоторые деформации в освещении им войны 1812 года. Моральный фактор также отчасти повлиял на описание Роттеком этого события.

Ключевые слова: либеральный исторический нарратив, Карл фон Роттек, война 1812 года, принципы коммеморации.

REKONSTRUCTION OF THE WAR OF 1812 BY CARL VON ROTTECK (FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY)

N.V. Rostislavleva

The article describes peculiarities of the reconstruction of the war of 1812 by Carl von Rotteck a prominent liberal politician and historian from the German Grand Duchy of Baden. According to Rotteck the commemoration of this historical event shall be based on the principles of natural law. This and also partly the moral factor explain some deviation in the Rotteck's description of the war of 1812.

Key words: the liberal historical narrative, Carl von Rotteck, the war of 1812, the principles of the commemoration.

«Прошлое, как оно когда-то переживалось, а не как впоследствии использовалось, является той стороной памяти, которую мы должны стремиться восстановить»², – замечал Патрик Хаттон. Какая сторона памяти нашла воплощение в историческом нарративе

¹ Статья подготовлена при поддержке Программы стратегического развития РГГУ.

² Хаттон П. История как искусство памяти. СПб., 2003. С. 31.

ве историка и политика немецкого герцогства Баден Карла фон Роттека? Насколько, реконструируя прошлое, Роттек деформировал его? С чем связаны эти деформации?

«...Общество стремится устранять из своей памяти все, что могло бы разделять индивидов, отдалять друг от друга группы; в каждую эпоху оно перерабатывает свои воспоминания, согласовывая их с переменными факторами своего равновесия», – писал Морис Хальбвак³. Историк трактовал память – как коллективную функцию и полагал, что она функционирует исключительно под воздействием рассудка, благодаря которому и проистекают многие искажения⁴. Как импульсы разума повлияли на особенности изображения войны 1812 г. на страницах исторических произведений Роттека?

Карл фон Роттек (1775–1840) был известным либеральным политиком, который начал свою университетскую карьеру в качестве профессора кафедры всеобщей истории университета Фрайбурга (великое герцогство Баден) и продолжил ее затем как профессор правовых наук⁵. Также вместе со своим коллегой К.Т. Велькером он прославился как автор и редактор пятнадцатитомного политического словаря «Государственный лексикон», призванного популяризировать либеральные идеи. Итогом деятельности Роттека как преподавателя истории стал девяти томный труд по всеобщей истории. С 1812 по 1829 г. публикуются все тома первого издания его «Всеобщей истории»⁶. Сочинение Роттека было популярно в Германии. В год смерти автора (1840) оно вышло в свет невиданным для того времени тиражом (100 тыс. экз.)⁷. Всего «Всеобщая история» Роттека выдержала 27 изданий, была переведена на пять языков⁸. Во многих немецких домах можно было найти это сочинение⁹. Популярность «Всеобщей истории»

³ Хальбвак М. Социальные рамки памяти. М., 2007. С. 337.

⁴ Там же.

⁵ Подр. см.: Ростиславлева Н.В. Зарождение либерализма в Германии. Карл фон Роттек. М., 1999.

⁶ Rotteck C., v. Allgemeine Geschichte vom Anfang der historischen Kenntnis bis auf unsere Zeiten. Freiburg im Br., 1834. 9 Bde (далее – AG).

⁷ Restauration und Frühliberalismus / hrsg. von H. Brandt. Darmstadt, 1979. S. 24.

⁸ Treskow R., v. Erlauchter Verteidiger der Menschen Rechte! Die Korrespondenz Karl von Rotteck's. Freiburg, 1990–1991. Bd. 1. S. 78. На русский язык произведения Роттека не переводились.

⁹ Ganter E. Karl von Rotteck als Geschichtsschreiber. Freiburg im Br., 1908. S. 134.

сопоставима с бестселлером: с 1813 по 1875 г. в Германии и США было продано более 300 тыс. экземпляров. С целью популяризации исторического знания в 1831 г. Роттек подготовил и опубликовал «Всеобщую историю для всех слоев населения»¹⁰. За короткое время она выдержала пять изданий¹¹. Одна из главных идей роттековской «Всеобщей истории» – признание норм естественного права, опирающегося на рациональность мироздания. Естественное право вполне корректно рассматривать в качестве ведущего концепта коммеморации исторических событий.

Свобода и равенство – это по Роттеку принципы теории естественного права. В одном из последних его исторических сочинений свобода объявлялась главным условием исторического познания. Автор подчеркивал, что «любовь к изучению истории, талант к историографии пробуждаются и цветут у тех наций, которые делали и делают историю достойной себя, которые одновременно радуются необходимой для возвышения духа свободе», и выражал уверенность, что «все препятствующее развитию исторических исследований в Германии должно вскоре пасть...»¹².

Проникновение философских принципов в историю – наследие эпохи Просвещение. Роттек не скрывал своей приверженности этому наследию. Он писал: «Именно философия истории дает пищу уму и сердцу делает историю истинной наукой... Философия вдыхает в историю жизнь и позволяет современникам использовать ее опыт»¹³. Важным принципом философии XVIII в. наряду с теорией естественного права был для Роттека идеал гуманности. Он нашел воплощение на страницах его исторических сочинений в подробном описании достижений культуры. Необходимо заметить, что каждый том «Всеобщей истории», структурированной на основе хронологического принципа, включал два раздела – раздел исторических событий и раздел культурного развития народов.

¹⁰ *Rotteck C., v. Allgemeine Weltgeschichte für alle Stände von den frühesten Zeiten bis zum Jahre 1831. Stuttgart, 1831–1833. 4 Bde.*

¹¹ *Treskow R., v. Op. cit. Bd. 1. S. 26.*

¹² *Rotteck C., v. Betrachtungen über den Gang, Charakter und heutigen Zustand der historischen Studien in Deutschland // Rotteck H. Carl von Rotteck's gesammelte und nachgelassene Schriften. Pforzheim, 1841. Bd. 1. S. 366, 412 (далее – GNS).*

¹³ *Rotteck C., v. AG. Bd. 1. S. 27.*

Войны Роттек излагал на страницах своего сочинения концептивно. Для него характерно неприятие милитаризма в принципе. В соответствии с его философией истории здоровый человеческий разум отвергает завоевательные войны.

Познание истории с позиции морали – еще одна черта философии истории Роттека. Полагая, что историк скорее воспитатель, нежели ученый, он не использовал источники при написании своей «Всеобщей истории», а обращался к различным сочинениям, отбирая материал в соответствии с собственными представлениями о развитии общества¹⁴. Впоследствии многие историки, его сын справедливо видели недостаток «Всеобщей истории» в том, что она написана не на основе источников¹⁵ и таким образом является классическим историческим нарративом.

Реконструкция войны 1812 года отражает не только важнейшие принципы философии истории либерала, но и конкретно его отношение к России в контексте деятельности Роттека как видного либерального политика Германии эпохи решения «немецкого вопроса», когда идеи патриотизма и национализма были на пике политической жизни. Войну 1812 года Роттек называл «война с Россией»¹⁶.

Изложение войны 1812 года автор в значительной мере подчинил своим либеральным политическим приоритетам. Он рассматривал ее в контексте борьбы двух гигантов – России и Франции – за мировое господство. Так, когда Роттек анализировал причины похода Наполеона в Россию, то подчинение земель родственника российского императора герцога Ольденбургского Франции, стремление Франции увеличить герцогство Варшавское, неудовлетворенность России присоединением к континентальной блокаде имели для него фоновое значение; главное – это борьба двух великих держав (*Grossmächte*) за сферы влияния.

¹⁴ В основном Роттек использовал труды по всеобщей истории: *A general history of the world of empires etc.* / by W. Guthrie esq. J. Gray. London, 1764–1767; *Gatterer J.K. Handbuch der Universalgeschichte.* Göttingen, 1765; *Elémens de l'histoire générale par l'Abbé Millot.* Paris, 1772; *Schlözer A.L. Vorstellung der Universalgeschichte.* Göttingen, 1772; *Müller I., v. Vier-und-zwanzig Bücher allgemeiner Geschichte, besonders der europäischen Menschenheit.* Tübingen, 1817; *Schlosser F.C. Weltgeschichte in zusammenhängerer Erzählung.* Frankfurt/M., 1815–1824, Роттек также привлекал сочинения по отдельным периодам, напр.: *Bachmeister St.L. Beitrage zur Geschichte Peters des Großen.* Riga, 1774–1794.

¹⁵ GNS. Bd. 1. S. XIII; Bd. 4. S. 35–66.

¹⁶ *Rotteck C., v. AG.* Bd. 9. S. 471.

Сразу же, с первых страниц сюжета, автор подчеркивал: «... и если Наполеон продемонстрировал это тем, что вовлек в поход против России большую часть Европы, то триумф России как проявление преобладающей силы, имеет для будущего нашей части света угрожающее значение»¹⁷.

Освещая приготовления к войне, Роттек обращал внимание на численность войск и на необходимость урегулирования польского вопроса, заявив, что Наполеон торжественно провозгласил начало второй польской войны, которая должна была привести к созданию из польских земель, исключая Галицию, Генеральной конфедерации¹⁸. Касаясь численности войск Наполеона, либеральный историк указал, что 500.000 человек приблизились к границе России, причем отметил, сколько среди них поляков (60.000), пруссаков (20.000), швейцарцев (12.000), какой контингент поставил Рейнский союз (100.000), Австрия (30.000)¹⁹ и в итоге финальная цифра войска Наполеона 575.000 со 1.200 пушками против 300.000 русских²⁰. Эта цифра явно меньше утвердивших в отечественной историографии данных о численности французских войск, вторгнувшихся в Россию²¹. Все даты во «Всеобщей истории» Роттека были названы по новому стилю (по григорианскому календарю, который в России не был принят) и началом войны обозначено 25 июня 1812 г., тем самым автор не принимал российской самобытности даже в таком виде. Роттеком не было сделано никаких реверансов плану Пфуля, Барклаю де Толли, т.е. не обнаруживается и намек на какие-то теплые дружеские отношения России и германских государств, которые, например, нашли отражение на страницах исторических сочинений Ф. Шлоссера. Тот посвятил хвалебные строки плану Пфуля, настойчиво подчеркивая прусское происхождение военачальника, который был им назван «прусским генералом» и видел больше позитива в подготовке русских к этой войне²². Почему Роттек занимал столь жесткую позицию?

¹⁷ *Rotteck C., v. AG. Bd. 9. S. 472.*

¹⁸ *Ibid. S. 476.*

¹⁹ *Ibid. S. 474–475.*

²⁰ *Ibid. S. 476.*

²¹ В Советской исторической энциклопедии, соответственно, указано, что у границ России накануне вторжения Наполеона было 640.000 французов и 230.000 русских (см.: СИЭ: в 16 т. М., 1967. Т. 10. Стлб. 665–666).

²² *Шлоссер Ф.К. История восемнадцатого столетия и девятнадцатого до падения Французской империи: в 8 т. СПб., 1860. Т. 8. С. 136.*

Сюжет об императоре Александре I во многом дает ответ на вопрос. Александр I заслужил немало лестных слов на страницах исторического сочинения Роттека. «Он (Александр I. – Н. Р.) прилагал усилия как для достижения благополучия отдельного человека, так и государства в целом: сельское хозяйство, торговля, ремесла, искусство были его постоянной заботой. В Эстляндии, Лифляндии и Курляндии он отменил крепостное право, а в других частях своей империи улучшил положение несчастных рабов»²³. Однако эти успехи, полагал Роттек, обманчивы, так как азиатский дух империи сломлен не был. «Александр желал счастья и мира народам, он хотел также, чтобы они обрели свободу, но эта свобода должна исходить от трона; свобода, понимаемая как право народа, вызывала у него страх», – писал баденский либерал и отмечал, что царь не осознал до конца духа свободы.

В войне 1812 года симпатии автора явно на стороне Наполеона. На страницах «Всеобщей истории» Роттек отмечал военные подвиги и плодотворную государственную деятельность Наполеона, высоко ценил его усилия в области кодификации права, заслуги в развитии сельского хозяйства, промышленности, торговли, в строительстве дорог, каналов, гаваней, дамб, мостов. Он писал: «...половина Европы была памятником его творящего гения и величия как правителя». По мнению Роттека, Бонапарт просто не сумел вовремя остановиться, так как стремился обладать всем²⁴. Ф. Шлоссер также в чем-то восхищался Наполеоном, но в целом склонялся к этическим оценкам французского императора: зло должно быть наказано, так как «только доброе и истинное остается вечным»²⁵. Как либеральный историк, Шлоссер не мог не указать, что Наполеон проявил авторитарные методы во Франции: не созвал в 1812 году Законодательный корпус, поэтому «было основание опасаться, что новое торжество императора в войне окончательно сгубит свободу»²⁶. Спустя 20 лет Роттек на страницах политической энциклопедии «Лексикон», редактором которой он являлся, склонен был уже иначе оценивать личность Наполеона, исходя из нравственных критериев²⁷.

²³ *Rotteck C., v. Geschichte der neuesten Zeit. Pforzheim, 1841. S. 512.*

²⁴ *Ibid. S. 324.*

²⁵ *Шлоссер Ф.К. Всемирная история: в 18 т. СПб., 1872. Т. 6. С. 594.*

²⁶ Там же.

²⁷ *Staats-Lexikon oder Encyclopädie der Staatswissenschaften. Altona, 1834–1843. 15 Bde. Bd. 3. S. 123.*

Он поставил перед собой вопрос: «Почему Наполеон, "сын революции", стал тираном?» – и сам же отвечал на него другим вопросом: «А можно ли от блестящего полководца, познавшего славу военных побед, ожидать истинной добродетели... было ли целью усилий такого человека установление всеобщего господства права? Нет, к сожалению, нет», – отвечал автор. Роттек полагал, что только Джордж Вашингтон смог сочетать в себе качества полководца, государственного деятеля и законодателя правового общества²⁸. В этом пассаже Роттек совпал со Шлоссером, который также укорял Наполеона прежде всего за деспотизм.

В Смоленской битве Роттек отмечал беспримерный героизм поляков, для которых эта война, была, по его мнению, освободительной²⁹. Именно Наполеона он объявил победителем в Бородинском сражении. Историк писал: «У Бородино они (русские. – Н. Р.) наконец остановились. <...> Казалось, что честь империи требует спасения столицы, итак, они были разбиты. Русские отступили, и Наполеон вошел как победитель в старую столицу русского государства и прежнюю царскую резиденцию – Кремль». Оставшихся жителей Москвы Роттек сравнивал с варварским и фанатичным врагом³⁰.

С сочувствием перечислял баденский историк тяжелые обстоятельства отступления Наполеона из России: возвращение по разоренной смоленской дороге, необычайно рано (начало ноября) наступившие холода, назвал Березину грустной рекой, переправа через которую привела к неслыханным потерям в людской силе и имуществе³¹. Роттек писал: «Говорят, что к началу следующего года на земле осталось 300.000 человеческих трупов и 150.000 убитых лошадей»³². Гораздо менее подробно он излагал победный марш русской армии³³. Исключение – несколько более подробное описание битвы под Лейпцигом³⁴, где речь велась уже о союзниках. Но и они не вызывали большого пиетета у Роттека, он подробно перечислял все факторы, которые привели французов в этом сражении к поражению (значительное численное превосходство противников Напо-

²⁸ SL. Bd. 3. S. 743.

²⁹ *Rotteck C., v. AG. Bd. 9. S. 477.*

³⁰ *Ibid. S. 478.*

³¹ *Ibid. S. 481.*

³² *Ibid.*

³³ *Ibid. S. 478, 480–481.*

³⁴ *Ibid. S. 489.*

леона, переход на их сторону Саксонии и Вюртемберга)³⁵. Роттек называет эту битву «ужасной». Почему так?

В триумфе русских либеральный историк видел угрозу для будущего Европы, так как «направление российской политики осталось враждебным свободе. <...> Россия, – продолжал Роттек, – заклятый враг свободного развития. Как прежде мы опасались западного деспотизма, так теперь восточного»³⁶. Подобные высказывания в адрес России, державы-победительницы, диктовались величайшим страхом, который испытывали тогда маленькие государства перед великаном, активно вторгавшимся в европейские дела, а Роттек был представителем небольшого немецкого государства Баден, которое гордилось своей самой либеральной в Германском союзе конституцией. Немецкий историк писал, что «Россия внушала страх как своими гигантскими размерами, так и азиатским, автократическим правлением, поэтому любое увеличение ее интеллектуальных, военных экономических сил – это несчастье для цивилизованного мира»³⁷.

В целом, критерии свободы и равенства и отчасти нравственные элементы стали для Роттека основой коммеморации 1812 года. Историк и на страницах своих исторических сочинений был скорее политиком и популяризатором либеральных идей. Отсутствие в его историческом труде ссылок на источники в указанном выше ракурсе становится вполне объяснимым.

Возможно, большая, чем у Шлоссера симпатия к Франции была связана с французскими корнями Роттека: его мать происходила из старинного лотарингского рода, сумела привить сыну любовь к французскому языку и французской культуре. Недоброжелатели Роттека еще долго будут вспоминать его французское происхождение, подчеркнутое уважение к французской культуре, а Г. Трейчке в своей «Немецкой истории в девятнадцатом веке» даже назвал его «французским немцем»³⁸. Хотя из биографии Роттека можно узнать, что когда французы вторглись на левый берег Рейна, то Роттек как ополченец отправился защищать немецкое отечество. Поэтому представляется, что у столь рационалистически мыслящего историка как Роттек, влияние почвеннических факторов на реконструкцию события было едва ли возможным.

³⁵ *Rotteck C., v. AG. Bd. 9. S. 489.*

³⁶ *Idem. Geschichte der neuesten Zeit... S. 515.*

³⁷ *Idem. AG. Bd. 9. S. 224.*

³⁸ *Treitschke H. Deutsche Geschichte. Leipzig, 1927. Bd. 4. S. 224.*

Что касается патриотического накала в реконструкции войны 1812 года, то его в историческом нарративе Роттека обнаружить трудно. Это не является общим местом для репрезентации войны 1812 года немецкими историками. Так, Шлоссер с позиций общенемецкого патриотизма описывал события «русского похода» Наполеона: он сосредоточил внимание на подготовке к русской войне, в частности на подписании договора между Францией и Пруссией 24 февраля 1812 г., который он довольно эмоционально оценивал, восклицая: «Как правы были пруссаки, нарушив его через год»³⁹. Шлоссер подробно изложил тяжелые обязательства, наложенные на Пруссию этим договором. Тягостным последствием этого договора явилось, по его мнению, удаление от службы всех патриотов, в том числе Блюхера, Шарнгорста, Гнейзенау, Зака, Юстуса Грунера⁴⁰. В оценке этого договора Шлоссер совпал с С.М. Соловьевым. Русский историк на страницах своего сочинения цитирует письмо Фридриха Вильгельма III к Александру, где тот писал: «Если начнется война, то мы не повредим друг другу более, чем сколько потребуют строгие правила войны и не будем забывать, что мы друзья, и придет время когда будем союзниками», Соловьев добавлял, что в Петербурге не могли завидовать Наполеону, что он приобрел такого союзника»⁴¹. Шлоссер глубоко переживал национальное унижение Пруссии и других германских государств, а Россию рассматривал как союзника, пробуждавшего в немцах патриотические чувства, которые в перспективе вели к их единению. Роттек к решению национального вопроса подходил с позиции индивидуальной свободы и гражданского равенства и полагал, что единство не должно быть достигнуто путем насилия. Так, в созданном Бонапартом в 1806 г. Рейнском союзе он усматривал лишь акт насилия⁴². Карлсбадские решения 1819 г., вводившие надзор над университетами, прессой и фактически запрещавшие свободомыслие, показали, что ни Австрия, ни Пруссия не могли, по мнению либералов, возглавить движение за немецкое единство. Роттек заявлял: «Я не хочу единства под крылом прусского или австрийского дворянства»⁴³. В 1819 г. в интересах немецких патриотов он поддержал проект закона, направленный на установление общего гражданского права для немцев, и учреждение внутри

³⁹ Шлоссер Ф.К. Всемирная история... Т. 6. С. 589.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Соловьев С.М. Император Александр I. М., 1995. С. 249.

⁴² SL. Bd. 3. S. 133.

⁴³ GNS. Bd. 4. S. 399.

союза свободы торговли⁴⁴. На Гамбахском празднике (1832) Роттек высказывался за единство, которое защитит свободу передвижений немцев, торговли, слова, печати, но был против единства без свободы. Именно в Гамбахе либерал произнес свой знаменитый лозунг «лучше свобода без единства, чем единство без свободы», который стал формулой решения «немецкого вопроса» для раннего либерализма немецкого Юго-Запада.

После принятия Союзным сеймом реакционных решений в Вене (лето 1832 г.) либералы герцогства Баден предлагали объединиться государствам Германского союза, имеющим конституции. В их единении они видели противовес всевластию Пруссии и Австрии⁴⁵. Отрицательно оценивались Роттеком и его коллегой Велькером любые предпринимаемые Пруссией шаги к национальному объединению. Так, они были против вступления герцогства Баден в созданный в 1834 г. по инициативе Пруссии Таможенный союз. В 1835 г. Роттек представил собранию государственных чинов Бадена (ландтагу) доклад, где довольно убедительно доказывал, почему герцогство не должно присоединяться к этому Союзу: «...Мы против такого Таможенного союза... я и мои друзья-патриоты голосовали бы за него, если бы изменились условия этого Союза, если бы они соответствовали патриотической идее Таможенного союза, которая гарантировала бы соблюдение принципов свободы, истинного блага нации или всеобщего интереса»⁴⁶.

В июле 1832 г. по настоянию Меттерниха Союзный сейм принял постановления, запрещающие политические союзы, народные собрания, свободную прессу, и Роттек радовался слабости общегерманского союза, позволившей конституционным государствам Германии защитить свою «внутреннюю» свободу.

В 1832 г. Роттек написал отзыв на книгу доктора Вильгельма Шульца «Единство Германии через национальное представительство». Эта идея нравилась ему в принципе, но «действительное положение нашего отечества, – отмечал Роттек, – наполняет нас чувством бесконечной грусти.., и нет никакой реальной надежды, что желаемое радикальное излечение, а именно создание соответствующего национальным интересам единства и удовлетворяющего требованию права свободы, может произойти с согласия

⁴⁴ *Schib K.* Die staatsrechtlichen Grundlagen der Politik Karl V. Rottecks. Basel, 1927. S. 91.

⁴⁵ GNS. Bd. 4. S. 352.

⁴⁶ Ibid. Bd. 3. S. 323.

властей»⁴⁷. Роттек утверждал, что большинство государств Германского союза правильнее всего назвать абсолютистскими, и единое национальное представительство абсолютистских и конституционных немецких государств едва ли возможно⁴⁸.

Как неблагоприятную для политического объединения Германии оценивал он международную обстановку, и в особенности опасаясь альянса Пруссии и России⁴⁹. Единственное, что могло бы, по мнению Роттека, «уменьшить страдания» – это объединение членов Германского союза, имеющих конституции, так как такой конституционный блок способен противостоять всевластию реакционных государств⁵⁰. Поэтому, реконструируя войну 1812 года, баденский историк не усматривал позитивных начал в сотрудничестве России и Пруссии, не рассматривал это событие как важнейшую часть освободительных антинаполеоновских войн, которые стоят у истоков немецкого единства, а всецело подчинил коммеморацию войны 1812 года рациональности теории естественного права, едва допуская этические импульсы в свою стройную логическую конструкцию и вызвавшую определенные деформации в реконструкции им этого события. Необходимо заметить, что в сюжете о войне 1812 года и освободительных антинаполеоновских войнах Роттек не употреблял понятие «Германия», а вел речь о Рейнском союзе, Пруссии, Саксонии, Вюртемберге, Баварии, Австрии. Однако на важность для мировоззрения Роттека проблемы единства Германии в рамках сюжета настоящей статьи указывает использование им в контексте наполеоновской эпопеи термина «немецкая земля» (*der teutsche Boden*), который он употреблял в канонах средневекового написания⁵¹, что является свидетельством некоторой приверженности Роттека как историка романтическим канонам, трактовавшим прошлое как преддверие настоящего. Именно этот ракурс либерального историописания получил развитие в произведениях Шлоссера, который реконструировал войну 1812 года, опираясь на этику Канта и импульсы немецкого патриотизма.

⁴⁷ GNS. Bd. 2. S. 347–348.

⁴⁸ Ibid. S. 350–351.

⁴⁹ Ibid. S. 351–352.

⁵⁰ Ibid. S. 352.

⁵¹ *Rotteck C., v. AG.* Bd. 9. S. 490.

**ОТ БРАТСТВА ПО ОРУЖИЮ К ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ВРАЖДЕ:
ПОЛИТИЗАЦИЯ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ЖИЗНИ В ГЕРМАНИИ
И ОБРАЗ РОССИИ В НАЦИОНАЛЬНОМ ДВИЖЕНИИ
1813–1819 ГОДОВ**

Р. Хаазер

Гиссенский университет

E-mail: rolf.haaser@uni-giessen.de

В статье показан процесс радикализации студенческих союзов Германии после окончания наполеоновских войн. Автор тщательно восстанавливает обстоятельства проведения студенческого праздника в Варсбурге, а также преследования писателя Августа Коцебу и русского советника Александра Стурзы. Эти события в Германии отразились на внутренней политике в России начала 1820-х годов.

Ключевые слова: студенческие союзы, Германия, Россия, наполеоновские войны, университеты.

**FROM MILITARY BROTHERHOOD TO IDEOLOGICAL WAR:
POLITIZATION OF THE UNIVERSITY LIFE IN GERMANY
AND RUSSIA'S IMAGE AMONG PARTICIPANTS OF
THE NATIONAL MOVEMENT OF 1813–1819 YEARS**

R. Haaser

The article epitomizes the German students unions' radicalization after the Napoleonic wars. The author carefully restores the political implications of an 1817 students' festival – Wartburgfest, and discloses the students' anti-Russian motivation in assassinating writer August von Kotzebue as well as in prosecuting Russian state official Alexander von Stourdza. These events in Germany were highly reflected in the internal policy in Russia in the early 1820s.

Key words: student unions, Germany, Russia, Napoleonic wars, universities.

В многочисленных исследованиях по истории немецкого объединительного движения стремительная политизация студенчества рассматривается исключительно как внутринациональное явление. При этом игнорируются международные и в частности российские последствия этого процесса. В настоящей статье предпринята попытка восполнить этот пробел, поставив в отношении ключевых текстов и документов этой темы простой вопрос: имели ли они отношение к России и как оно выражалось.

Такая фокусировка исследования привела к уточнению ряда историографических утверждений.

Период между московским пожаром 1812 г. и принятием Карлсбадских решений 1819 г. был временем глубоких перемен как в жизни Европы в целом, так и вновь образованного Германского союза, в частности. В сознании многих жителей немецких земель новшества их повседневной жизни связывались с образом России. Ее присутствие ощущалось современниками через вид экзотической формы казаков, а также через газетные публикации о действиях русского двора. В те годы позиция России действительно определяла судьбу Германии. Релизовать это она могла как на конгрессах стран-победителей, так и посредством династических связей с Пруссией, Вюртембергом, Баденом и Веймар-Эйзенахом. Тесно оказалась связанной с Россией и судьба Саксонского королевства, которое после Лейпцигского сражения больше года было фактически русским генерал-губернаторством под управлением князя Н.Г. Репнина¹.

Идеологический патриотизм, формируемый в эти годы либеральными немецкими публицистами под знаменем «духа времени» и культивировавший «свободную немецкость», рано или поздно должен был войти в конфликт со сложившейся политической ситуацией. Важными вехами на этом пути стали формирование из германской молодежи добровольческих егерских полков, Вартбургский праздник 1817 г. (по своему размаху и значению вышедший за рамки студенческого мероприятия), и, наконец, убийство российского государственного советника Августа фон Коцебу йенским студентом Карлом Зандом. Во время этих событий образ России в глазах немецкой (особенно либеральной) общественности менялся стремительно быстро и радикально. Их следствием стало то, что провозглашенное во время войны с Наполеоном братство России и Германии по оружию уступило место недоверию и обидам².

¹ Николай Григорьевич Репнин-Волконский (1778–1845), русский генерал-лейтенант, губернатор русского генерал-губернаторства в Саксонии (1813–1814).

² Настоящая статья возникла из доклада «От братства по оружию к идеологической вражде: убийство русского государственного советника Августа фон Коцебу и образ России в национальном объединительном движении 1813–14 гг.», прочитанного 15 июня 2012 г. в рамках междисциплинарного симпозиума «1812 год в истории Европы: чаяния, разочарования, воспоминания» в Тюбингенском университете.

I. Воодушевление и надежды

Мобилизация добровольцев

«Годы коалиционных и освободительных войн против империи Наполеона, – пишет Лев Копелев, – были временем встреч лицом к лицу множества русских и немцев»³. Впечатления о России и русских, которые вынесло из этих встреч население немецких земель, были по большей части столь же разнообразны, как и сами встречи. Однако после московского пожара все эти индивидуальные ощущения были объединены в образ России, борющейся за независимость⁴. В стихотворениях, песнях, газетных сообщениях и народных пьесах русские казаки прославлялись как простые люди, которые в силу этого обладают культурным превосходством над французами. А император Александр был мифологизирован немецкими публицистами, создавшими из него образ ангела мира и свободы.

В этой обстановке 3 февраля 1813 г. прусский государственный советник фон Гарденберг от имени короля отдал «распоряжение относительно имеющего быть созданным егерского подразделения». В него набирались необученные пешие и конные добровольцы⁵. Среди них оказался немецкий писатель Фридрих де ла Мотт Фуке, автор популярных романтических историй о рыцарях и сказочных повествований, прославляющих Средневе-

³ Kopelew L. Zunächst war Waffenbrüderschaft // Russen und Rußland aus deutscher Sicht. 19. Jahrhundert: Von der Jahrhundertwende bis zur Reichsgründung (1800–1871) / hg. von M. Keller. München, 1992. S. 13.

⁴ Понятие «война за независимость» выбрано намеренно, чтобы избежать различных оттенков значения, содержащихся в таких не всегда ясных понятиях, как «освободительные войны» или «война за свободу». Обзор данной проблематики и подробное изложение контекста см.: Brandt P. Die Befreiungskriege von 1813 bis 1815 in der deutschen Geschichte. In: Geschichte und Emanzipation. Festschrift für Reinhard Rürup / hg. von M. Grüttner, R. Nachtmann, H.-G. Haupt. Frankfurt am Main, 1999. S. 17–57. См. также: An der Schwelle zur Moderne: Deutschland um 1800 / hg. von P. Brandt. Bonn, 1999 (URL: Bonn: FES Library, 2000 [дата обращения: 15.06.2012]). См. также: Plannert U. Der Mythos vom Befreiungskrieg. Frankreichs Kriege und der deutsche Süden: Alltag-Wahrnehmung-Deutung 1792–1841. Paderborn, 2007.

⁵ О добровольческом движении см. Brandt P. Einstellungen, Motive und Ziele von Kriegsfreiwilligen 1813–14: Das Freikorps Lützow // Kriegsbereitschaft und Friedensordnung in Deutschland 1800–1814 (Jahrbuch für historische Friedensforschung. Bd. 3 (1994) / hg. von J. Dülffer. Münster, 1995. S. 211–233.

ковье⁶. Для участия в решающем сражении против наполеоновской армии 36-летний поэт приобрел счет лошадей и обмундирование. Своему другу он писал: «Хотел бы показать тебе превосходный палаш, с которым я поступаю на службу своему королю. Вот это оружие! Даже Асмундур не смастерил бы лучшего. Длинный прямой рыцарский меч, легкий как пёрышко, и могучий как клинки гуннов; ножны голубой закалённой стали; всё изукрашено прекрасной позолотой. Лучшего нельзя и желать!»⁷. Когда рыцарствующий романтик, двигаясь навстречу потоку отступавших частей Великой армии, пробирался на главную квартиру в Бреслау, он встретил казаков. При виде их он спрыгнул с лошади и обнял соратников.

15 марта 1813 года в Бреслау состоялся смотр войск, на который подразделение Фуке (Бранденбургский кирасирский полк) прибыло вместе с русским батальоном, составленным из освобождённых военнопленных. Они выстроились и смотрели как российский император и король Пруссии объезжали строй. «Гром выстрелов, звон колоколов, трехкратное войсковое “Ура!” и радостные вздохи колыхающейся толпы, состоявшей из всех сословий, сопровождали монарха», – писал Фуке⁸. На следующий день на главной квартире состоялось застолье, во время которого прусский король представил своих офицеров, в том числе Фуке, Александру I.

Военным добровольцем был еще один немецкий поэт, любимец патриотически настроенных немецких студентов, Макс фон Шенкендорф (1783-1817). Его стихотворение «Император Александр» (1813) тоже передает дружеский настрой по отношению к России. Александр I изображен как герой-спаситель, который «в бурное время» среди «вздыхающих к небесам огненных столпов» Москвы избран Богом, чтобы «уничтожить дьявола нашего времени». То, что русский царь вынужден отправиться «в Германию», чтобы в «материнской стране» (вдовствующая императри-

⁶ Барон Генрих Карл Фридрих де ла Мотт Фуке (1777–1843) сочетал военную карьеру с обширным литературным творчеством, вершинами которого стали новелла «Ундина» (1811) и рыцарский роман «Волшебное кольцо» (1813). Излагаемые здесь события почерпнуты из его биографии, созданной писателем Арно Шмидтом. Ср.: *Schmidt A. Fouqué und einige seiner Zeitgenossen. Zürich, 1988.*

⁷ Письмо Фуке Карлу Милицу от 16 февраля 1813 г., публикация Отто Шмидта: *Schmidt O.E. Fouqué, Apel, Miltitz: Beiträge zur Geschichte der deutschen Romantik. Leipzig, 1908. S. 112–114; здесь – S. 113.*

⁸ *Schmidt A. Fouqué... S. 251.*

ца Мария Федоровна была вюртембергской принцессой) править суд, дано ему в качестве божественного поручения. Поэт призывал соотечественников принять русского императора как «святого посланца небес», принесшего немцам «древнее благо свободы»⁹.

В мае 1813 г. егерский отряд участвовал в битве при Гросс-Гершене, где французы в последний раз одержали верх над союзными войсками. Во время одной из атак лошадь под лейтенантом Фуке была убита. В толчее и клубях пыли соратники не заметили офицера, погребённого под лошадью. Позже Фуке рассказывал, что его обнаружил донской казак, который сказал: «Давай руку, храбрый пруссак» и помог ему, истекавшему кровью, выбраться с поля битвы.

Публицистическая мобилизация профессоров

После битвы при Гросс-Гершене наполеоновская пропагандистская машина развернула активную работу в Германии. Генерал Ней, который во время революционных войн 1790-х гг. был комендантом университетского города Гиссен, побудил местного профессора камералистики Августа Фридриха Вильгельма Кроме сотрудничать с французскими властями¹⁰. Получив обещание профессорского места в Гёттингене¹¹, Кроме написал вызвавшее большой резонанс сочинение «Кризис Германии и спасение в апреле и мае 1813 года»¹². Он представил битву в Гросс-Гершене как решающую войну между «северно-азиатским» и «южно-европейским» культурными мирами и призывал немцев присоединиться к южно-европейскому альянсу. Как некогда Густав Адольф победой в битве при Люцене за-

⁹ Von Schenkendorf M. Der Kaiser Alexander // Gedichte / hg. von E. Groß. Berlin, [1912]. S. 18–19.

¹⁰ О Кроме как пропагандисте, поддерживавшем французскую рейнскую армию в последние годы XVIII в. см.: Haaser R. Ehrenpromotion und Propaganda. Bürger Bernadotte und Prof. Crome in Gießen 1798 // Mitteilungen des Oberhessischen Geschichtsvereins. 2011. № 96. S. 125–146.

¹¹ В своей выпущенной спустя двадцать лет «Автобиографии» Кроме поясняет, что решение избрать именно его в качестве автора для составления миротворческого сочинения в духе Наполеона было принято во французской штаб-квартире и что предложение это изложил ему в своём письме секретарь личного кабинета Наполеона Лелорн-д'Идевилль. См.: Crome A.F.W. Selbstbiographie. Ein Beitrag zu den gelehrten und politischen Memoiren des vorigen und gegenwärtigen Jahrhunderts. Stuttgart, 1833, S. 348 [Digitalisat Bayerische Staatsbibliothek München (далее – Digitalisat BSB)].

¹² Crome A.F.W. Deutschlands Crise und Rettung im April und May 1813. Leipzig, 1813 (Digitalisat BSB).

ложил основу немецкой свободы и культуры, – писал он, – «так и император Наполеон 2-го мая сего года на тех же полях определил, должно ли произойти новое переселение народов с Севера на Юг, или нет? и должна ли господствовать в нашем отечестве в будущем русско-азиатская культура или немецко-франкская?»¹³.

В ярких красках Кроме рисовал чудовищную картину того, что бы произошло, если бы Наполеон не уберег Германию от грозящего ей господства русской культуры. Сборища добровольцев, набранные из необразованных низших классов, ввергли бы страну в хаос: «Эта побуждённая к бунту, безумствующая народная масса, – пугал соотечественников профессор, – вместе с вооружёнными войсками пруссаков и русских, шведов и британцев, казаков, калмыков, башкиров и кто там еще живет на Урале, пестро перемешанные между собой, вооружённые пушками и саблями, копьями и пиками, ружьями и пистолетами, стрелами и луками, косами и вилами, а прежде всего конгривовскими зажигательными ракетами, все как один воспламенённые яростью и гневом, фанатизмом и энтузиазмом, готовые реформировать и преобразовывать Германию. Какое ужасающее действо!»¹⁴.

Кроме использовал весь набор профессиональных знаний, чтобы доказать, что Россия никогда не сможет исполнить той роли, которую играла в отношении Германии культурно родственная ей Франция. У неё не только совершенно иные политические интересы, но и в отношении культуры, религии, нравов и обычаев она «бесконечно далека от нашего отечества». «Сверх того, империя столь чудовищно огромная, – писал Кроме, – какова российская, должна целиком и полностью занимать своего монарха, как бы ни был он деятелен и человеколюбив. И если такой колосс, который, подобно русской империи, простирается на две различные части света, пытается увеличиться еще больше, то соседние и связанные с ним союзническими узами государства должны трепетать. По крайней мере до сих пор опыт учил, что Россия не щадит ни своих соседей, ни своих сторонников там, где речь идет о её преимуществах и её расширении»¹⁵.

Подрывная сила этой брошюры заключалась, среди прочего, в том, что Кроме использовал комплекс историко-географических

¹³ *Crome A.F.W. Deutschlands Crise und Rettung im April und May 1813... S. 3–4.*

¹⁴ *Ibid. S. 5–6.*

¹⁵ *Ibid. S. 36.*

знаний, чтобы разоблачить идеализированный образ России в глазах немецкого освободительного движения.

Политическая радикализация студенчества

Ход исторических событий за несколько месяцев превратил намерения, вызвавшие к жизни памфлет Кроме, в ничто. Вместо того, чтобы дать автору профессию в Гёттингене, памфлет превратился в бумеранг, ударивший по своему создателю. После лейпцигского сражения подразделение русских казаков заняло Кассель. Опасаясь их продвижения к Гиссену, Кроме бежал. И сделал это вовремя. Когда прусский генерал Блюхер разместил штаб-квартиру в Гиссене, пропрусское меньшинство вышло из подполья, а великий герцог Гессен-Дармштадский начал формировать из них егерский полк. На его призыв откликнулись ученики гумбольдтианца Фридриха Готлиба Велькера, среди которых было много так называемых «гиссенских чёрных» – радикальных студентов во главе с харизматическим агитатором Карлом Фолленом¹⁶.

В начале 1814 г. этот полк двинулся в поход против остатков наполеоновской армии. В Брукзале гиссенские студенты прошли перед российской императрицей и получили от неё благословение. До военного столкновения с врагом, которого столь страстно желала молодежь, дело так и не дошло, поэтому весь свой воинст-

¹⁶ Карл Фоллен (наст. фам. – Фоллениус; 1796–1840) был одним из протагонистов немецкого объединительного и конституционного движения. Его нравственным убеждением был ригоризм действия, который достиг своей кульминации в убийстве студентом Зандом Коцебу. Несмотря на наличие обширной литературы, посвящённой К. Фоллену, до сих пор нет его исчерпывающей биографии, отвечающей современным научным требованиям. Это относится и к новым монографиям Франка Меринга, Норберта Гисселя и Эдмунда Спивака. По-настоящему плодотворные исследовательские подходы в плане общего пересмотра традиционного образа Фоллена можно найти у Джеральда Губмана и Клауса Риза. См.: *Ries K. Wort und Tat. Das politische Professorentum an der Universität Jena im frühen 19. Jahrhundert.* Stuttgart, 2007; *Hubmann G. Ethische Überzeugung und politisches Handeln. Jakob Friedrich Fries und die deutsche Tradition der Gesinnungsethik.* Heidelberg, 1997; *Spevack E. Charles Follen's Search for Nationality and Freedom.* Cambridge Massachusetts. London, 1997; *Gissel N. Vom Burschenturnen zur Wissenschaft der Körperkultur. Struktur und Funktion der Leibesübungen an der Universität Gießen 1816–1945.* *Studia Giessensia* 5. Giessen, 1995; *Mehring F. Karl / Charles Follen: Eine Biographie.* *Studia Giessensia* 12. Gießen, 2004. В 2007 г. появилось очень полезное издание сочинений К. Фоллена: *Between Natives and Foreigners. Selected Writings of Karl / Charles Follen (1796–1840) / ed. by F. Mehring.* New York u.a., 2007.

венный пыл они вымещали на местном населении. Их задор не угас и после возвращения в Гиссен. Поскольку в город вернулся и стал преподавать в университете франкофил Кроме, они стали собираться у его дома, устраивать нападения на него самого и членов его семьи. А во время студенческого праздника в октябре 1817 года в Вартбурге брошюры Кроме были торжественно сожжены¹⁷.

II. Предостережения и разочарования

Национальный студенческий праздник

То обстоятельство, что в ходе Вартбургского праздника на консте оказался антирусский памфлет, ставит вопрос о студенческом отношении к России.

Растущее с 1815 г. возмущение свободолобиво настроенных немцев реставрационным переустройством Германии, не в последнюю очередь было обращено против Российской империи. С каждым днем на русское правительство и русских воинов жители немецких земель смотрели с растущим недоверием¹⁸. В среде участников национального освободительного движения антирусские настроения появились давно. Их можно обнаружить в размышлениях Эрнста Морица Арндта из Франкфурта, Йозефа Гёрреса из Кобленца, Карла Хоффманна из Рёдельгейма, Вильгельма Снелля из Дилленбурга, профессоров Карла Теодора и Фридриха Готлиба Велькерова из Гиссена. В автобиографии Карл Христиан

¹⁷ Подр. об этом см.: *Haaser R. Politische Verfolgung und Autodafé auf dem Wartburgfest 1817 aus Giessener Perspektive // Das Wartburgfest und die oppositionelle Bewegung in Hessen / hg. von B. Dedner. Marburg, 1994. S. 31–77.*

¹⁸ См.: *Kopelew L. Op. cit. S. 26–27.* Постоянно чутко прислушивавшийся к изменениям в русско-немецких отношениях Август фон Коцебу еще в 1814 г. констатировал, что в Пруссии есть силы, недооценивающие значение русских войск для освобождения Германии в сравнении с вкладом Пруссии: «Ни один непредвзятый человек не станет отрицать, что Пруссия, как и вся Германия, своим освобождением обязана России; однако тяжесть этого великого благодеяния очень давит на прусскую национальную гордость <...>. Это отторжение, я бы даже сказал, ненависть, пруссаки высказывали в отношении русских при каждой возможности; они умаляли совершённые деяния, приписывая самим себе все успехи и оставляя русским разве что роль тех, кто подал к ним повод, охотно кичились большей образованностью, презрительно говорили о характере русских...». См.: *Von Kotzebue A. Meine verschiedenen Bestimmungen im bürgerlichen Leben. Erstmals veröffentlicht von W. Müller // Jahrbuch der Sammlung Kippenberg. Leipzig, 1922. Bd. 2. S. 171–213; здесь – S. 198–199.*

Сарториус писал о студенческих впечатлениях от их лекций: «Из учений того времени, из пламенных сочинений Арндта и Яна, из воодушевлённых песен Кёрнера мы поняли, что задача Германии не выполнена, что народ понапрасну боролся, что реставрация бесчисленных гербов династий Священной Римской империи – это шаг назад, насмешка над немецкой нацией. Хотя дело еще не было нам вполне ясно, мы всё же догадывались, что единство должно быть великой задачей нашего отечества, что разделение на маленькие государства ставит шлагбаумы на пути к той великой цели, ради которой мы взяли в руки оружие. Вопрос этот встал еще острее, когда Наполеон бежал из заточения; мы вновь взяли за оружие. Но вскоре мы вняли другим голосам, которые импонировали нам, потому что мы поняли, что они правы. То были голоса представителей тугендбундов. Они говорили: “Будем упражняться, будем готовиться; если армии проиграют первое крупное сражение с Наполеоном, на борьбу поднимется немецкий народ, и тогда народ установит условия мира, из которых наипервейшее должно гласить: Германия да будет едина и неделима!” В апреле мае 1815 года каждая свободная минута использовалась для стрельбы по мишеням и прочих упражнений, пока 18 июня и Ватерлоо не положили конец борьбе»¹⁹.

Новый всплеск студенческой активности был спровоцирован четвертой годовщиной Лейпцигской битвы. 17 октября 1817 г. по всей Германии был организован сбор подписей в пользу конституции. Автором идеи был юстиц-советник Фердинанд Карл Генрих Бек из Михельштадта в Оденвальде, которого поддерживали Людвиг фон Мюленфельс из Кёльна и Карл Фоллен из Гиссена²⁰. Редактор либерального журнала «Рейнский Меркурий» Йозеф Гёррес и глава немецкого тайного общества «Союз Хоффманна» Карл Хоффманн тоже приняли участие в сборе подписей. Более того, они предложили провести общенациональный студенческий праздник в Вартбурге, недалеко от Йены. Во всяком случае, так утверждал ини-

¹⁹ Aus den Lebenserinnerungen von Karl Christian Sartorius. Abschnitte über die Gießener Universitätszeit 1814–1818 und über die Lehrtätigkeit und über die Demagogen=Untersuchung in Wetzlar 1819–1824 // Beiträge zur Gießener Urburschenschaft / hg. von H. Haupt, H. Schneider. Darmstadt, [1931]. S. 14–15.

²⁰ См. также важную для биографии Карла Фоллена статью: *Franz E.G. Justizrat Becks Mission. Die «Nationaladresse» zur Verfassungsfrage und die hessische Verfassungsbewegung der Jahre 1816 bis 1820 // Das Wartburgfest und die oppositionelle Bewegung in Hessen / hg. B. von Dedner. Marburg, 1994. S. 143–160.*

циатор сожжения книг, студент Ганс Фердинанд Массманн²¹. Согласно его свидетельству, он и Карл Пфаффенбергер-Хоффманн, приемный сын Хоффманна, еще в 1816 г. пришли к такой идее²². Впрочем, у нее были исторические аналоги: впервые студенческий съезд в Германии провели студенты из Российской империи. В автобиографии ставшего впоследствии академиком в России Карла Эрнста фон Бэра²³ упоминается «Ливоно-Куроно-Эстоно-Рутенский конгресс», состоявшийся 29 марта 1816 г. в Йене. В этом многочисленном митинге принимали участие русские студенты из Берлина, Гёттингена, Гейдельберга, Вюрцбурга и Вены. Фон Бэр даже высказал предположение, что именно этот съезд подвиг йенских студентов использовать такую форму борьбы²⁴.

²¹ [Massmann H.F.] Kurze und wahrhaftige Beschreibung des großen Burschenfestes auf der Wartburg bei Eisenach am 18ten und 19ten des Siegesmonds 1817. Nebst Reden und Liedern. [1817]. S. 4.

²² Тот факт, что оба главных инициатора адресного движения, Бек и Мюленфельс, приняли участие в Вартбургском празднике, позволяет предположить, что он был тем главным местом, где должен был начаться общенациональный сбор подписей. Эта догадка объяснила бы нам, почему Карл Фоллен, одна из ключевых фигур тогдашнего студенческого движения, не был на празднике. Видимо, на него возлагалась задача провести акцию по сбору подписей в каком-то другом месте, предположительно, в Гиссене. Опирающееся на несколько туманные соображения утверждение ведущего историка студенческих движений (буршенштафт) Германа Гаупта, что Фоллен якобы вынужден был держаться подальше от праздника, поскольку сделал бы себя предметом издевательств в Гиссене в связи с его экзаменом, выглядит крайне неубедительно. Ведь экзамен этот состоялся лишь три месяца спустя, в конце января 1818 года. См. опубликованное письмо К. Фоллена: Karl Follen an Ludwig von Mühlenfels in Köln vom 28. Januar 1818 // Frank Mehring, Between Natives and Foreigners. S. 91–93. Ср. также лишь условно отвечающую научным стандартам работу Г. Гаупта: Herman Haupt, Karl Follen und die Gießener Schwarzen. Gießen, 1907. S. 37. Неосведомленность Гаупта относительно той роли, которую Фоллен играл в адресном движении, влияет и на его ошибочную интерпретацию работы Фоллена над наброском конституции, которая стоит в тесной связи с адресным движением.

²³ Von Baer K.E. Leben und Schriften des Geheimraths Karl Ernst von Baer, mitgetheilt von ihm selbst. St. Petersburg, 1866.

²⁴ См. соображения по этому поводу: Höpfner G. Drei Miscellen zur Geschichte der Burschenschaften. 1. Ein «Kongreß» von Studenten aus dem Russischen Reich im Jahr 1816 in Jena // Studentische Burschenschaften und bürgerliche Umwälzung. Zum 175. Jahrestag des Wartburgfestes / hg. von H. Asmus. Berlin, 1992. S. 138–141.

В исследовательской литературе не выявлено антирусских настроений участников Вартбургского праздника²⁵. Штефан Волле, специально занимавшийся этой темой, утверждает, что в числе таких неотъемлемых ингредиентов объединительного и освободительного движения, как «франкофобия, антисемитизм, ксенофобия, шовинистское самодовольство, сентиментальная неметчина (*Deuschtümelei*) и высокопарные нравоучительные фразы» русофобия не была представлена²⁶.

Если это так, то это явно заслуга веймарского двора, чьим гостеприимством пользовались собравшиеся в Вартбурге. К тому же согласно одному из донесений Адама Мюллера Меттерниху, в празднике принимала участие обергофмейстерша русской великой княгини и герцогини Саксен-Веймаровской Марии Павловны²⁷. Вероятно, это тоже способствовало сдержанности собравшихся. Распространившийся сразу после праздника слух, будто в Вартбурге в огонь был брошен экземпляр заключительного акта Венского конгресса, не подтвердился²⁸.

Тем не менее, одно письмо, до сих пор не учтённое в исследованиях о Вартбургском празднике, свидетельствует о том, что русская сторона, была задета эксцессами, имевшими место во время праздника. Адам Мюллер, который тогда редактировал в

²⁵ Наряду с уже процитированными работами здесь следует указать на два исследования, возникновение которых восходит ко временам ГДР и которые благодаря основательной работе с источниками получили признание западнонемецких историков студенческих движений: *Steiger G. Urburschenschaft und Wartburgfest. Aufbruch nach Deutschland / 2. v. J. Bauer u. T. Peter bearbeitete u. erweiterte Ausgabe. Jena, 1991; Schröder W. Burschenturner im Kampf um Einheit und Freiheit. Berlin, 1967* (эта публикация является одновременно габилитационной диссертацией Вилли Шрёдера на тему: «Der Anteil der Turner und Burschenschaftler am Kampf um die Lösung der nationalen Frage in den beiden ersten Jahrzehnten des 19. Jahrhunderts»).

²⁶ См.: *Wolle S. «Das Reich der Sklaverey und die teutsche Libertät...». Die Ursprünge der Rußlandfeindschaft des deutschen Liberalismus // Russen und Rußland aus deutscher Sicht. 19. Jahrhundert: Von der Jahrhundertwende bis zur Reichsgründung (1800–1871). München, 1992. S. 423.*

²⁷ *Vaxa J. Adam Müllers Lebenszeugnisse. München, 1966. Bd. 2. S. 77.*

²⁸ «Согласно первому поступившему сюда, в Лейпциг, сообщению, был сожжен акт конгресса: сообщения более поздние, но, как кажется, несколько смягчённые полицейским надзором и осторожностью заинтересованных лиц, отцов семейств и т. п., утверждают либо что акта конгресса не было среди сожжённых сочинений, либо что он был неожиданно брошен в огонь каким-то студентом из озорства...» (*Ibid. S. 78*).

Лейпциге «Немецкие государственные ведомости» («Deutschen Staatsanzeigen»), как информатор играл для австрийского правительства ту же роль, что Август фон Коцебу для русского. Он получил сведения о празднике от хорошо информированного доверенного лица и сообщил, что в огонь были брошены «русский кнут, австрийская розга, прусский корсет (каким пользуются тамошние офицеры) и гессенская косица». Затем Мюллер упоминает сожжение книг и связок макулатуры²⁹. Если эта последовательность соответствует реальному ходу событий, в пользу чего говорят и другие соображения, то сценарий выглядел следующим образом. Сначала огню был предан акт конгресса, как главный объект, против которого направлялась акция, затем сатирические символы, представлявшие страны Священного союза, причем в порядке убывания их политического значения (Россия, Австрия, Пруссия) – с добавлением Гессен-Касселя. За ними последовали печатные книги Теодора фон Шмальца, директора Берлинского университета Фридриха-Вильгельма (который в 1815 г. заявил, что распущенное в 1810 г. радикальное тайное общество «Тугендбунд» подпольно продолжает существовать и планирует революционную деятельность³⁰), Христиана Кристофа Дабелова, государственного советника в Гёттингене (который в своём сочинении объявил обязательства немецких князей ввести конституцию не имеющими юридической силы и вызвал тем самым студенческие беспорядки³¹) и Августа Коцебу, о чьем сочинении будет подробнее сказано ниже.

Сожжение трудов Шмальца на первый взгляд кажется чисто прусской проблемой. Однако и здесь обнаруживается связь с Рос-

²⁹ Многочисленные работы, содержащие эмоциональные описания Вартбургского праздника, стремятся смягчить порочность аутодафе и маргинализировать акцию. Авторы прибегают к прямо-таки абсурдному объяснению, убеждая читателей, что сжигались вовсе не книги, а связки макулатуры, которые, будучи снабжены надписями, символически репрезентировали соответствующие издания. В этом отношении позиция публициста Адама Мюллера более честная. Он утверждает, что акты конгресса, равно как и соответствующие сочинения Шмальца, Дабелова и Коцебу, были сожжены именно как книги, а в остальном речь шла о «связках печатной макулатуры в качестве символа тех сочинений, на сожжение которых не хватило времени. См.: *Vaxa J. Adam Müllers Lebenszeugnisse...* S. 78.

³⁰ См.: *Von Schmalz T. Berichtigung einer Stelle in der Bredow-Venturinischen Chronik für das Jahr 1808. Über politische Vereine, und ein Wort über Scharnhorsts und meine Verhältnisse zu ihnen.* Berlin, 1815 (Digitalisat BSB).

³¹ См.: *Von Dabelow C.C. Über den dreyzehnten Artikel der deutschen Bundesacte, die landständischen Verfassungen betreffend.* Göttingen, 1816 (Digitalisat BSB).

сией. Согласно рапорту, который австрийский посол в Берлине граф Цихи послал 11 ноября 1815 г. Меттерниху, Александр I находился под сильным впечатлением от этого сочинения и придавал серьезное значение махинациям Тугендбунда. Он рекомендовал поставить его под надзор и уничтожить этот направленный против всех правительств дух. После публикации книги Шмальц получил два ордена: один от вюртембергского короля, другой от прусского. Тогда распространился слух, будто эти награды были пожалованы ему от имени Александра. Разгневанные берлинские студенты забросали окна дома Шмальца камнями, а лейтенант гвардейского полка Ганс Рудольф фон Плеве назвал писателя предателем народа³².

Родом из Литвы, Плеве принадлежал к берлинскому гимнастическому обществу, сложившемуся вокруг «отца гимнастов» Яна. Он был в дружбе с Гансом Фердинандом Массманном, который в своём описании Вартбургского праздника назвал его русским участником. Пиетистки мыслящий лейтенант выступил на празднике с пламенной речью. Массман отозвался о ней так: «Плеве из Литвы, набожное рыцарственное героическое дитя, [сказал] благочестивые и боголюбивые слова»³³. Примечательно, что Плеве был дружен с Карлом Зандом. После казни преступника он даже попытался в газетной статье оправдать его преступление³⁴.

III. Угрозы и меры к успокоению

Политический расчет и публицистические стратегии

Среди сожжённых в Вартбурге книг была двухтомная «История германской империи» Августа фон Коцебу³⁵. В 1811 г. руко-

³² Ср.: Kraus H.-C. Theodor Anton Heinrich Schmalz (1760–1831). Jurisprudenz, Universitätspolitik und Publizistik im Spannungsfeld von Revolution und Restauration. Frankfurt /M., 1999. S. 227–228.

³³ [Massmann H.F.] Kurze und wahrhaftige Beschreibung des großen Burschenfestes auf der Wartburg bei Eisenach am 18ten und 19ten des Siegesmonds 1817. Nebst Reden und Liedern. [1817]. S. 30.

³⁴ О воинствующем пиетизме Плеве и о его биографии см.: Müsebeck E. Siegmund Peter Martin und Hans Rudolph v. Plehwe, zwei Vertreter des deutschen Einheitsgedankens von 1806–1820 // Quellen und Darstellungen zur Geschichte der Burschenschaft und der deutschen Einheitsbewegung. Heidelberg, 1911. Bd. 2. S. 151–194.

³⁵ Von Kotzebue A. Geschichte des Deutschen Reiches von dessen Ursprunge bis zu dessen Untergange. 2 Bde. Leipzig, 1814–1815 (Digitalisat BSB).

пись не получила разрешения цензуры на публикацию потому, что автор описывал правление Карла Великого неуважительно, а это противоречило интересам французской пропаганды, делавшей Наполеона наследником Карла Великого. То, что после освобождения Германии от французской оккупации, сочинение увидело свет, имело для Коцебу символическое значение. Он озвучил его в посвящении Александру I³⁶. Узнав о сожжении книги, драматург был возмущен. То, что он поставлен в один ряд с галлофильским профессором Кроне, чью брошюру он сам громил в острой сатире в 1814 г.³⁷, сильно его задело.

А последующие события убедили его в том, что он стал объектом ненависти охваченного тевтономанией студенчества. Вскоре после Вартбургского праздника на пороге дома Коцебу обнаружил сверток, в котором лежали старые гусиные перья, и текст с угрозой: «Продолжай, Коцебу, может быть, когда-нибудь сожгут и тебя самого, а не только твоё сочинение». Листок был подписан «Герой-храбрец Удар Молнии» (*Heldenmuth Blitzschlag*), а в качестве адреса отправителя и даты указано «Громовой Клин, в день нового рождения дьявола по имени Коцебу»³⁸. Подпись была снабжена припиской: «По слухам, окна Коцебу забросали камнями». В комментарии к опубликованному в «Литературном еженедельном листке» письму, писатель сообщил, что это «и в самом деле произошло несколько дней спустя, вечером после комедии, в которой явились несколько студентов из Йены»³⁹.

Студенческое нападение на дом Коцебу в Веймаре имеет много общего с берлинскими эксцессами 1815 г. в отношении профессора Шмальца. Можно даже предположить, что под псевдонимом «Герой-Храбрец Удар Молнии» скрывался Плеве. Коцебу считал, что студенческую агрессию вызвала его рецензия на опубликованное Массманном описание Вартбургского праздника. В ней Коцебу противопоставил сдержанное поведение йенских студенческих союзов («буршеншаф-

³⁶ Второй том издания «благоговейно и с чистым сердцем» Коцебу посвятил «Господину имперскому канцлеру графу Романцову, глубокому знатоку истории, великодушному благодетелю всякой науки, мужу, коим Отечество его будет гордиться и коего благодарно будет почитать еще в грядущих столетиях».

³⁷ *Von Kotzebue A. Vorläufiges Verhör des Justizrath Crome // Von Kotzebue A. Politische Flugblätter. Königsberg, 1814. Bd. 1. S. 129–144 (Digitalisat BSB).*

³⁸ Здесь явно подразумевается фигура мысли, в соответствии с которой Коцебу в момент его сожжения на земле возрождается в аду как дьявол.

³⁹ *Von Kotzebue A. Noch ein Paar Worte über die Turnangelegenheit, nebst Proben von Unvernunft // Literarisches Wochenblatt. № 4. 1818 [recte 1817]. S. 28.*

тов») грубым действиям членов гимнастического общества. Он находит в речи йенского бурша и образцового ученика профессора Людера «нечто прекрасное», и даже само массманово описание праздника ему «во многих отношениях доставило удовольствие»⁴⁰.

Политический радикализм участников праздника, Коцебу проигнорировал, сосредоточившись на обиде авторов, чьи сочинения были сожжены. Тем, кто участвовал в акции, он дал возможность отступления, спрашивая, не обстоит ли дело так, что «лишь ничтожное меньшинство среди них читали произведения», которые сжигали⁴¹. Критик напомнил студентам о своем вкладе в освобождение Германии: «Немецкие юноши, которые четыре года назад в большинстве своём были еще мальчиками, называют плохим немцем того, кто под властью Наполеона говорил немало дерзких слов; которому прусское командование между Эльбой и Одером официально засвидетельствовало, что и он внес свою лепту в пробуждение Германии; того, чьи прокламации против французов опережали полководца, которому он был тогда подчинен, и кому его монарх при пожаловании ордена открыто писал, что он заслужил эту награду тем, что упорно боролся против французских принципов»⁴².

Коцебу обращался к студентам миролюбиво⁴³. Также вели себя члены веймарского двора. Сам Иоганн Вольфганг фон Гёте

⁴⁰ *Von Kotzebue A.* Noch ein Paar Worte über die Turnangelegenheit... S. 28.

⁴¹ Тем самым доказывается, что именно Коцебу был автором примирительной формулы, которая в литературе о Вартбургском празднике повторяется, подобно мантре.

⁴² *Von Kotzebue A.* Noch ein Paar Worte über die Turnangelegenheit... S. 28.

⁴³ О том, что это обращение было услышано и что проводимая веймарским правительством политика примирения включала в себя Йенский университет, говорит сообщение Коцебу, помещённое им в пятом номере еженедельного листка: «Высказанное нами в № 4 мнение, что ни один порядочный студент не принимал участия в учинённом в Веймаре безобразии, подтвердилось, когда все академические граждане Йены через трех весьма уважаемых депутатов, посланных к господину президенту Цигезару, торжественно объявили, что испытывают отвращение к подобному эксцессу». См.: [*Von Kotzebue A.*] Zur Nachricht // Literarisches Wochenblatt. № 5. 1818 [recte 1817]. S. 38. Уже не в качестве приглашения к примирению, но в качестве брошенной перчатки это замечание Коцебу подхватил друг и соратник Карла Фоллена Людвиг Виланд, сын знаменитого писателя. В издаваемом им радикально-демократическом журнале «Патриот» (*Der Patriot*) он оценил произведения Коцебу как малозначительные для освободительной войны и даже упрекнул его в трусости. Ср.: [*Wieland L.*] Anekdoten aus dem Leben des Herrn August von Kotzebue // *Der Patriot*. № 4. 1818 (Februar). Sp. 32.

взял на себя заботу навести порядок в Йенском университете. Он поселился в Йене в доме книгоиздателя Фроманна, сын которого принимал участие в празднике, и там беседовал с лидерами студенческих союзов Робертом Вессельхёфтом и Георгом Людвигом Юлиусом Конрадом Рёдигером. Гёте демонстрировал обоим покровительство и патернализм⁴⁴.

Несмотря на миротворческие усилия веймарского правительства, участники Священного союза сомневались в достоверности поступавшей от него информации. Ни Меттерних в Вене, ни Кампц в Берлине не считали веймарскую тактику примирения правильной и договаривались о «совместном шаге в духе интервенции»⁴⁵. В декабре 1817 г. прусский канцлер князь Гарденберг и австрийский посол в Берлине граф Цихи прибыли с официальной миссией в Веймар и Йену, чтобы на месте выяснить ситуацию и принять меры к пресечению университетских беспорядков. Герцог Карл Август Саксен-Веймарский и Гёте старались настроить их благосклонно к студентам⁴⁶.

Какая информация о Вартбургском празднике достигла Санкт-Петербурга – вопрос не прояснённый. Сообщения из Германии поступали через Александра Стурдзу, специалиста по европейским и в особенности по германским делам в русском МИД'е. Похоже, он с самого начала не сомневался в революционном характере студенческой активности в Германии. Русский посол при берлинском дворе Франц Давид Алопеус также считал речь Рёдигера во время аутодафе проявлением студенческого вольнодумства⁴⁷. МИД решил использовать для выяснения ситуации генерала Ханькова, который был аккредитован как русский посол для всех саксонских государств, а значит, и для Саксен-

⁴⁴ См.: *Haupt H.* Goethe und die deutsche Burschenschaft // Quellen und Darstellungen zur Geschichte der Burschenschaft und der deutschen Einheitsbewegung. Heidelberg, 1925. Bd. 8. S. 8–9.

⁴⁵ *Malettke K.* Das Wartburgfest in den Berichten französischer und britischer Diplomaten // 175 Jahre Wartburgfest 18. Oktober 1817–18. Oktober 1992. Studien zur politischen Bedeutung und zum Zeithintergrund der Wartburgfeier / hg. von K. Malettke. Heidelberg, 1992. S. 160.

⁴⁶ Личное участие Коцебу упоминает Пауль Венцке: *Wentzke P.* Geschichte der Deutschen Burschenschaft. Bd. 1: Vor- und Frühzeit bis zu den Karlsbader Beschlüssen. Heidelberg, 1919. S. 230.

⁴⁷ *Kaupp P.* Das Wartburgfest von 1817 und seine Auswirkungen auf die demokratischen deutschen Verfassungen. Dieburg, 2003. S. 7.

Веймара. Он получил инструкцию донести до веймарского правительства обеспокоенность и недовольство русского двора⁴⁸.

За и против студенческого «гимнастического движения»

Сам Коцебу относился к тем политическим деятелям, кто был лично заинтересован замять инцидент. В Йене учился и был членом местного буршеншафта один из его сыновей⁴⁹. Зато драматург с яростью и иронией обрушился на гимнастический союз и сочинения его лидеров из школы Фридриха Людвиг Яна. Литературную борьбу против национальной любительской гимнастики (*Gesinnungsturnen*) он вел на привычной ему территории рецензирования.

Первое же издание его «Литературного еженедельного листка» посвящено этой теме. Общие размышления о гимнастическом искусстве и освободительной войне послужили рецензенту предлюдией к критике «Учебника Яновой гимнастики» Борнемана. Начиная Коцебу вполне миролюбиво: «Никто не сомневается, что немцы в последней освободительной войне завоевали пальму первенства своей храбростью и ловкостью, хотя благородное искусство гимнастики появилось позднее»⁵⁰. Но он был против того, чтобы приписывать гимнастике особые военные заслуги.

И до Яна гимнастику развивали Филантропины в Дессау и Шнепфентале, причем, именно так, как она того заслуживает – как развлекательное занятие. Учебник Борнемана представлялся Коцебу справочником для канатоходцев, особенно если сравнить его с соответствующими учебниками гимнастики Яна и его ученика Айзелена. Большого доверия, считал он, заслуживает учебник Гутсмута, чьи упражнения безопасны. Значительную часть головоломных упражнений Яна, таких, как лазание вверх ногами, он бы рекомендовать юношам не решился.

⁴⁸ См.: *Tümmler H.* Die Folgen des Wartburgfestes für den Herrn der Burg, Großherzog Carl August von Sachsen-Weimar, seinen Staat und die Universität Jena // 175 Jahre Wartburgfest. S. 180. Статья представляет собой сокращённую версию более ранней и более основательной статьи того же автора: *Tümmler H.* Wartburg, Weimar und Wien. Der Staat Carl Augusts in der Auseinandersetzung mit den Folgen des Studentenfestes von 1817 // *Historische Zeitschrift.* № 215. 1972. S. 49–106.

⁴⁹ Об этом явлении вообще, но без упоминания Коцебу см.: *Ries K.* Wort und Tat... S. 384–385.

⁵⁰ [Kotzebue A.] «Turnkunst» // *Literarisches Wochenblatt.* № 1. 1818 [recte 1817]. S. 3–4.

С точки зрения амбиций Коцебу сравнивал Яна со своим детским учителем танцев, который тоже не считал хорошо воспитанным никого из тех, кто у него не учился. Кстати, поскольку Ян отвергал танцы как аморальные, то он, по уверению рецензента, должен считать дам на балу распутницами. Коцебу критиковал плохой немецкий язык его учебника и опасался, что увлечение студентами его учением также оскудит их познания, сделает инфантильными и хвастливыми. Свою статью Коцебу закончил так: «Боже мой! вот так вы и вертитесь и скребётесь мыслью, будто делаете что-то великое. Некоторым глупцам надо позволить спокойно идти своим путем, почему бы спокойно не поглазеть, если кому-то нравится висеть верх ногами»⁵¹.

Этот легко написанный фельетон спровоцировал бурю негодования среди поклонников гимнастического искусства и имел серьезные последствия. Через две недели Коцебу получил тут же опубликованный официальный вызов на дуэль: «Так как из недавно состряпанного Вами литературного еженедельного листка за 1818 год (Страница 3. Искусство гимнастики), – писал оскорбленный студент, – я вижу, что Вы поставили себя на сторону врагов гимнастики и осмелились делать нападки на устремления юношества, которых никогда не остановит ядовитое дыхание каких бы то ни было врагов, то, поскольку Ваши и подобные им слова могут стать препятствием на пути стремительного распространения этой гимнастики среди немецкого юношества, я требую от Вас объясниться о ней подробнее <...>.

Для того, чтобы Вы могли исчерпывающим образом это сделать, благоволите избрать себе рыцарственного товарища, который одновременно и в качестве врача понимает дело так же хорошо, как Вы <...>).

Карл Густав Юнг
доктор фармацевтики.

Мой адрес – г-ну студенту Рёдигеру в Йене, проживающему у фрейлейн Краузе»⁵².

Коцебу отказался принять вызов и даже сформулировал отказ в язвительной форме⁵³. Затем он в пику обидчикам опубликовал

⁵¹ [Kotzebue A.] «Turnkunst» // Literarisches Wochenblatt. № 1. 1818 [recte 1817]. S. 4.

⁵² Literarisches Wochenblatt. № 3. 1818 [recte 1817]. S. 23.

⁵³ Ibid.

позитивный рассказ о раскритикованном воспитанниками Яна учителе кадетского корпуса в Берлине, где служил Юнг⁵⁴.

Но вскоре положение Коцебу стало очень уязвимым. Составленная им очередная депеша русскому правительству была отдана переписчиком в руки его врага, профессора Йенского университета Генриха Людена. Быстро оценивший взрывную силу рукописи, профессор подготовил её к публикации в своём журнале. Коцебу попытался воспрепятствовать этому и даже подключил к делу веймарское правительство. Ответственный за иностранные дела министр граф Эдлинг пообещал ему, что публикация не состоится.

И хотя уже набранный текст был отозван, Эдлингу не удалось сдержать обещание. К тому времени профессор Люден раздал копии рукописи редакторам других журналов и те издали манускрипт. В этой связи граф счел себя скомпрометированным и подал в отставку. Скандальным было не содержание рукописи⁵⁵, а

⁵⁴ Карл Густав Юнг, – кстати говоря, дед носившего точно такое же имя основателя аналитической психологии, – утверждает, что после участия в Вартбургском празднике он еще некоторое время оставался в Йене. Людвиг Рёдигер, у которого он там остановился, предварил сожжение книг во время праздника речью, и в связи с этим была исполнена сочинённая им песня. Оба были приверженцами яновой идеи гимнастики. После убийства Коцебу они одновременно были арестованы в доме берлинского книготорговца Раймера, у которого снимали комнаты, а бумаги их конфисковали. Судебным следователем по их делу был Э.Т.А. Гофман, больше известный как писатель и композитор.

⁵⁵ Так, например, Коцебу сообщал в Петербург, что профессор Кроме в Гиссене обратился из Савла в Павла и стал включать в свои публикации высказывания в пользу России. Это обстоятельство, конечно, не было тайной и было достаточно широко известно литературной общественности, поскольку Кроме в нескольких газетных статьях принес извинения за своё пронаполеоновское сочинение 1813 года. То, что Кроме удалось, несмотря на прежние его мрачные пророчества о растущем влиянии России на Западе, реабилитироваться в глазах русской стороны, объясняется не в последнюю очередь тем, что у него были неплохие контакты в российском правительстве. Некоторое время он был близок в Гиссене к семье Канкриных. Русский министр финансов Е.Ф. Канкрин в то время, когда еще звался Георг фон Канкрин, не только учился у него, но и был вместе с ним замешан в политическом процессе против мнимого якобинства. – Ср. главу о так называемом «деле Грайнайзена» в моей диссертации: *Haaser R. Spätaufklärung und Gegenklärung: Bedingungen und Auswirkungen der religiösen, politischen und ästhetischen Streitkultur in Gießen zwischen 1770 und 1830. Darmstadt; Marburg, 1997. S. 119–137.* (Ср.: URL: <http://www.uni-giessen.de/~g91058/publikationen/dissertation/kapitel2b.htm#k25> [дата обращения: 15.06.2012]). В своей изданной в 1833 г. автобиографии Кроме, сверх того, описывает, как в начале 1814 г. он, возвращаясь из швей-

факт того, что Коцебу составляет донесения о литературной и политической ситуации в Германии для русского правительства⁵⁶. Хотя всё это непосредственно не касалось университетов, современники и вслед за ними исследователи считают, что «предательство» Коцебу толкнуло студента Карла Занда на убийство.

IV. Негодование и эскалация

Предложения по деполитизации университетов

Во время Аахенского конгресса 1818 г. состоявший в дружбе с Коцебу Александр фон Стурдза⁵⁷ (государственный советник российского МИД по германским делам, младший брат Роксандры, жены графа Эдлинга) представил Александру I «мемуар», то есть рабочий документ, предназначенный для ведения переговоров. В подготовке материалов для него наряду с бывшим йенским профессором, а нынешним лейбмедиком императора Юстусом Христаном Лодером и русским послом в Берлине Францем Давидом Алофеусом принимал участие Коцебу⁵⁸.

Многочисленные отклики в журналах и книжных публикациях свидетельствуют о том, что резкая реакция немецкой обще-

царского изгнания, во время аудиенции у Роксандры Стурдза в Брукзале получил согласие на поддержку его реабилитации.

⁵⁶ «Дело о донесении» исследовано до мельчайших деталей. См.: *Ries K. Wort und Tat...* S. 391–405. О его последствиях для политических взаимоотношений между Саксен-Веймаром и Россией ср.: *Tümmler H. Wartburg, Weimar und Wien...*

⁵⁷ Об историческом месте брата и сестры Стурдза ср.: *Gheroas S. Réinventer la Tradition. Alexandre Stourdza et l'Europe de la Sainte-Alliance. Paris, 2008.* Впрочем, дело о «мемуаре» автор рассматривает лишь мимоходом; важнейшим в последней связи остаются публикации А.М. Мартина: *Мартин А. А.С. Стурдза и «Священный союз»: (1815–1823 годы) // ВИ. 1994. № 11. С. 145–151; Martin A.M. Romantics, Reformers, Reactionaries. Russian Conservative Thought in Politics in the Reign of Alexander I. Northern Illinois University Press, 1997; Idem. Die Suche nach dem Juste Milieu: Der Gedanke der Heiligen Allianz bei den Geschwistern Sturdza in Russland und Deutschland im Napoleonischen Zeitalter. Forschungen zur osteuropäischen Geschichte 54. Berlin, 1998, S. 81–126 (дополненная публикация этой статьи на русском языке: А.С. Стурдза // Против течения: Исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX века / отв. ред. А.Ю. Минаков. Воронеж, 2005. С. 308–343).*

⁵⁸ Ср.: *Brinkmann C. Die Entstehung von Sturdzas «État actuel de l'Allemagne» // Historische Zeitschrift. № 120. 1919. S. 100–101.*

ственности на «мемуар» Стурдзы оказалась результатом намеренного его непонимания. Никого из читателей не убедили доводы Коцебу, опубликованные в «Литературном еженедельном листке», объяснявшие предварительный, частный характер этого текста⁵⁹. А отказ Стурдзы ответить на дуэльный вызов йенских студентов сопровождался в печати оскорбительными комментариями⁶⁰.

Чтобы составить себе верное представление об этом деле, необходимо тщательно его контекстуализировать. Стурдза был визионером, предметом размышлений которого было, ни много ни мало, всемирно-историческое возрождение всего христианского мира на пути преодоления религиозных границ между тремя важнейшими христианскими исповеданиями. Поскольку ни католическая, ни протестантская церковь не сумели противостоять силам зла в образе Просвещения и революции, то они, по мнению советника, должны уступить место православной церкви. Её свежая спасительная сила приведет к новому христианству. Этот мистифицирующий взгляд Стурдзы на историю, во многом совпадающий с представлениями немецкого романтического философа Франца фон Баадера⁶¹, создал идеологическую рамку для

⁵⁹ Назначение мемуара Стурдза сформулировал в предисловии: «Однако отеческому умонастроению немецких государственных правительств, детской преданности мужей, воодушевлённых заботой об Отечестве, подобает восполнить эти данные, исправить их, опираясь на собственный опыт, изложить основательнее то, что в этой памятке только намечено, проникая при этом в те цели, что лежали в основании наброска, восполнить и усовершенствовать который может только соединение самых положительных познаний» ([*Stourdza A.*] *Denkschrift über Deutschlands jetzigen Zustand / aus dem Französischen.* Deutschland, 1819. S. 4).

⁶⁰ Ср. в качестве образца: *Neuester Aufschluß über Herrn v. Stourdza und das unter seinem Namen erschienene Werk: über Deutschlands gegenwärtigen Zustand // Neue Speyerer Zeitung* 29 (9. März 1819). Статья заканчивается оскорбительным заявлением одного из тех, кто бросил Стурдзе вызов, которым он обосновывал свой отказ от дуэли: «Покольку г-н ф. Стурдза заявляет, что он действовал лишь как подчинённый, исполняющий приказ, что он лишь по приказу ----- (sic!) думал, писал и действовал, то я – свободный немец – не имею никаких оснований требовать удовлетворения от мыслящей, пишущей и действующей машины, и сим заявляю, что более не требую этого от г-на Стурдзы». Многочисленные тире между «приказу» и «думал» указывали на вырезанное цензурой прямое упоминание русского правительства и, соответственно, царя в этом контексте.

⁶¹ Ср.: *Baader F.* *Ueber das durch die französische Revolution herbeigeführte Bedürfnis einer neuern und inigern Verbindung der Religion mit der Politik.* Nürnberg, 1815.

Священного союза⁶². На конгрессе в Аахене, в числе прочего, должны были рассматриваться результаты введения этой модели в политическую практику Европы.

Тезисы, которые Стурдза набросал для переговоров, были, в общем, логичны. Сначала он сформулировал особую роль Германии в процессе политического обновления Европы: «Внимательный взгляд на географическое положение Германии и оглядка на великие эпохи её истории, – писал он, – будут достаточны, чтобы прийти к убеждению, что эта прекрасная страна есть сердце Европы, изначальный и центральный очаг всех революций, менявших в течение десяти веков облик этого континента, точка соприкосновения и место встречи, где сходятся все отношения Севера с Югом, все взаимные влияния между Востоком и Западом цивилизованного мира»⁶³. В мистической картине мира Стурдзы Германия представлялась «слепым орудием в руках Провидения». Она сможет «видеть, как в лоне её совершается великая революция», и понять своё новое призвание⁶⁴. Именно этой максиме подчинены все предложения Стурдзы.

Для обсуждения собравшихся в Аахене политиков советник сформулировал общую тему – вопрос о революционной опасности. Он прекрасно знал, что правительства Вены и Берлина озабочены этим не меньше, чем русский двор. От этой темы можно двигаться в желаемом для российской стороны направлении. Его тактический план был одобрен графом И.А. Каподистрией, а затем и императором, который внес в документ лишь стилистическую правку. Мемуар предполагалось раздать участникам переговоров в печатном виде. Поэтому после монаршего подписания он был отдан в печать. Тираж был определен в 50 экземпляров.

Несмотря на строжайшие меры предосторожности со стороны российской делегации, парламентскому репортеру лондонской газеты «Таймс» Джеймсу Мюррею удалось раздобыть один экземпляр. И вскоре перепечатки этого документа на разных

⁶² Александр Мартин, предпринявший существенную переоценку влияния Стурдзы на европейскую и германскую политику после 1812 г. на основе тщательного изучения русских первоисточников, хранящихся в санкт-петербургских и московских фондах, показывает, что Стурдзу следует рассматривать как русского мыслителя, «который приложил наибольшее количество усилий к тому, чтобы дать Священному союзу теоретическое обоснование». См.: *Martin A.M. Die Suche nach dem Juste Milieu... S. 83.*

⁶³ [Stourdza A.] *Denkschrift über Deutschlands jetzigen Zustand... S. 5.*

⁶⁴ *Ibid.* S. 6–8.

языках появились не только в «Таймс»⁶⁵, но и в газетах Берлина и Парижа.

Реакция на критику немецкой университетской системы

Волна возмущения, которая обрушилась на Стурдзу в Германии, была порождена последней частью скандального документа, где речь шла о необходимости реформирования немецких университетов. Немецкая общественность негодовала по поводу того, что какой-то безумец из необразованных русских провинциалов позволяет себе критиковать германскую систему образования. Все и повсюду цитировали студзовское определение университета – «руины средневековья»⁶⁶. Одного этого было достаточно, чтобы проклясть Стурдзу.

Компактное и четкое изложение этой части «*Mémoire sur l'état actuel de l'Allemagne*» сделал в своём исследовании Александр М. Мартин: «Стурдза объяснял беспорядки в Германии после 1815 года тремя причинами, – пишет он. – Во-первых, в кризисе пребывает общественная и политическая структура в целом: образованные сословия жаждут государственного объединения Германии, а бедные устали от постоянно сменявшихся друг друга правителей и дорогостоящих бюрократий мелких государств <...>. Во-вторых, озабоченность вызывает то, что в Германии склонны предаваться безумному религиозному сектантскому мечтательству. Эти опасности можно было бы устранить только соответствующим воспитанием, однако здесь-то как раз и кроется третий корень кризиса: немецкие университеты – это средневековый анахронизм, их автономная структура и образ мысли несовместимы с современным миром, а их учебные планы полны просветительского яда. Корпоративная самостоятельность порождает высокомерие студентов, которые научаются никого и ничего не уважать, и это вкупе с оппортунистическим карьеризмом про-

⁶⁵ [Anonym] Editors and Newspaper Writers of the Last Generation // Fraser's Magazine For Town And Country. № 65. 1862 (february). P. 181.

⁶⁶ «В самом деле, что такое сегодня университеты? Готические руины средневековья (Gothische Trümmer des Mittelalters), несовместимые с учреждениями и потребностями века, в котором мы живем; корпорации, лишённые цели, образующие государство в государстве, они одержимы корпоративным духом и наследственным своеволием, которые служат лишь к тому, чтобы направлять юношество на ложные пути и вносить порчу в общество (Gemeingeist)» ([Stourdza A.] Denkschrift über Teutschlands jetzigen Zustand... S. 19).

фессоров ведет к систематическому извращению духовной жизни в высших учебных заведениях. Отсюда совет Стурдзы: отменить самоуправление; отдать университеты в ведение обычной полиции, удерживая таким образом в поле зрения студенческое движение; обязать студентов не посещать никаких курсов за пределами своей собственной специальности; передать государству власть назначать профессоров»⁶⁷.

Когда предназначенный для обсуждения документ был опубликован, немецкие интеллектуалы увидели противоречие между их мечтами об освобождении и желаниями внешних сил, объединившихся под руководством России. Кажется, что стали сбываться пророчества профессора Кромпе 1813 года. В ответной статье на обвинения Стурдзы лейпцигский профессор Вильгельм Трауготт Круг заявил о необходимости изоляции Германии от России. В изданном уже после убийства Коцебу сочинении «Немецкий Анти-Стурдза или немецкие буршеншафты и немецкий народ» он взывал: «Не верьте <...> ни одному иностранцу, ибо среди них нет ни одного, который был бы с вами правдив и верен вам; ни французу, ибо он слишком долго играл с Германией, чтобы уважать её такой, какой теперь её узнал; ни британцу, ибо он – купец, а ни один купец в гражданском общении не дружелюбен другому, но скорее по натуре ремесла своего всем враг; ни русским, ибо и они пробудили подозрение в сердцах простодушных немцев; и каким бы великодушным и благородным ни явил себя всему миру возвышенный Александр, он всё же не может и не станет противиться искушению увеличить счастье своих подданных и дарованных ему Провидением земель за счет чужаков; и Германия даст ему такую возможность, если вы, немцы, не объединитесь»⁶⁸.

Примечательно, что автор этих строк несколько лет отправился воевать с Наполеоном под руководством князя Репнина. Его подразделение, полк саксонских добровольцев, находился в составе гвардии Александра I, был одет в русскую униформу и оплачивался из русской казны.

Реакцию на записку Стурдзы участников Вартбургского праздника передает оправдательное письмо Роберта Вессельхёфта. Даже пять лет спустя он едва мог сдерживать негодование: «Действи-

⁶⁷ *Martin A.M.* Die Suche nach dem Juste Milieu... S. 112. В этом кратко пересказанном им разделе Мартин усматривает средоточие всей записки.

⁶⁸ *Krug W.T.* Der teutsche Anti-Sturdza oder die teutschen Burschenschaften und das teutsche Volk. Arnstadt, 1819. S. 35–36.

тельно, было предметом всеобщего смеха, что какой-то валах подвергает немецкие образовательные учреждения своей монгольской оценке и дает советы по её улучшению. Впрочем, более серьезно настроенные люди находили это не смешным, а опасным; среди более молодых были и такие умы, которые считали оскорблением для всей нации, что какой-то турецкий подданный порицает образовательные учреждения Германии, благодаря которым в течение столетий свет истины и науки распространяется на все народы Европы и за её пределы; что он находит необходимым их исправление»⁶⁹.

Избранный в ноябре 1818 г. предводителем йенского буршеншафта Генрих фон Гагерн обратился в сенат Йенского университета с официальной жалобой на Стурдзу, которого «как представителя русского абсолютизма и автора злостной клеветы на состояние немецких университетов постигла сильнейшая ненависть йенских буршей»⁷⁰. Обвинение было подписано 128 членами студенческого союза.

Еще более фатальные последствия, чем эта сенатская жалоба, имел для Стурдзы уже упомянутый вызов на дуэль. Исследователи единодушны в том, что одним из бросивших вызов был граф фон Бохольц. В отношении личности другого дуэлянта мнения разделились: либо граф Хеннинг, либо граф Келлер. И Гагерн, и упомянутые дуэлянты дворянского происхождения были близки к кругу радикальных «гиссенских черных», объединившихся вокруг Карла Фоллена.

В докладе Меттерниху от 8 марта 1819 г. Адам Мюллер сообщил детали этого вызова и рассказал об усилиях веймарского правительства замять дело: «Граф Стурдза по состоянию здоровья был вынужден три недели назад покинуть Веймар и отправиться в Дрезден и Пирну, чтобы воспользоваться услугами тамошних врачей (в том числе глазных), – сообщил осведомитель. – После того, как он в течение трех месяцев с беспримерным терпением и смирением переносил всю брань в свой адрес в газетах и летучих

⁶⁹ *Wesselhöft R. Geschichte der Jenaischen Burschenschaft // 175 Jahre Wartburgfest. S. 345–146.*

⁷⁰ Так резюмирует Пауль Венцке протоколы председательствующей коллегии йенского буршеншафта. Ср.: *Wentzke P. Zur Geschichte Heinrich von Gagerns. Seine Burschenschaftszeit und seine deutsche Politik // Quellen und Darstellungen zur Geschichte der Burschenschaft und der deutschen Einheitsbewegung. Heidelberg, 1910. Bd. 1. S. 168.*

листочках, не получая в Германии поддержки ни от одного из русских агентов (имеются в виду дипломаты. – Р. Х.), он надеялся, что может рассчитывать на известный покой, как вдруг примерно 8 дней спустя после его отъезда из Веймара к его деверю, графу Эдлингу, пришел вызов от двух йенских буршей. Великий герцог, узнав об этом, был потрясен, поскольку император во время своего последнего пребывания в Веймаре собственноручно вручил ему аахенскую записку и рекомендовал её к одобрению, и попытался убедить графа Эдлинга не передавать письмо Стурдзе, а предоставить ему улаживание расстроенного предприятия. Граф Эдлинг, напротив, испросил дозволения действовать по своему убеждению и предоставить графу Стурдзе самому решать, что он намерен предпринять против этого касающегося его лично оскорбления. Граф Стурдза обратился к великому герцогу с письмом, в котором просил через посредство академического сената всемилостивейше сообщить обоим студентам, «что он, при совершенном незнакомстве с обоими господами, должен предполагать, что они действуют от имени корпорации, считающей себя обиженной обнародованной аахенской запиской. На это ему нечего ответить кроме того, что упомянутая записка является служебным документом, по поводу которого им следовало бы пожаловаться на него монарху, по приказу которого он был составлен». Список этого письма вкупе с общим докладом обо всех порождённых запиской бранных выпадах против него лично граф Стурдза представил императору, и как веймарский двор, так и академический сенат и прежние противники записки немало озабочены таким поворотом этого необычного дела»⁷¹.

В докладе Меттерниху Мюллер заметил, что «мемуар» Стурдзы произвел эффект, прямо противоположный задуманному. С момента его обнародования публичное присутствие буршеншафтов стало куда более заметным. Во многих университетах вы-

⁷¹ Adam Müller an Metternich, 8. März 1819 // Adam Müllers Lebenszeugnisse / hg. von J. Baха. München, 1966. Bd. 2. S. 200. В письме Адама Мюллера Генцу от 3 апреля 1819 г. он еще больше углубляется в детали: «Вызов ему передан его деверю Эдлингу; престарелая мать спешит с письмом к великому герцогу, который хочет арестовать молодых людей; Эдлинг справедливо протестует против этого, посылает письмо с эстафетой в Дрезден: только теперь у него (Александра Стурдзы. – Р. Х.) лопаются терпение, он пишет в весьма неловких выражениях и говорит втрое больше, чем нужно, а затем, наконец, посылает общий доклад с соответствующими, чтобы дело приобрело совсем уж безумный вид, в Петербург» (Ibid. S. 204).

сказано *pereat* в адрес Стурдзы и *vivat* в адрес его противников. Так было и в Лейпциге, когда Стурдза проезжал через него по пути в Дрезден, а студенты по этому случаю приветствовали профессора Круга. После бала в Лейпциге в день именин короля Саксонии между курляндскими и саксонскими студентами произошли драки и стычки. Двадцать четыре юных саксонских дворянина бросили вызов курляндцам, которые в ответ демонстративно покинули город и отправились в Йену, где были запланированы парные дуэли.

V. От слов к делам: убийство Коцебу, бегство Стурдзы и начало «гонений на демагогов»

Примерно в то же время сын Коцебу решил выйти из йенского бурсшenschaftа. Это решение было связано с инцидентом, произошедшим на рыночной площади. Йенские бурши завладели его плащом, одели в него соломенное пугало и высекли розгами⁷². Эта «шутка», вероятно, стала последней каплей терпения: Август Коцебу решил вместе с семьей покинуть Веймар и переехать в Маннгейм. Эта мера предосторожности, впрочем, оказалась недостаточной, так как 23 марта 1819 г. именно в своем доме в Маннгейме Коцебу был заколот Карлом Людвигом Зандом.

Многие исследователи считают, что в данном случае речь идет о преступлении фанатика-одиночки, не имевшего соучастников. Участие Карла Фоллена в организации преступления в ходе расследования доказать не удалось, да и среди профессионалов-историков оно считается мало вероятным. При этом, однако, не обращают внимания на то, что избранный для преступления день имеет исторические коннотации: это была годовщина убийства Павла I. Как только весть об убийстве Коцебу ворвалась в Веймар, в тамошних придворных кругах тотчас увязали эти два события, а также заподозрили, что Стурдза будет убит в Дрездене. Может быть, надо всё же поставить вопрос о заговоре.

С декабря 1818 г. переехавший из Гиссена в Йену Карл Фоллен побуждал своё окружение действовать. Тогда он замышлял убить прусского короля или русского царя. Оба в это время находились на Аахенском конгрессе. На обратном пути они планировали остановиться в Веймаре. После жарких споров от плана убить прусского короля заговорщики отказались. А вот импера-

⁷² Keil R. Geschichte des Jenaischen Studentenlebens. Leipzig, 1858. S. 447.

тора Александра Фоллен считал вполне достойным студенческой мести, поскольку на конгрессе он действовал не в интересах Германии. В кругу Фоллена Александр I считался самым автократическим из всех европейских правителей, а потому им казалось логичным направить революционный удар на него. План заключался в том, чтобы узнать, когда царь посетит Веймарский театр и устроить там потасовку. У единственного входа из здания заговорщикам было бы легко убить Александра I.

С помощью поддельных бумаг они хотели свалить ответственность за преступление на великого князя Константина Павловича. Это бы обострило существовавшую при петербургском дворе борьбу враждующих партий и, возможно, породило политический переворот в России и ее распад⁷³.

До всего этого дело не дошло: Александр I уехал из Веймара ранее планируемого срока. Заговорщикам пришлось довольствоваться символическим актом: когда в декабре 1818 г. вдовствующая императрица Мария Фёдоровна посетила Йену, сторонники Фоллена обрушили возведённую в её честь триумфальную арку. Среди участников акции был и будущий убийца Коцебу, Карл Людвиг Занд.

Звездный час Занда, момент его присоединения к борьбе за освобождение Германии и немецкого народа, настал, когда он, будучи тюрингенским студентом, узнал о битве при Бель-Альянсе. 9 мая 1815 г. он записался в егерский полк баварского Рецатского округа. Так же, как до него гиссенские студенты, он со своим подразделением так и не померился силами с врагом. Хотя полк и добрался до поля сражения при Ватерлоо, само сражение к этому моменту уже закончилось. Занду не досталось в войне ничего, кроме малочетной гарнизонной службы в Оксере.

Занд и Фоллен имели сходный социальный опыт и после Вартбургского праздника быстро сблизились. Оба были несостоявшимися воинами-освободителями, сильно переоценивавшими свой вклад в дело освобождения. Оба настраивали себя на готовность убивать и быть убитыми, что, однако, не защитило их от суррогатных поступков. Потеряв легального противника в лице Франции, они воспользовались первой же возможностью создать себе образ другого врага в лице России.

⁷³ Ries K. Wort und Tat... S. 430.

Для Занда она персонализировалась фигурой русского государственного советника Августа фон Коцебу. Публицист злил Занда своей фривольной, насмешливой манерой письма, где, казалось, отсутствовала священная серьезность, раздражал нападениями на буршеншафты и, наконец, породил ненависть якобы совершённой им государственной изменой. Обвинение в том, что Коцебу предал нацию, став шпионом России, всё время звучало в публичных откликах на убийство.

Послания, которые Коцебу посылал русскому правительству, были обычным и, в сущности, вполне безобидным делом. В то время было много интеллектуалов, журналистов и писателей, которые, будучи за границей, сообщали своим правительствам наблюдения и получали за это гонорар (например, уже упомянутый Адам Мюллер, или позже – Генрих Лаубе и Теодор Фонтане). Коцебу был русским подданным, состоял на русской службе и проживал в Германии по поручению своего правительства. К тому же Россия и Германия не были в состоянии войны, а были связаны узами Священного союза. Коцебу не выдавал государственных тайн, не пользовался нечистоплотными методами для получения сведений, а только докладывал своему правительству то, что наблюдал сам⁷⁴. Его можно было бы обвинить лишь в том, что провокационными статьями он побуждал немцев высказывать (и тем самым выявлял) оппозиционные России мнения.

Озлобленные на Коцебу бурши считали иначе. В их глазах он был предателем Отечества и народа, русским шпионом. Это была формула, которой было достаточно, чтобы обрести право на убийство. Здесь следует вспомнить о романтическом писателе Фуке для того, чтобы подчеркнуть, насколько сильно изменилось отношение к России в национальном движении за эти несколько лет. В сочинении «Убийство Августа фон Коцебу. Возглас друга к юношеству Германии», опубликованном еще в год покушения, писатель пытался успокоить студентов. Он убеждал соотечественников в том, что главного врага следует искать не в иноземной нации, а «в собственной груди»⁷⁵. Впрочем, встать на сторону России даже в поэтической форме бывший друг казаков уже не

⁷⁴ К такой оценке пришел Фридрих Бюлау. См.: *Bülow F. Geschichte Deutschlands von 1806–1830. Hamburg, 1842, S. 443.*

⁷⁵ *De la Motte Fouqué F. Der Mord August's von Kotzebue. Freundes Ruf an Deutschlands Jugend. Berlin, 1819.*

мог. А его читатели заявили, что Фуке переоценивает своё влияние на молодежь.

Когда в Маннгейме был убит Коцебу, близкие к Стурдзе люди поняли, в какой опасности он находится. Его мать, сестра Роксандра и граф Эдлинг тут же отправились в Дрезден, чтобы убедить его вернуться в Россию⁷⁶. Как выяснил Александр Мартин, ситуация действительно была острой: «Город, читали в Министерстве иностранных дел, кишел студентами со "старонемецким" видом, то есть с длинными волосами и обнажённой грудью. Они шныряли повсюду с толстыми дубинами, а то и с чем-нибудь похуже, и "dans des endroits écartés' écartés" (в различных местах. – Р. Х.) рассказывали свои "conciliabules" (бредни. – Р. Х.). Некоторые из этих темных личностей явно искали Стурдзу, но тот, очевидно, заперся в своём доме и никого не принимал. Когда ему стала ясна опасность, которой он подвергается, он принял решение немедленно уехать. Он должен был выехать апрельским днем в субботу в три часа пополудни, однако из-за толпы, окружившей его дом, оказался вынужден прождать до семи вечера и лишь затем окольными путями под чужим именем покинуть город»⁷⁷.

8 апреля 1819 г. венский министр полиции Седльницки сообщил пражскому оберстбургграфу Коловрату, что прячась от йенских студентов, Стурдза под чужим именем едет в Прагу. В этой связи Коловрат поставил его под тайный надзор. Министр одобрил предосторожность подчинённого и даже приказал, чтобы «всякий, кто мог бы быть заподозрен в каком-либо покушении на безопасность Стурдзы», подвергался строжайшей проверке, и чтобы Стурдзе, если он покинет Прагу, во время его проезда через австрийские земли обеспечили тайную охрану⁷⁸. Повышенное внимание австрийского правительства к персоне Стурдзы подтверждает и обнаруженное Александром Мартином письмо Меттерниха от 30 апреля 1819 года. Австрийский канцлер предложил русскому со-

⁷⁶ См. в письме Каролины фон Эгольфштейн своей матери Генриетте фон Эгольфштейн от 31 марта 1819 г.: «Семья Эдлинг едет в Дрезден, чтобы побудить брата покинуть Германию; говорят, в некий день (23 марта, день смерти императора Павла) Стурдза должен был умереть так же, как Коцебу в Маннгейме...» (Alt-Weimars Abend. Briefe und Aufzeichnungen aus dem Nachlasse der Gräfinnen Egloffstein / hg. von H. von Egloffstein. München, 1923. S. 144).

⁷⁷ Martin A.M. Die Suche nach dem Juste Milieu... S. 114.

⁷⁸ О пражских событиях см.: Von Wolmar W.W. Prag und das Reich. 600 Jahre Kampf deutscher Studenten. Dresden, 1943. S. 234–254.

ветнику убежище в Австрии⁷⁹. Правда, к тому времени Стурдза уже достиг польских границ и не нуждался в защите канцлера.

Кажется, немецкие студенты преследовали его на протяжении всего пути. В пасхальные каникулы добрая их дюжина собралась в Праге. Независимо от нации они были одеты в старонемецкие костюмы, выдавая себя за буршей. Меттерниховская полиция внимательно следила за ними и отмечала, кто из местных студентов общается с приехавшими школярами. Среди прибывших в Прагу студентов были свидетели и участники дрезденских беспорядков, взявшие чужие имена. Открытого нападения на Стурдзу не произошло. Возможно, это был результат тщательной полицейской охраны и сопровождения.

После благополучного возвращения русского советника в его Отечество охранные меры сменились следствием: началось определение доли участия Пражского студенчества в политических событиях. Полицейские фиксировали все сколько-нибудь заметные действия, в том числе и не направленные против безопасности государства. Так, например, в Вену докладывали, что студенты поют песни, содержащиеся в привезённом ими из Галле песеннике, и что «поступок убийцы Коцебу усердно защищают». В конце апреля полиция выявила студенческий союз с подозрительным уставом. В ночь с 24 на 25 апреля в ходе облавы все его участники были взяты под арест. К следствию были привлечены более сотни студентов.

Полицейские мероприятия в Праге – наверное, самое очевидное свидетельство того, что еще до принятия Карлсбадских решений, а именно сразу после убийства Коцебу, австрийский рейхсканцлер начал политику преследования демагогов. Обстоятельства пребывания Стурдзы в Праге дало Меттерниху обоснование для гонений на студентов, а потом и к университетским ограничениям автономии.

Сходным образом политические власти вели себя в Берлине. Сразу после убийства Коцебу от прусских студентов в Йене потребовали, чтобы они покинули город⁸⁰. В июне 1819 г. начались поиски студентов, причастных к убийству, дабы выяснить размах революционного заговора. В начале следующего месяца был арестован ряд берлинских знакомых Карла Фоллена, в том числе, ораторствовавший во время сожжения книг на Вартбургском

⁷⁹ *Martin A.M. Die Suche nach dem Juste Milieu... S. 114-115.*

⁸⁰ *Schröder W. Burschenturner im Kampf um Einheit und Freiheit... S. 287.*

празднике Людвиг Рёдигер и защитник гимнастического движения Карл Густав Юнг, приславший Коцебу вызов.

В прусском университете в Бонне в ходе ночной акции полиция конфисковала конспекты профессоров Эрнста Морца Арндта и Фридриха Готлиба Велькера, которых считали лидерами демагогического движения. Вскоре после этого был нанесен решительный удар национально-патриотическому гимнастическому движению – одна из ведущих фигур, «отец гимнастов» Людвиг Ян был арестован в Берлине, а большинство гимнастических площадок в Пруссии закрыты.

На конференции, проходившей в Карлсбаде с 6 по 31 августа 1819 г., министры десяти стран-членов Германского союза объявили о солидарности противоуниверситетскому политическому курсу, объявленному Австрией и Пруссией. Принятые по инициативе Меттерниха «карлсбадские решения» в сентябре были одобрены франкфуртским бундестагом.

Таким образом, то положение дел, которое Стурдза предлагал обсудить на Аахенском конгрессе в качестве гипотетической опасности для участников Священного союза – оппозиционность и вольнодумство университетской молодежи – стало опасностью реальной. Включившиеся в национально-освободительное движение немецкие студенческие союзы продемонстрировали готовность к международному политическому терроризму. Их солидарность, наличие организационной структуры, лидеров и идеологических произведений всерьез напугали государственных деятелей и побудили говорить об университетах как участниках всемирного заговора против правительств. В контексте мистической политики и революционных страхов Священного союза такие подозрения привели к активному наступлению немецких государств на автономию своих университетов. Очевидно, все эти события вкупе с растущими русофобскими настроениями в Германии спровоцировали политическую ревизию недавно учреждённых университетов внутри России и разработку политики их «русификации», в те времена понимаемой как соединение с традицией православного воспитания и обеспечение университетских штатов русскими подданными.

Перевод с немецкого П.В. Резвых

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ЮБИЛЕИ В РОССИИ В XX-XXI ВЕКАХ

Т.А. Булыгина

Северо-Кавказский федеральный университет,
кафедра истории России
E-mail: bul.tamara2011@yandex.ru

Т.Н. Кожемяко

Северо-Кавказский федеральный университет,
кафедра истории России
E-mail: kozhemyako83@mail.ru

В статье автор обращается к проблеме моделирования исторической памяти властью и значению юбилейных дат в этом процессе. В России они стали средством формирования коллективной памяти. Сравнение отношения центральных и местных властей к 100 и 200-летнему юбилеям Отечественной войны 1812 года позволило увидеть мотивацию властей в организации празднования и отношение общественности к памятным датам.

Ключевые слова: Отечественная война 1812 года, историческая память, юбилейный феномен, символика мест памяти, российская идентичность.

HISTORICAL MEMORY AND ANNIVERSARIES IN RUSSIA IN THE XX-XXI CENTURIES

T.A. Bulygina

T.N. Kozhemyako

The author studies the problem of formation the historical memory of the government and importance of anniversaries in this process. In modern Russia they are a means of formation of collective memory. Comparison with the central and local authorities to the 100 and the 200-year anniversary of the War of 1812 allowed us to see the motivation of the authorities in the organization of celebrations and public attitudes to memorials.

Keywords: War of 1812, the historical memory, anniversary phenomenon symbols memory locations, Russian identity.

Историческая память общества моделируется по различным шаблонам, выработанным властью и оппозицией на протяжении многих десятилетий национальной истории. Однако эти лекала не могут оставаться неизменными, т.к. современность, независимо

от желания идеологов и лидеров, вносит свои коррективы. В результате схожие намерения правителей и их оппонентов могут привести к разным результатам, о чем свидетельствует сравнение двух юбилеев – 100-летия и 200-летия Отечественной войны 1812 года.

Юбилеи, несмотря на древнее происхождение самого слова, получили новый смысл «юбилейный год» при переходе к новому времени. В новейшее время это понятие стало распространяться не только на религиозную жизнь, но и на гражданские события. Изначально юбилей был средством формирования массового сознания, а при переходе от нового к новейшему времени он становится инструментом формирования национальной идентичности, основой которой является общая историческая память.

В России власть обратилась к юбилеям, как средству формирования эффективной для упрочения ее господства исторической (коллективной) памяти в эпоху, когда основы самодержавия и православия пошатнулись, когда общество раскалывалось по разным линиям – от идеологии и политики до культуры и бытования. В 1911 г. царское правительство широко провело 50-летний юбилей Великих реформ, в 1913–300-летие дома Романовых, в 1912–100-летний юбилей Отечественной войны 1812 года. Очевидно, что события для юбилеев избирались не случайно. Целенаправленно создавался образ народа-победителя и царской власти-благодетельницы, основанной на народном признании.

Во второй половине XX века в СССР юбилейный феномен стал частью идеологической реальности СССР в 70-е годы. Надо заметить, что в юбилейном движении руководство страны использовало опыт начала XX века. Правда, общественная активность шла не столько от самого общества, сколько конструировалась властью. Юбилеи стали не только каналом пропаганды государственно-партийной политики, но в значительной мере подменили общественно-политическую жизнь страны. Это было время нарастания кризиса советской системы, когда, как и в начале XX в., в обществе зрело разочарование и наметился раскол. Погружаясь в юбилейные воспоминания, лидеры уходили от раздумий о сегодняшнем дне, рассчитывая на восстановление поблекших мифов советской и российской истории и с их помощью на восстановление прежних жестких конструкций советской идентичности.

В 1961–1964 гг. официально было отмечено четыре даты: 90-летие со дня рождения В.И. Ленина, 60-летие II съезда РСДРП, пятиде-

сятилетие газеты «Правда» и столетие I Интернационала. Празднование проводилось скромно, ограничившись юбилейными постановлениями и торжественным собранием. В 1967–1985 гг. было организовано 20 юбилеев (по юбилею на год!), которые сопровождались сотнями общесоюзных и местных мероприятий. Не единожды отмечали юбилеи революций, партии, пионерской и комсомольской организаций, освоение целины и первого пятилетнего плана, дни рождения Маркса и Энгельса. Ажиотаж по поводу 100-летия со дня рождения В.И. Ленина перешёл пределы разумного. Чествование Ленина не только не помогло осмыслить масштаб и подлинную суть этой исторической фигуры. Советские юбилеи сопровождались раздачей наград в виде грамот, знаков и медалей. Однако этот юбилейный океан плескался параллельно развивающемуся кризису и только усугублял скепсис людей в отношении политического режима. Вместе с тем эта юбилейная шумиха была контекстом более глубокого изучения истории юбилейного события, хотя и в определенных идеологических рамках.

В конце 1980-х гг. признаком новых ожиданий власти в отношении исторической памяти стал разрешенный юбилей тысячелетия крещения Руси. Официоз молчал, но широкая общественность, научный мир и РПЦ активно участвовали в праздновании, что стало проявлением надежд на духовное обновление страны.

После ликвидации Советского Союза Россия приобрела вид транзитной системы, что не могло не сопровождаться серьезными противоречиями как в обществе, так и между обществом и властью. Один из самых пышных юбилеев в России конца XX столетия стало 200-летие со дня рождения А.С. Пушкина. Казалось бы, «наше все» должен был стать катализатором выработки новой идентичности, но власть смогла усвоить только прежний позднесоветский опыт убийства живой души наших предков посредством юбилеев. Юбилей А.С. Пушкина по форме и масштабам приобрел карикатурный образ.

Сегодня в России опять кризис и опять власть обращается к коллективной памяти о прошлом как средстве укрепления национального единства. Правители возвращаются к патриотизму как орудию любви народа к власти имущим, а для укрепления этого чувства и идеи без юбилеев не обойтись. Наиболее значимыми юбилеями российского XXI в. стали юбилейные даты Великой Отечественной войны и ее сражений. Они в прямолинейной форме пытаются лепить прежнюю модель исторической памяти.

Однако с каждым годом это делать становится все сложнее, хотя пока живы дети и внуки современников этой действительно великой войны, эта модель будет поддерживаться. Вместе с тем, такой памяти уже не достаточно для формирования российской идентичности и живого гражданского чувства патриотизма.

Одним из последних попыток современной российской власти использовать историческую память для сплочения общества на базе новой российской идентичности стал 200-летний юбилей 1812 года. Этому событию вначале предполагалось придать общегосударственное значение. Еще 28 декабря 2007 г. Президентом РФ В.В. Путиным был подписан Указ о праздновании в 2012 г. 200-летия победы России в Отечественной войне 1812 года. Был создан организационный комитет по подготовке и проведению этого празднования. Президент поручил правительству разработать план мероприятий по подготовке и проведению празднования 200-летия победы России в Отечественной войне 1812 года. Местным органам власти рекомендовалось принять в этом участие. 13 января 2009 г. в этот Указ были внесены изменения и дополнения нового Президента Д.А. Медведева, было разработано положение о Государственной комиссии по организации и проведению 200-летнего юбилея Отечественной войны 1812 года, утвержден ее состав.

Однако через три года политическая ситуация в стране изменилась, и широкого празднования не случилось. В сравнении с 1912 г. государственные органы ограничились рекомендациями. Ни специального торжества на правительственном и президентском уровне, ни официальных выступлений не случилось. Не было и обещанного финансирования юбилейных мероприятий со стороны руководителей субъектов РФ. Исключением было небольшое выступление вновь Президента РФ В.В. Путина на церемонии вручения грамот «Город воинской славы» Малоярославцу и Можайску, 2 сентября 2012 г., приуроченной к 200-летию Бородинского сражения (не Отечественной войне 1812 года!).

Представители власти сочли нужным оставить юбилей на совести общественности. Отлично понимая, что событие слишком далеко отстоит от нашего времени, а поэтому едва ли сможет стать эмоциональным «зажигателем» патриотизма в условиях мирного времени, власть использовала юбилей для формирования образа преемственности народности, героизма и патриотизма советских солдат Великой Отечественной войны 1941–1945 го-

дов. Об этом свидетельствует речь В.В. Путина, которая начинается словами: «В истории нашей Родины было немало трагедий и войн, но лишь две из них названы Отечественными. Именно так навеки они запечатлены в нашей национальной исторической памяти»¹. По мнению О. Проскурина, этот параллелизм между двумя войнами определяется тем, что Великая Отечественная война – это событие, «коллективное переживание/празднование которого должно объединять народы бывшего Советского Союза общей (разумеется, героической и исключительно позитивной) памятью»². Обе Отечественные войны показали преемственность патриотизма, героизма и народности великого народа, решившего в обоих случаях «судьбы России, Европы и всего мира»³.

Российская общественность отмечала эту дату по мере своих сил и возможностей. Общество потомков участников Отечественной войны 1812 года совместно с представителями других общественных организаций, с работниками аппарата Правительства РФ, Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в области охраны культурного наследия, Российского государственного военного историко-культурного центра при Правительстве Российской Федерации (Росвоенцентра) и другие создали 2 июля 2009 г. Общественный юбилейный Совет по подготовке к празднованию 200-летия Отечественной войны 1812 года.

Согласно информации на сайте этого Совета по стране и в СНГ прошло более 300 мероприятий. Музеи, библиотеки и архивы (далеко не везде) провели выставки экспонатов, документов и книг. Совместно с учителями и педагогами высшей школы в ряде регионов были проведены уроки в память войны 1812 года. В ряде школ учащиеся писали сочинения на юбилейную тему или участвовали в организованных школьными педагогами викторинах. Активность проявили многие общественные организации.

Наиболее широко отмечался юбилей в столице и Московской области. План мероприятий был создан под эгидой правительства Москвы. Возглавил эти мероприятия глава департамента культуры столицы Сергей Капков. На проведение праздничных мероприятий было выделено 711 млн рублей. В новом учебном году в столичных школах провели уроки, посвященные 200-летию Отечественной войны 1812 года «От героев былых времен...». Ме-

¹ URL: <http://www.kremlin.ru/news/16346> (дата обращения: 20.09.2012).

² НЛО. 2012. № 118, (6).

³ URL: <http://www.kremlin.ru/news/16346> (дата обращения: 20.09.2012).

тодические рекомендации по проведению этих уроков были опубликованы в тематическом сборнике журнала «Вестник московского образования» № 6 и разосланы в общеобразовательные учреждения Москвы. На Поклонной горе 12 августа было дано историческое представление, в котором казачий конный отряд из 23 человек вышел из Москвы в Париж. В тот же день в Государственном Историческом музее был открыт Музей Отечественной войны 1812 года⁴.

Разного уровня мероприятия прошли и в других регионах. В Тульской области в селе Крапивна Щёкинского района 18 августа был организован военно-исторический фестиваль «Сбор ополчения в Крапивне», посвящённый 200-летию Отечественной войны 1812 года. Здесь, проведен молебен в память об участниках Отечественной войны, прошло шествие к Никольскому храму, состоялась военно-историческая реконструкция «Захват французских фуражиров». Уральский режиссер А. Голубкин снял фильм о подвиге курганских солдат в Отечественной войне 1812 года, посвятив его юбилею. Практически все краеведческие музеи готовили выставки и новые экспозиции, посвященные юбилею.

Научное сообщество также отметило юбилей по традиции конференциями и «круглыми столами», публикациями в профессиональных журналах. Этот сюжет представляет отдельный интерес, как в историографическом, так и в общекультурном плане. Мы же остановимся на некоторых наиболее острых моментах в юбилейном процессе и их воздействии на массовое сознание.

В рамках этого празднования особое внимание уделялось созданию мест памяти не только на уровне городов и областей, но и на уровне районов и сел. Визуализация юбилея, по мнению его организаторов, психологически закрепляет память о героизме предков и создает пространство для постоянного обращения к идее патриотизма и мужества как основе воспитания нового поколения – через организацию торжественных мероприятий, связанных вообще с историей места, через заботу об этих памятниках.

В Москве после реставрации 4 сентября 2012 г. состоялось торжественное открытие Триумфальной арки на Кутузовском проспекте при участии Премьер-министра Д.А. Медведева. Через три дня в Петербурге на Семеновском плацу был открыт памятник генералу П.И. Багратиону. В Новосибирске был сооружен

⁴ URL: <http://ajno.ru/> АЙНОНовости 17 августа 2012 (дата обращения: 10.09.2012).

бюст фельдмаршалу князю М.И. Кутузову. Таким образом, актуализировались имена героев Отечественной войны 1812 года.

На примере Северного Кавказа подобные места памяти призваны были формировать образ единого российского пространства, в которое вписываются локальные сообщества региона. Так, в Ставрополе открылся памятник генералу А.П. Ермолову, который был не только героическим участником Отечественной войны, но и покорителем, и правителем Кавказа. В Дагестане торжества прошли в Кизляре – родине П.И. Багратиона. Памятник славному российскому генералу был дополнен мемориалом памяти воинов Отечественной войны 1812 года.

Особо стоит заметить, что популярным в эти юбилейные месяцы стало формирование мест памяти, исторически связывающими местных жителей с историческими событиями. В упомянутом выше селе Крапивна Тульской области был освещен памятный знак «Крапивенцам – воинам 1812 года». В селе Арефино Рыбинского района Ярославской области 8 сентября 2012 г. был открыт памятник местным жителям – участникам похода русской армии 1813–1814 годов. На нем написано: «200-летию победы русского народа в Отечественной войне 1812 года. Здесь, в селе Арефино, осенью 1812 - весной 1813 года из крестьян Арефинской волости был сформирован 1-й конно-казачий полк Московского ополчения, созданный на средства генерал-майора, графа Матвея Александровича Дмитриева-Мамонова. Полк участвовал в заграничном походе 1813-1814 годов на территории Германии и Франции». В деревне Куркино (Новая Москва) состоялось открытие памятного знака местным крестьянам, участникам Бородинской битвы. В Томске в честь победы России в Отечественной войне 1812 года был поставлен памятник Томскому пехотному полку, участвовавшему в войне. В Тамбове на улице Набережной состоялось открытие триумфального спуска с барельефами и памятного знака, посвященного тамбовским героям Отечественной войны 1812 года, а в Твери на Волоколамском проспекте поставлен памятник «Героям Отечественной войны 1812 года» в память раненых участников Бородинской битвы, умерших от ран в тверских госпиталях и похороненных на Смоленском кладбище города. В Чеховском районе Московской области в селе Новый Быт состоялось открытие гранитного монумента в память о местных крестьянах из 34 окрестных сёл и деревень –

участниках Отечественной войны 1812 года. Так инициаторы юбилея утверждали связь локуса с национальной историей.

При утверждении новых образов войны 1812 года в массовом сознании использована персонификация героизма местных жителей. Так, в Ржеве был возведен бюст герою Отечественной войны 1812 года партизану А.Н. Сеславиному, в Рыбинске открыта мемориальная доска на алтарной части Георгиевского храма, где похоронен герой Отечественной войны 1812 года местный градоначальник И.М. Деев. В городе Гулькевичи Краснодарского края был установлен бюст героя Отечественной войны 1812 года генерала Н.Н. Раевского, который впоследствии служил на Юге. В Омске состоялось торжественное открытие мемориальной доски в память о герое Отечественной войны 1812 года генерале Михаиле Булатове, а в поселке Ивня Белгородской области – бюста героя Отечественной войны 1812 года генерала от кавалерии барона И.М. Дуки. В Удмуртии, на родине Надежды Дуровой в Сарапуле повесили мемориальную доску на доме, где жила героиня. В поселке Тучково Московской области были поставлены три бюста генералам А.А., П.А. и Н.А. Тучковым, а в Лыткарино был открыт усадебный парк и памятник светлейшему князю, герою Отечественной войны 1812 года А.И. Чернышеву.

Символика мест памяти связана не только с возведением новых памятников и памятных знаков, но и с другими знаками Отечественной войны 1812 года. В частности, в Саратове прошел крестный ход от Храма в честь иконы Божией Матери «Утоли моя печали» к месту, где располагался ныне уничтоженный храм, воздвигнутый в память саратовских ополченцев, где ныне расположен стадион «Динамо». Так уничтоженное место памяти возрождается в памяти горожан. Известны и другие формы создания мест памяти, например, захоронение останков русских воинов, погибших в 1812 г., как это произошло недалеко от села Лубино Смоленской области. В местном захоронении теперь лежат воины, павшие в сражении при Валутиной Горе.

Начатый еще в начале XX века процесс коммерциализации российских регионов продолжился и в период празднования 200-летней годовщины Отечественной войны 1812 года. Банк России 1 ноября 2012 г. выпустил в обращение тиражом 50 экземпляров трехкилограммовую памятную золотую монету номиналом 25000 рублей из исторической серии «200-летие победы России в Отечественной войне 1812 года», а затем – памятные серебряные монеты но-

миналом 3 рубля «Трубач на коне» тиражом 5 тысяч штук и монеты номиналом 25 рублей «Спасо-Бородинский монастырь, Московская область», «Воины у костра» и «Партизаны и пленные французы у костра» тиражом по 2 тысячи штук.

Места памяти войны 1812 года имеют в этот юбилей две отличительные черты – дискурс «возрождение разрушенного» и православный дискурс как православную память. Не случайно Малоярославец Калужской области стал не только местом государственной, но и церковной памяти. Не только Президент отметил этот город как герой, но и Патриарх Московский и всея Руси Кирилл освятил часовню в честь Архангела Михаила, возведенную к 200-летию победы в Отечественной войне 1812 года на месте, где во время сражения с войсками Наполеона находилась ставка главнокомандующего русскими войсками М.И. Кутузова. Тем самым закрепились общая идеологическая линия Российское государство – РПЦ.

Таких примеров не счесть. В Каменске-Уральском Свердловской области памятник в честь 200-летия победы в Отечественной войне 1812 года был поставлен на территории храма Покрова Божьей матери. Бюст П.И. Багратиона в селе Симы Юрьев-Польского района Владимирской области был открыт на месте его первоначального захоронения на территории сельской церкви Димитрия Солунского, а на самом храме установлена мемориальная доска. В ограде православного Свято-Георгиевского собора Кизляра состоялось освящение креста, сооруженного в память генерала князя П.И. Багратиона.

Восстановление памяти – главная цель мемориального проекта независимо от имен разрушителей. Например, в поселке Красный Смоленской области состоялось торжественное открытие воссозданного монумента героям Отечественной войны 1812 года, уничтоженного советскими властями в 1930-х гг., в селе Тарасовская Московской области состоялось освящение восстановленной часовни, построенной к 100-летнему юбилею Отечественной войны 1812 года и разрушенной в те же годы, а в Москве митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий освятил закладной камень в основание воссоздаваемой церкви Усекновения главы Иоанна Предтечи у Новодевичьего монастыря, разрушенной два столетия назад французами.

Подобная мемориальная практика коснулась не только православия, но и других конфессий России. В частности, в калмыц-

ком поселке Ергенинский торжественно открылось буддистское архитектурное культовое сооружение – ступа Победы. Эта религиозная Святыня посвящена 200-летию победы над наполеоновской армией. Знаменательно, что ее возвели на месте разрушенного буддистского мемориала – субургана Джамбо-Тайши Тундутова, командира 1-ого калмыцкого полка, участвовавшего в войне 1812 года.

Подобные мероприятия проводились и в странах ближнего зарубежья. Эти мемориальные мероприятия символизировали в основном настроение тех граждан, которые не смирились с распадом СССР, и через общее прошлое пытаются конструировать общее будущее с Россией. Именно в Тирасполе на территории строящегося Свято-Введенско-Пахомиева женского монастыря установлена памятная плита в честь 200-летия Отечественной войны 1812 года. На ней будут высечены наименования воинских частей русской армии, принимавших участие в войне с Наполеоном и позднее дислоцировавшихся в Тирасполе и Бендерах в конце XIX – начале XX веков. В Киево-Печерской Лавре состоялся праздник, посвященный 200-летию Отечественной войны 1812 года. В рамках праздника прошли поминальный молебен, открытие выставки «Украина в Отечественной войне 1812 года». В Луганске 1 сентября 2012 г. в сквере Памяти состоялась театрализованная патриотическая акция «Мы помним день Бородин», в Николаеве 7 сентября 2012 г. в центре «Русский мир» прошли Кутузовские чтения и праздничный концерт, приуроченные к 200-летию Бородинского сражения. Национальный банк Республики Беларусь выпустил в обращение памятные монеты «Вайна 1812 года. 200 гадоў» номиналом 1 рубль и 10 рублей тиражом 3000 шт. и 2000 шт. соответственно. Здесь также формировались новые места памяти Отечественной войны 1812 года как общей с Россией истории. К примеру, в Кировограде был открыт бюст генерала Н.Н. Раевского.

Однако юбилей показал явный раскол общества славянских государств по отношению к своему восточному брату и соседу. Это наглядно продемонстрировали юбилейные торжества в республике Беларусь. На круглом столе, посвященном 200-летию 1812 г., по словам информационно-аналитической службы «Русская народная линия», «не может не бросаться в глаза отчётливый привкус «польскости» в оценках ряда белорусских авторов, нередко сопровождающихся русофобскими высказываниями».

Смысл дискуссии «Отечественная или русско-французская» война. Часть участников считают, что война 1812 года была и остаётся для Белоруссии органической частью отечественной истории, а часть – что сегодня белорусы не являются частью Русского мира, а это убеждение автоматически делает белорусов полуполяками. Таким образом, юбилей стал для Белоруссии символом современной политической борьбы⁵.

Говоря о современных российских интеллектуалах-государственниках, судя по содержанию «толстой» литературно-общественной периодики, ориентирующейся на реакцию власти, их интерес к юбилейному событию не особенно высок. Исключение составляют журнал «Звезда» и «Новое литературное обозрение». Главные темы, поднятые в статье В. Лапина⁶, касались роли юбилеев в формировании образов Отечественной войны 1812 года в массовом сознании. Набор символических понятий «Бородино», «Кутузов», «Багратион», «пожар Москвы», «Малоярославец», «Бережина» назван автором «военно-патриотическим» блоком исторической памяти, объединяющим нацию, «паролями отечественной воинской славы». В. Лапин справедливо отмечает, что конструкция исторической памяти, основанной на событиях войны 1812 года создавалась не «снизу», а усилиями правительства. В качестве доказательства он подробно анализирует события юбилейного 1912 года.

Надо заметить, что многие публикации 2012 г. сосредоточились на проблемах мифологизации истории и социальном заказе на миф в разных временных рамках. Вот почему 100-летний юбилей Отечественной войны 1812 года стал объектом научной рефлексии. Об этом свидетельствует и подбор статей в «Новом литературном обозрении» под рубрикой «Отечественная война 1812 года: 200 лет событию и мифу»⁷. Рубрика включила 8 обширных материалов, посвященных не столько событиям войны, сколько вопросам формирования ее образа и в 1812 г., и на протяжении всего XIX в., и в ходе 100-летнего юбилея в начале XX столетия.

Коммеморация как процесс восприятия прошлого через актуализацию его событий, персонажей и образов в контексте сегодняшней социокультурной и политической ситуации наиболее проявилась в региональном пласте 200-летнего юбилей Отечест-

⁵ URL: <http://blr.rs.gov.ru/node/1227> (дата обращения: 10.09.2012).

⁶ Лапин В. Великий юбилей «Великой годовины» // Звезда. 2012. № 7.

⁷ НЛО. 2012. № 118 (6).

венной войны 1812 года. Мы остановимся на праздновании этой годовщины на Юге современной России и, в частности, на Северном Кавказе. Этот регион является объектом озабоченности Центра и российского общества из-за остроты социально-экономических, этно-конфессиональных и культурных противоречий в местном сообществе. В числе актуальных проблем региона – восстановление «дружбы народов», а точнее – возможности мирного сосуществования народов разных культур и даже цивилизаций в едином родном для всех пространстве. С другой стороны больным является «русский вопрос» на Северном Кавказе, актуализирующий «казачий вопрос» и роль православия в регионе. Наконец, именно в этом регионе остро стоит задача формирования российской идентичности, способной объединить этнокультурное многообразие в единую нацию.

Из этого следует, что 200-летний юбилей был воспринят и центральной властью, и местной общественностью как возможность обратиться к исторической памяти для решения культурных задач Северного Кавказа. Следует отметить, что местная власть к юбилею осталась абсолютно равнодушной, что свидетельствует об узко прагматической оценке северокавказских проблем как со стороны округа, так и большинства краевых и республиканских руководителей Северного Кавказа. Более того, отношение к юбилею войны 1812 года продемонстрировало еще раз слабое исполнение местным руководством решений центральной власти. С другой стороны, такая позиция местной власти определяется и слабой консолидацией ее с местным обществом.

Среди республиканских мероприятий по празднованию в Чечне и Кабарде никаких юбилейных мероприятий не проводилось. Руководство Калмыкии, Дагестана и КЧР проявили заинтересованность в проведении юбилея как средства консолидации народов Северного Кавказа в рамках российской идентичности. В Калмыкии к гражданам республики обратился Глава Республики Калмыкия А. Орлов «восстановить историческую справедливость и воздать должное памяти наших славных предков – героев Отечественной войны 1812 года»⁸. Его распоряжение «Об увековечении памяти героев Отечественной войны 1812 года» вышло 5 ию-

⁸ URL: <http://glava.region08.ru/ru/blog/3391-200-letie-pobedy-1812.html> (дата обращения: 10.09.2012).

ля 2012 года⁹. В большинстве республик главы регионов поручили подготовить юбилейные мероприятия республиканским министерствам культуры. Так, подобный план был сформирован в Ингушетии и Дагестане. В праздничных мероприятиях в Кизляре участвовали Председатель Правительства Республики Дагестан Магомед Абдулаев, представители муниципальных образований республики.

Серия мероприятий – конференции, уроки мужества, школьные викторины, выставки прошли в Адыгее и Карачаево-Черкесии. Например, на историческом факультете КЧГУ прошла викторина, посвященная Отечественной войне 1812 года, которую организовали преподаватели и доценты М.Н. Кубанова, А.С. Байрамкулов, Л.А. Аджиева. В Северной Осетии в минитипографии Национальной научной библиотеки Владикавказа вышел библиографический справочник «Отечественная война 1812 года и Кавказ», автором составителем которого стала сотрудница отдела искусств библиотеки Ф. Басиева, а предисловие написал доктор исторических наук, заслуженный деятель науки РФ, профессор Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова Л.А. Чибиров. В издание включены исследования о пребывании героев Отечественной войны 1812 года на Кавказе и в Осетии, материалы участия воинов-осетин в Отечественной войне и работы, посвященные национальной героике 1812 г. в творчестве деятелей русской культуры, побывавших в Осетии. Содержатся в справочнике сведения о потомках осетин – участников войны 1812 года¹⁰.

Что касается славянских областей Северного Кавказа и Дона, то наиболее инициативными здесь оказались ученые-гуманитарии и казаки. На Ставрополье именно научная общественность местных вузов музея и Комитета по делам архивов края организовали научные конференции. В том числе и общероссийские, и уникальную выставку, посвященные юбилею «Герои Отечественной войны 1812 года – герои Кавказа». На такой выставке присутствовала от местного правительства только министр культуры. В других мероприятиях руководство замечено не было. В Краснодарском крае и Ростовской области особую активность проявили казачьи сообщества, для которых этот юбилей представляет собой

⁹ URL: <http://glava.region08.ru/ru/blog/3391-200-letie-pobedy-1812.html> (дата обращения: 10.09.2012).

¹⁰ URL: <http://tlt.poetree.ru> (дата обращения: 10.09.2012).

консолидирующий фактор перед лицом северокавказских угроз. Кубанское казачье войско весной 2012 г. организовало викторину об участии в войне 1812 года казачества, а донские казаки разработали многостраничный план юбилейных мероприятий.

История Отечественной войны 1812 года стала для казаков и средством воспитания казачьей смены, отстаивающей честь русского народа. Такой мотив звучит, к примеру, в сочинении ученицы Белокалитвинского имени Матвея Платова казачьего кадетского корпуса Алёны Караиван под руководством учителя Л.Т. Шапенковой:

«Наследники славы дедов своих,
В нас искра казачества есть.
И мы в испытаньях и бедах любых
Проявим и доблесть, и честь».

ОТ ПОЛИТИКИ ЗАБВЕНИЯ К ПОЛИТИКЕ ПАМЯТИ

УДК 94(438).07

«ПОЛЬСКАЯ» БЕРЕЗИНА: «ЖИВАЯ» ПАМЯТЬ

А.А. Постникова

Уральский государственный педагогический университет,
кафедра всеобщей истории
E-mail: alina33_07_87@mail.ru

Данная статья посвящена изучению памяти поляков о последнем сражении войны 1812 г. при Березине. Это событие для польских солдат стало символом разочарования в идее независимой Польши. Со временем под воздействием французской литературы Березина для поляков становится проявлением героизма солдат Великой армии.

Ключевые слова: сражение при Березине, историческая память поляков, русская кампания 1812 г., идея свободы, Европейский союз.

«POLISH» BEREZINA: «LIVE» MEMORY

A.A. Postnikova

The author has addressed to the formation of historical memory of Poles about the battle on Berezina on November, 28th 1812. The Polish soldiers had taken part in the Russian campaign of 1812 in the structure of the Great army of Napoleon. The image of Berezina in the memory of Poles remaining a symbol of fidelity of their compatriots to the idea of freedom, was especially staticized during the moments of the growth of movement for independence. The Polish representation of this event, based mainly on the French literature, is formed after the next rise of struggle for independence in 30 – 40th of XIX century. Sense of an image of this battle for them consists in a victory of Poles. At the present stage Poland, which has entered the European Union, addressing to an image created still in the XIX century, revives events on Berezina as an example of the active participation in the European policy.

Key words: battle on Berezina, historical memory of Poles, Russian campaign of 1812, idea of freedom, European Union.

Память поляков о событиях войны 1812 года была тесно связана с надеждами на восстановление независимости их страны. Как и 200 лет назад, сегодня поляки уверены в том, что с падени-

ем Наполеона рухнули надежды Польши на обретение свободы¹. Образ Березины в памяти поляков на протяжении долгих лет, оставаясь символом преданности их соотечественников идее свободы, особенно актуализировался в моменты активизации борьбы за независимость.

В своей борьбе за свободу польские патриоты вновь и вновь, в ожидании помощи от Франции, обращались к историческим сюжетам, связанным с преданным служением поляков Наполеону. Наибольшую значимость война 1812 года как пример франко-польского сотрудничества приобрела после подавления польского восстания 1831 года. Символом всех жаждущих польской свободы становится поэма А. Мицкевича «Пан Тадеуш», написанная в 1834 г. в Париже. Автор образно показал ту ненависть к России, которая тревожила души поляков перед войной 1812 года, и которая стала причиной их перехода на сторону Наполеона.

Воспоминания поляков о великом французском императоре, намеревавшемся даровать им свободу, предопределили восхваление французского оружия в польских трудах. В период 30–40-х гг. XIX в. события на Березине возрождаются на страницах книг как пример мужества солдат Великой армии². Первым среди поляков подробно описал действия армии Наполеона на Березине Р. Солтык, в 1812 г. капитан из «разведывательного бюро» генерала М. Сокольницкого. Воспользовавшись французскими источниками, он воспроизвел те концепции, которые уже сформировались во Франции. Так, по мнению Солтыка, Великая армия атаковала русские позиции первой³. Он, подобно французским авторам, считал, что сражение на правом берегу закончилось атакой генерала Думерка. На этой основе он и сделал вывод о победе французов: «Блестящая атака кавалерии Думерка привела Великую армию к победе»⁴. Совершенно очевидно, что в этот период польский образ Березины формировался почти исключительно на основе французского «образа», что не позволило глубоко и убедительно проанализировать характер участия поляков в войне 1812 года.

¹ См.: Historia Śląska // URL: <http://www.polskiedzieje.pl> (дата обращения: 10.11.2012).

² См.: *Chlapowski D.* Lettre du général Chlapowski sur les évènements militaires en Pologne. P., 1831; *Ostrowski A.* Żywot Tomasza Ostrowskiego, ministra Rzeczypospolitej. Paryz, 1840. T. 2.

³ См.: *Soltyk R.* Napolén en 1812. P., 1836. P. 306.

⁴ Ibid. P. 308.

Через несколько лет ситуация изменилась: под воздействием европейских революций середины XIX в., пробудивших национальные чувства у многих народов, поляки начали создавать «независимую» историю Польши. Стремление выделить роль именно поляков в войне 1812 года вызвало необходимость в публикации мемуаров участников Наполеоновских войн⁵. В этих воспоминаниях польские солдаты давали неоднозначные оценки событиям на Березине. Генерал Д. Хлаповский выразил мнение, что именно поляки обеспечили переправу Великой армии через Березину и выиграли сражение на правом берегу реки: «Сражение на Березине, выигранное только поляками, было последним в русской кампании»⁶. Ж. Залу́йский, в 1812 г. капитан 1-го полка гвардейских улан, отметил роль в сражении как поляков, так и французов: «28 ноября состоялась знаменитая битва на правом берегу Березины. Кирасиры Думерка и поляки отличились в этом сражении»⁷.

Публикация мемуаров вызвала всплеск интереса к событиям на Березине в польском обществе. Художник Я. Суходольский, долгие годы интересовавшийся Наполеоновскими войнами, в 1866 г. завершил написание картины «Переправа Великой армии через Березину». Но до сих пор символом Березины для поляков остается картина другого художника – В. Коссака. Заинтересовавшись последними днями пребывания Великой армии в России, Коссак посетил место сражения на Березине. Сделав зарисовки, уже через год он представил публике широкомасштабное полотно под кратким и столь много говорящим названием «Березина». Безысходность ситуации, в которой оказалась Великая армия – вот что было запечатлено на этой картине. Для усиления картины отчаяния, в котором пребывал Наполеон, художник, пренебрегая историческими фактами, перенес сцену сожжения знамен на переправу. «Группа угрюмых солдат окружает разведенный на снегу костер. По правой стороне расположилась императорская свита, за которой сплошной стеной стоят кавалеристы. Перед костром на барабане сидит Наполеон в любимом мундире и шубе, подаренной ему императором Александром I после Тильзитского мира. Понурым взором смотрит Наполеон на

⁵ См.: *Zaluski J. Wspomnienia o pulku lekkokonnym polskim Gwardyi Napoleona. Kraków, 1865; Krasiński J.I. Pamiętniki. Poznań, 1871; Chlapowski D. Op. cit.; Kolaczkowski K. Wspomnienia. Kraków, 1898.*

⁶ *Chlapowski D. Op. cit. P. 296.*

⁷ *Zaluski J. Op. cit. P. 275.*

свидетелей его славных победоносных походов, на знамена, пожираемые огнем. Сжигая эти знамена, Наполеон как бы сжигает свое славное прошлое»⁸, – так описывает эту сцену современный белорусский автор Г.Ю. Мазинг.

До начала XX в. польская самоотверженность, проявленная в русской кампании 1812 г., оставалась фактически незамеченной другими нациями. Ситуация изменилась перед Первой мировой войной, когда во внешнеполитической стратегии Франции Польша вновь стала играть одну из ключевых ролей. Французское общество, заинтересовавшись участием поляков в сражении на Березине, признало их смелость, проявленную совместно с французскими солдатами и объявило о франко-польской победе в этом сражении⁹. Среди же самих поляков существовал настоящий культ Наполеона, в котором видели истинного защитника и освободителя.

Именно в этот период вышло из-под пера польских авторов большинство художественных романов и исторических исследований, посвященных русской кампании 1812 г. и участию в ней поляков¹⁰.

Среди польских историков начала XX в. наиболее подробно проанализировал ход сражения на Березине Я.В. Шельминский. Используя польские мемуары, он создал героическую историю участия своих соотечественников в событиях на Березине, пытаясь одновременно оправдать некоторые их действия¹¹. Так, по мнению историка, Домбровский был вынужден сдать Борисов, потому что враг был слишком многочисленен. Вместе с тем, Шельминский попытался показать, что русское командование одолевало настоящий страх перед Великой армией. В качестве доказательства этого он привел неожиданный для историографии того времени факт того, что русское командование было осведомлено о подготовке французами переправы в Студянке. Вступление в сражение со стороны русской армии, по утверждению историка, было вынужденным. Чаплиц, начав атаку, изначально понимал, что он обречен на поражение¹². Вполне понятно, что

⁸ Мазинг Г.Ю. Березина, год 1812. Минск, 1991. С. 99.

⁹ См.: *Bulletin Polonais littéraire, scientifique et artistique*. 1910–1918.

¹⁰ См.: *Sokolnicki M. General Michał Sokolnicki*. Warszawa, 1912; *Jeziński E. Napoleon zdobywca świata*. Warszawa, 1913; *Handelsman M. Francja – Polska 1807–1813*. Warszawa, 1914.

¹¹ См.: *Chelminski J.V., Malibran A. L'Armée du Duché de Varsovie...* P., 1913.

¹² См.: *Ibid.* P. 148.

Шелминский предлагал акцентировать внимание лишь на действиях поляков в сражении на правом берегу. Особо автор отметил борьбу генерала Зайончека с русскими. При этом создавалось впечатление, что воевали одни поляки; представителям других наций, входивших в состав Великой армии, места не нашлось. В целом, в образе Березины Шельминского отчетливо прослеживаются ставшие уже традиционными к тому времени символы польской славы: героизм, кровь, бесполезные жертвы¹³.

Однако упоминания о значительных потерях поляков в сражении на Березине не пошатнули польскую преданность Наполеону. Продемонстрировал польскую веру во французского императора писатель С. Жеромский в своем знаменитом романе «Пепел». Это произведение на долгие годы стало источником формирования образа Березины в сознании большинства поляков. Первоначально роман вышел в журнале «Иллюстрированный еженедельник», а в 1904 г. был опубликован полностью. В небольшом отрывке, посвященном войне 1812 года, писатель, изобразив осмотр Наполеоном польских войск, ярко показал бескорыстное желание солдат сражаться во имя французского императора. При этом автор, преследуя цель создания героической эпопеи участия польских солдат в Наполеоновских войнах, решил даже не упоминать о трагедии отступления Великой армии.

После Первой мировой войны сконструированный историками и писателями образ великого французского императора и героического сражения на Березине продолжал господствовать в сознании поляков. 5 мая 1921 г. в Варшаве был открыт первый памятник Наполеону на площади, названной именем французского императора. Монумент представлял собой колонну с водруженным на ней бюстом Наполеона. Еще один памятник в честь Наполеона скульптора М. Каменьского был воздвигнут в 1923 г. перед Высшей военной школой. Надпись, высеченная на этой скульптуре, стала очередным подтверждением непреходящей верности поляков Наполеону: «Великому полководцу Высшая Военная Школа», и дата – 1923 год. В этом же году после заключения Рижского мира в Польшу был перевезен памятник князю Юзефу Понятовскому работы Б. Торвальдсена. Через несколько лет поляки установили еще один памятник – солдатам Великой армии, погибшим в 1812 г., который стал символом

¹³ См.: *Chelminski J.V., Malibran A. L'Armée du Duché de Varsovie...* P. 152.

франко-польской дружбы. На табличке монумента были высечены слова «Французы и поляки – вечная дружба».

Заметное сближение Франции и Польши в 20-е и 30-е гг. XX в. вновь возродило в польской науке образ Березины как героической борьбы солдат этих двух стран. Выразителем этой идеи стал военный историк М. Кукель. В своем труде, опубликованном в 1930 г., при описании событий на Березине автор использовал делопроизводственные документы, польские и французские мемуары. В отличие от предыдущих польских историков, Кукель попытался объективно оценить действия своих соотечественников в событиях на Березине, и подверг открытой критике Домбровского за сдачу им врагу Борисова¹⁴. Историк довольно низко оценил боеспособность русской армии, отметив медлительность Чичагова, трусость Ланжерона, нерешительность Чаплица, что в итоге предопределило провал плана по уничтожению Великой армии. В сущности, на страницах своего исследования Кукель возродил образ Березины, сформировавшийся в сознании поляков под воздействие французской версии событий еще в первой половине XIX века.

Разрыв внешнеполитических связей между Францией и Польшей, наступивший в социалистический период после Второй мировой войны, привел к угасанию интереса к русской кампании. Но те поляки, которые не смирились с установлением социалистического режима и эмигрировали за рубеж, продолжали хранить память об этом событии. Ведя борьбу за свободу Польши, за ее право вести независимую от внешнего воздействия политику, польские интеллектуалы обратились к судьбам великих соотечественников. Историки возрождали сюжеты русской кампании 1812 г., как правило, только в рамках биографий отдельных личностей или общей истории Польши¹⁵.

Между тем, в социалистической Польше в 1961 г. вышло исследование историка Г. Зыха. Следуя традициям советской историографии, воспевающей Бородинское сражение, автор решил подробно не останавливаться на сражениях на Березине¹⁶. Воздействие на польскую науку концепций войны 1812 г., созданных в СССР, должно было «разоблачать» культ Наполеона в сознании

¹⁴ *Kukiel M. Wojna 1812 roku. Kraków, 1937. T. 2. P. 405.*

¹⁵ *Askenazy S. Książce Józef Poniatowski. Warszawa, 1974; Halecki O. A history of Poland. L., 1978; Przewalski S. General Maciej Rybiński. Wrocław, 1949.*

¹⁶ *Zych G. Op. cit.*

поляков. Отступление Великой армии и Березина теперь становятся символами разочарований польских патриотов. Идея бессмысленности самопожертвования польских солдат, оказавшихся на службе деспотичного Наполеона, оказалась ярко выражена в фильме великого режиссера А. Вайды «Пепел», представленный польским и советским зрителям в 1965 году. В основу кинокартины режиссер положил одноименный роман Жеромского. Вайда прекрасно удалось показать как самоотверженность поляков, так и равнодушие Наполеона к судьбам Польши. Роман, созданный как акт неугасающих надежд поляков на помощь Франции, усилиями виртуозного режиссера был превращен в произведение, несущее совершенно противоположную идейную нагрузку. Вайда позволил себе добавить к повести сюжет отступления Великой армии как финал героической, но бессмысленной эпопее участия поляков в Наполеоновских войнах. Равнодушие Наполеона к протягивающему ему руку, просящему спасение польскому солдату стало символом жертв, брошенных на алтарь тщеславия французского императора. Под воздействием фильма Вайды истории многих стран начали проявлять интерес к мужественной борьбе поляков за Наполеоновскую идею объединения Европы. В большей степени эта тема приобрела актуальность в момент активизации процесса европейской интеграции. Историк, личность которого объединяет Германию и Англию, Отто фон Пивка (Д. Смит) посвятил специальное исследование польским солдатам в составе Великой армии. Автор, отметив преданность поляков Наполеону в сражении на Березине, подчеркнул, что именно они, понеся значительные потери, прикрывали переправу Великой армии¹⁷.

События 1989 г., ознаменовавшие начало возрождения независимой Польши, вновь вызвали необходимость обращения к героической истории страны. Именно в 90-е гг. XX в. возродилась «польская» Березина, освобожденная от французского и советского влияния. Зарождению этого процесса способствовал историк Р. Белецкий. На основе внушительного количества польских мемуаров он воспроизвел участие своих соотечественников в сражении на Березине. Историк, отметив значительную роль поляков в спасении Великой армии, подкрепил выводы своих предшественников ссылками на разнообразные источники. Но, реставрировав польскую Березину XIX в., Белецкий внес в эту версию значи-

¹⁷ *Pivka O. Napoleon's polish troops. London, 1974. P. 28.*

тельные изменения, связанные, прежде всего, с критикой действий Наполеона. Более того, долгие годы, находясь под влиянием советской историографии, историк, в отличие от других польских исследователей, обратился к действиям русской армии. Белецкий, в противовес советской историографии, обвинявшей Чичагова, попытался оправдать адмирала, отметив, что тот не смог бы в одиночестве справиться с Великой армией. При описании сражения на Березине автор создал картину героической баталии с участием польских солдат. Отметив самоотверженность своих соотечественников в битве на правом берегу, он закончил ее словами Домбровского: «Наполеон, спасая французские войска, отправил их на Зембин, и только поляков принудил идти в бой»¹⁸. Исследование Белецкого о событиях на Березине, ставшее наиболее основательным в польской историографии, стало своего рода актом демонстративного неприятия как французской, так и советской традиций, ознаменовав тем самым важную веху в формировании и «кристаллизации» «польской» Березины.

В 90-е гг. XX в. Польша, пребывая в трудном положении определения своего места в мире, вновь была вынуждена искать внешнеполитических союзников. Стремясь приблизиться к западным странам, поляки стали возрождать историю своего участия в великих европейских событиях. Совершенно не случайно они вновь обратились к Наполеоновским войнам, к сюжетам преданного служения поляков Франции и «единой Европе».

Тема верности Польши Наполеону приобретает большую актуальность с ростом антироссийских настроений в польском обществе. Поэтому война 1812 года стала представлять в восприятии поляков как героическая борьба за освобождение. На волне антироссийских тенденций А. Вайда в 1999 г. экранизировал поэму А. Мицкевича «Пан Тадеуш». Начинается фильм с жестокого подавления русскими войсками в 1830–1831 гг. восстания в Польше. Затем на экране появляется поэт Мицкевич, который, эмигрировав в Париж, под впечатлением недавних событий с надеждой обращается к портрету Наполеона и просит великого императора о помощи полякам. Вообще же тема формирования «польского» культа Наполеона в период 90-х гг. XX и начала XXI в. стала весьма актуальной для польской науки. Это было предопределено

¹⁸ *Bielecki R. Berezyna 1812. Warszawa, 1990. P. 181.*

стремлением подтвердить историческую причастность Польши к странам Запада¹⁹.

Со времени вступления Польши в Евросоюз традиция предклонения перед Наполеоном только усиливается. Вместе с тем пройдя длительный путь национального самоопределения, пытаюсь ориентироваться то на Францию, то на Россию (СССР), в последние годы в Польше заметно усилился интерес к историческим связям с Англией²⁰. Пытаясь обрести свою национальную идентичность в рядах Европы, в Польше более не подвергается сомнению образ Наполеона как спасителя, вселившего в сердца поляков стремление к борьбе за свободу. В этом плане весьма показательным является исследование Д. Наврота, который обратился к осмыслению взаимоотношений Литвы и Наполеона. Описывая сражение на Березине, он разделил мысль о том, что французский император в ходе этих событий спас армию: «Военный гений Наполеона позволил Великой армии вырваться из окружения русских на Березине»²¹. Историк А. Неуважный при анализе событий на Березине подчеркнул значительную роль польских солдат в спасении Великой армии и французского императора: «Поляки составляли третью часть сил, с помощью которых Наполеон смог противостоять русским с 26–28 ноября. В результате этого сражения Великой армии удалось переправиться на другой берег. Решающую роль в битве сыграли польские части»²².

Суждение о военном гении Наполеона и о самоотверженности польских солдат, которые обеспечили благополучную переправу через Березину, прочно вошло в сознание поляков. Один из ведущих польских исторических журналов опубликовал в 2010 г. статью, в которой читателям был представлен польский солдат как истинный герой Березины: «Переход через Березину казался невозможным. Наполеон находился в критической ситуации. Только благодаря героическим действиям поляков ему удалось

¹⁹ *Nieuwazny A. My z Napoleonem. Wrocław, 2006. Pochodaj A. Legenda Napoleona I w kulturze polskiego romantyzmu. Warszawa, 2002.*

²⁰ В английской науке также наблюдается оживленный интерес к истории Польши. Исследователи, обращаясь к положению поляков в период Наполеоновских войн, утверждают, что они искренне и верно служили Наполеону, который ассоциировался в их сознании с долгожданной свободой Отечества (*Davies N. God's playground: a history of Poland. London, 2005; Carter F.W. Trade and urban development in Poland. London, 2006*).

²¹ *Nawrot D. Litwa i Napoleon w 1812 roku. Warszawa, 2008. P. 658.*

²² *Nieuwazny A. Op. cit. P. 111–112.*

избежать поражения. Когда остатки V корпуса прикрывали переправу, остальные польские солдаты самоотверженно строили мосты, по которым могла перейти Великая армия»²³. Тезис о Березине как великой польской победе повсеместно встречается на страницах журналов²⁴.

Подобно французам, поляки, наряду с провозглашением победы в сражении на Березине, признают, что эта битва нанесла Великой армии смертельный удар: «В период отступления польские и французские солдаты сражались еще под Борисовым, но уже во время переправы через Березину Великая армия полностью распалась»²⁵.

Поляки проявляют интерес к осмыслению событий на Березине, не только в формате научно-популярных публикаций, но также в плане их меморализации через памятники. В одном из польских журналов была опубликована статья с романтическим названием «Река без возвращения»²⁶, в которой были описаны памятники, посвященные боевой славе Великой армии на Березине. При описании самого сражения автор статьи отметил самоотверженность не только поляков, но и немцев, швейцарцев и французов. Оживленный интерес в польском обществе проявился к образу Березины и в живописи, а именно в творчестве В. Коссака²⁷ и Я. Суходольского²⁸.

Подобно тому, как это произошло с французами, Березина вошла и в коммуникативную память поляков. К примеру, по поводу новой европейской конституции, предложенной Н. Саркози, польская газета написала, что французский правитель вновь обещает спасти Европу от новой «Березины»²⁹.

²³ Napoleon a sprawa polska // URL: <http://www.polskiedzieje.pl> (дата обращения: 10.11.2012).

²⁴ Wielkie słowa w polskim Sejmie // URL: www.rp.pl (дата обращения: 10.11.2012).

²⁵ Dzieje 14-go pułku kirasjerów Księstwa Warszawskiego // URL: <http://www.napoleon.org.pl/pulki/kirasjerzy.php> (дата обращения: 10.11.2012).

²⁶ Grzegorz Łyś. Rzeka bez powrotu // URL: www.rp.pl (дата обращения: 10.11.2012).

²⁷ Małkowska M. Berezyna oficjalnie i prywatnie // Там же

²⁸ URL: <http://www.mhmt.pl/rewaloryzacja-zamku/etapy-rewaloryzacji> (дата обращения: 10.11.2012).

²⁹ 'Le Monde': Traktat Lizboński zwycięstwem obowiązku nad demokracją // URL: www.rp.pl (дата обращения: 10.11.2012).

Участники различных польских военно-исторических форумов, часто обсуждая действия Наполеона в русской кампании 1812 г., неустанно восхищаются его военным гением, подчеркивая, что Великую армию на Березине разгромить не удалось³⁰.

Таким образом, польская историческая память о Березине, тесно связанная с борьбой за независимость, актуализировалась в те моменты, когда Польша пыталась стать частью «европейского мира». Возлагая огромные надежды на Францию, поляки подчеркивали свою преданность Наполеону, непоколебимую даже в ситуации той безысходности, которая возникла на Березине. Польское представление об этом событии, основанное преимущественно на французской литературе, формируется после очередного взлета борьбы за независимость в 30–40-е гг. XIX в. Результаты французского влияния на польскую память, связанные с победой Великой армии на Березине, не удалось затушевать даже фактом польско-советского сотрудничества, подлинного или мнимого. На современном этапе Польша, вступившая в Евросоюз, обращаясь к образу, созданному еще в XIX в., возрождает события на Березине как пример своего активного участия в европейской политике. Так, «польская» Березина оказалась устойчивой перед требованиями времени, став символом преданности Наполеону, самоотверженности в сражениях за национальную свободу.

³⁰ Strona główna forum 1812 // URL: <http://www.napoleon.org.pl/pulki/kirasjerzy.php> (дата обращения: 10.11.2012).

1812 ГОД И УНИВЕРСИТЕТСКИЕ АРХИВЫ¹

К.А. Ильина

Институт гуманитарных историко-теоретических исследований
им. А.В. Полетаева НИУ-ВШЭ
E-mail: glukist@mail.ru

Данная статья посвящена изучению обстоятельств выживания и гибели университетских архивов в войне 1812 года. Статья написана на основе документов архива Министерства народного просвещения (в Российском государственном историческом архиве), а также Казанского (в Национальном архиве Республики Татарстан) и Московского (в Центральном историческом архиве Москвы) университетов.

Ключевые слова: Российская империя, 1812 г., университетские архивы, делопроизводственные документы, система народного просвещения.

1812 AND UNIVERSITY ARCHIVES

К.А. Ilyina

This article focuses on the study of conditions of surviving and destroying of the university archives during the 1812 war. Given research is done on the base of archival documents of the Ministry of Public Education (Russian State Historical Archive), as well as of Kazan (National Archives of the Republic of Tatarstan) and Moscow (Central Historical Archive of Moscow) universities.

Key words: Russian Empire, 1812, university archives, office work documents, system of public education.

Университетские архивы в XIX в. были частью системы государственного управления. Хранимые в них и в архиве Министерства народного просвещения документы позволяли рационализировать и совершенствовать управление образованием: отслеживать изменения в числе школ и учеников, получать историческую аргументацию для новых правительственных решений, вести учет штатов, на-

¹ В данной работе использованы научные результаты, полученные в ходе реализации проекта «Культура университетской памяти в России: механизмы формирования и сохранения», выполненного в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2012 году.

блюдовать за деятельностью университетских советов, проверять траты бюджета, разрешать конфликты «университетских партий».

Согласно § 72 устава 1804 г. университету полагалось иметь архив, в который следовало сдавать на хранение копии исходящих и оригиналы всех входящих бумаг: «Все письма от лица совета секретарем или другим кем писанные должны быть прочтены пред собранием, и с них в архив списки оставлены, а получаемые и в собраниях прочтенные хранятся в подлиннике»². Ответственность за «хранение архивы» возлагалась на секретаря совета – ординарного профессора, в помощь которому выделялись штатный (то есть с государственным жалованием) архивариус и письмоводитель из студентов.

К 1812 г. в Российской империи было пять императорских университетов: Виленский, Дерптский, Московский, Харьковский и Казанский. В данной статье акцент сделан на «архивных» историях двух из них – Московского и Казанского. Военные действия затронули лишь Виленский и Московский университеты. И если большая часть ведомственных архивов этих городов была эвакуирована, то действия университетского начальства в отношении старых документов были, видимо, на их усмотрении.

Об отношении Наполеона к захваченным у противника университетам правительство рассказало россиянам в 1807 году. Тогда в С.-Петербурге появилась пропагандистская брошюра «Реляции о знаменитой победе Бонапарте, одержанной над Галльским университетом в прусских владениях 1806 года Октября 20»³. Повествование начиналось с рассказа о жестокости наполеоновских солдат, ворвавшихся в отворенные ворота «маленького городка Галля в Саксонии», о чуде избежавшем казни профессоре местного университета Шюце, о злобном веселье завоевателей в разграбленном городе. Читатель узнавал о лицемерии французских властей в отношении знаменитых прусских университетов: сначала покровительственное заверение маршала Бернадота, затем прием Наполеоном делегации профессоров и данное им позволение им прибить «покровительное письмо» на дверях университета. А затем вышел указ, по которому в течение

² Уставы императорских Московского, Харьковского, Казанского университетов, 5 ноября 1804 // Сборник постановлений по МНП. Т. 1. Царствование императора Александра I. 1802–1825. СПб, 1864. № 47. Стб. 279.

³ Реляция о знаменитой победе Бонапарте, одержанной над Галльским университетом в прусских владениях 1806 года Октября 20. СПб., 1807.

24 часов все студенты должны были покинуть город, а преподавание было предписано «отложить». По мнению автора, Наполеон видел в профессорах и студентах силу, которая в состоянии спровоцировать беспорядки на подконтрольной ему территории, и поэтому, несмотря на просьбы профессоров, закрыл университет.

Когда в июне 1812 г. из Вильны ушли русские войска, большая часть местных профессоров осталась в городе, а студенты вступили в «Великую армию». «Причина, побудившая [ректора] Снядецкого остаться в Вильне при вторжении неприятеля и служить новому Правлению, – считал историк Д.Н. Бантыш-Каменский, – состояла не столько в намерении содействовать предполагаемому восстановлению Польши, сколько в желании спасти оставшиеся в Вильне университетскую казну от расхищения, а библиотеку и архив эдукационного фундуша от истребления, в чем он и успел. Будучи назначен членом верховного правления он не дозволил ставить постой в залах, занимаемых библиотекою, кабинетами и архивом»⁴.

В данном отрывке речь идет об архиве Комиссии эдукационного фундуша, который хранился в Виленском университете вплоть до его закрытия в 1831 году. С 1807 г. Комиссия была подчинена Министерству народного просвещения, и поэтому в 1834 г. её архив стал часть архива министерства. Впоследствии он был дополнен материалами Министерства земледелия и государственных имуществ и Министерства финансов по содержанию подведомственных Комиссии ранее учебных заведений.

В архиве Комиссии эдукационного фундуша хранились, кроме ее собственного делопроизводства, «документы на право владения недвижимым имуществом, переданным под ее управление, и материалы ряда временных учреждений по секуляризации и управлению бывшими иезуитскими именьями»⁵, а также переписка куратора Виленского университета князя А.А. Чарторыйского с разными учреждениями и должностными лицами по делам университета 1808–1809 годов. Сейчас эти документы со-

⁴ Историческая записка о состоянии Виленской губернии в 1812 году, составленная Виленским Гражданским Губернатором Д.Н. Бантыш-Каменским // Сб. ИРИО. Т. 128. Акты, документы и материалы для политической и бытовой истории 1812 года, собранные и изданные по поручению Его императорского Высочества Великого князя Михаила Александровича / под ред. К.А. Военского. СПб., 1909. С. 393.

⁵ РГАДА: путеводитель: в 4 т. М., 1999. Т. 4. С. 63.

ставляют фонд 1603 «Комиссия эдукационного фундуша» (1488–1869, 13330 ед. хр.) Российского государственного архива древних актов (РГАДА). Очевидно, что все эти исторические документы были сохранены ректором Яном Снядецким ценой нарушения присяги русскому императору.

Иначе сложилась судьба архива Московского университета. Посетив 15 июля древнюю столицу, Александр I приказал готовить казенные учреждения к эвакуации. Однако распоряжение об эвакуации Московского университета было отдано Ф.В. Ростопчиным лишь 18 августа (за две недели до входа войск Наполеона в Москву). Выполняя требования властей, университетское руководство стремилось спасти казенное имущество, в том числе архив. Попечитель Московского учебного округа П.И. Голенищев-Кутузов предписал профессорам спасти то, за что они отвечали по служебным обязанностям⁶. Эвакуация проходила в два этапа. Первый обоз с книгами, музейными экспонатами и исследовательскими инструментами отправился во Владимир утром 30 августа. Каждый последующий день ректор Гейм приходил к Ростопчину за обещанными 30 лошадьми, но смог добиться только 15-ти⁷. На них вечером 1 сентября второй обоз вывез из Москвы еще одну часть университетского имущества.

Судя по разрозненным свидетельствам, на одной из подвод архивариус Михаил Матвеевич Снегирев погрузил 15 томов рукописных протоколов конференции Московского университета за 1760–1780-е годы⁸. Видимо, бумаги 1790-х – начала 1810-х гг. не были тогда переданы в архив и хранились в канцелярии совета. А

⁶ Дневная записка Университетского Совета 18 августа 1812 // Московский университет и С.-Петербургский учебный округ в 1812 году: документы архива Министерства народного просвещения, собранные и изданные под редакцией начальника архива Министерства народного просвещения К. Военского. СПб., 1912. С. 8–9.

⁷ Представление ректора Московского университета попечителю Московского учебного округа от 8 сентября 1812 года, о выезде университета из Москвы, о следовании до Владимира и о пребывании в сем последнем // Там же. С. 32.

⁸ Сын архивариуса профессор Московского университета Иван Михайлович Снегирев вспоминал о том, что при отъезде из Москвы наиболее ценные вещи и «библиотечка» были оставлены в Москве запертыми в кладовой казенной квартиры. Возвратилась семья Снегиревых на пустое место: дома были ограблены, а затем сгорели. См.: Воспоминания И.М. Снегирева // РА. 1866. № 4. С. 549.

накануне эвакуации у профессоров уже не было времени для их упаковки. Канцелярские дела чиновники спрятали в подвале главного здания университета⁹. Через несколько дней они там и сгорели. «Корпус сей, – сообщал в ноябре 1812 г. в С.-Петербург П.И. Голенищев-Кутузов, – загорелся, как сказывают, от дому графа Владимира Григорьевича Орлова и пламень распространился по всем этажам начиная с верхнего так стремительно, что ничего спасти из него было невозможно. При самом вступлении неприятеля в город, смотрителем музея Ришардом испрошена была охранительная стража, но она в сем случае была бесполезна, и некоторые утверждают, что не смотря на оную в нижнем этаже был рассыпан порох; а кем и с каким намерением неизвестно»¹⁰.

Гибель текущего делопроизводства сделала этот год рубежным в истории Московского университета. Он разделил его прошлое на «допожарный» и «послепожарный» периоды. Долгие годы после войны 1812 года министерские чиновники испытывали большие неудобства в управлении Московским университетом из-за отсутствия у него исторических свидетельств. От профессоров невозможно было добиться отчетов о потраченных средствах, читаемых лекциях, студентах и хозяйстве. На все подобные запросы профессора отказывались отвечать «за сгорением дел»¹¹.

Это не было хитрой уловкой. И чиновники, и профессора в равной мере нуждались в ведомственной памяти, стремились восстановить ее из разных источников, сложить из сохранившихся фрагментов. Поэтому в 1815 г. ректор Гейм от лица правления просил попечителя П.И. Голенищева-Кутузова сделать копии распоряжений бывшего главы учебного округа М.Н. Муравьева, которые хранились в архиве при канцелярии попечителя. Тогда выяснилось, что «поелику все дела прежней попечительской канцелярии оставлены в московском моем доме, то ныне и нельзя в правление доставить копии, как с помянутого предложения, так и с других предписаний до сего предмета относящихся»¹². Говоря

⁹ Андреев А.Ю. 1812 год в истории Московского университета. М., 1998 (URL: <http://www.museum.ru/1812/library/Andreev/part5.html> [время обращения: 02.12.2012]).

¹⁰ РГИА. Ф. 733. Оп. 28. Д. 169 «Дело об эвакуации из Москвы в связи с военными событиями всех учебных заведений», 1812–1813. Л. 132об.–133.

¹¹ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 2. Д. 234 «Формы для составления ежегодного отчета по университету и Московскому учебному округу». Л. 6об.

¹² О доставлении правлению копии с прежних попечительских бумаг, 1815–1816 // ЦИАМ. Ф. 459. Оп. 1. Д. 543. Л. 2об.

об «оставленных в московском доме» документах, попечитель имел в виду те официальные бумаги, которые после его выезда из Москвы 29 августа¹³ были разграблены войсками неприятеля¹⁴.

Желание восстановить университетский архив было настолько сильным, что министерские чиновники стали помогать профессорам. Так, когда в 1828 г. при разборе сенатского архива обнаружили документы, связанные с основанием университета, директор Департамента народного просвещения Д.И. Языков заставил своих служащих снять с них копии и переслать в Москву¹⁵.

Спустя два года после этого четвертое отделение Департамента народного просвещения, занимающееся хозяйственными и административными делами, запросило в архиве Министерства народного просвещения, «кем именно подписаны отчеты Московского университета о суммах оногo: статной, хозяйственной и типографской за 1812 год; и было ли в свое время донесено от Московского университета о сгорении всех дел его в 1812 году, по случаю нашествия неприятеля, и о составлении по сему случаю отчетов за означенный год не из подлинных шнуровых книг, но из черновых выписок»¹⁶. Найдя по алфавитному каталогу соответствующее донесение П.И. Голенищева-Кутузова, начальник архива В.П. Петров сообщил, что в ноябре 1812 г. «главный корпус тамошнего университета сгорел до основания. Во всех трех этажах остались одне стены, и самые кладовые и все вещи, равно канцелярия, дела училищного и цензурного комитетов, магазин с типографскими книгами, матрицы, пунсоны и медные доски, кои положены были в оных, как место безопаснейшее от пожара, сделалось жертвою пламени»¹⁷. Отчета с

¹³ Предписание Попечителя Московского учебного округа ректору университета, от 30 августа, о выезде из Москвы // Московский университет и С.-Петербургский учебный округ в 1812 году... С. 27.

¹⁴ Представление попечителя Московского учебного округа министру народного просвещения, от 22 октября 1812 года, в ответ на отношение от 6 октября // Там же. С. 53.

¹⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 29. Д. 139 «О составлении собрания дел по Московскому Университету, с 1754 по 1761 год», 1828.

¹⁶ Там же. Ф. 745. Оп. 1. Д. 107 «Рапорты начальника архива В. Петрова о состоянии архива и произведенных в нем работах, переписка с Департаментом народного просвещения о наведении справок и приеме дел», 1830. Л. 11.

¹⁷ Там же. Л. 13об. Петров дословно процитировал отчет П.И. Голенищева-Кутузова (Там же. Ф. 733. Оп. 28. Д. 169 «Дело об эвакуации из Москвы в связи с военными событиями всех учебных заведений», 1812–1813. Л. 132).

перечислением того, что и в каком количестве сгорело Петров в архиве не обнаружил.

С историей архива Министерства народного просвещения тесно связана судьба архивов двух Канцелярий попечителей учебных округов – Виленского и Казанского.

Сейчас документы попечительских канцелярий хранятся в региональных архивах и библиотеках, переданные туда в XX в. из архивов университетов. Однако в первые два десятилетия своего существования канцелярия не являлась структурной частью университета, а принадлежала Министерству народного просвещения. В официальных бумагах она именовалась «частью ведомства Высочайше вверенного [попечителю] округа»¹⁸. Согласно «Предварительным правилам» 1803 г. попечителю разрешалось жить в Санкт-Петербурге и раз в два года осматривать училища и гимназии своего округа. В 1812 г. правом жить в столице пользовались главы Виленского и Казанского учебных округов – А.А. Чарторыйский и С.Я. Румовский.

После сдачи Москвы в сентябре 1812 г. было принято решение об эвакуации документов государственных учреждений, в том числе и Министерства народного просвещения. Вместе с министерскими документами в Петрозаводск были вывезены и упакованные в ящики канцелярии попечителей Виленского и Казанского учебных округов. 10 сентября 1812 г. Департамент народного просвещения направил специальную записку в Канцелярию попечителя Виленского учебного округа с просьбой доставить в департамент документы Канцелярии. Дела были препровождены на следующий день «в двух деревянных запечатанных ящиках под № 1 и № 2-м и под литерами К.П.В.О (Канцелярия Попечителя Виленского округа)» и сданы под росписку старшим письмоводителем канцелярии надворным советником Анастасевичем¹⁹. Что касается

¹⁸ Это мнение М.Л. Магницкого, выраженное в его письме к директору Казанского университета А.П. Владимирскому от 2 января 1820 года (НА РГ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 926 «О награждении письмоводителей Канцелярии Попечителя – г. Розанова бриллиантовым перстнем, г. Мальбраншева и Олесова 600 рублями», 1819–1820. Л. 3).

¹⁹ РГИА. Ф. 733. Оп. 86. Д. 314 «По предписанию г. министра об отправлении в Петрозаводск дел Департамента и Главного правления училищ. Вместе с оными отправлены были дела Медицинского совета и Канцелярия попечителя Виленского округа, а с оными надворный советник Митурич, титулярные советники Трунев и Кульматицкий. Тут же о возвращении оных обратно в С.-Петербург», 1812–1813. Л. 1.

канцелярии казанского попечителя, то после смерти Румовского все дела, видимо, были переданы в департамент и хранилась там. При эвакуации бумаги были упакованы в «три ящика с надписью: Департамента просвещения по Канцелярии попечителя Казанского округа»²⁰.

Дела водой были отправлены из С.-Петербурга 19 сентября и прибыли в Петрозаводск 17 октября. В Петрозаводске документы и сопровождающие их люди разместились «в небольшой квартире гимназического дома»²¹. В конце ноября последовало распоряжение министра народного просвещения А.К. Разумовского о возвращении дел министерства в С.-Петербург по зимнему пути²². Подводы выехали из Петрозаводска 6 января²³, а 23 января старший письмоводитель Канцелярии Чарторыйского уже получил обратно оба ящика с попечительскими делами²⁴.

Архив Казанского университета пережил и запомнил 1812 г. иначе. Он отразился не на его существовании, а на его содержании. Первые годы своего существования университет ютился в здании Казанской гимназии. Лишь в августе 1811 г. она переехала в специально построенное для нее помещение. Однако в связи с эвакуацией в Казань московских учебных заведений, с сентября 1812 по июль 1813 г. гимназия вновь вынуждена была вернуться в университетский дом²⁵.

Согласно распоряжению попечителя С.Я. Румовского обе школы управлялись советом и конторой Казанской гимназии. И только в марте 1812 г. Румовский направил в Казань письмо, адресованное «совету при Казанском университете». На вопрос директора гимназии и университета И.Ф. Яковкина «под каким именем отныне быть совету: под именем ли совета казанской гимназии, или под именем совета при Казанском университете?» попечитель приказал возложить управление по учебной и образовательной части университета и гимназии на совет при Казанском университете (до полного открытия университета), в то вре-

²⁰ РГИА. Ф. 733. Оп. 86. Д. 314. Л. 10.

²¹ Там же. Л. 14об.

²² Там же. Л. 18–25.

²³ Там же. Л. 26.

²⁴ Там же. Л. 28.

²⁵ Казанский университет: хронология становления химической лаборатории и Казанской химической школы. 1806–1872 / сост. проф. А.В. Захаров; науч. ред. проф. В.И. Галкин. Казань, 2011. Ч. 1. С. 143.

мя как хозяйственные вопросы по прежнему были оставлены в ведении гимназической конторы²⁶.

При таком симбиозе делопроизводство университета и гимназии было единым. До «полного открытия» университета в 1814 г. его документы передавались на хранение в архив гимназии. Даже сейчас они хранятся в НА РТ в фонде казанской гимназии, а не университета. Собственно университетский архив открывается документами, датированными 1813 годом.

В 1812 г. среди обычных делопроизводственных документов (дела об увольнении и приеме в университет и гимназию, протоколы заседаний Совета и Конторы гимназии, книги входящих и исходящих документов, разнообразные ведомости и месячные акты, рапорты и донесения о ходе экзаменов и т.п.) появились тексты, относящиеся к военным действиям. В протоколах Совета Казанской гимназии за 1812 г. есть переданное министром народного просвещения по эстафете директору университета и гимназии И.Ф. Яковкину известие об объявлении войны. Оно было прочитано членам университетского сословия²⁷. В связи с этим появились прошения некоторых преподавателей оставить *alma mater* и отправиться на «поле брани»²⁸. А в связи с тем, что в 1812–1814 гг. в Казани размещались военнопленные²⁹, для общения с ними потребовались переводчики. На помощь губернатору университет направил лектора французского языка И.Ф. Лейтера.

В архиве есть упоминания о письмах ректора Московского университета Гейма из Нижнего Новгорода с просьбой разместить «эвакуированный» университет в незанятых домах Казанского университета и готовность академической корпорации предоставить все необходимое³⁰. И хотя в итоге Московский университет до Казани не доехал, гимназия и университет принимали питом-

²⁶ Булич Н.Н. Из первых лет Казанского университета: (1805–1819): рассказы по архивным документам. Изд. 2-е. СПб., 1904. Ч. 2. С. 324.

²⁷ НА РТ. Ф. 977. Оп. 1. Д. 471 «Протоколы заседаний Совета гимназии и обозрения преподаваний в Казанском университете за 1812 год». Л. 85–85об.

²⁸ Там же. Л. 122.

²⁹ Подр. о французских военнопленных в Казани см.: Вишленкова Е.А. Французские военнопленные 1812 года в Казанской губернии // Россия и Франция: XVIII–XX века / отв. ред. П.П. Черкасов. М., 2000. Вып. 3. С. 119–131.

³⁰ НА РТ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 8879 «Книга на записку входящих бумаг совета Казанской гимназии», 1812. Л. 24об., 29об., 30.

цев и студентов из Москвы³¹, а шесть студентов московского медицинского факультета получили разрешение слушать лекции в Казани³².

С 1812 г. связана одна из первых научных защит в Казанском университете. В августе в Совет Казанского университета пришло прошение на латинском языке провести экзамен на степень доктора прав от бывшего воспитанника Геттингенского университета, а с 1810 г. своекоштного студента Московского университета Иоганна Готлиба Ионы. В Москве он служил гувернером у А.С. Грибоедова. Иона намеревался пройти защиту в Москве, но из-за вторжения Наполеона вынужден был бежать на восток. К прошению он приложил личные документы: метрикум Геттингенского и свидетельство Московского университетов. Свидетельство Московского университета было выдано 22 августа и подписано ректором Геймом³³.

Ходатайство Иона было удовлетворено. И в 1813 г. местный попечитель М.А. Салтыков предписал, чтобы за неимением в Казанском университете на тот момент факультетов, создать специальный подотчетный совету профессоров, самому попечителю и министру народного просвещения временный комитет. Ему поручалась, которому и поручить подготовку и проведение экзамена подготовить и провести экзамен соискателя³⁴. В ходе него экзаменаторы выработывали правила проведения подобных испытаний. Например, они определяли, по каким предметам и как именно нужно проводить экзамены на докторское достоинство³⁵. Профессора письменно сформулировали свое мнение относительно новой для них функции. А когда в 1814 г. состоялась публичная защита диссертации, то ее участники высказали суждения о состоявшемся диспуте³⁶.

Кроме новых практик делопроизводства, 1812 г. стал переломным и в сфере университетского управления в Казани. В июле 1812 г. умер Румовский, а его преемник, Салтыков, получил

³¹ НА РГ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 8752 «Собрание прошений и прочих бумаг о принятии в Университет Студентов и об увольнении из», 1812. Л. 39–39об.

³² Там же. Д. 8849 «Рапорты и прошения служащих, казенных студентов в совет и правление университета», 1812. Л. 10.

³³ Там же. Д. 8828 «По прошению студента Московского университета Саксонского уроженца Иоганна Иона об удостоении его, по надлежащем испытании звания Доктора прав», 1812–1814. Л. 6.

³⁴ Там же. Л. 11–11об.

³⁵ Там же. Л. 15–16.

³⁶ Там же. Л. 113, 114, 115.

официальное назначение только в октябре. Узнав имя нового попечителя, профессора направили ему витиеватое и наполненное библейскими метафорами приветствие: «Университет приятнейшим себе поставляет долгом чрез сие изъявить вам усерднейшее поздравление с особенною доверенностью Монарха, поручившего вам блюсти виноград, Его десницею насажденный, Его благостью орошаемый и простирающий гроздь свои по всему востоку обширного его владычества. При особе, толикия Монаршия доверенности удостоенной, мы делатели сего винограда силы к силам, труды к трудам приложим на удобрение оногo»³⁷.

По сохранившемуся черновику этого послания можно проследить редакционную обработку текста, способ формулирования мысли, выбор слов и выражений. Так, авторы письма долго не могли выбрать формулу обращения к попечителю. Были отброшены обращения «сиятельный граф», «милостивый государь», «его превосходительству». В итоге письмо было адресовано «Господину действительному Камергеру, Казанского университета и учебного округа попечителю Михайлу Александровичу Салтыкову». Кроме того, в окончательном варианте изменена и форма титулования с «Вашего сиятельства» и «Сиятельный граф» на «Ваше превосходительство». Первая употреблялась к князьям, графам и герцогам, а вторая – к лицам, имеющим чин III и IV класса по Табели о рангах. Салтыков имел право на оба титула, но профессорское сословие сделало акцент на служебном статусе попечителя.

Возможно, эти поиски версий правильного обращения были реакцией профессоров на бюрократическую реформу М.М. Сперанского. М.А. Салтыков предпринял активные действия для полного открытия Казанского университета. Именно при нем канцелярия совета университета отделилась от канцелярии совета гимназии, и соответственно дела стали сдаваться в архив по отдельным описям и храниться отдельно от дел гимназии. Так было положено начало архиву, ныне образующему фонд 977 (Казанский университет).

Сохранившийся архив Казанского университета позволяет узнать о проектах, которые готовились и были забыты в результате войны 1812 года. Так, в июле 1811 г. местные университеты по-

³⁷ НА РТ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 8791 «Об управлении Министерством народного просвещения князем Голицыным по случаю отъезда г. министра в Москву; о смерти г. попечителя Румовского и об определении на место его попечителем действительного Камергера Михайла Салтыкова», 1812. Л. 7-7об.

лучили предписание попечителя составить маршрут и выбрать участников для грандиозной общеуниверситетской научной экспедиции. Ее проведение было запланировано министром на весну 1812 года. «Я имею намерение, – писал министр А.К. Разумовский, – составить экспедицию ученых путешественников из лиц, принадлежащих к Московскому, Виленскому, Дерптскому, Харьковскому и Казанскому университетам. Предметом сих путешественников будет делать наблюдения и открытия в Российских губерниях по минералогии, зоологии, ботанике, сельскому домоводству и технологии»³⁸. Осенью 1811 г. казанские профессора жарко обсуждали маршруты, сочиняли инструкции, составляли сметы, придумывали аргументы для обоснования собственного участия в этом мероприятии³⁹.

Документы университетских архивов свидетельствуют о разном отношении чиновников университетов Москвы и Казани к военным событиям 1812 года. Для москвичей, которых война коснулась непосредственно – она была трагедией (нашествие неприятеля, разорение, военные обстоятельства, пожар), которая оставила многих без крыши и средств к существованию. У готовых помочь бежавшим из Москвы коллегам университетские чиновники Казани воспринимали войну как романтическое «восстание против врага <...> на поле брани». В отчетах Казанского университета и гимназии за 1812 г. память о военных действиях никак не отразилась⁴⁰, в то время как апелляция к пожару в Москве не утратила своей актуальности и в 1830-е годы.

Именно к бедствиям 1812 г. и заслуге студентов перед Отечеством в войне 1812 года⁴¹ апеллировали московские профессора в своих обращениях к людям власти, когда просили у них материальную помощь для студентов. В подобной ситуации казанцы писали о чувстве справедливости по отношению к тем, кто будет

³⁸ НА РГ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 8674 «По предписанию высшего начальства о имеющей быть экспедиции ученых путешественников», 1811. Л. 2.

³⁹ Там же. Л. 4–42; Д. 8707 «О имеющей быть для путешественников ученой экспедиции», 1811. Л. 6–7.

⁴⁰ Там же. Д. 10081 «Отчеты Казанской I мужской гимназии и Казанского университета», 1812.

⁴¹ Дело о выдаче пособия казеннокоштным студентам университета, в связи с их тяжелым материальным положением, осложненным военными событиями, 1814–1815 гг. // РГИА. Ф. 733. Оп. 28. Д. 212. Л. 1–1об.

жертвовать собой на службе в далеких сибирских училищах⁴². Что касается харьковских профессоров, то они оправдывали экстра-траты потребностью сохранить физическое и душевное здоровье будущей российской элиты⁴³.

Таким образом, в истории университетских архивов 1812 г. стал знаковым рубежом. В случае с Виленским и Московским университетами, когда речь шла о сохранении архивов, граница носит «физический» характер. И если в Вильно сотрудничавшему с французами ректору удалось сохранить документы, то в Москве университетские бумаги погибли. Примером удачного решения проблемы служит своевременная эвакуация документов Министерства народного просвещения и двух попечительских Канцелярий – Виленской и Казанской. Что же касается архивов Дерптского, Харьковского и Казанского университетов, то они не пострадали физически, но расширили спектр и тематику откладываемых в них документов. На примере архива Казанского университета можно зафиксировать «археологическую» границу архива: изменение качества документов, появление спровоцированных войной новых (для конкретного университета) практик, изменение делопроизводственной традиции.

⁴² Рапорт инспектора студентов Брейтенбаха о необходимости улучшить содержание казенных студентов, 1818 г. // НА РГ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 809. Л. 2–2об.

⁴³ Дело об увеличении размера стипендии казеннокоштным студентам и жалованья кандидатам и магистрам университета, 1811–1816 гг. // РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 139. Л. 9–9об.

К ВОПРОСУ ОБ УЧАСТИИ КУПЕЧЕСТВА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1812 ГОДА

Н.Н.Трошин

Российский институт стратегических исследований,
сектор международных экономических организаций
Центра экономических исследований
E-mail: nikolaytroshin@gmail.com

В статье рассматривается вклад купечества в победу в Отечественной войне 1812 года. Автор показывает, что наряду с денежными пожертвованиями, купцы обеспечивали материальное снабжение армии. При этом мотивы личного обогащения уступали место идее общественного служения.

Ключевые слова: Отечественная война 1812 года, купечество, пожертвования, материальное снабжение армии.

TO THE QUESTION ABOUT INVOLVEMENT OF RUSSIAN MERCHANTS IN PATRIOTIC WAR OF 1812

N.N. Troshin

The article discusses the contribution of the merchant class in the victory in the Patriotic War of 1812. The author shows that in addition to monetary donations, merchants provide material supplies to the army. In this case, the motives of personal enrichment gave way to the idea of service to the people.

Key words: Patriotic War of 1812, the merchants, donations, material supplies to the army.

Русское купечество участвовало в Отечественной войне 1812 года наравне со всеми другими сословиями. За одним исключением. Если дворянство составляло офицерский корпус в действовавшей против французов армии, а крестьянство и другие городские сословия поставляли для нее солдат, то купечество было от рекрутской повинности освобождено. Разумеется, в рядах армии и ополчения было немало выходцев из купеческих семей, но факт остается фактом, как сословие в целом купцы свою кровь за отечество не проливали.

Возможно, поэтому в исторической памяти сложилось представление о том, что купечество, хотя и жертвовало на военные нужды в 1812 г. значительные денежные суммы, в то же самое время на этой войне наживалось. Сменялись эпохи, менялась идеология, а вместе с ними и оценки многих событий Отечественной войны 1812 года, и лишь представление о том, что купцы были движимы патриотизмом не меньше, чем корыстными интересами оставалось неизменным.

Понятно, когда такое представление о купечестве высказывалось в дворянской литературе. Столкновения между этими сословиями имели место еще в ходе Отечественной войны 1812 года. Так, например, в Харькове купечество было готово пожертвовать на содержание ополчения 23.316 руб., однако дворянское собрание, «почитая сие пожертвование малым, отринуло оное». У нас нет оснований сомневаться в патриотизме харьковского купечества. Скорее следует согласиться с городским головой, который в своем рапорте об этом событии отмечал, что дворянское сословие приняло решение «не войдя в познание купеческих капиталов». Между тем, чтобы составить указанную выше сумму купцы второй гильдии должны были бы внести 350 руб., а купцы третьей гильдии – 140 руб., что составляло 1,75% от объявляемых ими капиталов (20 и 8 тысяч руб. соответственно). Для сравнения, такие же суммы платили купцы в казну в 1810–1811 годов. Начиная с 1812 г. налоговая ставка была повышена до 4,75%. Таким образом, с учетом пожертвования на ополчение, купцу второй гильдии предстояло выплатить 1.300 руб. независимо от его действительных доходов. И при этом харьковские купцы, по словам городского головы, были «готовы и впредь жертвовать по мере возможности»¹.

Трудно сказать, какую часть от своих доходов было готово пожертвовать на содержание харьковского ополчения губернское дворянство, постановившее собрать средства по числу принадлежащих каждому помещику крестьян, по 1 руб. с души. Можно, однако, сравнить налоговые поступления от этих сословий. В 1812 г. дворянство впервые было обложено подоходным налогом. Так же как и купечество, дворяне должны были объявлять свои доходы по совести и эти сведения никак не проверялись. Но если для купечества были установлены фактически минимальные суммы платежей, поскольку для записи в гильдию надо было объ-

¹ *Илляшевич Л.В.* Краткий очерк истории харьковского дворянства. Харьков, 1885. С. 80.

являть определенный капитал, то дворянство было свободно от этих ограничений. В результате в 1812 г. от дворянского сословия поступило налоговых платежей на сумму 2,1 млн. руб., тогда как от купечества – 12,1 млн. руб., что составило 5,45% от всех доходов бюджета². При том, что доля купечества в общем населении России не превышала 0,6%, его вклад в финансирование военных действий, даже без учета пожертвований, был более чем адекватным.

Однако купечество не только жертвовало денежные средства, но еще и снабжало действующую армию всем для нее необходимым. При этом бытует мнение, высказанное еще в конце XIX в. П.А. Берлиным, что, принимая на себя казенные подряды, купцы не упускали из виду собственную выгоду, не только широко воспользовавшись вызванным войной ростом цен, но и надбавив к нему свои «спекулятивные вожделения». Некоторое удивление вызывает, правда, практически полное отсутствие доказательств именно такого поведения купечества в 1812 году. Те примеры, что приводит, например, П.А. Берлин: и письмо П.В. Чичагова, и сатирические стихи о спекуляциях купцов, – на самом деле относятся к более раннему времени. Тогда, после подписания Тильзитского мира, Россия разорвала отношения с Англией и присоединилась к континентальной системе. На что, собственно говоря, и указывает первая строка упомянутого стихотворения: «Лишь с Англией разрыв коммерции открылся...»³.

Собственно говоря, в источниках практически нет подтверждений корыстного поведения купцов в 1812 году. Чуть ли не единственным примером спекулятивного повышения цен является свидетельство А.Д. Бестужева-Рюмина. В своих «Записках» он писал, что «в лавках купеческих» уже на следующий день после публикации воззвания Александра I к первопрестольной столице Москве о созыве ополчения цена сабли или шпаги подскочила с 6 руб. до 30–40; пары пистолетов – с 7–8 руб. до 35 и даже 50; ружье или карабин, стоившие накануне не дороже 15 руб., не продавали теперь дешевле 80 рублей. «Купцы видели, – резюмировал А.Д. Бестужев-Рюмин, – что с голыми руками отразить неприятеля нельзя, и бессовестно воспользовались этим случаем для своего обогащения»⁴.

² Сб. РИО. СПб., 1885. Т. 45. С. 461.

³ Отечественная война и русское общество: в VII т. М., 1912. Т. V. С. 116–117.

⁴ РА. М., 1896. Кн. 2, вып. 7. С. 349.

В советское время достоверность этого источника не подвергалась сомнению, хотя его тенденциозность местами очевидна. Дело в том, что по каким-то причинам А.Д. Бестужев-Рюмин не успел покинуть Москву и был вынужден стать членом устроенного Наполеоном муниципального совета, за что впоследствии наряду с другими членами этого совета подвергся преследованиям. В свое оправдание А.Д. Бестужев-Рюмин и написал указанные «Записки». Так он замечает, что заработав на спекуляции оружием, купцы заблаговременно удалились из Москвы «на нескольких сотнях троек лошадей»⁵, тогда как действительные защитники отечества оставались еще в городе. Однако это утверждение противоречит свидетельству Ф.В. Ростопчина, который писал в своих «Записках» о 1812 г., что по мере приближения генерального сражения отток дворянства все усиливался. Купцы еще держались, поскольку в городе у них оставался товар⁶.

Что касается закупки вооружения, то никто и не собирался приобретать ружья для ополчения в купеческих лавках. Тем более что лавки, в которых торговали бы оружием, были далеко не в каждом даже губернском городе. Так, например, Ф.Ф. Вигель, проживавший в 1812 г. в Пензе, писал, что помимо самых простых сабель и пик, «других орудий достать было негде», правительство обещало само доставить их⁷. В самом деле, еще 17 июля 1812 г. Александр I отдал Ф.В. Ростопчину повеление, что «из денежных сумм, поступаемых в Московский комитет пожертвований, нужно отпустить для приуготовления ружей на Тульском оружейном заводе» 506.758 рублей⁸. Сообщая об этом генерал-майору Ф.Н. Воронову, командиру Тульского оружейного завода, Александр I позволял ему привлечь к изготовлению ружей частных фабрикантов с уплатой им 18 руб. за новое ружье и 10,5 руб. за переделанное старое, что было выше установленных государственных расценок. При этом Александр I высказывал надежду, что частные фабриканты займутся выполнением только государственного подряда и прекра-

⁵ РА. М., 1896. Кн. 2, вып. 7. С. 350.

⁶ Мещеряков А.О. Ф.В. Ростопчин: у основания консерватизма и национализма в России. Воронеж, 2007. С. 187.

⁷ Вигель Ф.Ф. Записки: в 2 кн. М., 2003, Кн. 2. С. 652.

⁸ Сборник исторических материалов, извлеченных из архива первого отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии. СПб, 1876. Вып. 1. С. 27.

тят работу для рынка⁹. Трудно предположить, что если бы в Москве ружье действительно продавалось за 80 и более рублей, то тульские фабриканты стали поставлять оружие в казну. Между тем отчеты свидетельствуют, что в 1812 г. частными подрядчиками было сдано 25.014 ружей¹⁰.

Впрочем, А.Д. Бестужев-Рюмин не ограничивался критикой одного только купечества. «Мастеровые, как-то портные, сапожники и другие, – продолжал он, – утроили или учетверили цену работы своей; словом все необходимо нужное, даже съестные припасы, высоко вздорожало»¹¹. В советское время эту фразу по вполне понятным причинам предпочитали не цитировать, но она, на самом деле, позволяет представить себе более реалистичную картину происходивших событий. С одной, правда, оговоркой. Цены на съестные припасы в Москве в это время оставались стабильными, как об этом свидетельствует такса цен на продовольственные товары, публиковавшаяся в Московских ведомостях. Подорожали только ситный хлеб (с 7 до 8 коп. за фунт), да масло коровье (с 40 до 45 коп. за фунт), зато дешевле стала говядина, цена за фунт 1-го сорта снизилась с 15 до 11 копеек¹².

Вернемся, однако, к мастерам. Если снабжение ополчения оружием правительство взяло на себя, то обеспечить его обмундированием и снаряжением должны были сами московские дворяне. Но не будем забывать, что в Москве располагался Комиссариатский департамент, который отвечал за снабжение вещами действующей армии. К тому же в Москву приезжали представители из других губерний, чтобы закупить все необходимое для полков, формирующихся на основании Указа от 13 мая 1812 г. из рекрутов, поступавших по 82 набору. В частности московский купецкий сын Д.С. Столбков заключил 12 июля 1812 г. контракт на поставку обмундирования для полков, создаваемых в Рязанской, Воронежской и Тамбовской губерниях и к 26 июля 1812 г. третью часть товара успел уже выставить¹³. Понятно, что спрос в данном случае многократно превышал возможности предложения. А если

⁹ Сборник исторических материалов... С. 27–29.

¹⁰ Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. М., 2004. С. 725.

¹¹ РА. М., 1896, Кн. 2, вып. 7. С. 349.

¹² Москва и Отечественная война 1812 г.: в 2 кн. / Авт.-сост. Д.И. Горшков. М., 2011. Кн. 1. С. 250–251.

¹³ Там же. С. 181.

еще принять во внимание, что поставить все это надлежало в кратчайшие сроки, то, само собой разумеется, что цены стали расти.

Остается только удивляться, что в таких условиях купцы нередко все-таки находили возможность и снижали цену, предложенную Военным министерством, соглашаясь осуществлять поставки вещей и продовольствия на более выгодных для казны условиях. Причем крупнейший комиссариатский поставщик, серпуховской купец В.В. Варгин, с 1808 г. снабжавший армию холстом, продолжал доставлять его по довоенным ценам, несмотря на сокращение производства и упадок торговли. Только в 1812 г. им было сдано в комиссариат 12 млн. аршин холста, рубашечного по цене 25 коп., а подкладочного – по 18 коп. за аршин. При том что биржевые цены на холст в 1812 г. не опускались ниже 35 коп. за аршин. В 1813 г. в виду крайней необходимости Александр I разрешил генерал-кригскомиссару проводить закупки вещей без всякого ограничения в ценах. Однако В.В. Варгин в 1813–1814 гг. продолжал поставки холста по прежним ценам, передав его комиссариатскому департаменту за эти годы на 30 млн. аршин¹⁴.

А.И. Татищев, занимавший во время Отечественной войны 1812 года должность генерал-кригскомиссара, признавал впоследствии, что без содействия В.В. Варгина, он бы не смог обеспечить снабжение армии и прежде всего формирующиеся резервы, численность которых достигала 650 тыс. человек, необходимым обмундированием и снаряжением. Когда стало очевидно, что фабрики, многие из которых оказались в зоне боевых действий и были закрыты, не в состоянии обеспечить войска сукном, Александр I одобрил представление управлявшего Военным министерством А.И. Горчакова о закупке крестьянского сукна. Это решение было принято 20 октября 1812 г., а уже в конце января 1813 г. первая партия сукон в 250 тыс. аршин должна была поступить в московское комиссариатское депо. Несмотря на столь жесткие условия, В.В. Варгин, уже имевший опыт скупки изготавливаемых крестьянами тканей, принял на себя эту поставку и выполнил ее точно в установленные сроки. Более того, по свидетельству того же А.И. Татищева, когда обнаруживались какие-либо недостатки в поставленном товаре, а качество крестьянского сукна уступало фабричному, он тут же заменял его без всякой дополнительной платы со стороны комиссариата. При этом

¹⁴ Столетие Военного Министерства. 1802–1902: в 13 т., 50 кн. СПб., 1903. Т. 5: Главное интендантское управление. Исторический очерк, ч. 1. С. 450.

В.В. Варгин, как сообщал А.И. Татищев, «выполнял поставки, сколько известно, с пожертвованием своего капитала»¹⁵.

Оценивая заслуги В.В. Варгина в Отечественной войне 1812 г. управлявший Военным министерством А.И. Горчаков в своем представлении Комитету министров писал: «Варгин, производя в течение 1812, 1813 и 1814 годов громадные поставки на десятки миллионов рублей каждый год без условий письменных и без залогов, забывая о собственных пользах, доставлял казне прибыли миллионы рублей и изумлял всех необыкновенным искусством и умением поддерживать низкие цены в самое трудное время, при всеобщем расстройстве торговли»¹⁶. По этому представлению последовало в 1815 г. высочайше утвержденное положение Комитета министров о награждении В.В. Варгина за поставку в комиссариат большого количества вещей по выгодным ценам золотой медалью «За усердие», украшенной бриллиантами, на голубой (андреевской) ленте.

Можно сказать, что в данном случае В.В. Варгин действовал как гражданин, но гражданская позиция со времен Козьмы Минаина была свойственна русскому купечеству. В трудную минуту оно забывало о собственных пользах, и готово было жертвовать всем своим имуществом ради Отечества. Разумеется, при желании и в 1812 г. найдутся купцы, искавшие собственную выгоду, но такие люди в равной мере встречались среди всех сословий. Нет никаких оснований полагать, что среди купечества их было больше, а уж тем более полагать, что купечество в целом наживалось на войне.

О том, насколько «обогатилось» русское купечество в ходе Отечественной войны 1812 года, лучше всего свидетельствует значительное сокращение его численности за это время. Многие купцы, проживавшие в охваченных войной губерниях, были в результате разорены, лишившись принадлежавших им товаров. Но и в тех губерниях, которые были далеки от театра военных действий, число купцов также сократилось. В Пензенской губернии, например, накануне Отечественной войны 1812 года насчитывалось 293 купца, а к 1814 г. их число сократилось до 163 или на 44,4%¹⁷. Общий упадок торговли лишил купечество надежного

¹⁵ РА. М., 1882, Кн. 2, вып. 3. С. 101.

¹⁶ Московские ведомости. 1859. 21 января. № 18.

¹⁷ Белоусов С.В. Купечество Среднего Поволжья в Отечественной войне 1812 года // Вестн. Самар. ун-та. 2010. № 3. С. 62.

заработка и сделал уплату налогов непосильной задачей. Поэтому многие из них, в особенности те, кто числился по 3 гильдии, предпочли капитала не объявлять, а записывались в мещанство. Поступление налоговых платежей с купечества в 1814 г. сократилось до 9,98 млн. руб. или на 17,8% по сравнению с 1812 года. В то же время недоимки многократно увеличились. Если на начало 1812 г. они составляли всего 259,3 тыс. руб., то к началу 1815 г. их число увеличилось до 6.438,7 тыс. руб. т.е. почти в 25 раз!¹⁸

Мы привыкли считать героями Отечественной войны 1812 года тех, кто с оружием в руках защищал Россию от нашествия неприятеля. Но надо признать, что среди купечества тоже есть немало тех, кто достоин этого звания. В условиях почти полной остановки торговли, жертвуя подчас собственным интересом, они смогли, тем не менее, обеспечить бесперебойное снабжение армии всем необходимым. Так что в течение практически всей войны русский солдат был одет и обут, а это не так уж и мало для поддержания боевого духа.

¹⁸ Сб. РИО. СПб., 1885. Т. 45. С. 461, 481, 491.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И «ЛОКАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ»

УДК 94.072:94(47).072.5 (470.6)

К ВОПРОСУ О МЕСТЕ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В СОБЫТИЯХ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА

К.Р. Амбарцумян

Северо-Кавказский федеральный университет,
кафедра истории России
E-mail: karina-best21@mail.ru

А.И. Федоренко

Северо-Кавказский федеральный университет,
кафедра истории России
E-mail: nlochist@yandex.ru

В статье авторы обращаются к проблеме казусов в истории и исторической памяти, к феномену «локальной исторической памяти». Через историю авантюриста Романа Медокса, пытавшегося сформировать горское ополчение для борьбы с французской армией, показан не только механизм возникновения «места памяти», но и место казуса и типичного в истории, а также их соотношение в конкретной ситуации.

Ключевые слова: казус, Роман Медокс, место локальной исторической памяти, Отечественная война 1812 года, горское ополчение.

ON THE PLACE OF THE NORTH CAUCASUS IN THE EVENTS OF THE WAR OF 1812

K.R. Ambartsumian

A.I. Fedorenko

The author looks into the incidents in the history and historical memory, to the phenomenon of «local historical memory». On the example of Roman Medox adventurer who tried to form a militia of highlanders to fight the French army the author shows not only the mechanism of the "places of memory", but also a place of unique and typical in this situation.

Key words: incident, Roman Medox, place the local historical memory, War of 1812, a militia of highlanders.

Согласно словарю С.И. Ожегова казус – это сложный, запутанный случай¹. Часто употребляемым термин стал в судебной практике, в которой под ним понимают сложное дело, только по внешним признакам являющееся правонарушением. В историческом исследовании казус подразумевает событие неожиданное, противоречащее общей логике, раскрывающее уникальные и нетипичные характеристики времени и пространства. Часто казус конструируется самим историком и неотрефлексирован современником, он лучше просматривается в исторической ретроспективе, по прошествии времени. Замечательным свойством казуса в контексте исторического исследования является умение своей нетипичностью и уникальностью подчеркнуть, оттенить, а зачастую и выявить общие черты и закономерности. Кроме того, казус при всей уникальности и индивидуальности происшествия, таит в себе нарождающееся новое, которое в дальнейшем приобретет свойства привычного и обыденного. Или же не приобретет, а останется в качестве нереализованной возможности.

Красочным примером казуса в истории России и Северного Кавказа стала знаменитая афёра по сбору горского ополчения для помощи основным войскам Романа Медокса в период Отечественной войны 1812 года. С точки зрения современного историка-исследователя она может оцениваться как казус, в понимании современников это было преступление против государственного порядка. Если рассматривать случай применительно к истории Северного Кавказа в контексте событий 1812 г., то происшествие через определенное время стало «местом исторической памяти». Кампания Медокса по формированию горского ополчения стала одним из ярких эпизодов и главных ассоциаций истории Северного Кавказа в контексте событий войны 1812 года.

Историческая память избирательна, она актуализирует отдельные исторические события, при этом игнорируя другие. Зачастую актуализируется именно казус. В случае с Романом Медоксом этот процесс непосредственно связан с персонификацией события. Вся проводимая кампания по комплектованию горского ополчения, её содержания и методы есть отражение конкретной личности. В исторической памяти она маркирует не только историю региона в контексте Отечественной войны, но и биографию самого Медокса. Более широкому кругу читателей этот эпизод

¹ URL: <http://www.ozhegov.org/words/11628.shtml> (дата обращения: 15.09.2012).

стал известен из труда В.А. Потто «Кавказская война», из него также была воспринята оценка событий, как упущенной возможности в войне 1812 года. Подобная интерпретация событий существует и на сегодняшний день. Прошедшая в ноябре 2012 г. на базе Северо-Кавказского федерального университета конференция, посвященная юбилею Бородинского сражения, наглядно это показала. В большинстве докладов тематика, которых связана с вкладом региона в события 1812 г., приводится эпизод с Медоксом. Называть его «местом памяти» не только претенциозно, но и не совсем корректно, адекватнее будет звучать «место локальной исторической памяти».

Суть, начатой, но так и неоконченной авантюры, заключается в попытке сформировать кавказско-горское ополчение для борьбы с Наполеоном, снискав себе тем самым славу не только Минина и Пожарского, но и даже Жанны д'Арк. Случай довольно известный, и зачастую, к сожалению именно он ассоциируется у обывателя с ролью народов Северного Кавказа в событиях Отечественной войны 1812 года. Сам же Медокс вошёл в историю как выдающийся авантюрист, особенности биографии позволяют его иногда называть «русским Мюнхгаузеном», за любовные похождения он был прозван «русским Казановой». «То его видели в Иркутске, то в Петербурге, то он арестант, то гость в кабинете шефа Жандармов графа Бенкендорфа»². Третью свою жизнь он провел в заточениях и ссылках, хотя прожить должен был полярно другую жизнь, так как происходил он из семьи выходца из Англии, широко известного в театральной среде.

Кавказская эпопея стала одним из самых смелых замыслов Медокса. Началась она с его бегства из полка в Таругине и кражи двух тысяч рублей из полковой кассы. На эти деньги он добыл мундир поручика лейб-гвардии, во многом благодаря которому он входил в расположение к людям, особенно в условиях войны с Наполеоном. Мероприятие Медокса зашло далеко, и в него оказались замешаны столь значимые персоны, что его можно назвать практически успешным.

Как пишет А. Зиссерман, писатель, некогда служивший в кавказских войсках, «среди смутных в 1812 году обстоятельств явился в город Георгиевск (авт. центр управления Кавказом) один молодой человек под именем Соковнина...»³. Опираясь на этот мате-

² Зиссерман А. Самозванец Медокс. 1812 год // РС. 1882. № 9. С. 620.

³ Там же. С. 621.

риал из журнала «Русская старина» как на источник, мы можем по той причине, что это компиляция из материалов дела по созданию кавказско-горского ополчения, хотя, конечно, многое списано и у В.А. Потто, и И. Дебу. Написана она в ответ на публикацию в том же журнале в 1879 г. записок Романа Медокса «Мое предприятие составить кавказско-горское ополчение в 1812 году», изданные его родственником.

При себе по прибытии в Георгиевск Медокс имел поддельные бумаги о якобы императорском поручении комплектования ополчения из «черкес и разных племен кавказского народа»⁴. В это время гражданский губернатор Кавказа, Яков Максимович Брискорн, скончался после тяжёлой болезни. По свидетельству же самого Медокса, он успел вместе с командующим Кавказской линией и губернским прокурором подписать «Записки совета о составлении кавказско-горского ополчения»⁵. Решения принимал вице-губернатор Врангель, хотя советник казенной палаты, которая должна была финансировать мероприятие Соковнина, Хандаков протестовал.

С усердием и рвением достойным гоголевского «Ревизора» провинциальные начальники, и гражданские, и военные, выслуживались перед Медоксом-Соковниным. В условиях провинции чиновничество, зачастую пустое и бессмысленное, особенно если носитель чина прибыл из столицы и имеет при себе документы с указаниями от правящей персоны, принимает гипертрофированные формы. Опытные в военной и гражданской службе начальники, буквально соревнуясь, «заботились угощать, забавлять лелеять сего мнимого чиновника: одни праздники сменялись другими увеселениями...»⁶. Формирование кавказско-горского ополчения было поддержано вице-губернатором Врангелем, тот начал давать соответствующие распоряжения о поддержке молодому офицеру. Генерал Портнягин, который временно командовал кавказской оборонительной линией, «соревнуя в сем государственном деле, зависящим более от военной части, не желая явить усердия менее вице-губернатора», через князя Бековича начал привлекать к делу ополчения кабардинцев, издал прокламации с призывом для горцев. Более того, он обратился к Менгли-гирею

⁴ Зиссерман А. Указ. соч. С. 621.

⁵ Медокс К.П. Мое предприятие составить кавказско-горское ополчение в 1812 году // РС. 1879. № 9. С. 710.

⁶ Зиссерман А. Указ. соч. С. 622.

произвести набор среди закубанских народов. В свою очередь Бекovich задействовал все связи и даже «употребил немало денег для приготовления себя и товарищей к службе»⁷. Соковнин-Медокс подбадривал Портнягина и обещал, что все его старания будут иметь материальное воплощение, так как он якобы уже добивается выплаты для него «столовых денег», которые необходимы командиру кавказской линии⁸.

И гражданские, и военные служащие проявляли невероятное рвение к выполнению высочайшего поручения. Сопротивление продолжал оказывать лишь тот, кто нес ответственность за финансы, и опасался выдавать деньги на сомнительное мероприятие. Этим лицом был вышеупомянутый советник Казенной палаты Хандаков, он усомнился в том, что такое сложное и дорогостоящее дело могло быть доверено монаршей персоной молодому офицеру, невзирая на документ с подписью (разумеется, поддельной) министра финансов, Дмитрия Александровича Гурьева. Свои соображения Хандаков изложил в донесении министру финансов, содержание которого дошло до главнокомандующего в Петербурге генерала Вязмитинова. Естественно, после этого последовали арест и разоблачение Романа Медокса.

Кампания, предпринятая на Кавказе, стала самой широкомасштабной авантюрой в биографии Медокса. Идея создания полка из горцев, употребления их военных качеств была не нова и не принадлежала только Медоксу. Князь Потемкин предпринимал попытки сформировать лейб-кавказскую-горскую сотню, но бюрократические проволочки и неорганизованность помешали реализации его замыслов. Определенные сложности в организации создавало отношение и самих горцев, менявших свои позиции к Российской империи в зависимости от контекста. Так, Ртищев добился договоренностей с Большой Кабардой, которая отправила депутатов в Петербург, где они были встречены с почестями и обещаниями о лейб-сотне. Но когда они вернулись на родину, их осудили и изгнали. Возможно, Ртищев не достаточно основательно подошел к решению данного вопроса, и не добился отправки в качестве депутатов людей более значимых, с которыми кабардинская аристократия в дальнейшем стала бы считать-

⁷ Зиссерман А. Указ. соч. С. 623.

⁸ Там же.

ся⁹. Идея была интересной, содержательной и в условиях борьбы с Наполеоном, ополчением было бы неплохим подспорьем для главных военных сил Российской империи.

В связи с этими нереализованными попытками, замысел Медокса был не просто смел, это был своего рода вызов Российской империи, которое имея все регулятивные механизмы в своем распоряжении, не могло его воплотить в реальность, причём ещё со времен Елизаветы, которая хотела иметь при заграничной армии ополчение, собранное из кавказских горцев. Самозванец, причём довольно молодой, сделал то, что не удалось сделать государству в лице его выдающихся представителей до него. Горское ополчение было собрано, но, разумеется, оно так и не выдвинулось. Сам же Медокс с сожалением писал о сорванном ополчении: «...не бывший в том краю, не может вообразить того зрелища, которое представляли мною собранные витязи в их блестящих кольчугах и полном азиатском вооружении»¹⁰.

Авантюра Медокса беспрецедентна по масштабам замысла и исполнения. Ему помогли его приятная внешность, хорошее образование, владение несколькими языками и начитанность. Наблюдавший его в ссылке в Иркутске Э.И. Стогов высоко оценил его манеры и умение держать себя в обществе: «Первое впечатление у меня было – кровный англичанин! - Я говорил с ним, он отвечал охотно и вежливо...»¹¹. Все знали о его пребывании на Кавказе, часто спрашивали о целях, на что Роман Медокс отвечал: «Я имел поручение, но зависть, интриги – испортили прекрасное мероприятие»¹².

Как с преувеличением написал о нем В.А. Потто, «все действия Медокса обставлены были так искусно и ловко, что всякая мысль о подлоге показалась бы нелепостью»¹³. Но стоит обратить внимание и на российский, и на кавказский контекст, в которых оказалась возможна реализация столь смелых замыслов. Как известно, в период войны с Наполеоном ополчения стали распространенной формой сопротивления, которое поддерживали мно-

⁹ Потто В.А. Кавказская война. В 5-ти томах. Т. 1. От древнейших времен до Ермолова // URL: <http://www.vehi.net/istoriya/potto/kavkaz/45.html> (дата обращения: 15.09.2012).

¹⁰ Медокс К.П. Указ. соч. С. 711.

¹¹ Стогов Э.И. Роман Медокс (по поводу его рассказа об ополчении горцев в 1812 году) // РС. 1880. № 8. С. 792.

¹² Там же.

¹³ Потто В.А. Указ. соч.

гие народы империи¹⁴. Государство взяло под контроль и интенсифицировало процесс формирования народных ополчений изданием манифеста от 6 июля 1812 г., в котором Александр I обратился к жителям Москвы с призывом стать на защиту Отечества против французского вторжения. Медокс действовал в условиях общенационального патриотического подъёма, призыв к созыву ополчения вполне соответствовал политике империи.

Роман Медокс сам признавал, что ополчение было собрано в декабре 1812 г., когда французы уже отступали за пределы России: «Надобно сказать, что это ополчение было предпринято в декабре 1812 г., когда гонимые французы уже проходили границы России, и что я весьма разумел негодность оною в бытность неприятеля внутри России; ибо в подобных случаях чужие вспомогательные войска не помогают, а грабят и по возможности завоевывают»¹⁵. Поэтому исход войны и победа России над французской армией были предрешены, по большому счёту, и без участия кавказско-горского ополчения.

Тем не менее, рвения ни Портнягина, ни Врангеля, ни других представителей кавказской военной и гражданской администрации это обстоятельство не убавило. В обстановке военной нестабильности, окраинности региона, для представителей провинциальной администрации появилась возможность добиться определенных карьерных успехов. Генерал-майор Портнягин только в 1812 году вступил в должность командующего Кавказской линией. Врангель был на должности вице-губернатора как раз в тот момент, когда умер губернатор Брискорн. Таким образом, управление кавказским краем было несколько нестабильно. Сказались и этнополитические особенности северокавказского региона, его нестабильность. Медокс уверял, что ополчение, которое пойдет в Россию, в то же самое время будет служить надежным аманатом, заложником, позволяющим оказывать влияние на горцев, умирять их. В условиях Северного Кавказа такая идея была, разумеется, привлекательна для военной администрации.

Медокс умело подделывал документы, подписи необходимые для предпринимаемого дела. Как в дальнейшем показало следствие, подделка многих документов была очевидна при вниматель-

¹⁴ *Высочков Л.В.* «Война теперь не обыкновенная, а национальная»: Народы России в Отечественной войне 1812 года // URL: <http://zapad-rus.ru/rusmir/istf/70--2012-09-13-2-.html> (дата обращения: 15.09.2012).

¹⁵ *Потто В.А.* Указ. соч.

ном рассмотрении, даже бумага необходимая для проезда – по дорожная – выдала бы мошенника. Не обратили внимания на отсутствие денег, молодость Медокса (по разным сведениям ему было от 17 до 19 лет). Более того, он, прибыв в декабре 1812 г. на Кавказ, представлялся адъютантом министра полиции Александра Балашова, который уже в марте 1812 г. был освобожден от этой должности. Это несоответствие не помешало ему получить поддержку кавказской администрации. Опять-таки отдаленность региона от центра тоже может как-то объяснить это обстоятельство.

Таким образом, феномен Медокса являет нам не только казус в истории Отечественной войны 1812 года, но и представляется очередной нереализованной властями возможностью, но именно в отношении урегулирования отношений горскими кавказскими племенами. Очевидно, что все предпосылки и возможности для создания горского ополчения существовали, раз это удалось молодому аферисту. Потто сожалел о срыве замыслов Медокса не только с позиции успехов России в войне 1812 года и заграничных походов русской армии, но и с точки зрения упущенной возможности приобщения горцев к «европейскому быту» и «европейским понятиям»¹⁶.

Авантюра, им предпринятая позволила увидеть более отчетливо некоторые вполне типичные явления, как российского масштаба, так и регионального уровня. Случилось все уже в преддверии другого грандиозного периода в российской истории – Кавказской войны. Сбор ополчение в этом контексте тоже симптоматичен, и демонстрирует неоднозначность отношений российских властей с горцами, о возможности использовать их потенциал в пользу Российской империи. Если говорить о нереализованных возможностях в мероприятии Медокса, то в большей степени это касается способов налаживания отношений с горской элитой. Используя и материальные ресурсы, и организаторские способности он установил с ней контакты и мирными способами добился достижения поставленной цели. Во многом благодаря своей неординарности случай стал «местом локальной исторической памяти», которое сконструировано именно благодаря трактовке событий как нереализованной возможности изменить ход военных действий на общероссийском уровне.

¹⁶ Потто В.А. Указ. соч.

О ПАМЯТИ И ПАМЯТНИКАХ В УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ИСТОРИИ

С.И. Посохов

Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина,
кафедра историографии, источниковедения и археологии.
E-mail: sposokhov@mail.ru

В статье анализируется состояние исторической памяти, месте памятников в «локальной памяти» применительно к истории Харьковского национального университета. Через историю памятников, символов и ритуалов рассматривается процесс и механизмы формирования «локальной версии памяти», которая становится основой корпоративного сознания.

Ключевые слова: Харьковский национальный университет, локальная память, историческая память, феномен разделенной памяти, университетская идентичность.

ABOUT MEMORY AND MEMORIALS IN HISTORY OF UNIVERSITY

S.I. Posokhov

In this article the state of historical memory, place the monuments in the «local memory» due to history of Kharkiv National University. With the history of monuments, symbols and rituals the author studies the process and mechanisms of formation of «local version of Memory», which is the basis of corporate consciousness.

Ключевые слова: Kharkov National University, local memory, historical memory, the phenomenon of shared memory, the university identity.

В 2004 г. в журнале «Ab Imperio» (№ 3) была опубликована статья «История университета как история памяти корпорации», авторами которой выступили историки Казанского университета Е.А. Вишленкова, С.Ю. Мальшева и А.А. Сальникова¹. Затем появилась книга этих же авторов «Terra Universitatis: Два века университетской культуры в Казани»², в которой более детально из-

¹ Вишленкова Е.А., Мальшева С.Ю., Сальникова А.А. История университета как история памяти корпорации // Ab Imperio. 2004. № 3.

² Они же. Terra Universitatis: Два века университетской культуры в Казани. Казань, 2005.

лагались многие идеи, высказанные в статье. Собственно, это был первый на постсоветском пространстве опыт изучения университетской культуры как комплекса практик и ценностей. Такая постановка проблемы была актуальна не только с точки зрения современных тенденций в исторической науке, давно осваивающей антропологическую парадигму. Данный подход также актуален, исходя из тех задач и сложных проблем, которые стоят перед современными университетскими сообществами. По сути, это способ приблизиться к ответу на вопрос о том, что из себя представляет университетская идея сегодня, каковы признаки современной университетской корпорации, как функционирует культурный механизм освоения прошлого в среде университетских интеллектуалов, и можем ли мы вообще говорить об университетской идентичности. Безусловно, поиск ответов на эти вопросы заставляет нас внимательнее отнестись к проблеме исторической памяти. И в этом случае нас также ожидает серия вопросов: дают ли в своей совокупности локальные варианты университетской памяти нечто новое, цельное, то, что можно назвать общей памятью, что собой представляют университетские «места памяти», как происходит трансляция общих ценностей и как функционируют механизмы, обеспечивающие преемственность поколений университетских людей. Сразу следует отметить, что и в упомянутой статье, а тем более в книге, блестяще реализуются эти и другие задачи, содержатся ответы на названные вопросы. Методология культурной истории, которой придерживаются данные исследователи, позволила совершенно по-новому взглянуть на историю университетов (в частности, Казанского), произвести деконструкцию нарративов памяти, выявить базовые тропы «университетского мифа». Анализируя языковые практики и университетские церемонии, ритуалы, символику, исследуя стиль жизни и культуру отношений университетских людей, указанные авторы не только сделали очень интересные выводы, но и заложили основу для дальнейших исследований.

В частности, после знакомства с этими работами появляется желание непременно проверить насколько соответствуют предложенные авторами итоговые суждения реалиям «своего» университета, подтверждаются ли они собственным исследовательским опытом. В данном случае мы и предлагаем сосредоточить внимание на истории Харьковского университета, который по времени своего возникновения может считаться «братом-

близнецом» Казанского университета, так как был создан с ним в один день – 5 (17) ноября 1804 г., когда император Александр I подписал Утвердительную грамоту и Устав.

Сразу следует отметить, что последующая судьба этих двух университетов складывалась по-разному. Смеем утверждать, что Харьковский университет постигла более драматичная судьба. Хотя, применительно к дореволюционному периоду, притчей во языцех стала история о «разгроме» Казанского университета во времена Магницкого, тем не менее, сегодня понятно, что XIX – начало XX вв. в истории российских университетов можно назвать периодом достаточно устойчивого поступательного развития (что особенно очевидно на фоне последующих событий). Заметим также, что внешние признаки корпоративной общности долгое время проявлялись, прежде всего, в официальных мундирах как профессоров, так и студентов. Вообще в дореволюционный период в символах и эмблемах университетов Российской империи было много общего. С течением времени проявятся определенные противоречия: с одной стороны, наблюдается очевидная тенденция к унификации университетской символики, через подчеркивание государственного статуса этих учебных заведений (изображение двуглавого орла, императорской короны); с другой, заметно увеличение разнообразия такой символики, попытки усилить университетский корпоративный дух, в том числе посредством символов и эмблем (знаки магистров и докторов, а также выпускников университета). Впрочем, вторая тенденция проявилась значительно позже. В частности, лишь в конце XIX в. появились специальные знаки для выпускников (в декабре 1889 г. были введены жетоны для тех, кто окончил императорский университет, а в июне 1899 г. для таких лиц был установлен специальный нагрудный знак³). Последнее объяснялось не только социокультурными процессами, но и появлением разветвленной сети высших учебных заведений.

Условия гражданской войны были одинаково губительны для двух университетов, но все же следует вспомнить, что смена власти в Харькове была более частой, а главное, противостояние здесь было более ожесточенным. Многие университетские преподаватели и студенты ушли с Белой армией и, как оказалось, навсегда (а память о них была просто уничтожена). Последующий

³ Сборник постановлений по МНП. СПб., 1895. Т. 11. Стб. 1019; СПб., 1903. Т. 16. Стб. 1249.

ход истории, казалось, не оставлял шансов для Харьковского университета. В 1920 г. все университеты Украины были «реорганизованы» (а по мнению ряда исследователей просто ликвидированы, так как поменялись не только вывески, но и структура, и основные принципы). В том числе и Харьковский университет сначала превратился в Академию теоретических знаний, затем Харьковский институт народного образования (ХИНО), потом была еще одна реформа, и лишь в 1933 г. университет возродился вновь (с 1936 г. – Харьковский государственный университет имени М. Горького). В ходе таких преобразований от университета «откололись» юридический и медицинский факультеты, которые превратились в самостоятельные вузы, ХИНО также дал жизнь нескольким высшим учебным заведениям. Именно тогда, в 1920-е – 1930-е годы возник нынешний «харьковский вузовский центр». В 1933 г. Харьковский университет восстанавливался «сразу как новое советское высшее научно-учебное учреждение с новыми задачами и полностью новым содержанием всей работы»⁴.

В годы гражданской войны и последующих реформ сильно пострадали или вовсе были изъяты из ведения университета многие музейные коллекции, существенно пострадало книжное собрание библиотеки. Уничтожались старые символы и названия (например, ул. Университетская была переименована в ул. Свободной академии). В отличие от Казанского университета, который уже в 1925 г. получил щит в своем названии – имя В. Ульянова (Ленина), Харьковский еще требовалось «перековать», о чем свидетельствуют трагические судьбы многих «старых университетчиков».

В годы Великой Отечественной войны Харьковский университет был эвакуирован в Кзыл-Орду (Казахстан), где на некоторое время был объединен с Киевским университетом под названием Объединенного государственного украинского университета. Есть свидетельства о том, что тогда же серьезно рассматривался вопрос о том, стоит ли возрождать университет в Харькове. Война привела не только к материальным потерям, но и очередным «разрывам памяти». Еще меньше стало в университете тех, кто хранил старую университетскую традицию. Безвозвратно погиб университетский архив, пострадали коллекции, интерьеры.

⁴ Короткі нариси з історії Харківського державного університету ім. О.М. Горького (1808–1940). Харків, 1940. С. 87.

В 1950 г. решением Совета министров СССР университету было передано полуразрушенное здание бывшего Дома проектов. Это здание строилось как Дом правительства на площади Дзержинского в конце 1920-х – начале 1930-х годов. Поскольку тогда г. Харьков был столицей Советской Украины, площадь и комплекс зданий на ней должны были символизировать новый социалистический город. Здание Дома правительства являло собой одно из первых в СССР высотных зданий, которое и сегодня поражает своим размерами и внешним видом (площадь – более 60 тыс. кв. м). Любопытно отметить, что и это, и другие здания на площади Дзержинского находились на университетских землях, тех, которые были подарены университету в момент его основания местными жителями в качестве пожертвований. Рядом находится бывший Университетский сад (ныне парк имени Т. Шевченко). К сожалению, условием предоставления нового помещения для университета стал отказ от старых университетских строений. Парадокс современности заключен в том, что в нынешнем Харькове на ул. Университетской в бывших университетских строениях расположилась Харьковская инженерно-педагогическая академия (на здании которой теперь укреплено множество мемориальных досок с надписью «здесь учился...», а на самой вывеске значится год основания – 1804!). Собственно университету сегодня на этой улице принадлежит только «старое здание» Центральной научной библиотеки – все, что осталось от наследства императорского университета. Возникновение в Харькове большого количества крупных вузов несколько нивелировало символическую роль Харьковского университета в региональной образовательной системе.

И все же университет удивительным образом возродился из пепла, как и университетская культура, которая проявляла невероятную живучесть. Признаки возрождения «университетского духа» можно наблюдать уже в период празднования 150-летия университета.

1960-е годы некоторые считают периодом расцвета Харьковского университета. Действительно, тогда было сделано очень многое, чтобы превратить университет в ведущий научный и образовательный центр. Вместе с тем, обратим внимание на то, что при оформлении университета и его музея, библиотеки, акцент делался или на революционном прошлом, или на сопричастности с мировой наукой. Свидетельством первому является мозаичное панно на входе в университет и картина перед актовым за-

лом, второе нашло отражение во фресках на стенах холла на четвертом этаже перед Малым актовым залом (где изображены выдающиеся ученые всех времен и народов).

Казанский университет превратился в «ленинский», что позволило ему претендовать на высокое, почти сакральное место в пространстве советской культуры. Не удивительно, что в Казанском университете к 100-летию В.И. Ленина была завершена программа возрождения исторических интерьеров университета, придания особого акцента преемственности (пусть и «революционной») поколений университетских людей. Бывший храм науки стал живым ленинским мемориалом⁵. В Харьковском университете такие попытки выглядят более скромно. В частности, в 1972 г. возник музей истории университета. Удивительно, но до этого времени такое «место памяти» просто отсутствовало.

Важно отметить, что с середины 1960-х годов возродилась традиция отмечать день рождения Харьковского университета торжественным заседанием Совета в январе. Дата такого заседания не всегда совпадала с 17(29) января (днем торжественного открытия университета в 1805 г.), поскольку по расписанию работы Учёный совет собирался по пятницам. Однако, важен сам принцип. Поначалу эти заседания завершались встречей у ректора с сотрудниками, у которых юбилейные даты жизни приходились на данный год. Впоследствии, начиная с 1976 г., такие приёмы стали более многочисленными. Позже к этому дню стали приурочивать торжественные заседания совета, «актовые речи» ректора и награждения⁶.

Наряду с советскими символами и эмблемами, а также унифицированным значком выпускника вуза (внешне напоминая дореволюционные прототипы), с конца 1950-х годов, начинают изготавливать и использовать значки и эмблемы с идеологически нейтральными изображениями. Прежде всего, это вид здания университета. Впервые мы его встречаем на значке, посвященном 150-летию университета, затем, в 1963 г., появился еще один значок (в связи с введением в строй отремонтированного главного корпуса). С этого времени такой символ становится

⁵ Вишленкова Е.А., Малышева С.Ю., Сальникова А.А. История университета как история памяти корпорации... С. 296.

⁶ Тарапов И.Е. Харьковский университет. Страницы истории: Сборник актовых речей на торжественных заседаниях Учёного совета, 1976–1993. Харьков, 1997.

весьма распространенным. Появляются его модификации: в сочетании с книгой, портретом М. Горького, в ряде случаев имеем варианты стилизации изображения университетского здания, а также в сочетании с другими символами науки и просвещения (лира, модель атома, факел). В 1960-е – 80-е годы появляются эмблемы факультетов. Символика была характерной: биофак – микроскоп, геофак – компас, химфак – пробирка, кристаллическая решетка, радиофак – синусоида, антенна, диодная лампа. К 1988 г. сложилась система факультетских эмблем. К началу 1980-х свои эмблемы имели университетские спортивные клубы и даже стройотряды. Вместе с тем, обращает на себя внимание «универсальность» символики, отсутствие у нее исторических корней и признаков преемственности.

С середины 1960-х годов на почтовых конвертах появляются изображения памятника В.Н. Каразину. История данного памятника заслуживает специального внимания. Идея установить памятник инициатору создания Харьковского университета была высказана еще в 1873 г. известным писателем Г.П. Данилевским, тогда же среди харьковской общественности начали собирать на него средства. Памятник был отлит в Петербурге (скульптор И. Андреолетти) в 1904 г. и готовились его установить к 100-летию университета. Однако революция 1905 г. внесла свои коррективы. Памятник был торжественно открыт в Университетском саду в 1907 году. В начале 1930-х он был демонтирован и на его месте установили памятник Т. Шевченко. По сохранившимся воспоминаниям памятник Каразину готовились отправить на переплавку, но возрождение университета и чье-то заступничество привело к тому, что памятник в 1934 г. установили у старого здания университета. Зримым выражением половинчатости возрождения университетских традиций в конце 1950-х – 1960-х гг. стал в том числе и памятник В.Н. Каразину, передвинутый в 1958 г. к новому зданию на площади Дзержинского, но установленный с боковой стороны главного корпуса. К тому времени в тексте на памятнике давно уже были сбиты буквы «императорский» применительно к основанному университету. В 1999 г. Харьковский университет получил статус «национального» и имя В.Н. Каразина, в 2004 г. памятник был установлен возле главного входа в университет, на нем были восстановлены все сбитые ранее надписи. Памятник стал зримым символом исторической преемственности, своего рода доказательством реальных исторических корней именно то-

го университета, возле которого он установлен. В условиях нездоровой конкуренции, актуализация вопроса о «праве первородства» послужила причиной возрождения дискуссии, которая велась сто лет назад о вкладе Каразина в процесс создания университета. Сама личность Каразина оказалась настолько неоднозначной, что при «заинтересованном прочтении» его биографии легко построить абсолютно разные образы (патриота, монархиста, реформатора, деятеля украинского возрождения, просветителя и др.). С момента присвоения университету его имени наблюдалось несколько попыток дезавуировать его символическую роль. В.Н. Каразин стал символом, за который университету пришлось бороться⁷.

В новых социально-политических условиях возродился взгляд на университет как на элемент механизма социального и национального угнетения, в частности, обращается внимание на русификаторскую функцию российских университетов, к коим относят и Харьковский⁸. Можно говорить о том, что сегодня в историографии Харьковского университета мы имеем не просто различные интерпретации отдельных событий университетской истории, но различные за направленностью нарративы.

Вообще, следует заметить, что с обретением Украиной независимости начался новый период и в истории университетов. Развитие рыночных отношений и коммерциализация образования стали фактором не только структурных перемен, но и реализации многих имиджевых проектов. На этом поле развернулась борьба за лидерство на региональном образовательном пространстве различных высших учебных заведений, которые, в ряде случаев вводя недостающие элементы структуры, также претендуют на «универсальность» и стремятся подкрепить свои претензии различными способами. Предметом разногласий становятся даже, казалось бы, незыблемые истины. Так, еще недавно, ни у кого не вызывало сомнений, что до начала XX в. в Харькове существовало 3 вуза (университет, ветеринарный и технологический ин-

⁷ Василий Каразин: новый взгляд? Старый бред! / В.С. Бакиров, Л.О. Каразина, С.И. Посохов // Веч. Харьков. 2003. 11 дек.

⁸ Об этом см.: *Посохов С.И.* Образы Харьковского университета XIX – начала XX в. в воспоминаниях, публицистике и историографии // «Быть русским по духу и европейцем по образованию». Университеты Российской империи в образовательном пространстве Центральной и Восточной Европы XVIII – начала XX в. М., 2009.

ституты). Сегодня, судя из официальных «историй» вузов, сложно даже назвать эту цифру. Каждый областной центр в Украине обзавелся своим классическим (а то и двумя) университетом. Декларируемые даты их основания нередко уходят корнями в древность. В борьбе за абитуриентов и преференции от власти «удревнение» истории стало обычным делом. Началась конкурентная борьба и «визуальными средствами». Возле харьковских вузов появились свои памятники, которые должны создать соответствующий его образ. Так, возле основного корпуса Харьковского национального педагогического университета имени Г.С. Сковороды появился памятник выдающемуся украинскому философу (хотя это уже второй памятник, а первый установлен в старом центре, рядом с тем местом, где когда-то был Харьковский коллегийум, в котором и преподавал Г.С. Сковорода). Памятник Ярославу Мудрому был установлен возле Национальной юридической академии, носящей имя киевского князя. Возле нового здания Национального фармацевтического университета установлен памятник «Фармация в веках», одним из элементов которой является фигура средневекового аптекаря в университетской мантии.

Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина также включился в эту «гонку памяти». Возле переданного университету корпуса бывшей Военной академии появились памятники историку Д.И. Багалею и математику А.М. Ляпунову. На фасаде главного корпуса укреплены мемориальные доски, а в фойе были установлены мраморные доски с цитатами В.Н. Каразина и из Устава 1804 г. В планах – установление бюстов лауреатам Нобелевской премии, жизнь и деятельность которых имела отношение к университету, а также проектирование аллеи с бюстами выдающихся ученых университета в сквере напротив главного корпуса.

В последние два десятилетия наблюдаются изменения и в университетской символической системе. Безусловно, некоторые символы предшествующего периода (стилизованное здание университета, некоторые устоявшиеся символы факультетов) сохраняются. Однако наряду с ними появилось немало новых, причем зачастую бессистемно, по инициативе отдельных руководителей университетских подразделений. Эмблемы и логотипы сопровождают проведение конференций и других мероприятий. Вместе с тем, параллельно, происходит и управляемый процесс. Решением Ученого совета университета был утвержден герб и гимн университета. Герб представляет собой щит французской формы синего

цвета, в центре которого размещена золотая буква «У» (из «Украинской азбуки» художника Г.И. Нарбута). Щит обрамлен золотым венком из лавровой и дубовой ветвей. Над щитом расположена дата основания университета – «1804». Ниже щита на белой ленте девиз: «*cognoscere, docere, erudire*». На аналогичных основах построен герб Университетского лица. К слову, герб университета нередко являет собой эмблему, так как далеко не всегда его изображения содержат щит, не всегда выдержана цветовая гамма и т.д.

Несколько позже появились штандарты факультетов, которые стали необходимым атрибутом всевозможных университетских мероприятий. В этих и других изображениях наблюдается возрождение некоторых символов дореволюционного периода: одним из главных элементов многих эмблем стал венок из лавровых и дубовых листьев. Возобновилась чеканка юбилейных и памятных медалей (монет) с соответствующими изображениями. В том числе, такие медали вручаются лучшим выпускникам (на аверсе изображен современный герб университета, на реверсе сохранено изображение наградной студенческой медали начала XIX в.), сотрудникам и лицам, содействующим университету, вручается «Золотая медаль им. В.Н. Каразина», а почетным докторам – знак, по форме и символике напоминающий знаки докторов дореволюционных российских университетов. Начался массовый выпуск значков и другой продукции с гербом университета или логотипами и надписями. Но, все же, учитывая слабость отечественной традиции, происходит конструирование новых форм, нередко представляющих собой синтез отечественных и западноевропейских традиций. В этом ряду – введение мантий для выпускников, руководства университета и почетных докторов, а также торжественная процессия в момент выпуска.

Как известно, символ – условный знак. Символы используют для того, чтобы подчеркнуть свои отличия от других. В этом (прагматическом) плане они выполняют объединяющую функцию на уровне повседневных практик, а также репрезентативную функцию в условиях внешних контактов. Одновременно это способ объявить о своих целях и задачах, о своей принадлежности к более широкому сообществу. Семантический анализ символики фиксирует изменение смыслов, появление новых смысловых оттенков. В символике интересно соединяются содержание и форма. Университетские традиции неотделимы от университетских символов. Неудивительно, что возрождение/развитие первых приводит к

возрождению/развитию вторых. Вместе с тем, речь идет не только о неких общих для классических университетов символах, но и о региональных отличиях. Вопросом дня является осмысление основных символов науки и просвещения в новых условиях, выявление базовых композиций символики классического университета, что предполагает осмысление его нового этапа развития, так называемого «массового университета». Последнее задание фиксирует так называемый «синтаксический» анализ символики, когда ее осмысление осуществляется в определенной системе, то есть имеется понимание того, что символ существует не сам по себе, но в системе символов.

Однако для того, чтобы символика и ритуалы не выглядели искусственно привнесенными, следует больше внимания уделить собственным традициям, а значит – изучить их. Именно с этой целью в Музее истории университета стала формироваться база данных «Символы и эмблемы Харьковского университета», а затем начался ее анализ⁹. Чтобы изучить механизмы функционирования университетской памяти началась работа по сбору и изданию воспоминаний преподавателей и выпускников¹⁰, была подготовлена и защищена кандидатская диссертация, специально посвященная такой теме¹¹. Чтобы максимально выявить тех людей, которые имели отношение к университету, началась подготовка биографических словарей¹².

О том, что история символики и памятников непосредственно связана с проблемами университетской памяти свидетельствуют материалы опроса выпускников разных лет, который осуществляется уже в течение нескольких лет. В основу данного исследовательского проекта была положена анкета Казанского

⁹ *Посохов С.И.* Символы и эмблемы Харьковского университета // Вспомогательные исторические дисциплины в пространстве гуманитарного знания: Матер. XXI Междунар. конф. М., 2009. С. 291–294.

¹⁰ Харківський університет ХІХ – початку ХХ століття у спогадах його професорів та вихованців: у 2 т. / уклад. Б.П. Зайцев, В.Ю. Іващенко, В.І. Кадеєв та ін.; наук. ред. С.І. Посохов. Х., 2008, 2010.

¹¹ *Іващенко В.Ю.* Мемуари професорів та студентів з історії Харківського університету ХІХ – початку ХХ ст.: Дис... канд. іст. наук. Х., 2003. – 216 с.

¹² Вихованці Харківського університету: біобібліогр. довід. / Харк. нац. ун-т ім. В.Н. Каразіна, авт.-укл. Б.П. Зайцев, В.І. Кадеєв, С.М. Куделко, Б.К. Мигаль, Ю.Ю. Полякова, С.І. Посохов. Х., 2004; Почесні члени Харківського університету: біогр. довід. / Б.П. Зайцев, В.І. Кадеєв, С.М. Куделко, О.С. Марченко, Б.К. Мигаль, С.І. Посохов. Х., 2008. – 312 с.

университета. Собственно, как уже отмечалось, стремление проверить «работу выводов» казанских историков с неизбежностью диктовало необходимость воспользоваться уже освоенной методикой. Анкета была несколько изменена, но сохранила основные вопросы, которых также насчитывается более шестидесяти. Запись и транскрипция производилась студентами исторического факультета. Материалы хранятся в Музее истории университета; на сегодняшний день собрано 156 анкет. По вполне понятным причинам почти половина – от выпускников исторического факультета. Хронологический спектр значителен: от выпуска 1956 г. до 2012 г. На выпускников 1960-х, 1970-80-х, 1990-х и 2000-х годов приходится от 20 до 30% анкет, что позволяет говорить о более-менее пропорциональном распределении материала по периодам. Среди тех вопросов, которые имеют прямое отношение к теме данной статьи, назовем следующие:

1. Были ли у вас и у ваших друзей любимые места в университете и вокруг него? Какие именно? С чем они были связаны?

2. Знаете ли вы какие-нибудь истории, связанные с университетскими зданиями, памятниками?

3. Какие эмблемы, символы, знаки в вашей памяти связаны с Харьковским университетом?

4. Вручали ли вам какие-нибудь знаки, значки, нагрудные знаки в честь поступления в Харьковский университет, его окончания? Опишите их.

5. Помните ли вы ритуалы, связанные с посвящением в студенты, с окончанием университета?

Совсем немного выпускников 1950-х – 1990-х годов вспомнили о «стандартных университетских значках» («нагрудном знаке выпускника», «выпускном значке»), которые были им вручены после окончания обучения. Лишь некоторые назвали эмблему факультета, значки, изготовлявшиеся в честь дня в честь дня факультета, эмблему студенческой дружины по охране природы, символические ленточки с надписью «ХГУ» и датой «1 сентября» при посвящении в студенты, «стройотрядовский значок». «Любимыми местами» были названы парк им. Т.Г. Шевченко, столовая, зоопарк (который находится рядом с университетом), кафе «Кристалл», библиотека, спотркомплекс, курилка. Несколько выпускников назвали символом само здание университета. Выпускники прямо отмечают, что кроме вручения дипломов в торжественной обстановке, «особых ритуалов не было». Лишь дважды

вспомнили студенческий гимн «Гаудеамус», один раз – то, что читали присягу при посвящении. Печально, но в подавляющем большинстве анкет нет ответа на вопрос об историях, связанных с университетскими зданиями, памятниками. Лишь несколько раз упомянуты «истории о памятнике Каразину» (но о чем были эти истории не указано) или просто отмечено «перенос памятника» (сложно сказать, что имеется в виду, но, возможно, история перемещения памятника). Как правило, в этом случае отвечали: «не знаю», «не припомню». В 2000-е годы никаких значков выпускникам уже не вручали, но упомянуты герб университета («эмблема университета»), буква «У», герб (эмблема) факультета, библиотеки, факультетские значки, эмблема ассоциации выпускников, эмблемы археологических экспедиций и др. Очевидно, что число таких знаков и значков увеличилось. Среди ритуалов отмечены театрализованное представление при посвящении в студенты («приезд Каразина») и шествие в мантиях во время выпуска. К «любимым местам» добавились «парапет через дорогу от университета» (курение в университете в последние годы запрещено и курильщики собираются на площади перед университетом), холл (где теперь установлены скамейки и назначаются встречи). В ряду историй упомянуты «слухи» (о затопленных подземных этажах университета, о подземной галерее под пл. Свободы / «тоннель между Центральным и Северным корпусами» и др.), а также о переносе памятника Каразину на новое место. Но и выпускники 2000-х часто отвечают «не знаю», «не помню», «не вручали», «затрудняюсь ответить», что свидетельствует о том, что новые символы и ритуалы для многих остались незамеченными, а корпоративное сознание так и не сформировалось.

Таким образом, имеющиеся в нашем распоряжении материалы в значительной мере подтверждают выводы казанских коллег об асимметрии и разрывах памяти, наличии «феномена разделенной памяти», что не позволяет говорить о непрерывном развитии «согласованных версий прошлого». Более того, история Харьковского университета в этом плане дает даже более убедительные аргументы, чем Казанского. Однако, на наш взгляд, не столь очевиден вывод о том, что «локальные версии (памяти. – С. П.) не только конфликтуют между собой, но и противоречат линейной «истории» университета»¹³. Дело в том, что эти так на-

¹³ Вишленкова Е.А., Малышева С.Ю., Сальникова А.А. История университета как история памяти корпорации... С. 308.

зываемые «локальные версии», по крайней мере в «харьковском варианте», не стали самостоятельными или даже автономными. Чаще они являют собой фрагментарные версии, нечеткие в своих смысловых границах, и далеко не законченные цепочки событий и их интерпретаций. Последнее, как нам представляется, обусловлено не только недостаточной рефлексией по поводу идеи университета в самой университетской среде, но и началом нового этапа истории, так называемого «массового университета», который характеризуется кризисом концептуальных основ, расширением спектра мнений и возрастанием динамизма процессов в самой системе университета. Данные обстоятельства не позволяют развиваться институциональной памяти. Свое влияние на этот процесс оказывают и противоречивые процессы в историографии университетов и так называемые «трансгрессоры» (симулякры, которые используются как оружие против других симулякров)¹⁴, призванные подорвать символический капитал университета. Но в этом случае нужно вести речь не о вариантах памяти, а о вполне предумышленных конструкциях, которые оказывают воздействие на версии памяти, с целью их отклонения или направленного развития.

К тому же, «локальные версии памяти» могут вполне вписываться в «общее русло» истории и представлять лишь его «ответвления». Как отмечал Поль Рикёр: «Фрагментарные представления памяти идут по пути рассеивания воспоминаний. Рефлексия, напротив, возвращает в лоно памяти о себе, где формируются аффекты, порождающие чувство вины. Путь от действия к субъекту повторяет путь от памяти-воспоминания к памяти-рефлексии»¹⁵. Соперничество между памятью и историей, о котором писали тот же П. Рикёр, а затем и П. Нора¹⁶, не следует абсолютизировать и переносить на все эпистемологические процессы. Как правило, путь примирения истории и памяти выражен в тех зримых символах, ритуалах, рефлексивных практиках и «местах памяти», которые признаны большинством того или иного сообщества (в том числе и университетского). Последнее заставляет историков университета не только попытаться в имеющихся символах увидеть систему, но и, прогнозируя новые смыслы, ви-

¹⁴ Корнев С. Трансгрессоры против симулякров. URL: <http://kitezh.onego.ru/transgr.html> (дата обращения: 8.08.2012).

¹⁵ Рикёр П. Память, история, забвение. М., 2004. С. 639.

¹⁶ Там же. С. 690.

деть эту систему как развивающуюся, а значит, конструировать новые точки университетского консенсуса. И, конечно, актуальность приобретает вопрос о вариантах репрезентации университетской истории через различные устойчивые формы визуализации, ведь именно они удерживают память от забвения и создают каркас истории как нарратива. Последнее очень важно для формирования корпоративного сознания, того «университетского духа», о котором столько написано и в воспоминаниях, и в научных исследованиях.

200-ЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА В САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

В.П. Тотфалушин

Саратовский государственный университет,
кафедра истории
E-mail: TotfalushinVP@info.sgu.ru

В статье рассматриваются вопросы, связанные с подготовкой и проведением 200-летнего юбилея Отечественной войны 1812 года. Анализируется деятельность межведомственной комиссии, учреждений науки и культуры Саратовской области по организации мероприятий в честь юбилея. Показан вклад указанных учреждений в дело исторического просвещения населения и патриотического воспитания молодежи.

Ключевые слова: 200-летний юбилей, Отечественная война 1812 года, Саратовская область.

200-YEAR ANNIVERSARY OF PATRIOTIC WAR OF 1812 IN THE SARATOV REGION

V.P. Totfalushin

In this article the questions connected with preparation and carrying out of the 200-year anniversary of Patriotic war of 1812 are considered. Activities of the interdepartmental commission, establishments of science and culture of the Saratov region for organization of events in honor of anniversary are analyzed. The contribution of the specified establishments to historical education of the population and patriotic education of youth is shown.

Keywords: 200-year anniversary, Patriotic war of 1812, Saratov Region.

На протяжении двух веков Отечественная война 1812 года была постоянным элементом «политики памяти» в России, способствуя укреплению социальной солидарности в условиях внутренних и внешних конфликтов, в периоды социальных трансформаций, активного имперского или национального строительства. Именно поэтому ее 200-летний юбилей стал одним из важнейших событий 2012 г., объявленного «Годом российской истории».

В своей статье я постараюсь дать общее представление о подготовке к этому событию в Саратовской области и тех юбилейных мероприятиях, которые прошли на ее территории. В её основу легли отчеты о работе учреждений культуры Саратовской области, материалы СМИ, телепередачи и интернет-информация, собственные впечатления и сведения, полученные от общения с коллегами по теме. При этом следует оговориться, что в связи с тем, что я не располагал отчетами о работе местных СМИ, а также был не в состоянии просмотреть подшивки всех местных периодических печатных изданий, эта сторона юбилея осталась вне поля зрения.

По моему мнению, на интерес к той или иной исторической дате влияют несколько обстоятельств. Во-первых, удаленность региона от центра событий, во-вторых, степень заинтересованности центрального и местного руководства в юбилейных мероприятиях, и, наконец, в-третьих, финансовые возможности того или иного субъекта федерации.

Как известно, в годы Наполеоновских войн Саратовская губерния являлась одной из тыловых, на территории которой к тому же не формировалось ополчение, поэтому исторического стимула к проведению здесь широкомасштабных юбилейных мероприятий, никогда не было. В результате за весь дореволюционный период в Саратовской губернии был воздвигнут единственный памятник в честь победы над Наполеоном – кафедральный собор Святого и благоверного князя Александра Невского в Саратове.

Однако к 100-летним юбилейным торжествам в Саратовской губернии стали готовиться основательно и задолго до юбилейного года, поскольку тогда усилия различных учреждений и общественных организаций были скоординированы центральной властью, чтобы должным образом организовать празднование юбилея¹.

Современная же Государственная комиссия по подготовке к празднованию 200-летия победы России в Отечественной войне 1812 года была создана только через два года после выхода Указа Президента РФ «О праздновании 200-летия победы России в Оте-

¹ Подр. см.: *Майорова А.С., Тотфалушин В.П.* Саратовская ученая архивная комиссия и подготовка к празднованию 100-летнего юбилея Отечественной войны 1812 года // Проблемы изучения Отечественной войны 1812 года: Материалы Всерос. науч. конф. Саратов, 2002; *Они же.* Юбилейные торжества 1912 года в Саратове // Эпоха наполеоновских войн: люди, события, идеи: Материалы VI науч. конф. Москва, 24 апреля 2003 г. М., 2003.

чественной войне 1812 года», а первое ее заседание состоялось только 17 марта 2010 года. Да и заседала она не часто, а поэтому мало стимулировала местные власти к творческой работе.

Что касается Саратовской области, то здесь на ход подготовки к 200-летию юбилею, несомненно, повлияла административная чехарда: за пять лет, отведенных на подготовку к юбилею, на посту губернатора области сменилось два человека, а на посту министра культуры – три.

Кроме того, развернуться не позволяло и сложное, если не сказать плачевное, финансовое положение: в декабре позапрошлого года бюджет Саратовской области был принят с прогнозным дефицитом в размере 5,5 млрд. рублей. В последнем варианте с изменениями от 25 сентября 2012 г. он значительно увеличился и составил 7,277 млрд. рублей, а верхний предел государственного внутреннего долга области на 1 января 2013 г. был установлен в сумме 35,9 млрд. рублей².

К тому же за эти пять лет внимание руководства и общественности области постоянно переключалось на другие памятные даты, более близкие саратовцам, – 50-тилетие полета человека в космос, 65-летие Победы над фашистской Германией, юбилейные даты, связанные с П.А. Столыпиным и т. д.

Формально подготовка к 200-летию юбилею Отечественной войны 1812 года в Саратовской области началась весной 2007 года. Тогда министр культуры Саратовской области М.А. Брызгалов в ответ на распоряжение сверху обязал подведомственные учреждения представить свои предложения, которые были сведены в единый план, отправленный 11 апреля заместителю министра культуры и массовых коммуникаций РФ А.Е. Бусыгину³.

Ученый секретарь Государственного исторического музея А.А. Смирнов, которому планы регионов поступали на рецензию, в частном письме от 1 июля 2009 г. написал мне о саратовских предложениях так: «Замечаний на эти предложения у меня не было, т. к. в них нет конкретики, нет каких-то работ объемных и дорогих, значимых для России в целом. Ни одно из мероприятий Саратовской области не вошло в план основных работ по подго-

² Подр. см.: URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2054752> (дата обращения: 22.12.2012).

³ См.: М.А. Брызгалов – А.Е. Бусыгину, 11 апреля 2007 г. № 01-11/1134. С приложением плана на трех листах. Ксерокопия. Из личного архива.

товке к 200-летию, составленный и направленный на согласование субъектам в начале 2009 г.»⁴.

Кроме того, до наступления юбилейного года никаких мероприятий по этому плану на территории Саратовской области учреждениями и ведомствами не проводилось. Очевидно, это обстоятельство привело к тому, что в глазах Общественного совета по содействию Государственной комиссии Саратовская область выглядела как не имеющая плана подготовки к юбилею вообще⁵.

В то время подготовка к 200-летию оставалась делом частной инициативы местных историков, изучающих наполеоновскую эпоху, в первую очередь доктора исторических наук, профессора кафедры истории России Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского (далее – СГУ) Н.А. Троицкого и его учеников – кандидатов исторических наук Ю.Л. Епанчина и В.П. Тотфалушина.

Последний еще 22 октября 2005 г. принял участие в работе Круглого стола, организованного Малоярославецким военно-историческим музеем 1812 года, на котором были рассмотрены вопросы координации действий всех уровней власти, научных кругов, духовенства по подготовке предстоящего юбилея не только в столицах, но и в провинции⁶.

В дальнейшем личный вклад этих саратовских историков в увековечивании памяти о той славной эпохе выражался в участии в тематических конференциях и научных публикациях⁷.

⁴ А.А. Смирнов – В.П. Тотфалушину, 1 июля 2009 г. Рукопись. Из личного архива.

⁵ См.: Общественный совет по содействию Государственной комиссии по подготовке к празднованию 200-летия победы России в Отечественной войне 1812 года: Информационный бюллетень за 2010 год. М., 2011. С. 53, 56; Общественный совет по содействию Государственной комиссии по подготовке к празднованию 200-летия победы России в Отечественной войне 1812 года: Информационный бюллетень за 2011 год. М., 2012. С. 15.

⁶ См.: Материалы «круглого стола», посвященного подготовке к празднованию 200-летнего юбилея Отечественной войны 1812 года и Малоярославецкого сражения. Малоярославец, 2006. С. 14.

⁷ См.: *Троицкий Н.А.* Александр I против Наполеона. 2-е изд., испр. и доп. М., 2007; *Он же.* 1812. Великий год России. 2-е изд., испр. и доп. М., 2007; *Епанчин Ю.Л.* Дым боев, очаг домашний. Жизнь и судьба генерала Н.Н. Раевского. Смоленск, 2008; Саратовская губерния глазами пленных Великой армии: Материалы к курсу «История Саратовского Поволжья» / Сост., вступ. ст. и коммент. канд. ист. наук В.П. Тотфалушина. Саратов, 2009; *Тотфалушин В.П.* Волжские пленники (Саратовский край глазами ветеранов Ве-

«Точечное» участие в этой работе принимали другие саратовцы: доктора исторических наук А.Н. Галямичев, А.В. Гладышев и В.С. Парсамов, кандидаты исторических наук М.В. Ковалев, С.Е. Летчфорд, А.С. Майорова и Ю.Г. Степанов, а также старший преподаватель М.В. Калашников, написавшие, в частности, ряд статей в двухтомную энциклопедию, которая вышла в канун юбилея в московском издательстве «РОССПЭН»⁸.

В течении подготовительного периода, исходя из практических рекомендаций круглого стола, В.П. Тотфалушин дважды подавал в Министерство культуры Саратовской области развернутые проекты программ юбилейных мероприятий и предлагал ускорить работу по созданию областной юбилейной комиссии или рабочей группы, однако эти обращения успеха не имели. И лишь с началом 2012 г. круг участников юбилейных мероприятий стал расширяться за счет учреждений образования и культуры, которые в своей работе исходили из собственных планов, никем не скоординированных. Они проводили традиционные для своего профиля мероприятия (выставки, конкурсы, экскурсии и т. д.), сценарии которых не имели особых отличий от того, чем наполнялись подобные праздники ранее.

Так в феврале в Саратовском государственном музее боевой славы (далее – СГМБС) прошел праздник поэзии «Стихи как летопись войны», участники которого – учащиеся общеобразовательных учреждений, профессиональных лицеев и высших учебных заведений города читали произведения, написанные поэтами о героических подвигах русских солдат и офицеров в войне 1812 года.

В марте состоялись презентации книг доцента В.П. Тотфалушина: 14 марта в конференц-зале Саратовской областной универсальной научной библиотеки (далее – СОУНБ) читателям был представлен сборник воспоминаний «Волжские пленники: Саратовский край глазами ветеранов Великой французской армии», а 29 марта в конференц-зале Зональной Научной библиотеки СГУ (далее – ЗНБ СГУ) – монография «Саратовский край и Наполеоновские войны».

ликой армии). К 200-летию Отечественной войны 1812 года. Саратов, 2011; *Он же*. Саратовский край и Наполеоновские войны: К 200-летию Отечественной войны 1812 года. Саратов, 2011.

⁸ Заграничные походы российской армии. 1813–1815 годы: Энциклопедия: В 2 т. М., 2011.

26 марта Культурно-выставочный центр «Радуга» г. Саратова торжественно открыл передвижную выставку репродукционных изданий в багете «Недаром помнит вся Россия...», в которую вошло более 40 картин, запечатлевших подвиги русских солдат в борьбе с наполеоновской армией и которая работала в течение всего 2012 года.

В марте же сотрудники СГМБС провели областной фестиваль патриотической песни «Ты припомни, Россия». На участие в нем было подано более 150 заявок, в отборочных турах выступило более 800 человек из гг. Красноармейск, Балаково, Пугачев, Петровск и районов области. В заключительном концерте победители отборочных туров исполняли песни русских поэтов о войне 1812 года, воинской службе и России.

Институт истории и международных отношений (далее – ИИМО) СГУ провел для учащихся 8–11 классов школ Саратовской области заочный конкурс исследовательских проектов на тему «Гроза Двенадцатого года». Старшеклассникам было предложено по выбору исследовать одну из проблем, связанных с историей Отечественной войны 1812 года. География конкурса оказалась представлена всеми районами Саратовской области, а всего в нем приняли участие 44 человека. В апреле жюри конкурса в составе: О.В. Кочукова, Н.В. Попкова, С.В. Удалов, В.П. Тотфалушин (председатель) рассмотрели присланные работы и определили победителей и призеров. Всего было отмечено грамотами за победы в номинациях 22 человека, а призерами стали 6 человек.

С 5 апреля по 30 июня в Государственном музее К.А. Федина (далее – ГМФ) экспонировалась выставка «Роман "Война и мир" Льва Толстого глазами русских художников» из Государственного музея Л.Н. Толстого (г. Москва), составленная из иллюстраций известных художников: М.С. Башилова, Л.О. Пастернака, А.П. Апсита, К.И. Рудакова и др. Кроме того, она была дополнена материалами из фондов ГМФ и ЗНБ СГУ.

Во время ее работы для посетителей проводились экскурсии «Война 1812 года в романе Л.Н. Толстого», «Так вот что значит – весь народ!», «Наполеон и Кутузов», «Как наши деды воевали», «И вечной памятью двенадцатого года». Кроме того, здесь состоялись литературно-музыкальные программы: «Вы погибали и любили...» с участием артистов Саратовского государственного академического театра оперы и балета и «И клятву верности

сдержали мы в Бородинский бой...»: Бородинская битва в творчестве русских писателей XIX–XX вв., а также встреча с краеведом и коллекционером Е.И. Спицыным «Участие саратовцев в Отечественной войне 1812 года».

13 апреля в СГМБС состоялись VI областные юношеские чтения «Любовь к Отечеству – всех доблестей начало», подготовка к которым велась, начиная с февраля 2012 года. Всего в оргкомитет чтений было подано более 100 заявок из учебных заведений города и области и авторы лучших работ были приглашены на подведение итогов. Среди докладов, отразивших участие саратовцев в различных войнах и военных конфликтах, были и посвященные Отечественной войне 1812 года.

16 мая в Музее-усадьбе В.Э. Борисова-Мусатова – филиале Саратовского государственного художественного музея имени А.Н. Радищева (далее – СГХМ) состоялось торжественное награждение и открытие выставки победителей и призёров VI областного конкурса «Мир Борисова-Мусатова», проходившего под девизом «И громче труб на поле чести зовёт к Отечеству любовь...». На конкурс поступили 319 художественных работ из 34 школ и студий Саратова и области. В итоге 180 лучших работ были отобраны для экспонирования на нескольких площадках, первая из которых была открыта в конце апреля в г. Балаково Саратовской области.

В день награждения часть экспозиции выставки была развернута в Музее-усадьбе, где в главном зале расположились рисунки на тему дворянских усадеб, а двух других залах – раскрывающие историю Отечественной войны 1812 года в детских рисунках, выполненных в техниках черно-белой и цветной графики, гуаши, акварели, и скульптуре. Одновременно в выставочном здании СГХМ (Первомайская, 75) перед посетителями предстали рисунки, посвященные кульминационным моментам сражений 1812 года. Обе выставки работали до 22 июня.

Кроме того, 16 мая в рамках традиционной ежегодной Ассамблеи студенты юридического факультета СГУ встретились с доцентом ИИМО СГУ В.П. Тотфалушиным и старшим научным сотрудником Саратовского областного музея краеведения (далее – СОМК) Л.В. Маковцевой. Виктору Петровичу было задано три вопроса, ответы на которые составили канву его выступления – это рассказ о значимых моментах 200-летней давности, роли личности в войне и участии Саратова в событиях тех лет. Людмила

Владимировна представила учащимся три артефакта, связанных с Отечественной войной 1812 года: медаль, платки с изображениями Наполеона и памятные гравюры.

19 мая в рамках программы «Ночь в Музее» все мероприятия СГХМ, так или иначе, были связаны с юбилеем Отечественной войны 1812 года. По залам музея прогуливались дамы, одетые по моде начала XIX в., и кавалеры в киверах, танцевальные и музыкальные программы были посвящены историческим событиям. Например, студенческий симфонический оркестр Саратовской государственной консерватории имени Л.В. Собинова представил программу «Посвящение Отечественной войне 1812 года», а студенческий театр-студия «АРТиКо» – музыкально-поэтический спектакль «Славный год войны народной».

СОУНБ развернула в одном из залов СГХМ книжно-иллюстративную выставку «Эпоха в лицах» из изданий редкого фонда, посвященных истории Отечественной войны 1812 года, в другом – свое интерактивное занятие «Приключение французов в Саратове» проводила Саратовская региональная культурно-просветительская общественная организация «Альянс Франсез». В заключение программы состоялась театрализованная экскурсия «Однажды двести лет назад. Путешествие в эпоху Александра I», а затем был дан фейерверк в духе XIX века.

В начале лета в рамках празднования 200-летия Отечественной войны 1812 года СОУНБ выпустила ограниченным тиражом (по 60 экз.) библиографические указатели «Участие Саратовской губернии в Отечественной войне 1812 года» (4 июня) и «Великое противостояние» (9 июля), адресованные как библиотечным работникам, так и всем интересующимся историей Отечества и Отечественной войной 1812 года.

14 июня в Музее-усадьбе Н.Г. Чернышевского открылась выставка «Недаром помнит вся Россия...», подготовленная совместно с Государственным архивом Саратовской области (далее – ГАСО). На ней экспонировались подлинные вещи первой половины XIX в., документы, портреты, награды той войны, редкие карикатуры и литографии и проч. В дальнейшем на базе этой выставки проводились музейные занятия для детей, экскурсии для взрослых, встречи с потомками участников войны и т. д.

20 июня состоялась презентация выставки «Время незабвенное. Время славы и восторга!» из фондов СГМБС, на которой были представлены открытки с репродукциями картин известных

художников Верещагина, Хесса, Апсита и других, изданные к 100-летию Отечественной войны во Франции, Польше, Швеции, а также в Москве и Санкт-Петербурге. Выставку дополнял филателистический и нумизматический материал, а также сувенирная продукция, выпущенная к различным юбилейным датам Отечественной войны 1812 года.

26 июня в ЗНБ СГУ в читальном зале гуманитарных наук открылась книжная выставка, посвящённая 200-летию со дня начала Отечественной войны 1812 года, собравшая исследования, материалы, воспоминания современников об Отечественной войне 1812 года и её героях.

Областная библиотека для детей и юношества имени А.С. Пушкина (далее – ОБДЮ) дважды (в июне и сентябре) организовывала книжно-иллюстративную выставку «И славили Отчизну меч и слово», охватившую около 150 книг по истории Отечественной войны 1812 года и публикации из различных периодических изданий.

В июне – августе в рамках Областной программы культурно-массовых мероприятий «Летний калейдоскоп» для детей, отдыхающих на детских оздоровительных площадках г. Саратова и области и в летних оздоровительных лагерях, ОБДЮ организовала 20 выездов, во время которых для ребят проводились познавательно-игровые программы, викторины, литературные чтения, беседы, литературные часы и театрализованные презентации книг: «Недаром помнит вся Россия...», «Русское поле славы» (к 200-тию Бородинской битвы); «Путешествие по истории Саратова» и др. В рамках той же программы сотрудники СГМБС подготовили и показывали детям мультимедийную программу «Недаром помнит вся Россия...».

Со 2 июля по 23 ноября в СОУНБ работала книжно-иллюстративная выставка «Отечественная война 1812 года – значимая веха в истории Саратовского края», которая рассказала об участии саратовцев в событиях 1812 г. и показала вклад Саратовской губернии в победу русского народа над завоевателем. На выставке были представлены редкие издания из краеведческого фонда библиотеки, выходившие к 100-летию, 150-летию и 175-летию Отечественной войны 1812 года, а также публикации последнего периода, раскрывающие новые факты и источники.

4 июля в Поволжском институте управления имени П.А. Столыпина (далее – ПИУ) состоялась встреча его руководи-

телей с группой преподавателей ИИМО СГУ, посвященная переизданию книги Н.Ф. Хованского «Участие Саратовской губернии в Отечественной войне 1812 года», которая увидела свет благодаря усилиям представителей обеих сторон.

Во встрече приняли участие с одной стороны: директор ПИУ, доктор исторических наук Д.Ф. Аяцков, заместитель директора, доктор политических наук О.Н. Фомин, начальник отдела научно-исследовательской работы, кандидат исторических наук О.Ю. Абакумов, с другой: заведующий кафедрой истории России, доктор исторических наук С.А. Мезин, заведующий кафедрой историографии, региональной истории и археологии, доктор исторических наук В.Н. Данилов, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Ю.В. Варфоломеев, кандидаты исторических наук, доценты кафедры истории России А.С. Майорова и В.П. Тотфалушин, кандидат исторических наук Я.Н. Рабинович. Во время встречи состоялся заинтересованный разговор о том, как в Саратовской области сохраняют и пропагандируют исторические знания и отмечают памятные даты, были обозначены существующие проблемы и намечены пути совместной работы. В частности, руководство Поволжского института поддержало идею создания общественного совета по сохранению и пропаганде исторических знаний на территории Саратовской области. В заключение Д.Ф. Аяцков наградил историков СГУ памятными знаками «Медаль П.А. Столыпина».

В тот же день распоряжением № 212-Пр Правительства Саратовской области наконец-то была создана межведомственная рабочая группа по празднованию 200-летия победы России в Отечественной войне 1812 года во главе с заместителем Председателя Правительства области А.В. Россошанским. В ее состав вошли 12 человек, 10 из которых представляли различные административные структуры и только два (профессор ПИУ А.В. Посадский и доцент СГУ В.П. Тотфалушин) – науку⁹.

23 июля ответственный секретарь рабочей группы, министр культуры Саратовской области С.В. Краснощекова обратилась к ее членам с просьбой до 26 июля дать предложения в план мероприятий, посвященных празднованию 200-летия победы России в

⁹ Распоряжение Правительства Саратовской области от 4 июля 2012 г. № 212-Пр «О создании межведомственной рабочей группы по празднованию 200-летия победы России в Отечественной войне 1812 года». Ксерокопия. Из личного архива.

Отечественной войне 1812 года¹⁰. На основе этих предложений был сверстан план, который, однако, охватил только пять месяцев уходящего года (с августа по декабрь)¹¹.

Тем временем в СОУНБ открылась книжно-иллюстративная выставка «Эпоха в лицах», проработавшая с 1 августа по 23 ноября. Всех ее посетителей библиотекари знакомили с редкими книгами, проводили краткий обзор, отвечали на вопросы.

19–28 августа 2012 г. на базе ДОЛ «Дубки» прошла очередная смена отряда юных историков в рамках Областной летней школы для одаренных детей «Созвездие», собравшая победителей и призеров олимпиад и конференций различного уровня. Значимой частью Летней школы-2012 стали юбилейные мероприятия, посвященные 200-летию Отечественной войны 1812 года, в подготовке которых большую помощь оказал В.П. Тотфалушин, прочитавший цикл лекций и подготовивший сценарий и задания для тематического вечера.

В ГМФ с 1 сентября по 22 октября работала стационарная выставка «Под знамена русской рати», на которой экспонировались редкие предметы быта XIX в., уникальные газеты и журналы, открытки из фондов ГМФ и из коллекции Е.И. Спицына, авторские куклы саратовского художника-любителя Н.Ю. Канонистова, а также военно-исторические миниатюры на тему наполеоновских войн, созданные саратовским художником А.М. Козинцевым.

С 3 по 15 сентября в рамках библиотечного проекта «Мы живём в России!» отраслевой учебный отдел общественных и педагогических наук ЗНБ СГУ проводил викторину «Поле русской славы», посвящённую 200-летию Бородинского сражения. Участникам нужно было ответить на 15 вопросов, соответствующих заявленной теме. Победителем викторины стала студентка 5 курса Института филологии и журналистики Ангелина Вонсович, поразившая жюри своей эрудицией, достоверно и полно ответившая на все вопросы.

К этому же событию отдел общественных и педагогических наук подготовил выставку «Недаром помнит вся Россия про день

¹⁰ С.В. Краснощекова – В.П. Тотфалушину, 23.07.2012 г. № 01-22/1064. Подлинник. Из личного архива.

¹¹ План мероприятий, посвященных празднованию 200-летия победы России в Отечественной войне 1812 года. URL: mincult.saratov.gov.ru/files/Plans/2012/plan_1812.doc (дата обращения: 22.12.2012).

Бородина» и стенд «2012 – год российской истории». Они были адресованы в первую очередь будущим учителям-историкам и филологам и призваны познакомить читателей с научными, учебными, периодическими изданиями, разработками уроков и методическими рекомендациями по их проведению, в том числе на CD, посвящёнными Отечественной войне 1812 года. Выставка и стенд располагались в читальном зале гуманитарных наук (ул. Заулошнова, д. 3).

К юбилею Бородинского сражения в зале новых поступлений ЗНБ СГУ была открыта большая книжно-иллюстративная выставка «И помнит вся Россия». Она широко представила труды российских учёных, в том числе известных историков ИИМО СГУ Н.А. Троицкого, В.П. Тотфалушина и др., а также многочисленные материалы по истории Наполеоновских войн, Отечественной войны 1812 года и Бородинского сражения.

А в отделе редких книг и рукописей той же библиотеки открылась книжная выставка «Гроза 12-го года», на которой экспонировались автографы Наполеона, участников Бородинского сражения полковника П.Д. Каховского, генерал-майора И.П. Липранди, А.С. Норова; Манифест Александра I от 25 декабря 1812 г. о создании в Москве Храма Христа Спасителя; труды выдающихся военных историков: А.И. Михайловского-Данилевского, Д.П. Бутурлина, М.И. Богдановича, барона А.А. Жомини; сочинения С.Н. Глинки, Ф.Н. Глинки, Д.В. Давыдова, А.С. Кайсарова и другие редкие издания.

СОУНБ с 11 по 20 сентября проводила час исторического рассказа «Саратовцы – герои Отечественной войны 1812 года» и исторический альманах «"Да, были люди...": жители Саратовской губернии – участники Отечественной войны 1812 года», на которых раскрывали тему участия саратовцев в боевых действиях Отечественной войны 1812 года, рассказали о саратовцах – героях войны. При этом особый акцент делался на массовом героизме саратовских крестьян, ставших солдатами.

Кульминация юбилейных торжеств в Саратове пришлась на 12 сентября, когда праздновался День города. В 8 часов утра в храме в честь иконы Божией Матери «Утоли моя печали» началась Божественная литургия, возглавил которую митрополит Саратовский и Вольский Лонгин. После ее окончания в 10.30 от храма прошел крестный ход к тому месту на стадионе «Динамо», где располагался уничтоженный храм во имя Св. Александра

Невского, воздвигнутый в честь победы русского народа в Отечественной войне 1812 года. Молебен на этом месте завершился торжественным вручением медалей, выпущенных Русской православной церковью в честь 200-летия победы в Отечественной войне 1812 года. Из рук Лонгина медали получили министр-председатель комитета общественных связей и национальной политики области Борис Шинчук, ректор СГУ Леонид Коссович, профессора СГУ, сотрудники музеев, настоятели храмов, протоиереи и протодиакконы.

В тот же день в Парк Победы на Соколовой горе пришли ветераны Великой Отечественной войны, труженики тыла, сотрудники музеев, воспитанники муниципальных образовательных учреждений, гости из Санкт-Петербурга. У Вечного огня собравшихся приветствовал оркестр барабанщиц Саратовского областного педагогического колледжа. Затем в сопровождении кавалеров и дам все приглашенные направились в экспозиционно-выставочный павильон СГМБС. В исполнении ансамбля Саратовской государственной консерватории имени Л.В. Собинова звучала музыка, которая создала атмосферу далекого времени. Апофеозом мероприятия стала презентация новой выставки «Вспомним, братцы, россом славу!» из собрания Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи города Санкт-Петербурга. Среди уникальных экспонатов были представлены подлинное огнестрельное и холодное оружие, униформа и т. д.

А в СОУНБ состоялся урок воинской славы «На поле битвы за Россию» (к 200-летию Бородинского сражения в Отечественной войне 1812 года), который познакомил молодое поколение со славными героическими страницами нашей истории. Автор «Книги памяти Саратовской области», общественный деятель Г.В. Фролов рассказал о значении победы в Отечественной войне 1812 года в истории нашего государства, о воинской доблести, о славе русского оружия, о любви к Родине.

14 сентября в СОМК открылась выставка «...Уж постоим мы головою за Родину свою!» Ее основу составила музейная коллекция, которая начала формироваться членами Саратовской ученой архивной комиссии в 1912 г., когда в России торжественно отмечалось 100-летие победы над Наполеоном. Дополнением стали документы из ГАСО и предметы из частных коллекций. Во время ее открытия был показан театрализованный сюжет о праздновании 100-летия победы в Отечественной войне 1812 года

в Саратове, и впервые прозвучала народная песня «Про Платова казака», запись которой хранится в научном архиве музея среди материалов этнографических экспедиций. Эта выставка будет работать до марта 2013 года.

Большой интерес общественности вызвала презентация репринтного издания книги «Участие Саратовской губернии в Отечественной войне 1812 года», состоявшаяся 18 сентября в СОУНБ. Этот исторический сборник был издан к 100-летию Отечественной войны в 1912 г. членами СУАК под руководством Н.Ф. Хованского и надолго стал настольной книгой историков и краеведов.

В тот же день в Художественной галерее г. Балаково, которая является филиалом СГХМ, открылась выставка «Верные долгу и чести. Герои войны 1812 года». Ее открытие предварило театральное представление с «гусарами», балом, романсами, авторство которых приписывается Денису Давыдову, стихами о Бородинском сражении и его героях. Выставка демонстрировала предметы графики, декоративно-прикладного искусства, иконописи, открыток, и книг конца XIX – начала XX в. из собрания Радищевского музея. Выставка функционировала до 16 октября.

В рамках совместной работы с исправительными учреждениями Саратова по правовому просвещению, продвижению чтения и эстетическому воспитанию осужденных по программе «Библиотека: равные возможности» 19 сентября сотрудниками СОУНБ был проведен исторический альманах «"Да, были люди...": жители Саратовской губернии – участники Отечественной войны 1812 года» в СИЗО № 1 г. Саратова.

25 сентября в ПИУ состоялась встреча студентов 1 и 2 курсов направлений подготовки «Зарубежное регионоведение», «Государственное и муниципальное управление» и «Юриспруденция» с доцентом СГУ В.П. Тотфалушиным, который прочитал студентам лекцию, посвященную Отечественной войне 1812 года, и ответил на многочисленные вопросы.

В сентябре же сотрудники ГМФ провели литературно-музыкальную гостиную «Пушкин и Отечественная война 1812 года» и организовали пешеходные экскурсии по городу «Отечественная война 1812 года в истории Саратова».

Кроме того, к юбилею Бородинского сражения в московском издательстве «Российская политическая энциклопедия» вышла в свет трехтомная книга «Отечественная война 1812 года и освобо-

дательный поход русской армии 1813–1814 годов»¹², над которой работали 158 исследователей из различных регионов нашей страны и из-за рубежа. Среди них и большая группа преподавателей ИИМО СГУ: профессора, доктора исторических наук А.Н. Галямичев, А.В. Гладышев, Н.А. Троицкий; доценты, кандидаты исторических наук С.Е. Летчфорд, А.С. Майорова и В.П. Тотфалушин. Из 3800 статей, вошедших в это издание, более 100 принадлежат их перу.

В октябре в ознаменование 200-летнего юбилея Отечественной войны 1812 года серия научных и культурно-просветительных мероприятий прошла в Саратовской государственной академии права (далее – СГАП). 3 октября ее открыла публичная лекция В.П. Тотфалушина, посвященная памятникам и памятным местам Отечественной войны 1812 года.

10 октября в Актовом зале 3 корпуса Академии доцентом кафедры истории и социологии политики СГАП Л.В. Ланником была проведена внутривузовская олимпиада на знание событий войны с Наполеоном, в которой приняли участие студенты из Института прокуратуры РФ, Института юстиции, Института правоохранительной деятельности, Гуманитарного факультета, Юридического института правового администрирования.

А 17 октября в СГАП прошла студенческая научная конференция «Регионы России в Отечественной войне 1812», на которой доклады любителей и знатоков истории оценивали доктора исторических наук профессора кафедры истории и социологии политики Е.С. Дорофеева и А.Ф. Бичехвост.

С 4 октября по 31 декабря в двух залах основного корпуса СГХМ располагалась выставка из цикла «Графический альбом Радищевского музея». Экспозиция включила более пятидесяти ценных гравюр и несколько рисунков мастеров первой половины XIX в. русской и европейских школ. В основном это портреты участников наполеоновских войн, героев Отечественной войны 1812 года и заграничных походов русской армии и батальные сцены.

А с 12 октября по 16 декабря в выставочном зале СГХМ работала выставка «Гроза Двенадцатого года» из собственного собрания и собрания Государственного Бородинского военно-исторического музея-заповедника. Здесь посетители могли видеть

¹² Отечественная война 1812 года и освободительный поход русской армии 1813–1814 годов. Энциклопедия: В 3 т. М., 2012.

живописные и графические работы, скульптуру, образцы обмундирования и вооружения, книги и медали, отражающие ход войны 1812 года.

Там же с 15 ноября по 9 декабря была развёрнута выставка «Напрасно ждал Наполеон...» из фонда редких книг СГХМ. Вниманию зрителей были представлены раскрашенные сатирические лубки и карикатуры на тему войны 1812 года.

5 октября в ОБДЮ в рамках проекта «Вернисаж в библиотеке» открылась выставка «Подвиг наш запишут в святцы», представившая работы участников художественной студии «Майское утро» Дома культуры поселка Прибрежный (филиал МКПУ ДК «Мелиоратор» г. Энгельса). Все работы объединяло 200-летие победы России в Отечественной войне 1812 года. В ее торжественном открытии приняли участие атаманы казачьих войск, представители профессионального творческого союза художников ВКВ и творческой интеллигенции города и области, воспитанники кадетских школ-интернатов № 1 и № 2, руководители и организаторы вернисажа. Выставка проработала до 22 октября.

30 октября в СОМК начала работу Всероссийская научная конференция «"Эпоха 1812 года": история, историческая память, документальное наследие». В ней приняли участие историки, музейные работники и архивисты из Елабуги, Курска, Москвы, Пензы, Саратова, Уфы и Элисты, представившие более 20 докладов. На заседаниях обсуждались различные проблемы, связанные с изучением истории Отечественной войны 1812 года. 31 октября ее работа была продолжена в помещении СГХМ.

30 ноября в МОУ «СОШ № 3» г. Хвалынска прошла районная научно-познавательная конференция «Гроза 1812 года», в которой приняли участие учащиеся школ г. Хвалынска, п. Алексеевка и п. Возрождение, представившие 16 докладов исторической и филологической тематики.

В ноябре и декабре в СОМК прошли субботние акции «... Уж постойм мы головою за Родину свою!». Ее участником мог стать любой посетитель, купивший билет на одноименную выставку. В рамках акции посетители могли сделать памятные фотографии в исторических костюмах (репликах), примерить кивер и «треуголку Наполеона», полистать «Исторический календарь». Юным гостям музея предлагали раскрасить тематические картинки и посмотреть озвученный диафильм «Бородино». В этих двух акциях приняли участие около 100 человек.

5 декабря в СГХМ состоялся музыкально-театрализованный праздник «Над облаками и веками бессмертной музыке хвала», в ходе которой все желающие смогли принять участие в театрализованной экскурсии «Да, были люди в наше время», после которой для гостей прозвучали музыкальные произведения русских и зарубежных композиторов.

В тот же день в МОУ «СОШ № 60» г. Саратова прошел районный интеллект-фестиваль «И вечной памяти Двенадцатого года», в котором состязались 17 команд школ Ленинского района. В подготовке и проведении этого мероприятия активно участвовали преподаватели ИИМО СГУ доктора исторических наук, профессора А.Н. Галямичев и В.Н. Данилов, кандидат исторических наук, доцент В.П. Тотфалушин и преподаватель юридического факультета СГУ доктор политических наук, профессор Н.И. Шестов. Они вошли в состав жюри на четырех «станциях»: «Отечественная война и Саратовский край», «Работа с историческим источником», «Блиц-опрос», «Роль личности в истории», через которые поочередно проходили все команды.

СГМБС проводил областной конкурс детского рисунка «Нашей армии герои» среди учащихся муниципальных образовательных учреждений города и области, воспитанников школ искусств, воскресных школ храмов Саратовской епархии. Лучшие работы, представлявшие целую галерею портретов полководцев Отечественной войны 1812 года, можно было увидеть на выставке, а награждение победителей состоялось 7 декабря. Лауреатом конкурса стала Алена Мороз из села Воскресенское. А 23 декабря литературно-музыкальный вечер «Где гусары прежних лет», посвященный 200-летию Отечественной войны 1812 года, состоялся в СОУНБ.

Таким образом, формально подготовку к празднованию 200-летия победы над Наполеоном на территории Саратовской области начали задолго до юбилейной даты, но фактически длительное время все зависело только от инициативы физических лиц и лишь в начале юбилейного года к этой работе подключились организации. Координирующий орган здесь был создан с большим запозданием и на деле себя проявил мало.

В Саратовской области состоялись разноплановые мероприятия, облеченные в традиционные формы, причем основные из них прошли в областном центре, районы же были затронуты юбилеем значительно меньше. Судить о содержании юбилейных

мероприятий и их направленности достаточно сложно, ибо в информационных справках и отчетах основной упор всегда делается на количественную, а не на качественную сторону. Однозначно можно сказать только то, что все они носили патриотический характер, и прослеживали связь времен и поколений, особенно с событиями Великой Отечественной войны.

К сожалению, за это время на территории Саратовского края не появилось ни одного зримого памятника в честь своих земляков – героев войны 1812 года. Лишь участники Научного общества «Клио» МОУ «СОШ № 47» р. п. Сенной Саратовской области восстановили памятник на могиле участника Наполеоновских войн П.И. Бекетова. Не откликнулись на юбилей профессиональные театральные труппы Саратова, а театрализованное действие в честь Дня города называлось «Один день из жизни средневекового города Укека» и никак с войной 1812 года связано не было.

Ввиду отмеченных объективных и субъективных причин, уровень празднования 200-летнего юбилея войны 1812 года в Саратовской области, по моему мнению, оказался ниже, чем 100 лет назад, хотя, несомненно, проведенные мероприятия имели положительный эффект в деле исторического просвещения широкой публики и патриотического воспитания молодёжи.

ОБРАЗЫ ИСТОРИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ, ЖИВОПИСИ, КИНЕМАТОГРАФЕ

УДК 741.5:32/94(47).072.5

«МЕТКИ НА ПАМЯТЬ»: САТИРИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ ВОЙНЫ 1812 ГОДА¹

Е.А. Вишленкова

Институт гуманитарных историко-теоретических исследований
им. А.В. Полетаева НИУ-ВШЭ
E-mail: evishlenkova@mail.ru

Автор исследует графические образы войны 1812 года, созданные современниками для интерпретации и объяснения значения текущих событий. Объектами изучения стали карикатуры, лубочные рисунки, игрушки, табакерки, роспись на посуде. Выявляя намерения художников и семантику сатирических образов, автор показывает, как происходило рождение сюжетов и образов, которые сегодня определяют историческую память о войне 1812 года, объясняет, почему она конфликтует с научным знанием.

Ключевые слова: память, война, карикатуры, визуальные образы, лубок, музей.

«SIGNS FOR STORING»: SATIRICAL IMAGES OF THE 1812 WAR

E.A. Vishlenkova

The author has scrutinized graphic images of war of 1812 created by contemporaries to render and explain senses of events. Objects of studying are caricatures, engravings, popular prints, toys, snuffboxes, images on wares. Revealing of artists' intentions and semantics of satirical images, the author shows, how plots and images were designed and why nowadays they (not documents) have been defining the national historical memory about the war of 1812.

Key words: memory, war, caricatures, visual images, popular prints, museums.

¹ В данной научной работе использованы результаты, полученные в ходе выполнения проекта «Культура университетской памяти в России: механизмы формирования и сохранения», выполненного в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2012 году.

В 2008 г. Государственный исторический музей в Москве организовал масштабную выставку экспонатов, связанных с войной 1812 года из частных собраний², а летом 2012 г. он же открыл постоянно действующий музей «Война 1812 года»³. Его посетители обнаружили образы и смыслы войны, отличающиеся от документальных и научных трактовок. Их происхождение нуждается в специальном изучении.

В России несколько поколений – сначала военных, а потом светских – историков специализировались на создании вербальных нарративов о событиях «славного» 1812 года. В разные политические времена эта тема оставалась привлекательной для властей и историков. Но поскольку в отличие от рекрутов Великой армии Наполеона русские ополченцы за редким исключением были неграмотными людьми и писем не писали, то в этих рассказах почти не было военной повседневности и антропологических сюжетов. Из-под пера даже штатских исследователей выходил рассказ о стратегических замыслах, тактиках боя, решениях командования и передвижениях войск – то, что позволяли описать сохранившиеся документы. И даже в тех случаях, когда историки рассуждают о понятии «народная война», они, как правило, имеют в виду интеллектуальный проект российских элит, а не массовые настроения населения и, соответственно, цитируют публицистические произведения⁴. В результате, как справедливо заметил Хубертус Ян, мы мало что знаем о «характере патриотизма, который подтолкнул простых русских людей воевать против захватчиков»⁵.

Я полагаю, что сохранившиеся в разных хранилищах, а ныне представленные в единой коллекции визуальные источники дают шанс анализировать противоречивые значения войны, родившиеся или созданные в те годы. В данной статье они рассматриваются в качестве меток для запоминания синхронных, а не возникших позже версий военных событий.

² См.: 1812. Мир и война. Выставка из частных отечественных и зарубежных собраний. М., 2008.

³ См.: Музей Отечественной войны 1812 года. Путеводитель. М., 2012.

⁴ См.: Парсамов В.С. К генезису политического дискурса декабристов: идеологема «народная война» // Декабристы. Актуальные проблемы и новые подходы. М., 2008. С. 159–195

⁵ Jahn H.F. «Us»: Russians on Russianness // National Identity in Russian Culture / ed. S. Franklin, E. Widdis. Cambridge, 2004. P. 58.

Карикатуры

«Зарубками на память» остались для нас карикатуры двенадцатого года. Так называются сатирические рисунки, рассказывавшие соотечественникам о происходящем, прославляющие подвиги народных героев и высмеивающие врагов. Их замысел, исполнение и распространение тесно связаны с журналом «Сын Отечества», инициаторами которого были литераторы С.С. Уваров, И.И. Тимковский, А.Н. Оленин, А.И. Тургенев, Н.И. Греч (официальный редактор). С этим журналом сотрудничали В.А. Жуковский, К.Н. Батюшков, А.Х. Востоков, А.П. Куницын, Э.М. Арндт, И.С. Крылов⁶. Подписавшиеся на него горожане читали политические репортажи, литературные произведения, а в разделе «Смесь» короткие рассказы (анекдоты) о подвигах народных героев и рассматривали иллюстрации к ним. Сначала тираж журнала был объявлен в 600 экземпляров, но вскоре его пришлось увеличить вдвое.

Замысел издания родился в самый разгар войны. Тогда в Петербурге и Москве не без оснований опасались, что в условиях безвластия Россию захлестнут мародерство, грабежи и убийства. Видимо, верующие в силу слова и графического образа интеллектуалы сочли, что отсутствие административной власти может быть скомпенсировано прямыми устными и визуальными обращениями к простонародью.

То, что в данном случае речь идет не о проекте информационного обеспечения, а об управлении сознанием соотечественников, удостоверяют мемуары М. Дмитриева. Из них становится ясно, что известия о войне редакция не столько собирала, сколько сочиняла⁷. Все рассказы стилизовались писателями под народные былины или сказания, а иллюстрации к ним профессиональные художники стилизовали под лубочные картинки. В журнале работали такие мастера графики, как М. Богучаров, К. Зеленцов, И. Иванов, И. Тупылев, И. Теребенев, Е. Корнеев, А. Венецианов, И. Шифляр и целый ряд оставшихся анонимными художников. Лишь некоторые рисунки принадлежат любителям. Это коренным образом отличает отечественную карикатуру от британской, которую создавали люди без художественного образования⁸.

⁶ См.: *Исхакова О.А.* Сын Отечества // *Общественная мысль России XVIII – начала XIX в.: энциклопедия.* М., 2005. С. 527.

⁷ См.: *Дмитриев М.* Главы из воспоминаний моей жизни. М., 1998. С. 85.

⁸ См.: *Patten R.L.* Conventions of Georgian Caricature // *Art Journal.* 1983. Vol. 43, № 4. P. 335.

Впервые опубликованные в «Сыне Отечества», иллюстрации к анекдотам затем гравировались отдельно и расходились по стране большими тиражами. В яркой раскраске офени продавали их по цене 1,5–2 руб. за лист. Гравюры, раскрашенные тусклыми красками или без раскраски, стоили гораздо дешевле⁹. В силу массовости и дешевизны они стали достоянием широких социальных слоев. Современники свидетельствовали, что в послевоенные годы карикатуры висели на стенах крестьянских домов, их можно было увидеть в трактирах и на постоянных дворах, а в городах они выставлялись в витринах магазинов, вывешивались на заборах. Одновременно с этим, сатирические рисунки декорировали дворянские особняки. Так, захваченный в плен французский врач де Ла Флиз вспоминал, что в 1813 г. видел коллекцию таких гравюр в имении помещика Мгинского уезда¹⁰.

Замысел редакции получил одобрение правительства, но он почти сразу же перерос намерение успокоить социальные низы. Грифелем и пером молодые писатели и художники создавали мифологию русской гражданской нации и народной войны.

Публицисты и карикатуристы использовали в своем творчестве сравнительно небольшое число метафор, представляющих «своих» как сильных и умных хозяев, а войну как борьбу мирного населения с шайкой разбойников. Примером тому рисунок И.С. Бугаевского-Благодарного «Сычевцы», где Россия воплощена в образе дома. В крестьянской избе бесчинствовали разбойники, пока их не заперли хозяева, представленные в образе двух мужчин-крестьян, на помощь к которым спешит *русский народ* – крестьяне с пиками. Иллюстрация к конкретному сообщению здесь получила дополнительный смысл-обобщение.

А в карикатуре К.А. Зеленцова «Твердость русского крестьянина» война выглядит нападением на сельский дом злых сил. Добро – это русский крестьянин – помещен в центр композиции, а вокруг него кружат европейцы – демоны. У одного из трех мучителей правая рука вскинута над головой и на ней отчетливо видна татуировка «N» – знак Дьявола-Наполеона. Один из демонов пугает одетого в рубаху и полосатые штаны коренастого мужика пистолетом, второй тычет в грудь острым штыком, а третий

⁹ См.: *Мускатблит* Ф. Предисловие // 1812 год в карикатурах. М., 1912. С. III.

¹⁰ См.: *Флиз де ла*. Поход великой армии в Россию в 1812 г.: Записки доктора де ла Флиза // РС. 1892. Т. 73, № 3 (март). С. 595–596.

шепчет что-то ему на ухо, ласково обняв за плечи. Лица-маски, видимо, созданы Зеленцовым как шаржи на реальных политических персонажей. Обреченность Зла передана художником через визуальные знаки эмоциональных переживаний: спокойную фигуру крестьянина и судорожное напряжение демонов.

Отсутствие в карикатурах представителей российской власти (чиновников, духовенства, военных) порождало у зрителя впечатление, что с войсками французского императора в России сражаются бабы, девки, крестьянские мужики и казаки, но не регулярная армия и государство. Так редакторы оправдывали действия М.И. Кутузова по сохранению армии: народ защищал ее, нарушая своим участием традиционные правила ведения войны. Для того чтобы объяснить эту тактику соотечественникам, создатели «Сына Отечества» вывели совокупных европейцев из нормативного поля жизни: они «другие» и «чужие», потому что они либо демоны, либо басурмане и грабители. Карикатуристы помещали их за черту правил человеческого общежития, а с теми, кто по ту сторону грани, все средства борьбы возможны и хороши¹¹.

Большинство рассказов в журнале содержали описания разбоев и грабежей, учиненных армией Наполеона. Конечно, в те времена каждая война кормила себя сама, и мародерство было обычным делом. Но в результате прочитанного и увиденного подписчик журнала убеждался, что французы грабили не ради прокорма: они бесчинствовали, издевались, оскверняли дома и храмы, чтобы *унизить* русских людей.

На рисунках «чужих» бьют вилами, топорами, косами, ногайками, дубинами и рогатинами. Собственно, с ними не воюют, а наказывают. Гравюра А.Г. Ухтомского, выполненная по рисунку Е. Корнеева «Подмосковный крестьянин Сила Богатырев» (январь 1813 г.), так и подписана «Крестись Босурман, не видать тебе больше света Божьего!» Эта же картинка дает пример использования стратегии персонализации и опрощения, когда сложное для художественного воплощения понятие «возмездие» передается через сцену казни. Образы карающего русского крестьянина с топором в руке и стоящего на коленях, молящего о пощаде наполеоновского солдата, символизировали Россию и враждебную ей

¹¹ См.: Лангевиние Д. Что такое война? Эволюция феномена войны и ее легитимация в Новое время // *Ab Imperio*. 2001. № 4. С. 7–29; Sieber-Lehmann C. Spätmittelalterlicher Nationalismus: Die Burgunderkriege am Oberrhein und in der Eidgenossenschaft. Göttingen, 1995.

Европу. В тоже время в этом красочном плакате был узнаваемый «лубочный стиль». Он представлял мир наизнанку, обратный ход вещей, в котором слабые берут верх над сильными (мышь над котом, звери над охотником, крестьянин над солдатом, женщина над мужчиной).

После окончания войны и вступления империи в Священный Союз (1815) военная карикатура была запрещена правительством. Благодарная народу аристократия превратила сатирические образы в знаки памяти и развлечения.

Лубочные картинки

Современники считали, что карикатура успешно справилась с задачей военной и гражданской мобилизации гетерогенного населения империи¹². Яркие и схематичные истории, а также сопровождающие их иллюстрации или, наоборот, визуальные образы и прилагаемые к ним тексты, подразумевали додумывание сюжета и дописывание образов воображением зрителя. Поскольку в этих листках присутствовал элемент знакомого имени или случая, они легко запоминались и довольно быстро превращались в предания. Их герои обростали новыми подробностями и утрачивали персональные черты. В созданном таким образом художественном мире люди, населявшие Россию, превращались в коллективного «русского человека», который воспринимался и как типаж, и как совокупность стабильных черт (изображенных в рисунке и описанных в анекдотах). Посредством графического медиума и сопровождавшего его текста в основу создаваемого «русского народа» закладывались такие краеугольные камни, как любовь к земле, единство прошлого (коллективный опыт пережитого), наличие общего представления о «не-наших» и возможность более или менее постоянного социального диалога.

Кроме того, сатирическая графика обеспечила обмен переживаниями. Изображенные в карикатурах качества и чувства героев присваивались зрителями, что, как считает теоретик визуальной культуры В. Розин, расширяет «опыт жизнедеятельности отдельного человека путем наблюдений за переживаниями других»¹³. И лишь после того как психическая жизнь нации была показана, она стала реальностью, о которой можно было говорить и

¹² См.: *Дмитриев М.* Главы из воспоминаний моей жизни. М., 1998. С. 85.

¹³ *Розин В.М.* Визуальная культура и восприятие: Как человек видит и понимает мир. 2-е изд. М., 2004. С. 149.

писать. В послевоенное десятилетие никого не удивляла риторическая формула «русский по рождению, поступкам, воспитанию, делам и душе»¹⁴. Публицисты считали «русскими» сынов Отечества, то есть всех тех, кто любил и защищал его как герои карикатур – русские сцеволы», «русские гераклы» и «русские курции»; кто, веселясь, наказывал разбойников, подобно ратнику Гвоздиле и мужику Долбиле; кто был силён телом и душой, как нарисованные воины Сила Богатырев, Вавила Мороз, Сила Вихрев; кто был сообразителен и смел, как придуманная художниками и редакторами старостиха Василиса и ее дочь. Все эти позитивные качества были объединены в нечеткое понятие «русская душа».

У нас нет письменным образом зафиксированной рефлексии купцов, неграмотных крестьян и городских обывателей над художественными образами. Однако это не значит, что нет никаких свидетельств их рецепции. Только они зафиксированы невербальными средствами – языком лубка, посудной росписи, декоративно-прикладных изделий, миниатюрных скульптурок и игрушек. Мы можем найти следы прочтения и адаптации этих образов в крестьянских промыслах, изучив отбор сюжетов и персонажей, а также проанализировав изменения и трансформации оригинального рисунка в ходе художественного воспроизводства.

В крестьянском быту коррекция созданных профессиональными художниками образов была связана, во-первых, с технологическими особенностями производства «народной картинки», а во-вторых, с их прочтением лубочными мастерами и покупателями. В своё время исследователь лубочной книги О.Р. Хромов пришел к выводу, что специфика дешевой гравюры обусловлена желанием производителя извлечь из неё максимальную прибыль. В начале XIX в. лубочное производство в России было представлено сетью мелких мастерских и фабрик, которые не имели больших складов и профессиональных штатов. Большинство владельцев таких предприятий заставляли своих работников копировать полюбившиеся потенциальным покупателям профессиональные гравюры. В результате этого в послевоенную низовую визуальную культуру вошли этнические образы из карикатуры. При этом, в отличие от журналистики, в ней не нашлось места литературным образам – языческим богам, Курцию и Сцеволе, а также Сусанину.

¹⁴ Глинка Ф. О необходимости иметь Историю Отечественной 1812 г. войны // РВ. 1815. Ч. 4. С. 25–49.

До нас дошли «составные» гравюры, которые лубочные мастера делали из нескольких карикатур. Данная техника известна со времен древнерусской миниатюры¹⁵. Поскольку в таком случае мастер отбирал персонаж из нескольких имеющихся в его распоряжении оригиналов, то у исследователя есть возможность судить о сознательной рецепции. Из мужских и женских образов России, созданных карикатуристами, лубочные мастера выбрали для себя феминный образ. На акварели неизвестного автора первой половины XIX в.¹⁶ две карикатуры военных времён Е. Корнеева (на одной образ русского народа женский, на другой, с тем же сюжетом, – мужской) слиты в единую композицию. Лубочный мастер воспроизвел образы врагов из разных карикатур, усилив их количеством, но всем им противопоставил единый женский образ Родины – Василисы.

То, что данный выбор – не случайность и не личное предпочтение, подтверждают лубочные копии с карикатуры С. Бугаевского-Благодарного «Сычевцы». Они сохранились в нескольких вариантах. В отличие от оригинала, в народных картинках враги заперты в довольно ветхом домике не мужчинами, а женщиной. Для усиления сатирического эффекта автор шаржировал лица «европейцев», сделав из них маски или гримасы. Кроме того, он ввел дополнительный персонаж – заземленного дверью босоногого офицера.

В лубочном производстве произошло «опрошение» языка и сведение до однозначности смысла визуальных посланий. В массовой культуре это достигалось посредством усиления бинарных ролей. Как следствие, в воспроизводящих карикатуры лубках враг стал робким, слабым и смешным, а русский народ – сметливым, сильным и не знающим жалости. Массовому потребителю нравился однозначный образ героя. Таким он обычно бывает в сказках. Лубочные мастера переводили смысл визуального послания карикатур в более жесткую оппозицию. Например, на одной лубочной картинке без названия развернута целая театральная сцена. Два казака (один на коне, другой пеший) с двух сторон нападают на скачущих верхом французов. Рассматривая картинку, зритель убеждался, что казак закалывает молящего о пощаде француза длинной пикой и не испытывает к нему сострадания.

¹⁵ См.: Хромов О.Р. Русская лубочная книга XVII–XIX вв. ... С. 140–141.

¹⁶ До исследования Н. Гончаровой эта карикатура приписывалась И. Тербеневу.

Правда, надо учесть, что агрессия приписана в лубке не крестьянам, а людям войны – казакам. В этом смысле в низовой культуре была восстановлена «правильная» социальная иерархия: армия защищает народ, а не наоборот.

Целая серия лубочных картинок воспроизводила понравившуюся неграмотным потребителям карикатуру И.И. Терebeneва «Русский Геркулес». В лубочном варианте главный герой утратил связь с античным прототипом – это разухабистый мужик в шапке-треухе. Он весело жонглирует – расправляется с бегущими «европейцами». Парочку из них он держит, как кукол, за тонкую талию, на одного наступил могучей ногой, обутой в сапог. В отличие от его простодушно веселого лица, лица французов искажены страхом, выраженным довольно примитивно: вскинутые вверх руки, открытый рот на застывшем лице, вставшие дыбом волосы. Главный акцент здесь сделан на показе физической силы русского человека, что соответствовало фольклорно-языческому представлению о героизме. То есть в низовой культуре созданный карикатуристами концепт скрытой силы русского человека («сила русского характера») был проигнорирован. Здесь не было полутонов: сила должна быть открытой и агрессивной, а чувства прямыми и непосредственными.

Поскольку «картинка» служила поводом к рассуждениям и балагурству лубочного торговца на ярмарочной площади, то его непристойные и грубые шутки вели к еще большему комедийному снижению значений битвы, брани, войны, подвига, горя. Примечательно, что раешники и офени строили рассказы к военным карикатурам и сделанным с них копиям в духе балаганной похвальбы, где высмеивались и враги, и победители. В результате Наполеон представал популярным героем, у которого были поражения, но были и успехи. Словесно он мог быть охарактеризован следующим образом: «А эфта, я вам доложу-с, французский царь Наполеонт, тот самый, которого батюшка наш, Александр Благословенный, блаженной памяти в бозе почивающий, сослал на остров Еленцию за худую поведенцию»¹⁷.

Предметы крестьянских промыслов

Кроме картинок, в послевоенные годы на российских ярмарках спросом пользовались сделанные кустарями тематические

¹⁷ Цит. по: Некрылова А. Русские народные городские праздники. СПб., 2004. С. 136.

игрушки – многофигурные сцены, в которых, также как и в лубках, русские *избивают* французов. Столь успешная интериоризация сатирических образов в крестьянское производство не покажется неожиданной, если вспомнить о сопряженности этих знаков с русским фольклором и что, например, богородицкие мастеровые делали своих кукол по лубочным картинкам и светским гравюрам¹⁸. Даже палехские художники, традиционно занимавшиеся иконописанием, после войны стали работать над светскими сюжетами. Э. Дженкс утверждает, что именно с этого момента Палех превратился в национальный культурный центр¹⁹.

Еще большую, чем игрушки и миниатюрные скульптурки, потребительскую аудиторию имели бытовые предметы. А их сбыт напрямую зависел от цены и росписи, в которой в послевоенные годы тоже произошли изменения. Исследователь крестьянского предпринимательства В. Боруцкий с удивлением констатировал, что при катастрофическом росте инфляции и послевоенном разорении, в 1813–1816 гг. в Москве и Московской губернии отмечался небывалый спрос на расписные шкатулки, табакерки, чайницы. Изготавливавшие их крестьяне не успевали подвозить к столице всё новые и новые партии картонных коробочек с рисунками на крышках. «Воза с изделиями, – пересказывал Боруцкий рассказ очевидца, – встречали московские купцы за заставой и разбирали все нарасхват»²⁰.

На поверхность крышек мастера наносили рисунки, скопированные с нераскрашенных гравюр, купленных у офеней или в книжных лавках. Владелец мастерской старался приобрести первые, наиболее четкие оттиски. Получивший их подмастерье переводил изображение на крышку: рисунок по контуру обводился углем, к нему прикладывалась белая бумага или плоская дощечка; или же контур гравюры прокалывался иглой, переворачивался и накладывался на подготовленную доску. Далее бумага посыпалась углем из жженных липовых стружек, который втирался

¹⁸ См.: *Hilton A. Russian Folk Art*. Bloomington, 1995. P. 125.

¹⁹ См.: *Jenks A.L. Russia in a Box: Art and Identity in an Age of Revlution*. DeKalb, 2005. P. 8.

²⁰ *Боруцкий В.* Кустарное производство лакированных вещей из папьемаше // *Кустарная промышленность России: разные промыслы: в 2 т.* СПб., 1913. Т. 2. С. 502.

специальным тампоном. В результате на доске оставался пунктирный след, очерк картинки²¹.

Свидетельств о том, какими рисунками расписывали крестьянские мастера свои бумажные коробочки и глиняные изделия, сохранилось чрезвычайно мало. В силу недолговечности материала данных изделий и длительного отсутствия интереса к ним коллекционеров, в музеях почти нет их образцов за XVIII – первую четверть XIX века. В этой связи ценным оказывается любое свидетельство. В конце XIX в. один из потомственных кустарей поведал исследователю-этнографу, что приблизительно в 1815 г., после того, как «в одной мастерской украшением на табакерку было сделано изображение пожара Москвы, табакерки с этими изображениями раскупались нарасхват»²².

Адаптацию сюжетов военной графики подтверждают и сохранившиеся художественные каталоги. Судя по ним, в 1912 г. на выставке гравюр и рисунков «Русская жизнь в эпоху Отечественной войны» были представлены предметы декоративно-прикладного творчества с такой сюжетной росписью: под №86 «Одно из сражений наполеоновских войн. Крышка табакерки с раскрашенной гравюрой», № 95 «Пожар Москвы. Крышка Лукутинской табакерки с раскрашенной гравюрой: “От лютости Врага Царя Чертог горит со страхом из него Наполеон бежит”»; № 129 «Пять гравюр для табакерок. Из них одна изображает Кутузова, другая Платова»²³. Сатирические образы войны любили и мастера, работающие в посудных лавках. На кружки из молочного стекла или глины они наносили лубочные образы²⁴.

Таким образом, роспись на бытовых и декоративных предметах крестьянского производства делалась с профессиональных гравюр или их с их лубочных реплик. При этом в ходе воспроизводства тема обогащалась новыми сюжетами, символами и образами. И поскольку военные карикатуры выместили из кустарного промысла сюжеты и образы импортного происхождения, то в по-

²¹ См.: Хромов О.Р. Русская лубочная книга XVII–XIX вв. ... С. 140.

²² Боруцкий В. Кустарное производство лакированных вещей из папьемаше... С. 501.

²³ Верещагин В. Русская жизнь в эпоху Отечественной войны // Русская жизнь в эпоху Отечественной войны: выставка гравюр и рисунков. СПб., 1912. С. 5–38.

²⁴ См.: URL: <http://ru-history.livejournal.com/3511936.html> (дата обращения: 15.08.2012).

слевоенные годы в низовую культуру хлынули и получили в ней широкое хождение рисованные рассказы о гражданских подвигах людей из простонародья. Несмотря на попытки власти подавить данную версию, наследовавшая карикатуре лубочная картинка повсеместно «переворачивала» социальную иерархию в империи.

Ростись по фарфору

В пространстве же элитарной культуры карикатурные образы подверглись иной трансформации. Предназначенные для другого зрителя, они были бесконфликтно встроены в иные метанарративы. Данная способность визуального образа выявляется при рассматривании дорогих предметов декоративно-прикладного искусства, например, коллекции стеклянных стаканов с карикатурными сюжетами и чайного сервиза завода Гарднера с полихромными рисунками И.И. Теребенева, хранящихся в Государственном историческом музее.

Отчасти изменение их смысла объясняется спецификой материала-носителя и технологией воспроизводства карикатуры на фарфоре и стекле. «Сочетание матового изображения со сверкающей поверхностью хрусталя создает своеобразный декоративный эффект», а «благодаря ярким и сочным краскам росписи и контрасту с белой блестящей поверхностью фарфора эти карикатуры приобрели большую выразительность», – свидетельствуют хранители музея²⁵. При этом нанесенные специальными колёсиками на хрусталь или процарапанные на фарфоре образы народных героев перестали быть категориями живого языка. К тому же, ориентируясь на интересы и эстетические вкусы «своего» потребителя, художник-декоратор нередко менял композицию рисунка, «обогащая ее новым живописным решением». В результате деконтекстуализированные в пространстве дорогих вещей образы из военных карикатур обрели значение либо коммеморативного знака, либо экзотического декора.

Более близкими к оригиналу являются карикатурные образы, нанесенные на кружки из молочного стекла и предназначенные для городских обывателей среднего достатка. Здесь так же, как и в фарфоре, применялась яркая красочная роспись, но с более ограниченной цветовой гаммой. На одной из таких кружек теребеневский рисунок «Русская пляска» раскрашен тремя красками:

²⁵ См.: Булочкин Н., Селиверстова С. Мемориальное стекло и фарфор // Декоративное искусство СССР. 1962. № 9. С. 4.

синей, красной и черной. Изготавливающий её мастер воспроизвел даже сопроводительный текст к рисунку. Примечательно, что в коллекции ГИМ нет фарфоровых изделий с женскими персонажами – старостихой Василисой и ее дочерью. Если их не было и в реальном обращении, то можно предположить, что, благодаря отбору сюжетов для тиражирования, в памяти отечественных буржуа прошедшая война должна была обрести «мужское лицо».

В целом, лубочные и посудные мастера, изготовители коробочек и игрушек, а также их почитатели среди изготовителей фарфоровых изделий обыгрывали две простые мифологемы: «война против Наполеона – народная победа» и «русская культура выше дьявольского зла». Именно эти значения вписывала в анекдоты, солдатские песни и карикатуры и редакция «Сына Отечества». Поэтому в расцвете крестьянского творчества на эту тему следует видеть реакцию на запущенное в низовую культуру послание элит. Вместе с тем, изучение кустарных копий с карикатур подтверждает сделанный А.Ф. Некрыловой вывод о неизменной трансформации значений сатирического образа, попавшего в условия массовой культуры²⁶. Поскольку в ней действуют свои правила и устоявшиеся нормы видения, то смысл изображения оказывается либо изменен, либо передан через иные визуальные метафоры. И потому, например, в лубке война 1812 г. изображалась не как политический или национальный конфликт, и даже не как нападение разбойников, а как кухонная перебранка, бытовая кутерьма или ссора с дракой – древнейший смеховой прием, присутствующий во многих фольклорных жанрах.

В целом же карикатура оказалась в парадоксальной ситуации. Сразу после заключения мирных союзов она была изъята из массового обращения. Но, запрещенная для продажи и распространения, она продолжила жизнь в лубке, крестьянских промыслах и декоративно-прикладном искусстве. Более точно было бы сказать, что она растворилась в них, запустив в России процессы гражданской идентификации. Теперь уже анонимные мастера лубочных книг, картинок, глиняных и деревянных игрушек, посудной и декоративной росписи включились в соиздание разных типов солидарности, разрушая гегемонию элит на историописание и выводя его из контекста европейских визуальных конвенций и западного понимания народности. Благодаря такой преемственности,

²⁶ См.: Некрылова А. Русские народные городские праздники. СПб., 2004. С. 7.

редакции журнала «Сын Отечества» удалось сделать невероятное: сатирические образы вытеснили из исторической памяти реальных партизан – вооруженных боевым оружием казаков и гусар легкой кавалерии. Вместо них в массовые представления о войне 1812 года вошли иные воины – вооруженные кольями и вилами пожилые женщины, молодые девицы, крестьяне, старики и дети. И эту подмену не смогли разоблачить ни последующие научные исследования, ни публикации документов, ни монументальные художественные полотна, подобные картине М. Дюбурга «Д.В. Давыдов» (1814). Всё это не проникало в низовую культуру и оставалось «учёным» знанием.

Сделав простонародье творцом истории, создатели графических образов пошатнули представления современников о социальной иерархии в империи. Копирование и тиражирование карикатурных сюжетов в крестьянских промыслах и лубке свидетельствует о том, что «перевернутый мир» понравился и укоренился в исторической памяти.

ПОЛЬСКОЕ ДВОРЯНСТВО ЮГО-ЗАПАДА РОССИИ В ПЛАНАХ НАПОЛЕОНА ВО ВРЕМЯ ВОЕННОЙ КАМПАНИИ 1812 ГОДА

В.В. Ададуrow

Украинский католический университет,
кафедра всемирной истории нового и новейшего времени
E-mail: vad@ucu.edu.ua

На основе анализа военной и дипломатической переписки, меморандумов из архивов Франции, Австрии и Украины, а также воспоминаний участников кампании 1812 г., реконструируется отношение императора Наполеона I к профранцузски настроенным представителям шляхетского сословия южных провинций бывшей Речи Посполитой. Показана роль, которая отводилась Наполеоном польскому дворянству в связи с проектами организации повстанческого движения на Волыни, Подолье и «Польской Украине».

Ключевые слова: архивы, меморандумы, кампания 1812 г., проекты, Речь Посполитая, поляки, шляхетское сословие, Волынь, Подолье, Польская Украина, Наполеон.

POLISH NOBILITY FROM SOUTH-WEST RUSSIA IN NAPOLEON PLANS DURING THE MILITARY CAMPAIGN 1812

V.V. Adadurov

The attitude of the Emperor Napoleon I to the pro-French-minded members of the gentry class from the southern provinces of the former Rzecz Pospolita is reconstructed in the article. It is based on analysis of the military and diplomatic correspondence, memorandums from the French, Austrian and Ukrainian archives and on memories of participants in the events of 1812. The role of Polish nobility which were determined by Napoleon in projects on insurgent movement in Volyn', Podolia and Polish Ukraine regions is highlighted in the article.

Key words: archives, memorandum, campaign of 1812, projects, Rzecz Pospolita, Poles, gentry class, Volyn', Podolia, Ukraine, Napoleon.

В ходе кампании 1812 г. три южные провинции бывшей Речи Посполитой, вошедшие в результате раздела 1793 г. в состав Российской империи, а именно Волынь, Подолье и Украина, являлись благодаря своему стратегическому расположению между границами Варшавского герцогства, австрийской Галицией и Днепром объек-

том пристального, впрочем, весьма двусмысленного внимания с боку императора французов. С одной стороны, Наполеон был не прочь увидеть эти обширные, относительно многолюдные и богатые сельскохозяйственной продукцией края среди своих трофеев русской кампании. С другой же стороны, он не доставил себе труда направить достаточные воинские контингенты для овладения этими территориями, надеясь дождаться момента, когда местные жители, узнав об успехах его армии, отважатся восстать против российского правления.

В 1812 г. взгляд Наполеона на здешние земли основывался на стереотипном убеждении, что общественные отношения, а вследствие этого и стратегии поведения населения бывших провинций Речи Посполитой, определялись непоколебимым главенством шляхетского сословия¹. Убежденный в том, что именно поддержка со стороны польских дворян откроет ему неограниченный доступ к ресурсам западных окраин России, еще накануне похода в Россию Наполеон высказал французскому резиденту в Варшаве Л.-П.-Э. Биньону пожелание, чтобы «при его генеральной квартире находились четыре или пять поляков высокого статуса <...>, сведущих в местных особенностях Литвы, Украины, Подолья, Волыни и т.д., как с точки зрения топографии, так и с точки зрения материальных и людских ресурсов страны»². Исполняя это поручение, французский дипломат назвал среди прочих поляков также трех лиц, достойных, по его мнению, поступить на службу к императору в качестве экспертов в делах Волыни и Подолья. Двое из них – князь Е. Сангушко и граф Моравский – владели обширными поместьями на Волыни. Третьим был граф Т. Морский, подольские имения которого были конфискованы российскими властями в отместку за его участие в восстании под предводительством Т. Костюшка³. 20 июня

¹ Подр. см.: *Ададуров В.В.* Между шляхтой и крестьянством: Отношение французских государственных и военных деятелей к крестьянскому вопросу в западных губерниях Российской империи во время войны 1812 года // *Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография.* М., 2010. Вып. 9. С. 118–139.

² AMAE, CP, Pologne, vol. 330, f. 87; Lettre autographe de Hugues-Bernard Maret, duc de Bassano, au baron de Bignon en date du 30 mai 1812 de Dresde // *Arts et autographes: Jean-Emmanuel Raux – expert, 9, rue d’Odéon – 75006 Paris* (URL: <http://www.franceantiqu.fr/raux/FR.asp> [дата обращения: 15.08.2012]).

³ *Handelsman M.* Rezydenci napoleońscy w Warszawie 1807–1813. Kraków, 1915. S. 228. Подр. о нем см.: *Willlaume J.* Misja polityczna Morskiego w r. 1812 // *Kwartalnik Historyczny.* Lwów, 1933. № 1. S. 31–72; *Zahorski A.* Morski, Tadeusz //

1812 г. Наполеон дал аудиенцию вышеупомянутым лицам⁴. Сформулировав перед отобранными Биньоном польскими деятелями задание организовать восстания в Литве, на Волыни, Киевщине и Подолье, император одновременно высказал свое негативное отношение к любым стихийным, «диким», формам бунтов. Он высказал пожелание, чтобы такое восстание разворачивалось согласно принципам крупных шляхетских конфедераций XVIII в. – Барской и Тарговицкой.

Находясь под впечатлением приема у Наполеона, Т. Морский в составленном им через два дня, 22 июня, меморандуме «Идеи об организации законного восстания на Волыни, Подолье и Украине» обозначил цель восстания, как «создание массовой воинской силы, пропорциональной по отношению к ресурсам провинций, подготовку товаров и продуктов, необходимых для пропитания армий Его Величества»⁵. Т. Морский считал покровительство и твердые гарантии поддержки со стороны французского императора главной предпосылкой участия в восстании шляхтичей, опасавшихся за свои жизнь и благополучие. Не являясь профессиональным военным и, вследствие этого, не углубляясь в вопросы военной стратегии, Т. Морский считал, что непосредственным сигналом к восстанию на Волыни, Подолье и Киевщине послужит наступление армии французского императора, однако отмечал, что участие в наступательных действиях должны принимать исключительно французские и польские части, но в любом случае не привлеченные Наполеоном к походу против России австрийские и прусские, поскольку «антипатия поляков к немцам сделает это действие противным общественному настроению»⁶. Высказывая мысль о том, что распространение восстания будет зависеть в первую очередь от успехов военных операций, граф подчеркивал «крайнюю необходимость согласовывать действия отрядов пов-

Polski słownik biograficzny. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk, 1976. Т. 21. S. 791–793; *Ададуров В.В.* Морский Тадеуш // Отечественная война 1812 года и освободительный поход русской армии 1813–1814 годов: Энциклопедия: в 3 т. / Под ред. В.М. Безотосного, А.А. Васильева и др. М., 2012. Т. 2. С. 516.

⁴ *Nawrot D.* Napoleon i Litwa w 1812 roku. Katowice, 2008. S. 161.

⁵ AN, AF IV, carton 1650, f. 522 [Idées sur l'organisation d'une insurrection légale en Wolhynie, Podolie et Ukraine par le comte Thadé Morski]. См.: *Ададуров В.* «Наполеонида» на Сході Європи: Уявлення, проекти та діяльність уряду Франції щодо південно-західних країн Російської імперії на початку XIX ст. Львів, 2007. С. 293–296.

⁶ AN, AF IV, carton 1650, f. 523.

станцев с операциями регулярных войск»⁷. Успех восстания Морский связывал также с личным авторитетом его руководителей, которыми должны были стать уроженцы и крупные землевладельцы Волыни, Подолья и Киевщины, находившиеся на военной службе у Наполеона. В составленный им список Т. Морский включил в первую очередь дивизионного генерала К. Князевича, бригадных генералов С. Потоцкого и В.И. Красинского⁸. Впоследствии граф предлагал создать орган временного управления, которым должен был стать временный центральный совет в составе комиссара созданной с согласия Наполеона Генеральной конфедерации Польского королевства, военного командующего и маршалков местной конфедерации, а функции временной администрации могли бы исполнять командиры воинских частей⁹. Полномочия совета касались управления дорогами, таможнями, складами, ему также давались полномочия конфисковывать имения и принимать репрессивные меры по отношению к лицам, заподозренным в намерении уклониться от исполнения «патриотического долга»¹⁰. В список будущих должностных лиц Т. Морский включил также князя Мошинского, графа Ю. Левицкого, князя А. Жевуского, графа Ю. Тарновского и других влиятельных на Волыни и в Подолье землевладельцев. Местом нахождения временного центрального совета трех провинций Т. Морский предлагал избрать Житомир, являвшийся административным центром Волынской губернии¹¹.

Вскоре Т. Морский составил и другой список из предполагаемых сторонников России, враждебно относившихся к Франции. В него он включил таких влиятельных шляхтичей, как князя С. Жевуский и К. Любомирский, сенаторы Ворцель и Грайневский. Их имения предлагалось конфисковать и разделить между польскими патриотами. Отдельно был представлен список российских царедворцев, которым в правление Екатерины II были пожалованы во владение земли, конфискованные у польских повстан-

⁷ AN, AF IV, carton 1650, f. 523.

⁸ Ibid., f. 529.

⁹ Ibid., f. 530.

¹⁰ Ibid., f. 531.

¹¹ Ibid., f. 561–562 [Tableau de l'état statistique des gouvernements de Wolhynie, Podolie et Ukraine]; Ibid., f. 600–604 [Organisation de la commission du gouvernement provisoire dans les provinces de Wolhynie, Podolie et Ukraine; Notes biographiques suivant les numéros].

цев. В этот перечень вошли князя И.С. Кутузов, И.А. Безбородко, И.В. Лопухин и А.М. Голицин, графы В.А. Пашков, Д.И. Бутурлин и С.А. Салтыков, генерал Е.И. Марков¹². Имена этих лиц Морский рассматривал в качестве привлекательной награды для шляхтичей, пожелавших выступить на стороне Наполеона. Весьма вероятно, что таким образом Т. Морский намеревался вернуть себе и ранее принадлежавшие ему имения¹³.

20 июля Т. Морский был назначен специальным «комиссаром-организатором для провинций Волынь, Подолье и Украина». Объясняя в письме к французскому послу в Варшаве Д.-Ж.-Ф. Прадту от 21 июля логику этого назначения, министр внешних сношений Ю.-Б. Маре указывал, что «Польская Украина», Подолье и в первую очередь Волынь *«рано или поздно будут освобождены (здесь и далее курсив мой. – В. А.)»*, а посему отмечал необходимость получить подробные сведения о состоянии и ресурсах упомянутых провинций, а также создать координационный центр по организации польского патриотического движения¹⁴. В конце июля 1812 г. в Варшаве оживленно обсуждалась сенсационная новость о том, что *«Его Величество Император определил князя Евстахия Сангушка и генерала Князевича для организации управления на Волыни»*¹⁵.

Для того, чтобы понять логику этих административных назначений, предпринятых для находившихся еще во власти России территорий, нужно исследовать тогдашнее отношение самого Наполеона к вероятности распространения военных действий в южном направлении. К концу четвертой недели кампании 1812 г. Великая армия продвинулась вглубь России по крайней мере на двести верст и вышла на стратегическую линию Западная Двина – Днепр. Впрочем, россияне удерживали крепость Бобруйск, сосредоточив силы под командованием генерала Ф.Ф. Эртеля в Мозыре, укрепляли Киев. Наполеона также беспокоило то, что в западной

¹² AN, AF IV, carton 1650, f. 608–609 [Particuliers Polonais riches d'un dévouement connu de tout temps et constamment soutien à la cour de Russie; Particuliers Russes qui ont obtenus des terres dans ces trois provinces].

¹³ Ibid., f. 559 [Tableau de l'état statistique des gouvernements de Wolhynie, Podolie et Ukraine, avec un projet d'organisation provisoire pour ces provinces, par M. le comte de Morski].

¹⁴ АМАЕ, СР, Pologne, vol. 331, f. 54 [lettre de S. A. le duc de Bassano à S. A. M. l'archevêque de Malines, le 21 juillet 1812].

¹⁵ Ibid., f. 120–122 [Bulletin particulier de l'ambassadeur à Varsovie, le 26 juillet 1812].

части Волыни находилась Третья обсервационная армия под общим командованием генерала от кавалерии А.П. Тормасова¹⁶. Однако, исходя из неточных данных разведки, император французов сильно приуменьшал численность этой армии. По мнению Наполеона, «там находятся только 9-я и 15-я вражеские дивизии под командованием генерала Каменского, и весьма вероятно, что враг попытается оттянуть их в качестве подкрепления для корпуса Багратиона и прикрытия Москвы». Как следует из переписки императора с оставленным им в Вильне министром внешних сношений, в последней декаде июля Наполеон намеревался провести силами 19-тысячного саксонского корпуса, оставленного на границе Варшавского герцогства и России, «красивую операцию» на Волыни¹⁷. Он считал, что помешать продвижению саксонцев вглубь Волыни «никоим образом не сможет помешать корпус Тормасова, являющийся лишь смесью из тринадцати батальонов рекрутов, неспособных к обороне [здешнего] края»¹⁸. 24 июля Наполеон приказал сообщить командующему саксонским корпусом генералу Ш.-Л. Рейнье, что «назначил его силы для вступления на Волынь и что он сможет самостоятельно определить удобный момент для того, чтобы вступить на Волынь»¹⁹.

Во время своего пребывания в Витебске (28 июля – 12 августа) Наполеон провел несколько важных совещаний по уточнению дальнейшего плана действий. В ходе одного из таких совещаний Е. Сангушко услышал от императора следующее мнение: «Война 1812 года окончена, дело завершит война 1813 года». При этом французский полководец высказал намерение «остаться здесь,

¹⁶ Признаки этого беспокойства явственно присутствуют в регулярных указаниях императора его подчиненным о необходимости раздобыть достоверные данные о численности российских дивизий, дислоцированных на Волыни (Campagne de Russie (1812) / Publication par G. Fabry. Paris, 1902. Т. 3. Р. 1; Ibid. Т. 3. Р. 1; Ibid. Т. 3. Annexes. Р. 34). «Необходимо употребить все средства, – приказывал Наполеон командующему австрийским корпусом К.Ф. Шварценбергу, – чтобы в подробностях узнать о дивизиях, которые враг имеет на Волыни» (Correspondance de Napoléon Ier. Т. 24. Doc. № 19038. Р. 137 [lettre de S. M. l'Empereur et Roi à S. A. M. le prince de Wagram et de Neuchâtel, le 2 août 1812]).

¹⁷ AN, AF IV, carton 1648, f. 268 [lettre de S. A. M. le duc de Bassano à S. A. M. le général le comte Reynier, le 24 juillet 1812].

¹⁸ Campagne de Russie (1812). Paris, 1900. Т. 2. Р. 73 [Napoléon à Berthier, le 22 juillet 1812]; Ададуров В. «Наполеонида» на Сході Європи... С. 414–415.

¹⁹ AN, AF IV, carton 1648, f. 268 [lettre de S. A. M. le duc de Bassano à S. A. M. le général comte de Reynier, le 24 juillet 1812].

изучить ситуацию, сосредоточиться, дать военным отдохнуть, организовать Польшу»²⁰. Примечательно, что именно в Витебске Сангушко стал одним из постоянных собеседников императора. О том, что Наполеон «князем Эсташем (то есть Евстахием Сангушкой. – В. А.) весьма доволен» упоминает в одном из своих писем Ю.-Б. Маре ²¹.

Про предмет бесед Наполеона с Сангушкой можем судить из содержания меморандума князя на имя императора от 30 июля. Упомянутый меморандум является доказательством того, что южные провинции бывшей Речи Посполитой интересовали французского императора как плацдарм развертывания в тылу российской армии восстания польской шляхты. Инициатором разговора выступил сам император, ибо Сангушко отметил в качестве отправного пункта для своих размышлений, что *«однажды Его Величество оказали мне честь, спросив меня, может ли на Волыни произойти патриотическое движение»*. Сангушко «считал восстание невозможным, поскольку вблизи находятся Багратион и Платов». Необходимым условием для начала польского восстания польский генерал называл отправку через Шепань и Домбровну армейского корпуса, достаточно сильного, чтобы вынудить россиян к отступлению за линию реки Случь, к крепости Каменец-Подольский. Сангушко изложил Наполеону три важных последствия занятия Волыни в ближайшее время.

Первое из них заключалось в создании «к октябрю до восьми тысяч легкой кавалерии, сформированной из мелкой шляхты края». Сангушко считал, что поскольку каждый шляхтич имел собственные лошади и копье, то создание упомянутого корпуса не требовало финансирования Францией: «Если же случится, что армия Его Величества проведет зиму в России, это войско принесет большую пользу вследствие знания им русского языка и, даже, письменности, поскольку даже поляки из Варшавского герцогства этого языка совсем не понимают».

Во-вторых, можно было бы обеспечить артиллерию Великой армии достаточным количеством лошадей, которых не представлялось возможным заполучить зимой в России, «население которой, приспособленное к кочевой жизни, способно отогнать при-

²⁰ Sanguszko E. Pamiętnik 1786–1815. Kraków, 1876. S. 79. Ададуров В. «Наполеоніда» на Сході Європи... С. 317.

²¹ КА, АФА 1812, картон 1514, s 337-с [copie de la lettre de S. A. M. le duc de Bassano à S. A. M. le prince de Schwarzenberg, le 1er septembre 1812].

выкший к неприхотливому корму скот вплоть до самих татарских пустынь».

Третье позитивное следствие для армии Наполеона от занятия Волыни проистекало из возможности воспользоваться плодами еще несобранного урожая, но для этого, как указывал Е. Сангушко, следовало поторопиться, поскольку если зерно будет собрано, врагу не потребуются усилий, чтобы его уничтожить. Кроме того, продвижение к австрийской границе поспособствовало бы оптовым закупкам скота и зерна в Галиции²².

Результатом разговоров с Сангушкой стало заметное разочарование французского императора в возможности дожидаться распространения на Волыни антироссийского восстания без направления туда крупных воинских соединений. 28 июля Наполеон сказал А.-О. Коленкуру: «Жители Литвы и Волыни забыли о том, что родились поляками, они стали русскими»²³. На рубеже июля и августа у французского императора возникло намерение отправить через Мозырь расположенный на правом крыле его армии «значительный польский корпус» под командованием Ю.А. Понятовского, который был должен занять восточную часть Волыни и Киевщину²⁴.

Несмотря на то, что накануне похода в Россию с призывом направить Великую армию таким образом, чтобы занять «Украину, являющуюся фундаментом России»²⁵, к Наполеону обращались как французские, так и польские деятели²⁶, соответствующее решение императора было довольно позднего происхождения. На это в частности указывает и нечеткость планов Наполеона в отношении будущего устройства Волыни, Подолья и «Польской Украины». В свое время литовский историк Б. Дундулис, упомя-

²² AN, AF IV, carton 1646, f. 950-953 [Mémoire par le prince Eustache Sanguszko, le 30 juillet 1812].

²³ Mémoires du général Caulaincourt, duc de Vicence, grand écuyer de l'Empereur / Publication par J. Hanoteau. Paris, 1933. T. 1. P. 382.

²⁴ SHD, DAT, C², carton 129, cahier du 3 août 1812 [copie d'une lettre de S. M. l'Empereur et Roi au prince de Wagram et de Neuchâtel, le 3 août 1812]; Correspondance de Napoléon Ier. T. 24. Doc. № 19038. P. 137; Ададуров В. «Наполеоніда» на Сході Європи... С. 318.

²⁵ AN, AF IV, carton 1699, 8e dossier [Mémoire sur la situation politique de la France en janvier 1812 par le comte D'Aubusson de la Feuilladez].

²⁶ См. обзор этих источников: Ададуров В.В. Меморандуми польських авторів початку ХІХ століття як джерело уявлень уряду Наполеона І стосовно південно-західних окраїн Російської імперії // УІЖ. Київ, 2008. № 2. С. 55-57.

нув о попытках Наполеона распространить на Волыни польское патриотическое движение, связал их с намерением императора создать там отдельное Волынское герцогство²⁷. В захваченных 16 ноября 1812 г. документах французского Генерального штаба российский генерал А.Ф. Ланжерон обнаружил карту, на которой были обозначены контуры и фамилии правителей государственных образований, которые предлагалось создать из западных провинций России, а именно: Литовское герцогство во главе с маршалом Л.-Н. Даву, Волынское герцогство – Ю.А. Понятовским²⁸. Возможно, что у нас были бы основания считать этот пассаж одним из весьма распространенных в историографии домыслов, если бы не обнаруженные нами в бумагах президента совета министров Варшавского герцогства князя С. Замойского меморандум и карта, автором которых являлся французский аналитик Роландр. Его проект, хотя и не являлся плодом непосредственного заказа со стороны французского правительства, основывался на весьма тонком анализе основополагающих принципов европейской политики Наполеона, и сумел предвосхитить нечеткие намерения императора. Меморандум Роландра, направленный на имя Ю.-Б. Маре, в то время ближайшего соратника Наполеона, указывал на то, что, принимая во внимание благо самих поляков и географические особенности, императору будет выгодным «разделить, в соответствии с тем, как того требуют обстоятельства, Польшу на две, а возможно и на три части» (а именно – Великопольское, Литовское и Волынское королевства²⁹). Этот документ имел все шансы поразить императора как геометрическим проектом обустройства общеевропейского порядка, так и своим соответствием его тайным намерениям относительно способа восстановления польской государственности. Вероятно, что именно эта карта и стала трофеем Ланжерона, ошибочно назвавшего ее автором самого Наполеона, который лишь обозначил на ней имена претендентов на литовский и волынский престолы.

²⁷ *Dundulis B.* Napoléon et la Lituanie en 1812. Paris, 1940. P. 160–161, 164–165.

²⁸ См.: *Абалихин Б.С.* Отечественная война 1812 года на Юго-Западе России. Волгоград, 1987. С. 8.

²⁹ Львівська національна бібліотека ім. В. Стефаника, Відділ рукописів, ф. 103 [князі Сапєги], спр. 140ІІd-1, арк. 22 [«Concordat européen», joint à la lettre de M. de Rolandre à S. E. M. le prince Stanislas Zamoyski, le 18 octobre 1812]. Подр. см.: *Ададуров В.В.* Концепція трьох Польських королівств Роландра та її співвідношення із зовнішньополітичною доктриною французького уряду під час війни 1812 року // УІЖ. Київ, 2007. № 1. С. 200–211.

Впрочем, именно в этот, в значительной степени решающий для осуществления проекта расширения зоны военных операций в южном направлении, момент кампании Наполеону стало известно, что 27 июля, стремительно продвигаясь вдоль Западного Буга на север, российские дивизии из состава обсервационной армии Торماسова достигли местечка Кобрин, где окружили и принудили к капитуляции саксонскую пехотную бригаду под командованием генерал-майора Г.К. Кленгеля. Таким образом создалась серьезная угроза для коммуникаций Великой армии с Варшавским герцогством и всей империей Наполеона. Это внезапное известие заставило французского полководца предпринять меры по исправлению ситуации и внести коррективы в план расширения военных операций на вольнском направлении. Вечером 2 августа он принял решение направить в помощь 7-му саксонскому корпусу австрийский корпус под командованием генерала от кавалерии К.Ф. Шварценберга. Еще в конце июля Наполеон имел намерение использовать австрийский корпус для действий в составе центральной группировки Великой армии. Однако 2 августа он отменил свой предыдущий приказ от 30 июля, согласно которому К.Ф. Шварценбергу предписывалось привести корпус к Минску³⁰. «Я желаю, – распорядился французский император, – чтобы он (Шварценберг. – В. А.) стремительно продвигался, атаковал и прогнал назад врага, Каменского и Тормасова, продолжив войну на Волыни»³¹. В соответствующем приказе австрийскому военачальнику содержалось требование «выступить против Тормасова и Каменского и дать им сражение»: «Вы обязаны преследовать их повсюду до того момента, пока не достигнете [поставленной] цели»³². Согласно тому же приказу

³⁰ КА, АФА 1812, картон 1513, фaszikel 8, f. 349 [lettre de S. A. M. le prince de Wagram et de Neuchâtel à S. A. M. le prince de Schwarzenberg, le 30 juillet 1812]. См. текст приказа императора: Correspondance de Napoléon Ier. T. 24. Doc. № 19021. P. 124 [lettre de S. M. l'Empereur et Roi à S. A. M. le prince de Wagram et de Neuchâtel, le 30 juillet 1812].

³¹ Ibid. Doc. № 19038. P. 137–138 [lettre de S. M. l'Empereur et Roi à S. A. M. le prince de Wagram et de Neuchâtel, le 2 août 1812].

³² SHD, DAT, C², carton 129, cahier du 2 août 1812 [copie d'une lettre de S. A. M. le prince de Wagram et de Neuchâtel à S. A. M. le prince de Schwarzenberg]. В тот же день приказ похожего содержания был отослан из Генерального штаба Ш.-Л. Рейнье (див.: *Welden L., von. Der Feldzug der Österreicher gegen Russland im Jahre 1812. Wien, 1870. S. 128*). См. текст приказа императора: Correspondance de Napoléon Ier. T. 24. Doc. № 19035. P. 135 [lettre de S. M.

Наполеона, под верховное командование К.Ф. Шварценберга перешел 7-й корпус. 12 августа саксонцы нанесли поражение россиянам под Поддубьем³³, а 13 августа прицельным артиллерийским ударом по селу Городечна австрийцы обильно усеяли трупами российских солдат этот населенный пункт. Развивая этот тактический успех, корпуса К.Ф. Шварценберга и Ш.-Л. Рейнье, имея определенный, хотя и весьма незначительный (лишь в десять тысяч солдат) численный перевес над противником, вступили в западные уезды Волынской губернии. 19 августа австрийцы заняли Рудню, 22 – Ратно, 28 – Ковель³⁴. 21 августа саксонцы вошли в Шацк, 25 – Любомль, 26 – Турийск³⁵.

Новости об успешном наступлении на Волыни достигли французского императора в Смоленске. 24 августа, накануне своего отъезда к Москве, Наполеон поставил перед австрийским и саксонскими корпусами следующее задание, состоявшее в том, чтобы активнее преследовать вражеские войска, которые, согласно предположению французского полководца, намеревались отправиться на соединение с главными силами российской армии: «Вы обязаны не допустить, чтобы Тормасов и войска, которые враг может иметь на Волыни, направились против нас»³⁶. Надеясь, что австрийский и саксонский корпуса ни на миг не прекратят преследование армии Тормасова, Наполеон писал 27 августа своему министру внешних сношений, что «*следует продвигаться на Волынь, туда, где уже нет неприятеля*». В письме акцентировалось, что это задание должно стать для министра предметом заботы особого характера, впрочем, заботы скорее приятной, чем об-

l'Empereur et Roi à S. A. M. le prince de Wagram et de Neuchâtel, le 2 août 1812]; Ададуров В. «Наполеоніда» на Сході Європи... С. 445.

³³ АМАЕ, СР, Pologne, vol. 331, f. 404 [extrait du bulletin des séances au conseil des ministres du Duché, séance du 17 août 1812].

³⁴ Ibid., f. 459 [lettre de S. E. Mr. l'archevêque de Malines à S. A. M. le duc de Bassano, le 22 août 1812].

³⁵ SHD, DAT, C², carton 675 [Journal des marches et opérations du général Reynier, commandant du 7e corps de la Grande Armée (saxons)]; АМАЕ, СР, Pologne, vol. 331, f. 544 [lettre de S. E. Mr. l'archevêque de Malines à S. A. M. le duc de Bassano, le 2 septembre 1812].

³⁶ КА, АФАА 1812, karton 1514, f. 337-b [lettre de S. A. M. le prince de Wagram et de Neuchâtel à S. A. M. le prince de Schwarzenberg, le 24 août 1812]; SHD, DAT, C², carton 129, cahier du 24 août 1812 [copie d'une lettre de S. A. M. le prince de Wagram et de Neuchâtel à S. A. M. le général le comte de Reynier)]; Ададуров В. «Наполеоніда» на Сході Європи... С. 447.

ременительной, поскольку, как подчеркивал император, «*всегда приятно, когда обретаешь [новый] край*»³⁷.

Примечательно, что именно в этот момент Е. Сангушке без каких-либо видимых заслуг было присвоено звание офицера французского Почетного легиона. Своим приказом Наполеон поручил ему возглавить специальную комиссию, которой вверялось обеспечение Великой армии продовольствием и средствами передвижения. В качестве одного из направлений деятельности указанной продовольственной комиссии указывались Волынь и австрийская Галиция³⁸. Осуществляя назначение Сангушко, император, очевидно, надеялся, что этому волынскому помещику удастся, благодаря своему влиянию и связям, собрать достаточное количество лошадей, скота и зерна на Волыни и в соседних с нею провинциях. Таким образом, за почти одновременными назначениями Морского, Сангушко, Князевича явно прочитываются намерения Наполеона создать на территории Волыни по примеру Литвы отдельное от Варшавского герцогства протогосударственное образование, временно управляемое триумvirатом упомянутых польских дворян. В нем узнаваемы очертания Волынского королевства из меморандума Роландра. На намерение Наполеона не объединять бывшие юго-западные провинции Речи Посполитой с Варшавским герцогством также указывает составленная для Т. Морского инструкция, в которой подчеркивалось, что на Волыни должно быть введено в действие отдельное административное устройство, аналогичное тому, которое уже было внедрено в Литве³⁹. Что касается акцентированного в советской историографии утверждения, что Наполеон хотел отдать Волынь Австрии взамен за ее военную помощь⁴⁰, то оно не имеет под собой никакого документального

³⁷ Цит. по: Причины, заставившие Наполеона идти на Москву: Неопубликованное письмо Наполеона / Издал Ф. Бокур // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы. Материалы X Всерос. науч. конференции, 3–5 сентября 2001 г. М., 2002. С. 42.

³⁸ En marge de la correspondance de Napoléon Ier. Pièces inédites concernant la Pologne / Publication par A.M. Skalkowski. Varsovie–Paris, 1911. P. 62–63.

³⁹ AN, AF IV, carton 1650/1, f. 702–709 [Instruction pour M. le comte Thadé Morski, commissaire impérial organisateur pour les provinces de Podolie, Volhynie et Ukraine]; Ададуров В. «Наполеонида» на Сході Європи... С. 325–328.

⁴⁰ Звавич И.С. Метгерних и Отечественная война 1812 года // ИЗ. М., 1945. Т. 1. С. 104; Абаліхін Б.С. Український народ у Вітчизняній війні 1812 р. Київ, 1962. С. 10; Бескровный Л.Г. Боевые действия русской армии и освобождение Германии в 1813 году // Поход русской армии против Наполеона

основания⁴¹, кроме факта вынужденного военной ситуацией направления австрийского корпуса Шварценберга против армии Тормасова. Наполеон, научившийся на практике применять принцип «разделяй и властвуй» еще во время своих итальянских походов, безусловно мог быть заинтересован в создании на Волыни небольшого польского государства по примеру Цизальпийских и Трансальпийских республик.

Торопясь воспользоваться плодами военных успехов на Волыни, французское руководство намеревалось осуществить ряд мер по организации там вооруженных отрядов. Не дожидаясь отъезда из Варшавы специально назначенного комиссара графа Т. Морского, в середине августа военный комендант Варшавы бригадный генерал А. Дютаи отправил в Ковельский и Владимирский уезды «столько [польских] офицеров, сколько это было

в 1813 году и освобождение Германии. Сборник документов / Под ред. Л.Г. Бескровного. М., 1964. С. XV.

⁴¹ Данное измышление весьма убедительно опровергается содержанием протоколов франко-австрийских переговоров о заключении союза, хранящихся в Архиве Министерства иностранных дел Австрии: ни один из этих документов не содержит предложения «разделить шкуру неубитого медведя». В составленном 19 февраля 1812 г. проекте секретных статей к договору речь шла лишь о том, что «в случае счастливого завершения войны Его Величество император французов обязуется обеспечить Его Величеству императору Австрии возмещения и компенсации за потери и ущерб, которые он может претерпеть из-за сотрудничества во время войны» (HHStA, Staatskanzlei, Frankreich, karton 214, s. 87 [Projet des articles secrets du traité d'alliance, le 19 février 1812]; AMAE, CP, Autriche, vol. 391, f. 31 [Articles secrets di traité de l'alliance, janvier 1812]). Это обещание весьма нечеткого характера было положено в основу восьмой секретной статьи франко-австрийского договора от 14 марта 1812 г.: *Recueil des traités et conventions conclus par l'Autriche avec les puissances étrangères depuis 1763 jusqu'à nos jours / Publication par L. Neumann. Leipzig, 1856. T. 1. Doc. № 207. P. 360*). О каких конкретных «возмещениях и компенсациях» шла речь, позволяет судить утверченный австрийским императором Францем I перечень объектов, интересовавших Австрию. В качестве единственного пункта в этом перечне фигурировали «турецкие княжества на Дунае», оккупированные на тот момент Россией. Согласно дипломатическому высказыванию австрийского министра внешних сношений К.В.Л. Меттерниха, его правительство готово согласиться с высказанной французским императором мыслью о том, что «Дунай является внутренней рекой нашей империи на всем ее протяжении» (HHStA, SK, Frankreich, karton 216, s. 52-53 [lettre de S. E. M. le comte de Metternich à S. A. M. le prince de Schwarzenberg, le 24 janvier 1812]); *Ададуров В. «Наполеонида» на Сході Європи... С. 331*).

возможным, чтобы сформировать [руководящие] кадры и поддержать восстание на Волыни»⁴². По рекомендации самого Ю.-Б. Маре, эту группу офицеров возглавил уроженец Волыни бригадный генерал Л. Кропиньский. Ему был отдан приказ действовать в согласии с Т. Морским с целью «организовать вооруженную силу и активизировать восстание»⁴³. Кропиньскому и его людям предписывалось набирать на военную службу охочих молодых людей шляхетского происхождения и присваивать им воинские чины не выше капитана. Полномочия Л. Кропиньского в качестве назначенного французским командованием комиссара по формированию войск на Волыни подтвердил также военный министр Варшавского герцогства Ю. Вельгорский, обратившийся к командующему австрийского корпуса с просьбой посодействовать миссии польского генерала⁴⁴. Имея целью поощрить население Волыни к поступлению на военную службу к Наполеону, 5 сентября Ю.-Б. Маре выслал в штаб корпуса К.Ф. Шварценберга значительное количество печатных агитационных материалов с известиями о победах императора французов над россиянами⁴⁵. С призывом к населению Волыни «взяться за оружие и помочь великому Герою Наполеону отвоевать вашу независимость в сражении с московскими варварами»⁴⁶ обратился также дивизионный генерал Г. Косинский, отдельная польская дивизия которого, действуя с территории Варшавского герцогства, вступила 30 августа во Владимир-Волынский. Впрочем из за того, что войска Наполеона заняли лишь небольшую часть юго-западного пограничья России, к тому же сильно опустошенную военными действиями,

⁴² SHD, DAT, C², carton 129, cahier du 18 août [lettre de S. E. M. le colonel Du Taillis à S. E. M. le général Reynier].

⁴³ AMAE, CP, Pologne, vol. 331, f. 521 [lettre de S. A. M. le duc de Bassano à S. E. M. le général comte de Wielhorski, le 29 août 1812]; *Ададуров В.В.* Наступательная операция 7-го корпуса Великой армии и австрийского вспомогательного корпуса на Волыни в стратегических планах французского командования (август – сентябрь 1812 года) // *Бородино и наполеоновские войны: Битвы. Поля сражений. Мемориалы. Материалы 2-й межд. конференции, посвященной 195-летию Бородинского сражения. Бородино, 3–5 сентября 2007 г.* Можайск, 2008. С. 196–210.

⁴⁴ КА, АФА 1812, karton 1514, f. 227 [lettre de S. E. M. le général comte Wielhorski à S. A. M. le prince de Schwarzenberg, le 23 septembre 1812].

⁴⁵ См.: *Welden L., von.* Der Feldzug der Österreicher gegen Russland im Jahre 1812. Wien, 1870. S. 132.

⁴⁶ *Kukiel M.* Wojna 1812 roku. Kraków, 1937. T. 2. S. 89.

вследствие незначительной протяженности оккупации (только три недели во Владимирском та четыре недели в Ковельском и Луцком уездах), из-за сомнений местной шляхты в возможности победы над Россией, общественного недовольства мародерством австрийских и саксонских войск, успехи организаторов военных контингентов на Волыни оказались более чем скромными: свое желание вступить в формируемые части высказали лишь несколько десятков человек. Констатировав как бесспорный факт, что на Волыни в 1812 г. в армию Наполеона вступили гораздо меньше польских помещиков и арендаторов, чем в Литве, французский историк Д. Бовуа все же не смог отразить истинные масштабы этого явления, оказавшимися на самом деле гораздо более скромными, чем он считал⁴⁷. Несмотря на попытки отразить в своих депешах доказательства преданности местных жителей делу восстановления их отчизны при помощи Наполеона, Л. Кропиньский был вынужден признать, что за три недели пребывания во Владимире-Волынском к нему обратились лишь двое увлеченных романтическими идеями братьев – Д. и М. Стецкие, которые привели с собой сотню своих вооруженных крепостных. Как будто признавая провал своей миссии, Л. Кропиньский предложил временно приостановить набор добровольцев, чтобы успокоить местную шляхту, панически страшившуюся репрессий в случае весьма вероятного возвращения россиян⁴⁸.

Однако интерес французского руководства к организации шляхетского восстания на Волыни не исчез полностью даже после того, как силы Наполеона были вытеснены россиянами в 20-х числах сентября из ее западных уездов. Как Наполеон, так и Маре все еще надеялись на возможность воспользоваться ресурсами юга и главную роль в осуществлении этого намерения они отводили усилиям польских патриотов по организации восстания. Об этих ожиданиях можно судить, в частности, из утвержденной 1 октября министром внешних сношений инструкции для дипломатического агента Ф. Логориса. Ю.-Б. Маре отмечал, что, занимаясь торговыми делами на границе между Австрией и Россией, этот агент должен сосредоточиться на сборе «подробной информации про численность и расположение как российских, так и австрий-

⁴⁷ *Beauvois D.* Trójkał ukraiński: Szlachta, carat i lud na Wołyniu, Podolu i Kijowszczyźnie. 1793–1914 / Przekład z fr. Lublin, 2005. S. 181.

⁴⁸ АМАЕ, СР, Pologne, vol. 331, f. 692 [rapport du général de brigade Kropinski en date du 21 septembre 1812].

ских войск, сил польской конфедерации в Подолье, на Волыни и Украине, а также о военных действиях, театром которых станет этот край»⁴⁹.

Французские руководители тщательно отслеживали в ситуации на Волыни и Подолье даже мельчайшие признаки антироссийской активности шляхетского сословия. В этом плане следует отметить донесения французского резидента во Львове Ж.-В. д'Обернона про якобы имевшее место под Каменцем-Подольским восстание арендаторов и крестьян⁵⁰, а также информационные бюллетени посла в Варшаве Д.-Ж.-Ф. Прадта. В одном из них, рядом с новостью про назначение императором французов генералов Сапеги и Князевича для организации временной администрации на Волыни, упоминалось о сенсационном появлении в высшем свете Варшавы «одной юной украинки, заявившей о своем намерении отправиться в действующую армию и сражаться в польских рядах; два дня тому она появилась у князя Чарторижского переодетая уланом, костюм настолько хорошо соответствовал ее возрасту, что ее заявление о том, что происходит она из окрестностей Житомира и принадлежит к известной на Украине семье *Naczwatskych* (поскольку французы до неузнаваемости коверкают польские фамилии, весьма вероятно речь шла об известной семье Ганских. – В. А.), произвело настоящую сенсацию; она добавила, что ее муж уже давно служит в польской армии, что она разделяет его чувство любви к бывшей родине и ненависти к русским, а посему хочет разделить с ним опасности и успехи, и если бы она заявила о своем намерении открыто, то около 200 женщин засвидетельствовали бы, что считают за счастье ее сопровождать, но желая открыться лишь заслуживающим доверия лицам, она сочла целесообразным ограничиться на первое время компанией только 15-ти женщин, за которых может поручиться как за себя саму <...>. Она сказала, что намеревается через несколько дней отправиться в польскую армию, но ей и ее спутницам недостает двух вещей – оружия и лошадей – их они надеются раздобыть в Варшаве»⁵¹.

⁴⁹ АМАЕ, СР. Supplément, Pologne, vol. 17, f. 304 [Instruction pour M. Laugoris, approuvée le 1er octobre 1812].

⁵⁰ Ibid., СР, Pologne, vol. 331, f. 593 [rapport de M. d'Auberon, le 5 septembre 1812]; *Ададуров В.* «Наполеоніда» на Сході Європи... С. 144; *Он же.* Между шляхтой и крестьянством... С. 128–129.

⁵¹ АМАЕ, СР, Pologne, vol. 331, f. 121-122 [Bulletin particulier de l'ambassadeur à Varsovie, le 26 juillet 1812].

Несмотря на фантазмагорический характер этого упоминания про польскую «девицу-кавалериста» и ее женский отряд, которое красноречиво показывало глубину ненависти шляхты южных провинций бывшей Речи Посполитой по отношению к русским, а также несмотря на невозможность осуществления намерений «украинской» патриотки (дело в том, что утвержденный Наполеоном 8 июня 1812 г. регламент Великой армии своим 33 пунктом сурово запрещал военным чинам «иметь при себе женщин в армии»⁵²), рассказ Прадта указывает на важный факт: в армии Варшавского герцогства, отправившейся с Наполеоном в русский поход, служили немало выходцев из Волыни, Подолья и «Польской Украины». Одним из них и являлся муж вышеупомянутой кавалеристки. Среди этих военных наибольшим влиянием пользовался бригадный генерал Е. Сангушко, отмеченный вниманием самого Наполеона. Отсутствие этих военных в родных краях лишило настроенную в патриотическом духе часть тамошней шляхты наиболее пассионарных индивидов, которые могли бы принять участие в подготовке восстания в тылу российской армии. Очевидно, что это задание было не по силам экзальтированным в духе польского патриотизма, но хрупким амазонкам, одной из которых являлась упомянутая во французском информационном бюллетене «юная украинка» из-под Житомира.

⁵² AN, AF IV, carton 1643, f. 132 [Règlement pour la Grande Armée, Posen, le 8 juin 1812].

БИОГРАФИКА

УДК 94(47)072

М.Н. МУСИН-ПУШКИН - УЧАСТНИК ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА И ЗАГРАНИЧНЫХ ПОХОДОВ

Р.Х. Галиуллина

Казанского юридического института МВД России,
кафедра гражданско-правовых дисциплин
rufyagal@mail.ru

О биографии Михаила Николаевича Мусина-Пушкина – попечителя Казанского, Петербургского учебного округа эпохи, до его привлечения на службу в министерство народного просвещения в 1826 г., известно немного. В статье рассказывается об участии в Отечественной войне и Заграничных походах, как обстоятельствах немало способствовавших удачной карьере будущего николаевского сановника. Реконструкция малоизвестных фактов биографии воспроизведена на основе изучения документов Отдела рукописей и редких книг Казанского (Приволжского) федерального университетов (ОРРК НБЛ К(П)ФУ, Казань), Казанского университета, хранящихся в Национальном архиве Республики Татарстан.

Ключевые слова: дворянский род, Казанская губерния, лейб-гвардии Семеновский полк, Отечественная война, Заграничные походы, попечитель, Казань, Санкт-Петербург, университет, учебный округ.

M.N. MUSIN-PUSHKIN AS A PARTICIPANT OF THE PATRIOTIC WAR AND THE FOREIGN CAMPAIGNS

R.Kh. Galiullina

We know little about the life of the curator of the Kazan and Petersburg educational districts, Mikhail Nikolaevich Musin-Pushkin, before he began to work for the Ministry of Public Education in 1826. This article reconstructs the story of his participation in the Patriotic War and Foreign Campaigns, and shows that these early experiences had sufficiently contributed to his successful bureaucratic carrier under Nickolas I. Our reconstruction of little-known facts of Musin-Pushkin's biography is carried out on the basis of the documents from the Manuscripts and Rare Books Section of the Library of Kazan (Volga) Federal University, and from the collection of Kazan University held in the National Archive of the Republic of Tatarstan.

Key words: noble kin, Kazan region, life guards Semyonov regiment, Patriotic war, Foreign campaign, overseer, Kazan, St. Petersburg, university, education district.

Михаил-Николаевич Мусин-Пушкин (25 ноября 1795 – 20 июня 1862) – дворянин, казанский помещик, участник Отечественной войны 1812 года и заграничных походов более известен как попечитель Казанского учебного округа (1827–1845), попечитель Петербургского учебного округа (1845–1856), председатель Петербургского цензурного комитета, сенатор. О том, какую роль сыграли в его судьбе события 1812 г., известно мало, о них можно судить по доступным исследователю формулярным (послужным) спискам, хранящимся в Национальном архиве Республики Татарстан (НА РТ) и Российском государственном историческом архиве (РГИА). Других источников: дневников, писем, воспоминаний, так или иначе освещающих события тех лет, пока обнаружить не удалось. Можно предположить, что М.Н. Мусин-Пушкин не имел привычки вести дневники, не писал мемуары – в противном случае это стало бы известно, т.к. многие годы он возглавлял Петербургский цензурный комитет, был знаком со многими литераторами, а потому информация о том, что он писал воспоминания, стала бы известна литературному кругу. И, тем не менее, его путь к военной доблести, как условию успешной карьеры, безусловно, представляет интерес.

Отец Михаила Николаевича – камергер двора Екатерины II Николай Михайлович Мусин-Пушкин (1762 – 26 февраля 1830)¹. В конце XVIII в. придворная должность камергера так же, как и воинская должность генерал-майора, соответствовала IV классу Табели о рангах: чину действительного тайного советника. Камергер Николай Михайлович Мусин-Пушкин особыми талантами не отличался, не был отмечен и особым расположением императрицы Екатерины II и хрониками государственной, светской жизни не был отмечен. Известно, что за ним числилась небольшая деревня Оликово в Суздальском уезде Владимирской губернии, где проживало немногим более 100 душ податных крепостных крестьян². Камергер

¹ Дата смерти Н.М. Мусина-Пушкина в Родословной книге П.Д. Долгорукого указана неверно – 1812 год. См.: Российская родословная книга / сост. П.Д. Долгоруков. СПб., 1856. Т. 3. Ср.: *Никанор*. Казанский некрополь. Казанцы, умершие с 1794–1894 гг. Казань, 1895; ОРРК НБЛ К(П)ФУ. Ед. хр. 217: Н.Я. Агафонов. Казанский летописец. Л. 491; О его смерти 26 февраля 1830 г. см.: Некролог Николая Михайловича Мусина-Пушкина // Прибавления к «Казанскому вестнику». 1830. № 10. С. 77–78.

² НА РТ. Ф.977. Оп. Совет. Д. 2479 А «Формулярный список о службе и достоинстве тайного советника, попечителя Казанского учебного округа М.Н. Мусина-Пушкина за 1841 г.». Л. 1.

Мусин-Пушкин относился к числу мелкопоместных дворян, которые, занимая важные посты, довольствовались жалованием и скромными доходами с деревень и были вынуждены искать возможности улучшить свое материальное положение, например, вступив в брак с богатой невестой.

По совету близких друзей он стал подыскивать себе богатую невесту в провинции, в одной из черноземных губерний. На одном из светских раутов он познакомился с казанскими помещиками сийательными князьями Болховскими. Вскоре ему представили их дочь – княжну Авдотью (Евдокию) Болховскую (1771 – 5 января 1843)³. За невестой отдавали крупное имение – село Бездна Гусихинской волости Спасского уезда Казанской губернии. А с ним – почти 600 крепостных мужиков, исправно плативших подати и отбывавших барщину. Ко всему прочему княжна наследовала (выселок) Якова Николаевича Болховского – Болховка, находившийся в девяти верстах от села Бездна, который в свое время основал его путем переселения крестьян на целинные черноземные земли, купленных им у князя Дадиане.

Женитьба на Авдотье Сергеевне помимо богатого крепостного хозяйства позволила камергеру расширить круг родственников именитыми казанскими семьями, состоявшими в родстве с Болховскими: Великопольскими, Моисеевыми⁴, Молоствовыми. А село Бездна получило нового хозяина – с 1791 им числился камергер Н.М. Мусин-Пушкин⁵, после его смерти имение досталось детям: сыну Михаилу и дочери – Анне (6 декабря 1802 – 14 марта 1831)⁶.

Воспитанию детей Николай Михайлович Мусин-Пушкин уделял пристальное внимание. Когда мальчик подрос, настало время определиться: отдать его в Казанскую гимназию, в частный пансион или нанять гувернера. На семейном совете было решено,

³ Князья Болховские – старинный дворянский род. По предположению П.Д. Долгорукова они были единственными удельными князьями, которые не принадлежали к племени святого Владимира (см.: Российская родословная книга / сост. П.Д. Долгоруков. Т. 3. С. 10–12; Некролог Авдотьи Сергеевны Мусиной-Пушкиной // Прибавления к «Казанским губернским ведомостям». Казань, 1843. № 2. С. 8).

⁴ Родная сестра Евдокии Сергеевны – Мария Сергеевна была замужем за Е. Великопольским, вторично – за А. Моисеевым (см.: Агафонов Н.Я. Из казанской истории. Казань, б.г. С. 38).

⁵ ОРРК НБЛ К(П)ФУ. Ед. хр. 943 Акты на земельные владения Болховских и Мусиных-Пушкиных в Поволжье в 1723, 1761, 1818, 1831 гг. и др. Л. 4.

⁶ Там же. Ед. хр. 217. Л. 491.

что к Михаилу будет приставлен наставник-гувернер. В Казанской губернии учительствовали преимущественно воспитатели из немцев, а не французов, как в столицах. Это одно из объяснений тому, почему к Мише Мусину-Пушкину был нанят наставником саксонец Иоанн Михаил Томас или Иван Григорьевич, как его любезно стали называть сначала в семье, потом в Казани⁷.

Детям камергера Томас сумел дать азы латыни, греческого, немецкого и французского языков, познания в области истории по изданной в 1799 г. в Санкт-Петербурге «Всемирной истории. В трех частях», географию и статистику – по немецким учебным изданиям. Помимо И.Г. Томаса⁸ с Михаилом и Анной занимался профессор математики Казанского университета Франц Ксаверий Броннер⁹. Возможно, на дому у Броннера состоялась первая встреча Михаила Мусина-Пушкина и студента Казанского университета Николая Лобачевского, которому профессор также давал дополнительные уроки по математике, а позже рекомендовал его

⁷ Иоанн Михаил Томас – родился в 1770 г. в Кобурге (верхняя Саксония), окончил там гимназический курс. Дальнейшее образование он получил в университетах городов Галле и Йена, удостоившись звания кандидата теологии. С 1792 г. практиковал в качестве домашнего наставника. Провел около десяти лет в Франкони, Швейцарии, затем в Дерпте, где был выбран в пасторы и конректоры училища. Доходы с этой должности были недостаточны для содержания семьи (жены и сына), поэтому он решил искать более высокооплачиваемое место гувернера.

⁸ Около 1809 г. Томас оставил Мусиных-Пушкиных, перешел к помещику Спасского уезда А.Ф. Моисееву для обучения его пасынка – И.Е. Великопольского и родной дочери Варвары, они приходились племянниками Авдотьи Сергеевны Мусиной-Пушкиной. Вскоре по примеру И. Краузе, И. Бюрно, И. Лейтер – немецких профессоров, перешедших на службу в Казанский университет, Томас выхлопотал у попечителя С.Я. Румовского место профессора кафедры «всеобщей истории, географии и статистики». К письму была приложена небольшая рукопись «диссертации» на десяти листах. 19 декабря 1810 г. Томас был назначен ординарным профессором этой кафедры. См.: Булич Н.Н. Из первых лет Казанского университета (1805–1819). Казань, 1891. Т. 2. С. 582–583; НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 377 (1810). Л. 31–32; Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. Казанского университета (1804–1904) / под ред. Н.П. Загоскина. Казань, 1904. Ч. 1. С. 175–176, 177.

⁹ См.: Нагуевский Д.И. Профессор Франц Ксаверий Броннер, его дневник и переписка (1758–185...). Казань, 1902. С. СХLI; Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. Казанского университета (1804–1904)... С. 175.

академику Н. Фуссу как «лучшего воспитанника», «научные наклонности которого заслуживают исключительного одобрения»¹⁰.

Занятия с Томасом, но особенно с Бронером значительно расширили кругозор Михаила Мусина-Пушкина и познания в области математики, физики, химии, минералогии, а также в общественных науках. Михаил Мусин-Пушкин вместе с троюродным братом Владимиром Порфирьевичем Молоствовым принял решение готовиться к сдаче экзамена «на чин»¹¹.

С мая по октябрь 1810 г. мальчики исправно посещали университетские курсы, чтобы ознакомиться с требованиями нововведенного испытания для чиновников и перед Рождеством успешно выдержали испытания. По счастливой ли случайности или стечению обстоятельств в означенную комиссию входил тогда уже профессор Казанского университета И.Г. Томас. Воспитанник не подвел своего наставника. Его ответы были большей частью верными. Не проучившись ни дня в Казанской гимназии, ни года – в университете, Мусин-Пушкин получил аттестат Казанского университета. Перед ним открывались широкие перспективы успешной чиновной службы.

В возрасте 17 лет Михаил Мусин-Пушкин твердо решил стать офицером, покинул отчий дом. Отец одобрил его выбор, более того – помог, используя свои столичные связи, способствовал зачислению сына и племянника жены Владимира Молостова в колонновожатые Свиты Его Императорского Величества квартирмейстерской части¹². Еще до сдачи экзамена чин (13 марта 1810 г.) Михаил Мусин-Пушкин был зачислен в колонновожатые этого подразделения¹³. Спустя полгода – 29 сентября 1810 г., М.Н. Мусин-Пушкин был произведен в подпоручики (XIII класс по Табели о рангах), вместе с отцом и кузеном прибыл в Санкт-Петербург и приступил к действительной воинской службе.

Хотя квартирмейстерская часть Свиты Его Императорского Величества считалась элитным воинским подразделением, отношение к ней было пренебрежительным: ее офицеры и солдаты не

¹⁰ Нагуевский Д.И. Указ. соч. С. 415; Васильев А.В. Николай Иванович Лобачевский (1792–1856). М., 1992. С. 21–22.

¹¹ Фролова С.А. Казанская ветвь дворянского рода Молостровых (вторая половина XVIII–1861 г.): дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 1998. С. 167–190.

¹² Лодыженский И.Н. Родословная Молостровых. СПб., 1910. С. 16.

¹³ НА РГ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 2479 А. (1841). Л. 2.

участвовали в боевых операциях¹⁴. Для молодого, дышащего здоровьем и амбициями юноши, эта часть являла собой своеобразный плацдарм, который дает возможность получить офицерское звание и продолжить карьеру в действующей армии. После того как Михаил был произведен в обер-офицерский чин подпоручика отец стал ходатайствовать о его переводе в гвардейский полк. Ему удалось осуществить задуманное – 17 февраля 1811 г. Михаил Мусин-Пушкин был зачислен прапорщиком в лейб-гвардии Семеновский полк.

Назначение в Семеновский полк было большой наградой для любого дворянина. Не всем влиятельным лицам удавалось устроить родственников или знакомых в полк, шефом которого был сам государь Александр I, считавший себя его офицером и всячески баловавший своих сослуживцев: 1812 г. М.И. Кутузов сообщал одному из родственников, что с большим трудом добился включения своего протеже в списки полка¹⁵.

Служба в гвардейском полку была престижной, сулила немалую выгоду. Сюда, как правило, зачисляли представителей знаменитых дворянских фамилий, да и чинопроизводство имело преимущества по сравнению с военной службой в обычных воинских подразделениях, особенно в сравнении с гражданской службой. Кроме того, гвардейские офицеры были на виду и слуху монаршей фамилии, могли искать и заслужить высочайшее покровительство. Весь XVIII в. отмечен активным участием гвардейцев в политической жизни. Многие из офицеров, участники дворцовых переворотов, добились высокого положения при дворе. Но не такую судьбу прочил своему сыну камергер Николай Мусин-Пушкин, он был свидетелем не только взлетов, но и падений фаворитов Екатерины II. Поэтому, оставляя сына в Санкт-Петербурге, просил его быть верным присяге. В этом он видел залог благополучия и успеха своего наследника. Неизвестно, как сложилась бы карьера его сына – богатого наследника села Бездна. Сослуживец М.Н. Мусина-Пушкина – И.Д. Якушкин – тоже новобранец, отмечал, что «в 1811 году, когда я вступил в Семеновский полк, офицеры, сходящиеся между собой, или играли в карты, без зазрения совести надувая друг друга, или пили и кутили напропалую...»¹⁶. Соблазнов в столице было немало, но вскоре события стали

¹⁴ Шепелев Л.Е. Отмененные историей чины, звания и титулы. Л., 1977. С. 63.

¹⁵ Лапин В.В. Семеновская история: 16–18 октября 1820 года. Л., 1991. С. 52.

¹⁶ Цит. по: Нечкина М.В. Движение декабристов: в 2 т. М., 1957. Т. 1. С. 119.

складываться не только для гвардейцев, но и для всей России весьма драматично.

9 марта 1812 г. лейб-гвардии Семеновский полк под руководством полковника К.А. Криднера, выступил из Санкт-Петербурга к западной границе¹⁷. Накануне вторжения Наполеона в пределы Российской империи, 2 июня 1812 г., Михаил Мусин-Пушкин был произведен в гвардии-подпоручики, вскоре после начала боевых действий был определен в Главный штаб 1-й армии к генералу А.П. Ермолову, где прослужил почти год. Выполняя поручения начальников Главного штаба 1-й армии, гвардии-подпоручик Мусин-Пушкин принял участие в ряде сражений, тогда как Семеновский полк, в котором он начинал служить, не принимал участия в боях вплоть до сражения под Бородино¹⁸.

2 августа 1812 г. «за отличие» в боях у Смоленска и Заболотье М.Н. Мусин-Пушкин получил звание гвардии-поручика (XII класс по Табели о рангах). Первым орденом – орденом св. Владимира 4-й степени с бантом был награжден «за отличие» в сражении при отступлении русских войск к Калуге (6 ноября 1812 г.). Отличился в боях при отступлении французских войск за Березину. Находясь на штабной должности, «пулям не кланялся», постоянно просил вернуть его в Семеновский полк. Тем не менее, и в Заграничные походы он вступил адъютантом. Вернуться в Семеновский полк удалось в марте 1813 г. – накануне ожесточенных боев в Саксонии и Пруссии. В составе легендарного полка он принял участие в генеральном сражении при Лютцене и Бауцене (8 и 9 мая 1813 г. – так отмечено в послужном списке). Тогда русская армия встретилась с новой французской армией, которую сумел собрать Наполеон Бонапарт после изгнания из России. В битве при Бауцене по свидетельству историков союзники располагали 65 тысяч единиц русских и 28 тысяч единиц прусских войск при 610 орудиях. Наполеон имел значительный перевес в силах – 143 тысяч, однако был слабее в кавалерии (12 тысяч единиц) и особенно в артиллерии (350 орудий). Битва была ожесточенной. Для союзников занятие позиций при Бауцене означало дальнейшее успешное наступление на Дрезден и Лейпциг. За два дня сражения русские потеряли 6.400 солдат, пруссаки – 5.600,

¹⁷ *Лапин В.В.* Указ. соч. С. 22.

¹⁸ Там же. С. 25.

французы – в полтора раза больше – 18–20 тысяч¹⁹. Мусин-Пушкин сумел отличиться и среди прочих героев был награжден сначала орденом св. Анны 4 степени, а в июне 1813 г. был удостоен наградным холодным оружием – Золотой шпагой с надписью на эфесе – «За храбрость».

Золотая шпага вручалась за подвиги на поле боя. Считается, что она была учреждена указом Г.А. Потемкина от 29 июня 1788 г.²⁰, хотя прецеденты награждения холодным золотым оружием имели место и ранее. Павел I отменил награждение золотым оружием. При Александре I этот вид награждения был восстановлен. С 28 сентября 1807 г. офицеры, награжденные Золотыми шпагами и саблями (сабли вручались офицерам кавалерии) стали причисляться к кавалерам российских орденов, их имена стали вноситься в списки кавалеров российских орденов всех наименований, которые помещались в ежегодно издававшихся «Придворных календарях»²¹. Благодаря подобному учету было известно точное число героев – кавалеров Золотой шпаги, их имена и обстоятельства вручения. Впоследствии исследователи обобщали эти данные в специальных справочных изданиях. 241 офицер был удостоен этой награды в Отечественной войне, 685 – в Заграничных походах²². Эта награда фактически являлась государственным орденом, имела три степени:

- золотое оружие «За храбрость» с алмазами (бриллиантами), которым удостоивались военачальники;
- золотое оружие «За храбрость» – им жаловались офицеры;
- Аннинское оружие – низшая, третья степень ордена св. Анны (с 1815 г. – четвертая степень).

М.Н. Мусин-Пушкин был удостоен именно Золотой шпаги второй степени. В составе Семеновского полка он продолжил участие в баталиях на территории Богемии, Саксонии, в частности, в битве при проходе через Гильгюбель и Голенберг. В Саксонии – под Кульмом, в течение трех дней: с 16 по 18 августа 1813 г., он

¹⁹ Богданович М.И. История войны 1813 года за независимость Германии по достоверным источникам. СПб., 1863. Т. 1. С. 248, 251, 275.

²⁰ Дуров В. Оружие – в награду // СМ. 1989. № 5 (109). С. 60–63.

²¹ Горшман А. Русские и иностранные ордена и медали в 1812–1815 гг. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М., 1996. [Т.] VII. С. 283–284.

²² См.: Исмаилов Э.Э. Золотое оружие с надписью «За храбрость». Списки кавалеров 1788–1913. М., 2007.

принял участие в окружении и уничтожении неприятельского корпуса²³. При Кульме вновь «за проявленную смелость» в числе других офицеров был вновь награжден орденом св. Анны 2-й степени (21 февраля 1814). 30 мая 1814 г. прусский король отметил заслуги гвардии прапорщика Мусина-Пушкина железным крестом²⁴. Тогда – в Пруссии командование отметило великолепные знания Михаила Мусина-Пушкина немецкого языка. В офицерах, подобных Мусину-Пушкину, высшее командование испытывало нужду – он был откомандирован в штаб армии в качестве адъютанта генерал-адъютанта А.Д. Балашова с одновременным производством в штабс-капитаны (30 августа 1813)²⁵.

Для М.Н. Мусина-Пушкина пребывание за границей не ограничилось участием в сражениях. В 1813 г. по Высочайшему повелению он был определен в качестве сопровождающего дипломатической миссии в Англию, Швейцарию, через год – в Италию и Францию. Молодой офицер имел возможность ближе познакомиться с европейским образом жизни, сравнить свои впечатления с теми, которые слышал от военачальников. Он служил адъютантом у А.Д. Балашова (с 30 августа 1813 по 8 июня 1815 г.; с 5 сентября 1815 г. по 25 июля 1816 г.), А.Х. Бенкендорфа (с 9 июня 1815 г. по 5 сентября 1815 г.), А.И. Чернышева. В битве при Бремене (20 января 1815 г.) «был замечен» А.Д. Балашовым как смелый и умный офицер. В его отваге удостоверился и генерал-майор А.Х. Бенкендорф, некогда начинавший свою военную карьеру в Семеновском полку. В 1813–1814 гг. молодой удачливый генерал Бенкендорф получил в свое распоряжение летучий отряд, его имя постоянно мелькало в сводках из района боевых действий в связи с победами, дерзкими рейдами, захваченными пленными, знаменами, пушками и другими трофеями. Пройти школу Бенкендорфа было весьма полезно. Бенкендорфу весьма достойно отрекомендовал качества Михаила Мусина-Пушкина генерал А.И. Чернышев: в отряде под его командованием Мусин-Пушкин находился при занятии города Шален (19 июня 1815). По приказу главнокомандующего русской армии генерал-фельдмаршал М.Б. Барклая-де-Толли Михаил

²³ НА РГ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 2479 А. (1841). Л. 4–5.

²⁴ Там же. Л. 3.

²⁵ Там же. Л. 3–4.

Мусин-Пушкин был вторично награжден орденом св. Анны 2-й степени (13 августа 1815)²⁶.

Балашов, Бенкендорф, Чернышев входили в состав приближенных ко двору, пользовались доверием и расположением Александра I и его семьи, и могли рекомендовать образованного, смелого капитана Мусина-Пушкина в спутники великим князьям Николаю и Михаилу во время их путешествия по беспокойной Европе²⁷. Александр I, определив младших братьев в дипломатическую миссию, преследовал две цели: ввести их в международную политическую жизнь и пополнить их знания о государственном, общественном устройстве Европы. Кто знает, вероятно, тогда состоялось первое знакомство Михаила Мусина-Пушкина и будущего императора Николая I?

Михаил Мусин-Пушкин возвратился из заграничных походов в качестве адъютанта генерал-адъютанта А.Д. Балашова, через год – 25 июля 1816 г. был произведен в гвардии-капитаны. Формулярный список молодого офицера не содержит записей о служебных взысканиях. Нет здесь и негативных отзывов его начальников. О том, как Заграничные походы повлияли на мировоззрение части офицерства, упоминается в мемуарах. Так, однополчанин Мусина-Пушкина И.Д. Якушкин вспоминал, что в 1815 г. о кутеже большая часть офицеров забыла: «после обеда одни играли в шахматы, другие громко читали иностранные газеты и следили за происшествиями в Европе, – такое времяпрепровождение было решительным нововведением»²⁸. Возможно, Мусин-Пушкин был одним из них. Но спорам о политике он все же предпочитал усердную службу. В 1816 г. он – капитан Семеновского полка, а 11 мая 1817 г. произведен в полковники (что соответствует рангу коллежского советника VI класса по Табели о рангах) с одновременным определением командиром в армейский 19-й Егерский полк, расквартированный в Санкт-Петербурге. В его ведении, как командира пехотного полка, находилось более тысячи человек. Помимо руководства полком как боевой единицей ему приходилось решать немало вопросов финансирования и экономии полкового хозяйства (вооружения, набора рекрутов, устройства гос-

²⁶ НА РГ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 2479 А. (1841). Л. 4, 7.

²⁷ Лакруа П. История жизни и царствования Николая I, императора все-русского. М., 1877–1878. Т. 1. С. 104.

²⁸ Цит. по: Нечкина М.В. Указ соч. С. 121.

питая, денежной казны, размещения по квартирам, обмундирования и т.д.), вопросы кадровых перемещений²⁹.

Служа в Санкт-Петербурге, Михаил Мусин-Пушкин был наслышан о настроениях фрондирующего офицерства по отношению к Александру I. Будучи человеком осторожным, он ни в какие оппозиционные кружки не вступал, старался держаться подальше от политики в отличие от своего кузена В.П. Молостова, считая, что сие может стоить ему карьеры³⁰. К тому же он был более озабочен своей карьерой, нежели политическими интригами. Его послужной список – тому свидетельство. 8 марта 1819 г. полковник М.Н. Мусин-Пушкин стал бригадным командиром, к тому времени за ним утвердилась репутация усердного служаки. За командование бригадою ему было объявлено Высочайшее благоволение (8 июня 1820)³¹. Казалось, генеральские эполеты не за горами. Однако, спустя два года, неожиданно для многих 10 января 1821 г. в чине полковника, должности бригадного командира он оставил военную службу «с правом ношения мундира».

Обстоятельства складывались так, что Михаил Мусин-Пушкин был вынужден прервать военную карьеру и спешно выехать в Казань. Поговаривали, что местная красавица, грузинская княжна Александра Семеновна Баратаева – дочь покойного С.М. Баратаева³², вскружила голову молодому полковнику. Он был покорен ее красотой и сразу же влюбился³³.

²⁹ Пехотный полк состоял из восьми рот, каждая насчитывала 144 человека. См.: О званиях и должностях полковых чинов от солдата даже до полковника // Устав воинский о должностях генерал-фельдмаршалов и всего генералитета, и прочих чинов, которые при войске надлежат быть, и оных воинских делах и поведеньях, что каждому чинить должно: 5-е изд. СПб., 1780. С. 135–143.

³⁰ Владимир Молостов – адъютант принца Евгения Виртембергского, племянника императрицы Марьи Федоровны. В декабре 1825 г. стал очевидцем восстания декабристов. Во время следствия советовал императору простить декабристов, выдворить за пределы России и продолжить преобразования, задуманные Александром I. См.: *Шильдер Н.К.* Император Николай I: его жизнь и царствование: в 2 т. СПб., 1903. Т. 1. С. 333.

³¹ НА РГ. Ф.977. Оп. Совет. Д. 2479 А. (1841). Л. 4.

³² Петербургский некрополь / сост. В. Сайтов. СПб., 1912. Т. 3. С. 187–188.

³³ О ней писали Ф.Ф. Вигель, А.А. Малышев. См.: *Вигель Ф.Ф.* Воспоминания. М., 1864. Ч. 2. С. 34; *Малышев А.А.* В старые годы (Из воспоминаний казанского старожила) // Камско-Волжский край. 1896. № 8.

Князья Баратаевы были весьма уважаемым семейством³⁴. Отец избранницы Мусина-Пушкина – князь Семен Михайлович Баратаев (1745–1798) – генерал-майор, кавалер ордена св. Георгия 3-й степени, в последние годы царствования Екатерины Великой (с 1789 по 1796 г.), возглавлял едва оправившуюся после Пугачевского бунта Казанскую губернию. По мнению ряда исследователей «княжеский род Баратаевых занимал первое место в аристократической казанской среде»³⁵. Замужество своей дочери за М.Н. Мусиным-Пушкиным – наследником богатого помещика и камергера, героем Отечественной войны и Заграничных походов, бригадным командиром столичного полка, князья Баратаевы рассматривали как удачную партию.

Возвращение отставного полковника Михаила Мусина-Пушкина в Казанскую губернию не означал, что служебная карьера окончена: напротив, в 1821 г. ему исполнилось двадцать шесть лет – он вполне мог возобновить военную карьеру, начать гражданскую службу. Тем более в его послужном списке и придворных календарях имелись отметки о его военной доблести, отменных исполнительских данных. В январе 1826 г. кавалер Золотой шпаги Мусин-Пушкин умело использовал свою положительную репутацию при назначении на должность попечителя Казанского учебного округа после смещения «обскуранта», «мистика» М.Л. Магницкого³⁶.

³⁴ Князья Баратаевы – род грузинского происхождения. Родоначальник – князь Мельхиседек Баратов. Его сын Мелихиседек Мельхиседекович был камергером грузинского царя Вахтанга Леоновча. Вместе с ним в 1724 г. выехал в Россию, поступил на государственную службу и с тех пор стал именоваться Михаилом Михайловичем Баратаевым. У него было четверо сыновей. Третий из них – Семен Михайлович, тесть М.Н. Мусина-Пушкина. Примечательно, что судьба всех сыновей связана с Восточным регионом Российской империи. См.: *Лобанов-Ростовский А. Б.* Русская родословная книга: 2-е изд-е. СПб., 1895. Т. 1. С. 34–35.

³⁵ *Гарзавина А.В.* «В Казань, профессору К.Ф. Фуксу...». Казань, 1987. С. 11.

³⁶ *Галиуллина Р.Х.* М.Н. Мусин-Пушкин – попечитель Казанского учебного округа: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1997. С. 92–104; *Она же.* М.Н. Мусин-Пушкин – попечитель Казанского и Петербургского учебных округов // Санкт-Петербургский университет в XVII–XX вв.: европейские традиции и российский контекст: Материалы межд. науч. конференции, 23–25 июля 2009. СПб., 2009. С. 88–106.

САХАР ПОЛКОВНИКА А.Д. ЧЕРТКОВА

Т.П. Малютина

Воронежский государственный аграрный университет
им. императора Петра I,
кафедра истории Отечества и философии
E-mail: chal.04@mail.ru

В статье рассматривается судьба участника Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русской армии 1813–1814 гг. А.Д. Черткова (1789–1858). Дается описание армейской службы, анализируется его вклад в хозяйственное развитие воронежского края. Основанный А.Д. Чертковым в 1834 г. сахарный завод в Ольховатке продолжает работать и сейчас.

Ключевые слова: А.Д. Чертков, Отечественная война 1812 г., заграничные походы русской армии 1813–1814 гг., Острогожский уезд Воронежской губернии, Ольховатский сахарный завод.

COLONEL A.D. CHERTKOV'S SUGAR

T.P. Malutina

The article deals with the fate of A.D. Chertkov (1789–1858), who was a veteran of the Patriotic War of 1812 and foreign campaigns of Russian Army 1813–1814. This article describes his military service as well as his contribution to the economic development of the Voronezh region. Founded AD Chertkov in 1834 sugar factory Olhovatka continues today.

Key words: A.D. Chertkov, the Patriotic War of 1812, the foreign campaigns of the Russian Army 1813–1814, Ostrogozhsky county which is situated in Voronezh Province, Olhovatsky sugar plant.

В октябре 2012 г. в райцентре Ольховатка Воронежской области был открыт бюст участнику Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русской армии 1813–1814 гг. Александру Дмитриевичу Черткову. Так благодарные потомки почтили память земляка. Почтили как за ратные подвиги, так и за мудрое хозяйство во благо краю и Отечеству.

Со школьной скамьи каждый из нас знает, что война 1812 г. была одним из факторов, повлиявших на возникновение движения декабристов – людей, стремившихся ради высоких идеалов

разрушить устоявшиеся государственные устои Российской империи. При этом в тени истории остается тот факт, что Отечественная война 1812 г. подготовила для России и людей-созидателей, видевших цель своей жизни в возрождении и преумножении величия и богатства родной державы.

Одним из них был Александр Дмитриевич Чертков (1789–1858) – историк, нумизмат, библиограф, археолог, член-корреспондент Академии наук, председатель Императорского Общества истории и древностей российских при Московском университете. Собранный им уникальная коллекция книг – около 17 тысяч томов, рассказывающих о России и славянах по всем отраслям знания и на многих языках, стала знаменательным событием в культурной жизни Москвы, поскольку была превращена в первую публичную бесплатную библиотеку. На основе этой библиотеки историк П.И. Бартенев создал журнал «Русский архив», где опубликовал много ценных рукописей из собрания А.Д. Черткова¹.

Кропотливые занятия наукой А.Д. Чертков находил в себе силы сочетать с хлопотными обязанностями: начальника Работного дома и члена Комитета для разбора и призрения просящих милостыню в Москве, директора Попечительного комитета о тюрьмах, уездного, а затем губернского предводителя московского дворянства, почетного попечителя московских губернских гимназий.

А.Д. Чертков был и известным благотворителем-меценатом своего времени. Возможности для этого вида деятельности обеспечивались крупными земельными владениями в Воронежской губернии, в которых он умно и рачительно хозяйствовал.

Известный в России род дворян Чертковых связала с Воронежем Екатерина II, назначив весной 1782 г. наместником Воронежским и Харьковским Василия Алексеевича Черткова (1726–1793). В 1787 г. Черткову вверили Саратовское наместничество вместо Харьковского, которое отошло под управление князя Г.А. Потемкина. До своей кончины В.А. Чертков пребывал в должности наместника Воронежского и Саратовского². Местопребыванием наместника стал Воронеж.

Старший сын В.А. Черткова Дмитрий (1758–1831) женился на Евдокии Степановне Тевяшовой. Ее отец, С.И. Тевяшов, последний

¹ Ласунский О.Г. Чертков А.Д. // ВИКЭ. Персоналии. Изд. 2-е, доп. и испр. / Под общ. ред. О.Г. Ласунского. Воронеж, 2009. С. 592–593.

² Акинъшин А.Н., Ласунский О.Г. Воронежское дворянство в лицах и судьбах: Историко-генеалогические очерки с приложением «Перечня дворянских родов Воронежской губернии». Воронеж, 1994. С. 66–67.

из династии Острогожских полковников, оставил в наследство единственной дочери более 200 тысяч десятин земли в Острогожском, Богучарском, Валуйском уездах Воронежской губернии и около 14 тысяч душ крепостных³. Так, благодаря выгодной женитьбе Дмитрий Васильевич Чертков сразу оказался в одном ряду с крупнейшими землевладельцами России. Ни высокая должность (Дмитрий Васильевич 22 года бессменно занимал выборный пост Воронежского губернского предводителя дворянства), ни владения отца не смогли бы ему обеспечить такого огромного материального состояния.

К чести Д.В. Черткова, он не промотал имущество жены, как это часто случается, когда богатство достается слишком легко, а сохранил его и приумножил, передав, в свою очередь, по наследству своему многочисленному потомству. В семье Д.В. Черткова росло шестеро детей: Александр, Екатерина, Прасковья, Николай, Иван и Мария⁴.

Александр Дмитриевич Чертков получил домашнее образование. Его первыми наставниками были гувернер-француз Мортель и преподаватель воронежского народного училища Гавриил Петрович Успенский, впоследствии профессор Харьковского университета. Он увлекался изучением отечественной истории и, бесспорно, заронил в душу впечатлительного отрока интерес к дням минувшим.

В 1808 г. Александр покинул отчий дом, уехал в Петербург и определился на службу в департамент Министерства внутренних дел в чине коллегии юнкера. Однако уже через год он бросает гражданскую службу и без экзаменов поступает в лейб-гвардии Конный полк сразу эскадрон-юнкером (то есть старшим унтер-офицером)⁵.

Князь А.Н. Голицын свидетельствовал: «Полк этот <...> был тогда самым блестящим наравне с Кавалергардским <...>. Оба полка, Кавалергардский и Конный, наполнялись цветом московской, петербургской и вообще дворянской молодежи: в них служили люди богатые, хорошо воспитанные, с именами громкими и в то же время знавшие отлично дисциплину, особенно при таком строгом начальнике, каким был великий князь Константин Павлович»⁶.

³ Олейников Т. Слобода Россошь Острогожского уезда и ее Крестовоздвиженская церковь // Воронежская старина. Воронеж, 1915–1916. Вып. 14. С. 13.

⁴ Фролова М.М. Александр Дмитриевич Чертков (1789–1858). М., 2007. С. 63.

⁵ Там же. С. 106.

⁶ Голицын А.Н. Из рассказов старого лейб-гусара // РА. 1887. Кн. 3. № 10. С. 192.

Ранней весной 1812 г. армия Наполеона начала продвигаться к русским границам. В России понимали, что война будет тяжелой и кровопролитной. В этих условиях наряду с выдвиганием войск к западным областям особое значение приобретала подготовка резервов. Во всех полках на базе резервных батальонов и эскадронов создавались особые команды, целью которых было формирование и обучение новых частей⁷.

1 марта такая команда появилась и в лейб-гвардии Конном полку, имея в своем составе 2 обер-офицеров, 16 унтер-офицеров, 110 нижних чинов, 37 нестроевых солдат и 3 трубачей. Должности обер-офицеров занимали штабс-ротмистр Кошкуль и корнет Чертков, который получил этот чин в конце 1811 года. Деятельность команды продолжалась всю войну, а 1 ноября, разросшись в своей численности, она даже была разделена на 2 эскадрона⁸.

Непосредственно в военных действиях Отечественной войны 1812 г. А.Д. Чертков участия не принимал.

С изгнанием захватчиков из русских земель война с Наполеоном, возмнившим себя будущим владыкой Вселенной, не окончилась. В Россию поступали сведения о лихорадочной подготовке французов к дальнейшей борьбе. Чтобы не допустить нового нашествия 25 декабря 1812 г. был подписан виленский приказ Александра I о начале заграничного похода. Русское общество поддержало императора. В письмах наших офицеров явно прослеживается понимание миссии России: «Сколь война сия ни была кровопролитна, но мы охотно желаем еще сражений, чтобы получить твердый и полезный мир для Отечества нашего. Мы оставили Россию и идем теперь в иностранных землях, но не для овладения оными, а для их спасения. Надо даровать мир и спокойствие Европе, говорит нам Государь наш, и мы идем на запад с войною для мира»⁹.

А.Д. Чертков принимал участие в походе на Париж. Сохранился его дневник – три тетради на французском языке, в котором он описывал свои впечатления от увиденного. Они были переведены и опубликованы к 170-летнему юбилею Отечественной войны.

Впервые с жестокими последствиями войны никогда еще не участвовавший в сражениях молодой офицер столкнулся по дороге

⁷ Михайловский-Данилевский А.И. Описание войны 1812–1815 гг. СПб., 1899. С. 37.

⁸ Фролова М.М. Указ. соч. С. 114.

⁹ Василий и Авраам Норовы. Оригинальные письма из армии 1812–1813 годов / Публ. Ф.А. Петрова // Река времен. Книга истории и культуры. М., 1996. Кн. 5. С. 66.

из Вильно в Ковно (Каунас). Этот путь произвел на него удручающее впечатление: «От Вильно до Ковно дорога усыпана одеждой солдат французской армии: обрывками мундиров, касками, шляпами, седлами, обрубками шпаг и сабель и даже трупами лошадей, которые эта армия оставила при отступлении в ноябре, то есть 5 месяцев тому назад <...>. От Вильно до Ковно все помещичьи дома сожжены французами, и никто не встретился нам по дороге»¹⁰.

Первое боевое крещение А.Д. Чертков получил в сражении под Кульмом в августе 1813 года. За проявленную храбрость в бою был награжден орденом Св. Анны 3-й степени и Кульмским крестом. За мужество в сражении 13 марта 1814 г. при Фер-Шампенуазе Черткова пожаловали орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом. Об этом бое Александр Дмитриевич записал в дневнике: «Наш полк был на левом фланге Союзной армии. В 5 часов вечера мы атаковали французскую батарею и, опрокинув войска, которые ее защищали, захватили пушки. Наша армия одержала в тот день решающую победу, и корпус маршала Мортье отступил, мы больше не сомневались в возможности быть в Париже, что и осуществилось спустя несколько дней»¹¹.

Память о триумфе русского оружия над войсками Наполеона А.Д. Чертков пронесет через всю жизнь. А.Д. Чертков был награжден медалью за взятие Парижа. И дата 19 марта – победное вступление русских войск в Париж – всегда отмечалась им как праздник.

А.Д. Чертков постепенно поднимался по служебной лестнице на армейской службе. В 1813 г. он был произведен в поручики. В 1815 г. утвержден полковым казначеем. 18 августа 1816 г. пожалован штабс-ротмистром, а в 1819 г. стал ротмистром. В 1822 г. А.Д. Чертков получил звание полковника. Буквально через несколько месяцев он увольняется из армии «по болезни». Но через пять лет вторично поступает на службу в гусарский эрцгерцога Фердинанда полк. В 1828 г. его утвердили командиром резервных эскадрона этого полка. Но 22 июля 1829 г. А.Д. Чертков вновь увольняется «по болезни». В этот раз – уже окончательно¹².

После того как в Европе воцарился мир, в среде офицеров-фронтовиков начался кризис не востребоваемости. По справедливому замечанию Ю.М. Лотмана, войны приучили русских дворян

¹⁰ Фролова М.М. Указ. соч. С. 117.

¹¹ Там же. С. 131.

¹² Формулярный список А.Д. Черткова о службе и достоинстве // Фролова М.М. Александр Дмитриевич Чертков (1789–1858). М., 2007. С. 553.

«смотреть на себя как на действующих лиц истории»¹³. Юные ветераны Отечественной войны в военные годы свыклись с мыслью, что от их личной воли, старания, мужества зависит в итоге судьба Отечества. Но, вернувшись в Россию, им предстояло стать лишь частью государственной машины. 20-летним офицерам послевоенной эпохи приходилось выбирать: смириться и выслуживать ордена и чины, или же попытаться сломать сословный строй в России, создав общество, где им нашлось бы достойное место.

А.Д. Чертков, забыв о тщеславии, выбрал первый путь, внося колоссальный вклад в развитие и процветание России и российской науки.

В имениях юга Воронежской губернии, перешедших к нему по наследству, он сумел проявить себя деятельным, рачительным хозяином. Развитие фабричной промышленности потребовало больше высококачественной шерсти. А.Д. Чертков решает заняться разведением тонкорунных овец. Тонкорунное овцеводство лучших пород (английских и испанских) особенно было развито в его имениях – слободах Ольховатка и Россошь в Острогожском уезде, а также в землях А.Д. Черткова в Богучарском и Валуйском уездах. Данное направление в животноводстве было поддержано ведущими государственными деятелями. В 1832 г. Московское общество сельского хозяйства избрало А.Д. Черткова своим действительным членом, в знак уважения к его трудам «содействующим успехам сельского хозяйства в России»¹⁴.

В 1834 г. при Московском обществе сельского хозяйства был образован Комитет сахароваров, членом которого стал и А.Д. Чертков. Комитет создавался «для предупреждения ошибок при заведении свеклосахарных заводов и для размена мнений, знаний и опытности, дабы тем взаимно облегчать преодоление препятствий при производстве и обработке свекловицы, при сбыте песка и т.п.». Российские сахаровары готовы были делиться друг с другом производственными тонкостями и нововведениями, не делая из них секретов. Подобная тактика была необходима в свете того, что Россия XIX в. жила на заморском тростниковом сахаре, а первые рафинадные заводы, возникшие в Петербурге в 1817 г. работали на привозном сырье, доставляемом Англией.

¹³ URL: http://www.znanie-sila.ru/?issue=articles/issue_2463.html (дата обращения: 10.11.2012).

¹⁴ Фролова М.М. Указ. соч. С. 496.

Молодая отечественная сахарная промышленность возникла и развивалась тогда благодаря лишь усилиям самих помещиков без всякого пособия и поощрения казны. Министр финансов граф Е.Ф. Канкрин не верил в то, что у свекловичного сахара есть будущее. Узнав об учреждении Комитета сахароваров, Канкрин сказал: «Вот одно из самых глупейших предприятий русских дворян – это сахарная промышленность»¹⁵. Сменивший его на посту министра финансов Ф.П. Вронченко в интересах рафинеров установил акциз – налог на русский сахар.

При А.Д. Черткове в 1834 г. в Ольховатке был построен один из первых в Воронежской губернии свеклосахарный завод. Появление завода способствовало росту благосостояния крестьянства округа. Для успешной работы завода нужно было сырье. Его получали, выращивая свеклу на помещичьих землях и покупая у крестьянства. Подсчитано, что в тот период с 5 десятин, засеянных свекловицей, получали более дохода, нежели со 100 десятин, засеянных яровым хлебом»¹⁶. Таким образом, для многих крестьян Ольховатки и ближайших сел стало выгодно выращивать сахарную свеклу. Урожай ее частично шел на уплату помещичьего оброка, частично – на продажу тому же помещику.

Появление свеклосахарного завода помогало крестьянину обеспечить себя материально, не удаляясь от своего семейства в поисках денег. Кроме того, заводские работы требовали квалифицированных работников. А.Д. Чертков и его родственники открыли несколько частных школ, где обучались как мальчики, так и девочки.

А.Д. Чертков блестяще решил проблему с топливом, которое требовалось для завода в огромных количествах. В степную Ольховатку стали привозить каменный уголь из Луганска. Его подвозили на пароволовых телегах. Этот подвоз давал значительные заработки крестьянам.

Кроме того, сахарное производство способствовало развитию животноводства и в хозяйстве Черткова, и в крестьянских хозяйствах. Свекольная ботва и жом (отходы, остающиеся после отжима сока свеклы) были питательным кормом для скота. А.Д. Чертков отдавал его крестьянам даром. Дополнительное удобрение при

¹⁵ Перепелкин А.П. Историческая записка об учреждении Императорского Московского общества сельского хозяйства и воспоминания о деятелях Общества за истекшее 70-летие с 20 декабря 1820 по 20 декабря 1895 г. М., 1895. С. 117.

¹⁶ Фролова М.М. Указ. соч. С. 506.

возделывании свекловицы вело к повышению плодородия почвы, истощенной посевами зерновых.

Особо отметим, что А.Д. Чертков не чинил препятствия своим крепостным к освобождению за выкуп. Известно, что он отпускал своих крестьян на волю в 1831, 1834, 1834 годах. Показателен в этом плане пример деда известного писателя А.П. Чехова – Егора Михайловича Чехова (1798–1879). Его по приказу помещика обучили грамоте, затем определили на работу на сахарный завод. Он сумел дослужиться от рабочего до приказчика. Отходами от сахароварения откармливал своих и хозяйских бычков для продажи. По коммерческим делам Черткова Е.М. Чехов часто выезжал в Ростов, где устраивались грандиозные ярмарки. Он наладил надежные связи с купеческим миром Приазовья. А.Д. Чертков не только не запрещал, но всячески поощрял своих крестьян в предпринимательской и торговой деятельности. Когда Е.М. Чехов стал выкупаться на волю с семьей, у него не хватило денег на выкуп дочери Александры. А.Д. Чертков подумал, махнул рукой и сказал: «Так уж и быть, бери и ее в придачу»¹⁷. Так семья будущего писателя смогла выкупиться задолго до всеобщего освобождения крестьян.

Ольховатский сахарный завод в середине XIX в. по объему производства продукции считался самым крупным в Воронежской губернии. Уже после смерти А.Д. Черткова исследователь В.Г. Веселовский об Ольховатке писал: 1867 г. Ольховатка – одна из многолюднейших слобод Острогожского уезда. «Из промышленных заведений обращает на себя особенное внимание свеклосахарный завод, на котором выделяется ежегодно сахару на 60.000 р[ублей]. Завод этот принадлежит помещику Г.А. Черткову, на нем работают 10 мастеров и 400 человек чернорабочих <...>. Училищ в слободе 2, в них учащих было в 1866 г. 89 мальчиков и 20 девочек»¹⁸. Стоит добавить, что свеклосахарный завод работает и сегодня.

Таким образом, А.Д. Чертков на века определил характер и направления экономического развития Ольховатского района Воронежского края.

¹⁷ Чехов М.П. Вокруг Чехова. Встречи и впечатления Е.М. Чехова. Воспоминания. М., 1981. С. 23–24.

¹⁸ Веселовский Г.М. «Город Острогожск (Воронежской губернии) и его уезд. Историко-статистический и этнографический очерк с планом города и географическою картою уезда». Воронеж, 1867. С. 209–210.

УДК 908(470.44)+929Котлов

ПРАВДА И ВЫМЫСЕЛ О Г.С. КОТЛОВЕ, ИЛИ ОТКУДА БЕРУТСЯ ЛЕГЕНДЫ

Н.В. Самохвалова

Государственный архив Саратовской области,
отдел использования и публикации документов
E-mail: nata.samokhvalova@mail.ru

В 1912 г. в России отмечали 100-летие Отечественной войны 1812 года. В Саратовской губернии обнаружили ветерана этой войны, дожившего до юбилея. Так ли это – решили проверить саратовские архивисты.

Ключевые слова: Саратов, праздничные мероприятия, столетний юбилей Отечественной войны 1812 года, Наполеон, Котлов.

TRUTH AND FLIGHT OF IMAGINATION ABOUT G. S. KOTLOV, OR WHERE LEGENDS COME FROM

N.V. Samokhvalova

In 1912 in Russia a Hundred Years' anniversary celebrations of the Patriotic War 1812 were celebrated. A veteran of this war was discovered in Saratov guberniya. He had been living till the anniversary celebrations, hadn't he? The Saratov's archivists had decided to check up this supposition.

Key words: Saratov, Holiday measure, The Hundred years' anniversary celebrations of the Patriotic War 1812, Napoleon, Kotlov.

Война 1812 года – ярчайшее событие нашей истории, значимость которого оценили и его современники, и потомки. Свидетельством того, как сильна народная память о победе русского оружия над армией Наполеона, является подготовка празднования 100-летнего юбилея Отечественной войны.

Дата предстояла не рядовая и готовиться к ней начали заранее. 7 мая 1910 г. была высочайше образована междуведомственная комиссия по обсуждению вопросов подготовки предстоящих юбилейных мероприятий. Она постановила учредить медаль с правом ношения ее среди прочих лиц оставшимися в живых участниками и свидетелями военных событий. Кроме того, комиссия постановила «ознаменовать юбилей милостями к потомкам воин-

ских чинов и ополченцев 1812 г., соответственно их нынешнему имущественному и семейному их положению помещением детей в учебные заведения, определением на службу, призрением престарелых и неспособных к труду и другими вспомоществованиями»¹. Департамент общих дел Министерства внутренних дел, уведомляя губернаторов об этом постановлении комиссии, 12 августа 1910 г. предписал доставить сведения об оставшихся среди населения ветеранах Отечественной войны².

К тому времени уже существовала определенная традиция проведения юбилейных мероприятий в России, имевшая патриотическую направленность. Она предполагала массовость (иногда с участием военных парадов), крестные ходы, торжественные богослужения, народные гуляния, привлечение историков-специалистов для разработки научного аспекта³.

Главные торжества, по замыслу устроителей, должны были проходить 26 августа 1912 г. (в память о Бородинском сражении) на Бородинском поле и в Москве, куда приглашались со всей России прямые потомки мужского пола участников Отечественной войны. Желая попасть на эти торжества должны были подать заявления и информацию о том, от кого именно из участников сражений они происходят и документальные доказательства этого происхождения. Повсеместно, в губернских и уездных городах, 26 августа тоже предполагалось провести юбилейные мероприятия.

Саратовская губерния не стала исключением. Подготовкой к юбилею занимались различные учреждения, но особо следует отметить вклад Саратовской ученой архивной комиссии. Она начала подготовку к торжествам уже осенью 1908 года. На общем собрании комиссии 11 октября 1908 г. была избрана специальная подкомиссия «по вопросу об участии Саратовского края в войне 1812 г.». Она занималась сбором материалов, относящихся «до Отечественной войны». Саратовское губернское правление, городская управа, казенная палата, православная и римско-католическая духовные консистории выразили готовность предоставить документы своих архивов.

¹ ГАСО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 10424. Л. 1.

² Там же. Л. 1-1об.

³ Майорова А.С., Тотфалушин В.П. Саратовская ученая архивная комиссия и подготовка к празднованию 100-летнего юбилея Отечественной войны 1812 года // Проблемы изучения истории Отечественной войны 1812 года. Саратов, 2002. С. 177-190.

Итогом деятельности ученой архивной комиссии стала хорошо известная саратовцам книга «Участие Саратовской губернии в Отечественной войне 1812 года». Составителем сборника был член комиссии Николай Федорович Хованский. Именно в этом издании впервые появилась информация о «современнике войны 1812 года», проживавшем в 1912 г. в деревне Багаевка Александровской волости Саратовского уезда Саратовской губернии, стадвадцатидесятилетнем крестьянине Гавриле Семеновиче Котлове. Здесь же была помещена фотография могучего седобородого старца, сделанная членом комиссии Н.Н. Пискаревым⁴. Эту фотографию, с теми же комментариями, что и в книге, увидели читатели в номере газеты «Саратовский вестник» на странице, посвященной Отечественной войне⁵.

Этот старик, с его легендарным долгожительством, давно стал частью нашей местной истории. Его фотография много лет помещалась в соответствующем (касающемся войны 1812 года) разделе экспозиции Саратовского областного музея краеведения, в хрестоматиях и учебниках по истории Саратовского края. Любопытно, что со временем трансформировалась степень причастности Котлова к событиям Отечественной войны. Из «современника 1812 года» он превратился в «участника войны» или даже более конкретно – «участника Бородинского сражения». Про него также писали, что «он проделал славный боевой путь до Парижа»⁶.

Так ли это? Проверить версию о феноменальном долголетии Г. Котлова саратовские архивисты решили по документам Государственного архива Саратовской области.

Увы, подтвердить легенду не удалось. Правда, следует сразу оговориться: метрических книг церковей сел Саратовского уезда за 1790-е гг. (а если ему в 1912 г. был 121 год, значит, он должен был родиться около 1791 г.) в архиве не имеется, но зато сохранились ревизские сказки (то есть материалы переписей) за 1811, 1835 годы. В просмотренной ревизской сказке жителей деревни Багаевка за 1811 г., действительно, находим семью Котловых, в которой нет Гаврилы Семеновича, но есть Семен Федорович Котлов 26 лет.

⁴ Участие Саратовской губернии в Отечественной войне 1812 года. Саратов, 1912. С. 75.

⁵ Саратовский вестник. 1912. 26 авг.

⁶ Очерки истории Саратовского Поволжья / Под ред. И.В. Пороха. Саратов, 1993. Т. 1. С. 159; История Саратовского края: [с древнейших времен до 1917 года] / Под общ. ред. В.П. Тотфалушина. Саратов, 2000. С. 109.

Вряд ли уместно предположить, что Гаврила к тому времени куда-то выбыл, так как факты и причины выбытия между двумя ревизиями обязательно фиксировались (например, в этой же семье упоминается Ефим Федорович Котлов, отданный в рекруты в 1800 г. и потому отсутствующий во время проведения переписи)⁷.

Гаврила появляется в ревизской сказке за 1835 г. в семье того же Семена Федоровича, которому на тот момент уже 49 лет. Гавриле 11 лет и он – сын Семена Федоровича⁸. Другой семьи Котловых в этой деревне не значится. Да и наличие в таком немногочисленном населенном пункте (на 1811 г. в деревне 139 лиц мужского пола (женщин эта ревизия не учитывала)⁹, а на 1835 г. – 184 лица мужского пола, а всего, вместе с женщинами – 381)¹⁰ двух полных тезок с не самым распространенным сочетанием имени и отчества маловероятно.

Таким образом, мы нашли сведения о реально существовавшем *Гавриле Семеновиче Котлове* из деревни Багаевка, но который родился не в 1791 г., а значительно позже – примерно в 1824 году. Следует отметить, что вольное «обращение» наших дореволюционных предшественников с датами, с собственным возрастом – не редкость. Ведь 100 и более лет назад на руки родителям после рождения ребенка не выдавалось свидетельство о его рождении, и человек всю жизнь жил без документа. Крестьянин вообще не придавал особого значения своему возрасту и, вероятно, первый раз о нем задумывался, когда женился. А помнил он его приблизительно, соизмеряя время своего появления на свет с каким-то важным событием или необычным природным явлением (например, родился в год полного солнечного затмения (сильного наводнения) или накануне русско-турецкой кампании). Поэтому, отыскивая в метрической книге запись о рождении того или иного человека, ориентируясь на его возраст, указанный в записи о смерти (или в ревизской сказке), архивисты всегда делают скидку на эту «забывчивость» наших предков. Иногда разница составляет несколько лет. Но разница в 33 года – это, конечно, перебор и на простую небрежность здесь не спишешь.

Кстати, не в пользу долгожительства Котлова и результаты проведенного выявления ветеранов войны, инициированного меж-

⁷ ГАСО. Ф. 28. Оп. 1. Д. 155. Л. 677–677об.

⁸ Там же. Д. 890. Л. 387об.–388.

⁹ Там же. Д. 155. Л. 685–685об.

¹⁰ Там же. Д. 890. Л. 397об.–398.

дуведомственной комиссией, о котором отмечалось выше. Саратовское губернское правление циркулярным предписанием № 4514 от 25 августа 1910 г. довело до сведения полицмейстеров и уездных исправников постановление этой комиссии. Предписание обязывало до 25 сентября 1910 г. доставить сведения об «оставшихся среди населения ветеранах Отечественной войны и очевидцах ее, а также и потомках умерших уже, с указанием их имущественного и семейного положения и вида милости, которую целесообразно было бы оказать самим ветеранам или их потомкам»¹¹. Полицмейстеры и уездные исправники Саратовской губернии единодушно отрапортовали, что живых свидетелей событий Отечественной войны во вверенных им уездах (в том числе Саратовском) нет¹².

Из всего этого следует, что история с чудесно «найденным» накануне столетнего юбилея Отечественной войны старцем-современником или участником событий – не более чем фальсификация, вымысел.

Откуда же взялась эта легенда, и что заставило Котлова, прибавив более тридцати лет, выдавать себя за очевидца (или даже участника) войны? Можно предположить, что старик, находясь, конечно, не в столетнем, но тоже в весьма преклонном возрасте, впал в состояние, когда человек неадекватно ориентируется во времени. Не исключено, что на 1912 г. он был самым старым жителем деревни и подтвердить или опровергнуть ни его 88-летний возраст (если учесть, что он родился около 1824 г.), ни тем более 120-летний (по версии Хованского) никто из его современников не мог. Возможно, у Котлова были вполне практические мотивы – получить милости, декларируемые правительством. А, может быть, он стал жертвой падких до сенсаций любителей рекламных трюков?

Но, думается, самая, правдоподобная версия приводится в рассказе русского писателя Александра Ивановича Куприна «Тень Наполеона».

Действие рассказа происходит в 1912 г. в «одной из западных губерний», где главный герой был губернатором. Поскольку здесь упоминается городок Сморгонь, то можно предположить, что это

¹¹ ГАСО. Ф. 28. Оп. 1. Д. 890. Л. 2-2об.

¹² Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 10424. Л. 8, 10, 11, 15, 21, 27, 31, 33, 34.

Виленская губерния¹³. Куприн был современником описываемых событий, но рассказ создан им в 1928 г., уже в эмиграции.

В уста рассказчика (повествование ведется от первого лица) писатель явно вкладывает свой, полный язвительности, взгляд на уже упомянутые выше события с подготовкой празднования столетней годовщины Отечественной войны: «Какой-то быстрый государственный ум подал внезапную мысль: собрать на бородинских позициях возможно большее количество ветеранов, принимавших участие в приснопамятном сражении, а также просто древних старожилов, которые имели случай видеть Наполеона.

Проект этот был, во всяком случае, не хуже и не лучше такого, например, проекта, как завести ананасные плантации в Костромской губернии. Известно, бумага все терпит. Ведь бородинскому ветерану-то надлежало бы иметь, по крайней мере, сто двадцать лет. Однако в Петербурге выдумка эта была принята с живейшим удовлетворением»¹⁴.

По этому поводу к главному герою рассказа – губернатору – приехал однажды генерал Ренненкампф¹⁵. Куприн продолжает:

«– Ваше превосходительство, – сказал он мне, – я объездил всю Ковенскую губернию, показывали мне этих Мафусаилов, и – черт! – ни один никуда не годится. Или врут как лошади, или ничего не помнят, черти! Но как же, черт возьми, мне без них быть. Ведь для них же – черт! – уже медали чеканятся на монетном дворе! Сделайте милость, ваше превосходительство, выручайте! На вас одного надежда. Ведь в вашей Сморгони Наполеон пробыл несколько дней. Может быть, на ваше счастье, найдутся здесь два-три глубоких – черт! – старца, которые еще, черт бы их побрал, сохранили хоть маленький остаток памяти. Вовеки вашей услуги не забуду!»¹⁶.

Губернатор рекомендовал генералу одного исправника по фамилии Каракаци, обладавшего «стремительностью в шестьсот

¹³ *Сморгонь* – уездный город Виленской губернии, где Наполеон принял решение покинуть остатки своей «Великой армии» и поспешить во Францию, чтобы создавать новые военные силы.

¹⁴ Куприн А.И. Тень Наполеона // Париж интимный. М., 2006. С. 459–460.

¹⁵ Ренненкампф Павел Карлович, фон (1854–1918), генерал от кавалерии (1910). Во время русско-японской войны командовал Забайкальской казачьей дивизией. С 1913 г. командующий войсками Виленского военного округа.

¹⁶ Куприн А.И. Указ. соч. С. 460.

лошадиных сил и такой же изобретательностью», для которого не существовало ничего невозможного. Тот заверил:

«–Ваше превосходительство, для вас хоть из-под земли вырою. Не извольте беспокоиться. Самых замечательных стариканов доставлю. Они у меня не только Наполеона, а Петра Великого вспомнят!»¹⁷.

Через две недели губернатор получает от Ренненкампа телеграмму: «Спасибо. Старик конфета. Приезжайте. Жму». Последнее слово должно было, вероятно, означать «жду», но телеграфист перепутал¹⁸.

Губернатор поехал в уездный город Сморгонь и отправился на встречу с замечательным старцем. Старик был «...уже не седой, а какой-то зеленый. Голова у него слегка тряслась, а голос был тонкий». Его начали «экзаменовать». И все поначалу шло хорошо: старик вспомнил и где он видел Наполеона, и как он его, еще ребенка, по голове погладил, и что он ему при этом сказал, и даже как император Франции был одет – на нем был «серенький сюртучишко и шляпа о трех углах». Но тут «лукавый подтолкнул» начальника городского училища, который присутствовал при встрече. Он попросил старца описать, как выглядел Наполеон. Старик приосанился и начал рассказывать:

«–А вот какой он был: ростом был вот с эту березу, в плечах сажень с лишком, а борода – по самые колени и страх какая густая, а в руках у него был топор огромнейший. Как он этим топором махнет, так, братцы, у десяти человек – головы с плеч долой! Вот он какой был! Одно слово – ампира тырь!».

Генерал, усмирив гнев и успокоившись после пережитого конфуза, сказал:

«–Ничего, <...> мы его еще натаскаем. Времени впереди много. А без старика – никак не обойдешься. <...> Ну уж если эти петербургские господа вздумают к 300-летию дома Романовых откапывать современников, то, слуга покорный, – отказываюсь! Подаю в отставку! Да-с!»¹⁹.

Вероятно, в свое время услышанная писателем реальная история, изложенная его острым пером, приобрела вид анекдота. И, несмотря на нелепость ситуации в основе сюжета, этот рассказ можно рассматривать если не как исторический источник, то уж

¹⁷ Куприн А.И. Указ. соч. С. 461.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. Указ. соч. С. 464–467.

точно, как исторический анекдот со всеми признаками правдоподобности. По крайней мере, все исторические реалии, в которые помещены герои произведения – вполне достоверны, генерал Ренненкампф и Наполеон – тоже подлинно существовавшие исторические личности.

Как мы видим, все, написанное Куприным, как нельзя лучше ложится на нашу, саратовскую, почву. Нет сомнения, что аналогичные случаи имели место не только у нас, но и в других губерниях. В Саратове же дело усугублялось наличием долгожителя-француза Савена, о котором так же сообщил Хованский в своей знаменитой книге (как выяснилось – тоже прибавившего себе возраст!)²⁰. Поэтому поиски ему в «противовес» нашего, русского ветерана, имели патриотическую окраску. Вот чиновники на местах постарались и, наверное, какой-нибудь не в меру исполнительный саратовский «каракаци» и отыскал этого «современника» Наполеона, со своей стороны, движимого определенными меркантильными соображениями.

Дальнейшую судьбу лже-ветерана проследить не удалось. Известно, что он умер через 5 лет, в 1917 году. Любопытно, что в актовой записи о смерти Гаврилы Семеновича Котлова указано, что на момент смерти ему было не 126 (если принять во внимание версию о том, что в 1912 г. ему исполнился 121 год), а 110 лет²¹.

Примечательно беспрецедентно уважительное отношение русских к личности Наполеона. В дни, предшествовавшие столетнему юбилею «грозы двенадцатого года», Россию буквально охватила наполеономания. Москвичи подражали французскому императору в манере брить лицо, носить шляпу, копировали его

²⁰ См.: *Хованский Н.Ф.* Участие Саратовской Губернии в Отечественной войне 1812 г. Саратов, 1912. С. 256–257. О «разоблачении» Савена см.: *Тотфалушин В.П.* «Жизнь и судьба Ж.-Б. Савена в свете новых фактов» // Бородино и наполеоновские войны: Битвы, поля сражений, мемориалы: Материалы международной научной конференции (Бородино, 9–11 сент. 2002 г.). М., 2003. С. 376–383; *Он же.* Загадки Савена // Кто есть кто 2003. Саратов, 2003. С. 209–212; Новое о легендарном Савене / Публ. и коммент. В.П. Тотфалушина // Тр. ГИМ. Вып. 142: Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. III: Сб. материалов. К 200-летию Отечественной войны 1812 года. М., 2004. С. 233–236; Новое о легендарном Савене / Публ. и коммент. В.П. Тотфалушина // Волга – XXI век. Саратов, 2004. № 9–10. С. 272–273; *Тотфалушин В.П.* Никола Савен без хрестоматийного глянца // Саратовские вести. 2005. 17 марта.

²¹ ГАСО. Ф. 637. Оп. 2. Д. 3607.

позы, необычайно популярны были прически «под Наполеона»²². В Саратове продавались цветочный одеколон, духи, мыло фирмы Брокер «Память Наполеона»²³. Парадокс, но витрины магазинов украшались портретами не только Александра I, Кутузова, но и побежденного императора!²⁴

Во время проведения юбилейных торжеств в Москве присутствовали пять ветеранов Отечественной войны 1812 года. Николай II удостоил стариков «милостивой беседы, длившейся четверть часа, каждого расспрашивал об их прежней службе и жизни. Обласкав милостивыми словами, его величество во внимание к преклонным летам инвалидов приказал им сидеть, что на всех произвело трогательное впечатление. Старики сидели, государь и великие князья стояли. Каждый из стариков вставал, когда государь непосредственно обращался»²⁵, – с восторженным умилением констатировала газета. Где их разыскали, пресса умалчивает, но случай с Котловым и процитированный рассказ Куприна дают почву для предположений, что и здесь, вероятно, тоже не обошлось без подтасовки или явной фальсификации.

²² Саратовский листок. 1912. 29 авг.

²³ Там же. 19–26 авг.

²⁴ Там же. 26 авг.

²⁵ Там же. 28 авг.

ГЕРОЙ ВОЙНЫ 1812 г. К.Ф. КАЗАЧКОВСКИЙ И ПОТОМКИ Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

И.Е. Захарова

Муниципальное учреждение культуры
музей-усадьба Н.Г. Чернышевского, г. Саратов
E-mail: inevz@yandex.ru

Генерал-лейтенант Кирилл Федорович Казачковский, дед жены известного писателя и критика XIX в. Н.Г. Чернышевского Ольги Сократовны, был участником многих боевых действий, в том числе и Отечественной войны 1812 года. В статье приведены сведения из военной биографии героя и неизвестные материалы из фондов музея-усадьбы Н.Г. Чернышевского, связанные с изучением его жизни и генеалогии потомками семьи Чернышевских.

Ключевые слова: К.Ф. Казачковский, Н.Г. Чернышевский, М.Н. Чернышевский, О.С. Чернышевская (Васильева), Н.М. Чернышевская, В.С. Чернышевская, Отечественная война 1812 года, генеалогия.

THE HERO OF THE WAR OF 1812 K.F. KAZACHKOVSKY AND DESCENDANTS OF THE N.G. CHERNYSHEVSKY

I.E. Zakharova

General Lieutenant Cyrill Fedorovich Kazachkovsky, the grandfather of Olga Sokratovna, wife of the famous writer and critic in the XIX century N.G. Chernyshevsky, participated in many combat operations, including the Patriotic War of 1812. This article contains information from the military biography of the hero and unknown materials from the museum-estate N.G. Chernyshevsky related to the study of his life and genealogy of the descendants of the family Chernyshevsky.

Key words: C.F. Kazachkovsky, N.G. Chernyshevsky, M.N. Chernyshevsky, O.S. Chernyshevskaya (Vasilyeva), N.M. Chernyshevskaya, V.S. Chernyshevskaya, the Patriotic War of 1812, descendants.

В год празднования 200-летия Отечественной войны 1812 года актуальным становится обращение потомков к биографиям участников этих событий. Изучением родословных связей на протяжении ряда лет занимались и представители семьи Чернышевских, которые по линии жены писателя Ольги Сократовны являются продолжателями рода одного из героев этих событий генерал-лейтенанта Кирилла Федоровича Казачковского (1760–1829).

В семье Ольги Сократовны и Николая Гавриловича Чернышевских бережно хранились две реликвии – миниатюрный портрет К.Ф. Казачковского, выполненный акварелью на слоновой кости, и литография И. Клюквина с портрета из Военной Галереи Зимнего дворца. После смерти О.С. Чернышевской эти изображения были переданы ее сыном Михаилом Николаевичем в 1920 г. в фонд Дома-музея Н.Г. Чернышевского.

М.Н. Чернышевский первым обратился к выяснению родственных связей, как по материнской, так и по отцовской линии. Составленные им генеалогические схемы хранятся в фонде музея-усадыбы Н.Г. Чернышевского¹. При расшифровке саратовского дневника Н.Г. Чернышевского, который он вел в 1853 г., Михаил Николаевич часто беседовал с матерью о ее родственниках, имена которых встречались в записях отца, выяснял связи по линии Васильевых и Казачковских. Дневник писателя с примечаниями его сына впервые был опубликован в 1928 году².

При составлении «Летописи жизни и деятельности Н.Г. Чернышевского» к рукописям М.Н. Чернышевского обращалась его дочь – Н.М. Чернышевская³. В 1950–1970-х гг. Нина Михайловна работала над её переизданием, вносила правки, уточняла факты, добавляла биографический материал⁴. Составителя интересовали вопросы, связанные с происхождением Ольги Сократовны Чернышевской (в дев. Васильевой), мать которой Анна Кирилловна являлась одной из дочерей К.Ф. Казачковского – участника войн конца XVIII – начала XIX в., в том числе и Отечественной войны 1812 года⁵.

В 1958 г. сотрудник Публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина Владимир Эммануилович Боград в письме к Н.М. Чернышевской, в ответ на ее обращение к нему по поводу сведений о К.Ф. Казачковском, привел его послужной список, который выявил в

¹ Записи М.Н. Чернышевского генеалогического характера // МНГЧ. ОФ № 2722.

² Н.Г. Чернышевский. Литературное наследие: в 3 т. М.; Л., 1928. Т. 1. С. 605, 640, 654.

³ См.: Чернышевская-Быстрова Н.М. Летопись жизни и деятельности Н.Г. Чернышевского. М., 1953.

⁴ Н.М. Чернышевская не завершила работу над переизданием «Летописи...». Одна из книг издания 1953 г., с которой она работала, с ее пометками и вклейками ныне хранится в семье потомков Н.Г. Чернышевского.

⁵ Сведения о рождении О.С. Чернышевской и ее родителях см.: Чернышевская-Быстрова Н.М. Указ. соч. С. 15.

архиве. «О Казачковском, – писал он, – есть много упоминаний в печати, но подробных биографий, данные которых основывались бы на его формулярном списке, все как-то не удавалось обнаружить»⁶. Далее он советовал Нине Михайловне обратиться с официальным запросом в Военно-исторический архив в Москве для получения интересующих ее сведений. Чернышевская связалась с архивом и по ее просьбе фотокопия с послужного списка К.Ф. Казачковского была направлена в Саратов в 1959 году⁷.

Однако Боград ошибался. Еще в 1845–1850 гг. вышло 6-томное издание «Военная галерея Зимнего дворца. Император Александр I и его сподвижники в 1812–13 гг.», в котором представлены 152 портрета галереи, в литографиях, сопровождаемые обстоятельными биографиями, составленными военным историком, участником Отечественной войны 1812 г., генерал-лейтенантом А.И. Михайловским-Данилевским. В 1 томе этого издания был помещен и портрет К.Ф. Казачковского с подробным описанием его военной карьеры, основанной на данных послужных списков и воспоминаний о нем⁸.

К.Ф. Казачковский был награжден за боевые заслуги орденами Св. Анны 3-й и 1-й ст. с алмазами, Св. Владимира 3-й и 2-й ст., Св. Георгия 4-го и 3-го кл., а также прусскими орденами Пур ле Мерит и Красного Орла 2-й ст., золотым крестом за взятие Очакова, золотой шпагой с надписью «За храбрость» с алмазами⁹.

Из биографии Кирилла Федоровича Казачковского более известны события его военной службы, которой он посвятил более 50 лет жизни. Четырнадцатилетний дворянин Казачковский поступил в 1774 г. на службу сержантом в Елецкий пехотный полк, в 1781 г. получил чин прапорщика. В 1788 г. во время Русско-

⁶ Письмо В.Э. Бограда к Н.М. Чернышевской 1973 г. // МНГЧ. ОФ. № 2500. Л. 1.

⁷ Послужной список генерал-лейтенанта К.Ф. Казачковского [фотокопия] // МНГЧ. НВФ. № 6788. Оригинал хранится: ЦГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7062. Л. 531–536.

⁸ См.: Император Александр I и его сподвижники в 1812, 1813, 1814 и 1815 годах. Военная галерея Зимнего дворца / А.И. Михайловский-Данилевский: в 6 т. СПб., 1845. Т. 1. С. 1–7.

⁹ Биографию К.Ф. Казачковского см.: Там же. С. 1–7; *Голомбиевский А.А.* Военная галерея 1812 г. СПб., 1912. С. 104–105; *Словарь русских генералов, участников боевых действий против армии Наполеона Бонапарта в 1812–1815 гг.* // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М., 1996. [Т]. VII. С. 413; *Отечественная война 1812 года.* Энциклопедия. М., 2004. С. 325–326, и др.

турецкой войны в составе Екатеринославского егерского корпуса при штурме Очакова он отличился, командуя ротой, и был награжден золотым Очаковским крестом и произведен в чин капитана.

В 1790 г. был переведен в Екатеринбургский полевой батальон, где в судьбе капитана Казачковского произошли малоизвестные события, связанные с экспедицией С. Бентама и Г.И. Шелехова в Сибири, целью которой был поиск места для устройства порта на побережье Карского моря и открытие морского пути от Тобольска к Архангельску. Под руководством прибывшего в Сибирь из Екатеринославского корпуса капитана И.И. Звегинцева «до Обдорска и далее» были отправлены «афицеры англичане» на купленном в Тобольске «малом судне». Затем этот маршрут Звегинцев должен был повторить уже большим экспедиционным отрядом – с участием 50 солдат Третьего мушкетерского полевого батальона. Одновременно со Звегинцевым из Екатеринославского корпуса для перевода в батальоны Бентама были определены капитан Кирилл Казачковский и его ровесник – поручик Сергей Козлов¹⁰.

После отъезда Бентама в Англию в 1791 г. экспедицию перестал поддерживать Г.И. Шелехов. В результате Казачковскому пришлось выводить через Якутию солдат-кораблестроителей, вынужденных возвращаться с уракского устья, в расположение батальона – Кударинскую крепость в Забайкалье¹¹. В формулярном списке Казачковского экспедиционные поручения не были отражены. В Екатеринбургском батальоне он получил очередной секунд-майорский чин в 1791 году.

Более семи лет – с декабря 1798 г. по март 1806 г. – он командовал размещенным на Алтае Томским мушкетерским (пехотным) полком. С середины XVIII в. мушкетерскими именовались в России линейные полки, вооруженные не мушкетами, а ружьями (фузеями). Полк был сформирован по указу императора Павла I 29 ноября 1796 г. из Екатеринбургского и Семипалатинского полевых гарнизонных батальонов и получил название Томский мушкетерский полк (ТМП) в составе 2-х батальонов по 6 рот в ка-

¹⁰ Материалы экспедиций Г.И. Шелехова // ЦГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1287. Л. 4об.-5.

¹¹ Полезные статьи о Байкале. Григорий Шелихов: биография //URL: http://www.magnit-baikal.ru/publ/grigorij_shelikhov_biografija_chast_2/nasledstvo_i_nasledniki_8/22-1-0-730 (дата обращения: 20.11.2012).

ждом (1 гренадерская и 5 мушкетерских), общей численностью – 2363 человек¹².

К этому времени относится сохранившаяся в архивах служебная записка К.Ф. Казачковского томскому губернатору от 15 февраля 1804 г. «Обозрение Красноярской округи», в которой он представил географический и экономический обзор Красноярского края и обозначил существующие хозяйственные проблемы. Так же Казачковский привел свои соображения по урегулированию ярмарочной торговли и проведению христианских праздников, особо обращая внимание губернатора на пьянство, как самое большое зло¹³. Этот документ свидетельствует о рационализме его мышления и высоком уровне образования.

29 марта 1806 г. в полковник К.Ф. Казачковский был назначен шефом 2-го морского полка, а 23 октября того же года – шефом Калужского мушкетерского (пехотного) полка, с которым участвовал в сражениях против Наполеоновской Франции в 1807–1812 годах. В кампании 1807 г. против французов он отличился в сражении при Гейльсберге, за что 12 декабря получил чин генерал-майора. Участвовал и в Русско-шведской войне 1808–1809 годов. 25 июня 1809 г. при Гернефорсе отряд генерал-майора Казачковского разбил шведские войска генерала Сандельса, что способствовало заключению Фридрихгамского мира 5 сентября 1809 г., по которому Финляндия вместе с Аландскими островами отходила к России.

В 1812 г. Кирилл Федорович командовал бригадой корпуса П.Х. Витгенштейна, защищавшего Петербургское направление, и отличился 19 июля в бою под Клястицами. Вспоминая об исходе этого сражения, один из его участников писал: «Решительная победа под Клястицами и успех нашего русского оружия были первые в нашу Отечественную войну»¹⁴. За этот бой Казачковский был награжден орденом Св. Георгия 3-го класса. 5–6 августа он

¹² Яковенко А.В. Томский пехотный полк // URL: [http:// elibr.tomsk.ru/elibr/data/2012/2012-0240/2012-0240.pdf](http://elibr.tomsk.ru/elibr/data/2012/2012-0240/2012-0240.pdf) (дата обращения: 18.12.2012).

¹³ Обозрение Красноярской округи. Служебная записка полковника К.Ф. Казачковского, поданная томскому губернатору 15 февраля 1804 г. // URL: [http:// www.krasplac.ru/obozrenie-krasnoyarskoj-okrugj](http://www.krasplac.ru/obozrenie-krasnoyarskoj-okrugj) (дата обращения: 06.11.2012).

¹⁴ Михайловский-Данилевский А.И. К.Ф. Казачковский // Император Александр I и его сподвижники в 1812, 1813, 1814 и 1815 годах. Военная галерея Зимнего дворца... С. 5.

отличился под Полоцком, участвовал в Березинской операции и в преследовании неприятеля до русских границ.

В 1813 г. генерал Казачковский командовал 5-й пехотной дивизией. 20 апреля 1813 г. в Саксонии в сражении при Люцене он был тяжело ранен в живот картечью, когда повел свои полки в наступление. Это был его последний бой, свидетелем которого был император Александр I, по рассказам очевидцев приказавший оказывать раненому «всевозможное врачебное пособие»¹⁵. Интересно, что подобные полостные операции, проведенные в полевых условиях, практически неизвестны и, можно сказать, военные медики совершили чудо, сохранив генералу жизнь.

После ранения Казачковский в чине генерал-лейтенанта был из боевых действий, но с июня 1820 г. был «определен состоять по армии». После отставки Казачковского шефом Калужского полка в 1818 г. был назначен потомок Прусского короля Фридриха Вильгельма III принц Вильгельм, а полк стал именоваться Пехотным принца Вильгельма Прусского. Через 25-лет по приказу Николая I была составлена краткая летопись этого полка, в которой немало страниц было посвящено заслугам К.Ф. Казачковского¹⁶.

По замыслу Александра I Галерея в Зимнем дворце создавалась для увековечения памяти героев Отечественной войны и заграничных походов русской армии 1812–1814 годов. Для этого в 1822–1830 гг. приглашенным английским живописцем Джорджем Доу (Даву), при участии русских художников В.А. Голике и А.В. Полякова было создано свыше 300 портретов участников ратных баталий.

К 1822 г. портреты генералов, проходивших службу в Петербурге и тех, кто временно наведывался в столицу, были написаны непосредственно в мастерской Доу, но многих из вышедших в отставку пришлось разыскивать Инспекторскому департаменту Главного штаба. Чтобы ускорить поиски, в петербургской газете «Русский инвалид» (№ 169) появилось сообщение о создании Военной галереи, и обращение ко всем отставным генералам и родственникам умерших с просьбой доставить в Петербург их портреты для копирования.

Историк и писатель Владислав Михайлович Глинка обнаружил в архиве Эрмитажа письмо Казачковского из Царицына, сообщавшего о посылке своего портрета, с пояснением, что по состоянию

¹⁵ Михайловский-Данилевский А.И. К.Ф. Казачковский... С. 7.

¹⁶ Там же.

здоровью и за дальностью расстояния лично прибыть в столицу не сможет¹⁷.

О своей находке Владислав Михайлович сообщил в письме к Н.М. Чернышевской в 1973 году. Однако по свидетельству её дочери – Веры Самсосновны, следует, что портрет Казачковского, выполненный неизвестным художником, хранился не у него самого, а у армейского друга – полковника М. Каховского в Вязьме, который в мае 1825 г. и переслал его по запросу Инспекторского департамента Главного штаба в Петербург для снятия копии¹⁸.

В.С. Чернышевская подготовила к публикации материалы о родственных связях Васильевых, семьи Ольги Сократовны Чернышевской, и Казачковских¹⁹. Сообщенные в ее статье сведения дают некоторое представление о жизни К.Ф. Казачковского после 1813 г., когда он с женой и детьми поселился в своем камышинском имении под Царицыном.

В семье К.Ф. Казачковского было 6 детей: два сына и четыре дочери²⁰. Одна из дочерей – Анна Кирилловна – стала женой местного врача, выпускника Харьковского университета Сократа Евгеньевича Васильева. По семейному преданию, Сократ Евгеньевич вылечил Кирилла Федоровича от тяжелой болезни и, сняв тем самым особое его расположение, получил «в награду за <...> чудесное исцеление» в жены дочь прославленного генерала. Не исключено также, что предчувствуя свою скорую кончину, в видном молодом человеке (в фондах музея-усадьбы хранится портрет С.В. Васильева 30-х гг. XIX в. неизвестного художника²¹), перспективном медике Казачковский увидел наиболее подходящую партию для дочери. Свадьба их состоялась за год до смерти Кирилла Федоровича, который скончался 24 июля 1829 г. и был похоронен в ограде Троицкой соборной церкви у реки Камышинки. Церковь в начале XX в. разрушили, вместе с ней исчезла и могила героя.

¹⁷ Глинка В.М. Пушкин и военная галерея Зимнего Дворца. Л., 1988. С. 5.

¹⁸ См.: Чернышевская В.С. Из истории родственных отношений Н.Г. Чернышевского. Материалы к родословной Васильевых и Казачковских // Н.Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы. Саратов, 1975. Вып. 7. С. 153.

¹⁹ Там же. С. 145–157.

²⁰ Там же. С. 154.

²¹ МНГЧ. ОФ. № 2612.

Семья Васильевых до начала 1840-х гг. проживала в Камышине, где Сократ Евгеньевич проявил себя как искусный медик. Особенно много ему пришлось потрудиться во время эпидемии холеры 1841–1842 гг., после чего он получил назначение в Саратов. В семье уже росла дочь Ольга – любимица отца, которая в 1853 г. стала женой Н.Г. Чернышевского.

До настоящего времени в биографии К.Ф. Казачковского остается немало белых пятен. Отсутствуют точные сведения о месте его рождения, времени и месте женитьбы, нет почти никаких биографических данных о его жене, за исключением неподтвержденной документально семейной легенде о ее якобы итальянском происхождении... Не выяснены пока время и место рождения его детей, имущественное положение... Важно пролить свет и на вопрос происхождения рода Казачковских, для чего предстоит заняться скрупулезным воссозданием их генеалогического древа. Есть разночтения и в написании самой фамилии генерала: Казачковский, Козачковский... Таким образом, биография К.Ф. Казачковского еще ждет своего пытливого исследователя и нуждается в особенно тщательном изучении.

ПУБЛИКАЦИИ

УДК 94 (47) 072

1812 ГОД: ПАРАДОКСЫ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ПАМЯТИ¹

З.С. Гатина

Институт гуманитарных историко-теоретических исследований
им. А.В. Полетаева НИУ-ВШЭ
E-mail: rzhaya8989@mail.ru

К.А. Ильина

Институт гуманитарных историко-теоретических исследований
им. А.В. Полетаева НИУ-ВШЭ
E-mail: glukist@mail.ru

В данной публикации представлены архивные дела, позволяющие по-разному взглянуть на проблему формирования университетской памяти и ее сохранения в условиях войны 1812 года. Документы посвящены подробностям эвакуации архива министерства и планам неосуществленной междууниверситетской экспедиции.

Ключевые слова: Российская империя, 1812 год, делопроизводственные документы, архив Министерства народного просвещения, императорский Казанский университет, научная экспедиция.

1812: PARADOXES OF UNIVERSITY MEMORY

Gatina Z.S., Ilyina K.A.

The authors are publishing the archival documents that represent different options of memories of officials of university and of the Ministry of Public Education concerning the events of 1812. Documents are focused on the details of evacuation of archive of the Ministry and plans of unrealized interuniversity expedition.

Key words: Russian Empire, 1812, office work documents, archive of the Ministry of Public Education, Kazan university, scientific expedition.

Для данной публикации мы отобрали три архивных дела, освещающие два важных сюжета университетской истории. Первый

¹ В данной научной работе использованы результаты, полученные в ходе выполнения проекта «Культура университетской памяти в России: механизмы формирования и сохранения», выполненного в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2012 году.

сюжет связан с эвакуацией архива Министерства народного просвещения в 1812 году. «Дело об эвакуации и реэвакуации архивов Министерства народного просвещения и Канцелярии попечителя Виленского учебного округа» хранится в Российском государственном историческом архиве в фонде 733 – Департамент народного просвещения. Второй сюжет касается тщательной подготовки в 1811–1812 гг. всероссийской общеуниверситетской научной экспедиции. По причине войны она не состоялась.

Образованный в 1803 г. Департамент народного просвещения в первой половине XIX века являлся основным исполнительным органом МНП. За 1802–1862 гг. описи дел Департамента имеют обозначение или по названиям отдельных округов и отдельных учреждений, или по особым категориям дел: отчеты учебных округов, медицинские дела, общие дела.

Публикуемое дело внесено в опись 86 «Общие дела», которая охватывает начальный период существования Департамента, когда он еще не имел структурных частей (1802–1817). Среди дел этой описи хранятся документальные материалы, посвященные истории науки и народного образования, проекты и записки разных лиц по вопросам просвещения, сведения о разработке уставов учебных заведений и организации учебных округов, введении системы присвоения ученых степеней, различных изобретениях, о создании учебных пособий, о применявшихся учебниках, о мероприятиях в связи с войной 1812 г., биографические сведения о профессорах, учителях и служащих ДНП.

Документы представленного здесь дела образовывали в XIX в. папку под названием «Отправление из С.-Петербурга в Олонецкую губернию дел центрального управления Министерства народного просвещения по случаю нашествия неприятеля» (Д. 9273. 1812 г. К. 205). Фрагменты из него публиковались в 1912 г. в XI главе (входящей в состав второй части книги, посвященной учебным заведениям С.-Петербурга) книги «Московский университет и С.-Петербургский учебный округ в 1812 году: документы архива Министерства народного просвещения»².

Публикацией документов занимался тогда начальник архива Министерства народного просвещения Константин Адамович

² Московский университет и С.-Петербургский учебный округ в 1812 году: документы Архива Министерства народного просвещения, собранные и изданные под редакцией Начальника Архива Министерства Народного Просвещения К.А. Военского. СПб., 1912. С. 305–309.

Военский³. Издание этих источников продолжило ряд других его публикаций, посвященных войне 1812 года. Так, многолетняя работа в Военно-ученом архиве Главного управления Генерального штаба российской императорской армии (сейчас это Российский государственный военно-исторический архив), в котором хранились документы военного и политического содержания (переписка, карты, планы, рукописи), позволила Военскому опубликовать две книги с документами и воспоминаниями современников о войне 1812 года⁴. А в 1909–1911 гг. им по поручению великого князя Михаила Александровича были собраны и опубликованы «Акты, документы и материалы для политической и бытовой истории 1812 года». В трех томах сборника представлены документы, относящиеся к военным действиям в Литве и Западных губерниях, Балтийской окраине, Белоруссии в 1812 году.

В обширных предисловиях к каждому сборнику Военский описал архивохранилища, документы из которых публиковал. Так, в своих разысканиях он обращался к материалам императорской Публичной библиотеки и библиотеки главного и генерального штаба, Военно-ученого архива, архива Святейшего Синода, Министерства иностранных дел, Морского министерства, бывшего Министерства полиции, Виленского генерал-губернаторского архива и архива Курляндского губернского правления в Митаве, а также частным коллекциям документов⁵.

³ К.А. Военский (1860–1928), выпускник Александровского (бывшего Царскосельского) лицея, чиновник Азиатского департамента МИД (секретарь миссии в Японии, посольства в Риме, заведующий библиотекой Азиатского департамента), затем служил в МВД (в том числе в Главном управлении по делам печати), был прикомандирован к великому князю Михаилу Александровичу для разработки архивных материалов по бытовой и дипломатической стороне Отечественной войны 1812 года, в 1907–1915 гг. начальник архива Министерства народного просвещения. Подр. о нем см: Кононов А.А. Историк К.А. Военский, 1860–1928: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2000.

⁴ См.: Две беседы полковника Мишо с императором Александром в 1812 году: из документов Военно-ученого архива Главного штаба / К. Военский. СПб., 1907; Отечественная война 1812 года в записках современников: (материалы Военно-ученого архива) / К. Военский. СПб., 1911.

⁵ См.: Акты, документы и материалы для политической и бытовой истории 1812 года, собранные и изданные, по поручению Его императорского Высочества Великого князя Михаила Александровича / под ред. К.А. Военского. СПб., 1909. Т. 1 (Литва и западные губернии). С. XLIV (СИРО. Т. 128); Там же.

В двух последних томах «Актов» Военский ввел в научный оборот документы из подконтрольного ему архива Министерства народного просвещения. Опубликованный им сборник «Московский университет и С.-Петербургский учебный округ в 1812 году: документы Архива Министерства народного просвещения»⁶ посвящен функционированию учебных заведений Московского и Санкт-Петербургского учебных округов во время нашествия Наполеона осенью 1812 года. Значительная часть публикуемых Военским текстов знакомила читателей с вопросами подготовки и вывоза учебных заведений Москвы, Московского учебного округа и Санкт-Петербурга, эвакуации их служащих и имущества.

Отбор документов для публикации осуществлялся в связи с представлениями автора о позитивной репрезентации действий правительства в экстремальных условиях. Тогда самой большой проблемой для властей был выбор того, что следует спасать в первую очередь, то есть оценки значимости людей и вещей для будущего российского государства. Понятно, что хотя «отправка предметов» учебных заведений была хлопотной, но она не шла ни в какое сравнение с заботами, которые вызывала эвакуация «живых людей-воспитанников учебных заведений»⁷. Главный вопрос состоял в том, по каким критериям отбирать тех, кто сможет уехать в первую, очередь, кто – во вторую, а кому, быть может, так и не удастся выбраться.

Сообщая о перевозке архивных и текущих документов Педагогического института и Департамента Министерства народного просвещения, Военский воспроизвел большую часть рапорта надворного советника В.П. Митурича, обратил внимание читателя на суровые природные условия, с которыми пришлось столкнуться чиновнику при транспортировке этих дел из Санкт-Петербурга в Петрозаводск. Кроме означенного рапорта Военский из 22 документов дела отобрал для публикации еще четыре, которые демонстрируют логику эвакуации: сначала министром народного просвещения А.К. Разумовским был дан ордер над-

Т. 2 (Балтийская окраина). СПб., 1911. С. X (СИРО. Т. 133.); Там же. СПб., 1912. Т. 3 (Белоруссия). С. I (СИРО. Т. 139).

⁶ Московский университет и С.-Петербургский учебный округ в 1812 году: документы Архива Министерства народного просвещения, собранные и изданные под редакцией Начальника Архива Министерства Народного Просвещения К.А. Военского. СПб., 1912.

⁷ Там же. С. XX.

ворному советнику Митуричу, которым предписывались определенный порядок действий, который чиновнику необходимо было предпринять; затем публикатор помещает рапорт чиновника о благополучном прибытии всех документов в Петрозаводск; следующий документ – отношение министра Олонецкому губернатору о возвращении дел и вещей Министерства народного просвещения в Санкт-Петербург; потом – донесение Митурича о сборах и подготовке переезда; в заключении – рапорт чиновника о выезде из Петрозаводска.

Таким образом, у читателя сборника создавалась иллюзия логичности, четкости и последовательности действий министерства и его служащих. И это так контрастировало с ситуацией в Московском университете, которую иллюстрировали документы первого раздела книги. Но надо сказать, такого радужного впечатления не возникло бы, если бы издатель опубликовал все архивное дело полностью и в его естественной последовательности. Порядок прочтения архивного документа всегда имеет огромное смысловое значение. Если прочитать данное дело без купюр и без реструктуризации, а затем сравнить с публикацией 1912 г., то становится понятным, что директор архива МНП посчитал неинтересным и ненужным при описании «общественной» и «бытовой» жизни периода Отечественной войны: какими документами снабжались сопровождающие эвакуированный архив чиновники, какие конкретно документы ими перевозилось, о чем рапортовал Митурич по пути в Петрозаводск и так далее.

Тактика публикация дел целиком, а не отдельных документов из них для нас не случайна. Она представляется важной потому, что знакомит читателя-исследователя не с фрагментами, вынутыми из фактического и делопроизводственного контекста, а позволяет получить представление об архивном деле как о комплексе взаимосвязанных текстов, понять внутреннюю логику его формирования.

Вторая часть нашей публикации – это документы из двух дел, хранящихся в Национальном архиве Республики Татарстан. Из-за военных действий описанная в них экспедиция не состоялась, но связанные с ее подготовкой документы сохранились. Рапорты, распоряжения, определения совета Казанского университета, отношения, представления профессоров и специального созданного для планирования «ученой экспедиции» комитета отложились в фонде 87 «Казанская гимназия», так как в это время делопроиз-

водство университета и гимназии велось совместно. При публикации нами были опущены протоколы Комитета⁸ и написанные профессорами на латинском и французском языках наставления и инструкции, которыми должны были руководствоваться участники экспедиции⁹.

Таким образом, публикуемые документы раскрывают два сюжета, связанных с политикой университетской памяти в условиях войны: один – о ее спасении, а второй – о существовании в университетском архиве свидетельств не только реальных событий, но и планов, не осуществленных в результате войны.

* * *

Археографическая подготовка документов произведена в соответствии с «Правилами издания исторических документов в СССР»¹⁰.

Каждый документ снабжен редакционным заголовком¹¹. Собственные заголовки документов, если они включают в себя все необходимые элементы, используются в качестве редакционных и заключены в кавычки без оговорок в текстуальном примечании. При первом упоминании автора или адресата в заголовке документа указывается его должность, ранг, звание. В последующем указываются только фамилия и инициалы. Если сведения об авторе или адресате установлены археографом, то они заключены в квадратные скобки. Место написания документа указывается в заголовке, если оно имеется в оригинале. Документы датируются временем написания. В текстуальном примечании оговаривается, в случае наличия, помета о дате получения и написания ответа. Легенда включает в себя поисковые данные (архивный шифр) и сведения о подлинности документа.

⁸ НА РГ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 8674 «По предписанию высшего начальства о имеющей быть экспедиции ученых путешественников», 1811. Л. 6–10.

⁹ Например, наставления профессора Ф.Х. Эрдмана по медицине (НА РГ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 8674. Л. 13–19об.), адъюнкта С.С. Петровского «по части сельского домоводства» (Там же. Л. 20–23), профессора Ф.К. Броннера по физике, химии и минералогии (Там же. Л. 26–38 об), профессора К.-Ф.Ф. Реннера по механике (Там же. Л. 39–41).

¹⁰ Правила издания исторических документов в СССР. М., 1990.

¹¹ Заголовок включает в себя следующие элементы: порядковый номер, разновидность документа, автор, адресат, краткое содержание, а также место, число, месяц и год написания.

Тексты источников публикуются в соответствии с современной орфографией и пунктуацией, с полным сохранением стилистических особенностей подлинника (отдельных оборотов речи, слов). Пропущенные в тексте и восстановленные по смыслу слова или его отдельные фрагменты заключены в квадратные скобки. Погрешности текста, не поддающиеся исправлению, сохраняются без изменений с оговоркой в текстуальном примечании («Так в документе»). Резолюции помещены в конце документа, с новой строки.

Вступительная статья, публикация и комментарии
З.С. Гатиной и К.А. Ильиной

I.
ДЕЛО ОБ ЭВАКУАЦИИ И РЕЭВАКУАЦИИ АРХИВОВ
МИНИСТЕРСТВА НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ
И КАНЦЕЛЯРИИ ПОПЕЧИТЕЛЯ ВИЛЕНСКОГО
УЧЕБНОГО ОКРУГА

№ 1

Отношение старшего письмоводителя
Канцелярии попечителя Виленского учебного округа¹
надворного советника В.Г. Анастасевича² в Департамент
народного просвещения о передаче дел Канцелярии

[Санкт-Петербург], 11 сентября 1812³

По записке из Департамента народного просвещения от вчерашнего числа сия Канцелярия имеет честь при сем препроводить в оный Департамент все свои дела в двух деревянных запечатанных ящиках под № 1 и № 2-м и под литерами К.П.В.О. (Канцелярия попечителя Виленского округа), в принятии коих просит снабдить ее надлежащею распискою.

Старший письмоводитель надворный советник Анастасевич.

РГИА. Ф. 733. Оп. 86. Д. 314. Л. 1. Подлинник.

¹ Попечителем Виленского учебного округа в 1803–1824 гг. был князь Адам Адамович Чарторыйский (1770–1861).

² Анастасевич Василий Григорьевич (1775–1845), библиограф и переводчик. Служил в Канцелярии попечителя Виленского учебного округа (1803–1816).

³ Письмо было получено 11 сентября 1812 года.

№ 2

Черновик ордера старшему помощнику
столонячка Департамента народного просвещения
надворному советнику В.П. Митуричу¹, данный министром
народного просвещения действительным тайным советником
графом А.К. Разумовским² с предписаниями по эвакуации
архива Министерства народного просвещения³

[Санкт-Петербург], 17 сентября 1812, № 3236.

Как вы назначены для препровождения дел Министерства просвещения, то кроме известных мер, каковые по верности и усердию к службе должны будете принять к сохранению в цело-

сти всего вам вверенного, за должное почитаю рекомендовать вам следующее:

1. По получении сего имеете немедленно отправиться в назначенный вам тракт на даншкоуте⁴, на коем шкипер⁵ экономический крестьянин⁶ Кондратий Яковлев.

2. В помощь вам определяется титулярный советник Трунев⁷ и старший учитель витебской гимназии Кульматицкий⁸.

3. Во время путешествия вашего заботьтесь о том, чтобы иметь везде безопасную пристань и помещение.

4. По прибытии вашем к назначенному месту о благополучном состоянии вверенных препровождению вашему дел сделайте немедленно донесение, каковые донесения можете делать и вообще на пути своем, когда найдете удобным к отправлению оные.

5. Буде бы, (от чего Боже сохрани) встретились с вами какие-либо неприятные происшествия; то вы со всеми подробностями немедленно делайте о том донесения.

6. Если потребуется надобность содействия в чем-либо местного начальства, в таком случае в уездах требуйте пособий от земских исправников⁹, а в уездных городах от городничих¹⁰, предъявляя и тем, и другим о сделанных вам препоручениях документы.

7. Во всех непредвидимых случаях полагаюсь я на ваше благоразумие и усердие к службе Его императорского величества¹¹, а потому и уверен, что вы с особенным рачением¹² исполните сделанное вам препоручение.

РГИА. Ф. 733. Оп. 86. Д. 314. Л. 2–3. Черновик.

¹ Митурич Василий Павлович. См.: Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи. СПб., 1813. Ч. 1. С. 317.

² Разумовский Алексей Кириллович, граф (1748–1822), министр народного просвещения Российской империи (1810–1816).

³ Впервые опубликовано К.А. Военским: Ордер надворному советнику Митуричу, данный министром народного просвещения 17 сентября 1812 года // Московский университет и С.-Петербургский учебный округ в 1812 году: Документы Архива Министерства народного просвещения... С. 305.

⁴ *Доншкоут (доншкот) Ладожский* – плоскодонное ладожское торговое судно, которые строились на частных верфях вокруг Ладоги местными мастерами по традиционным образцам без документации. Грузоподъемность доншкотов колебалась в пределах 150–220 тонн. Подр. см.: Доншкот (доншкоут) Ладожский // Тайны затонувших кораблей. URL: <http://www.baltic-sunken-ships.ru/page.phtml?id=158&mid=153> (время обращения: 5.09.2012).

⁵ *Шкипер* – капитан торгового или рыболовецкого судна.

⁶ *Экономические крестьяне* – в первой половине XIX в. категория государственных крестьян, образованная в результате секуляризации монастырских и церковных земель во второй половине XVIII века. Вместо барщины и натурального оброка платили денежные оброки. Обладали относительной личной свободой, несли государственные повинности.

⁷ Трунев Федор Емельянович, титулярный советник, помощник столоначальника в Главном правлении училищ Министерства народного просвещения. См.: Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи. СПб., 1813. Ч. 1. С. 355.

⁸ Кульматицкий Иван Андреевич, учитель философии, изящных наук и политической экономии Витебской гимназии. См.: Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи. СПб., 1813. Ч. 1. С. 426.

⁹ *Земский исправник* – председатель уездного административного органа – земского суда.

¹⁰ *Городничий* – глава административно-полицейской власти уездного города.

¹¹ Речь идет об императоре Александре I.

¹² Имеется в виду, с усердием.

№ 3

Черновик паспорта, выданного В.П. Митуричу по указу императора Александра I

Санкт-Петербург, 16 Сентября 1812.

Объявитель сего, служащий в Департаменте министерства просвещения надворный советник Василий Митурич отправлен из Департамента для препровождения дел оного. В засвидетельствование чего дан ему сей паспорт в Санкт-Петербурге сентября 16 дня 1812 года.

Его императорского величества всемилостивейшего государя моего действительный тайный советник, Государственного совета член, сенатор, министр народного просвещения и Орденов Св[ятого] Александра Невского и Св[ятого] Равноапостольного князя Владимира большого креста 1-й степ[ени] кавалер под-пис[ал] г[раф] Алексей Разумовский.

РГИА. Ф. 733. Оп. 86. Д. 314. Л. 4. Черновик.

№ 4

**Черновик паспорта, выданного титулярному советнику,
помощнику столоначальника в Главном правлении училищ
Министерства народного просвещения Ф.Е. Труневу
по указу императора Александра I**

Санкт-Петербург, 16 сентября 1812.

Объявитель сего, служащий в Главном правлении училищ Федор Трунев отправлен из Правления для препровождения дел оногo. В засвидетельствование чего дан ему сей паспорт в Санкт-Петербурге сентября 16 дня 1812 года.

РГИА. Ф. 733. Оп. 86. Д. 314. Л. 5. Черновик

№ 5

**Черновик паспорта, выданного учителю Витебской гимназии
И.А. Кульматицкому по указу императора Александра I**

Санкт-Петербург, 16 сентября 1812.

Объявитель сего, учитель Витебской гимназии Иван Кульматицкий отправлен из департамента Министерства народного просвещения для препровождения дел оногo. В засвидетельствование чего дан ему сей паспорт в Санкт-Петербурге сентября 16 дня 1812 года.

Его императорского величества всемилостивейшего государя моего действительный тайный советник, Государственного совета член, сенатор, министр народного просвещения и Орденов Св[ятого] Александра Невского и Св[ятого] Равноапостольного князя Владимира большого креста 1-й степ[ени] кавалер подпис[ал] г[раф] Алексей Разумовский.

РГИА. Ф. 733. Оп. 86. Д. 314. Л. 6. Черновик.

№ 6

**Реестр делам, отправленным из Санкт-Петербурга
по Департаменту Министерства народного просвещения**

[Санкт-Петербург, между 16 и 19 сентября 1812]

Общие [дела]:

[за] 1802, 1803, 1804, 1805, 1806, 1807, 1808, 1809 и 1810 [годы].

[Дела] По округам:

Московскому: [за] 1802, 1803, 1804, 1805, 1806, 1807, 1808, 1809 и 1810 [годы].

Санкт-Петербургскому: [за] 1802, 1803, 1804, 1805, 1806, 1807, 1808, 1809 и 1810 [годы].

Виленскому: [за] 1802, 1803, 1804, 1805, 1806, 1807, 1808, 1809 и 1810 [годы].

Дерптскому: [за] 1802, 1803, 1804 и 1805 [годы]¹.

[Дела] По Округам:

Дерптскому: [за] 1806, 1807, 1808, 1809 и 1810 [годы].

Казанскому: [за] 1802, 1803, 1804, 1805, 1806², 1807, 1808, 1809 и 1810 [годы].

Харьковскому: [за] 1802, 1803, 1804, 1805, 1806, 1807, 1808, 1809 и 1810 [годы].

Дела Казначейские прежних лет и Книги прихода и расхода с 1802 по 1810 год

Отчеты прежних годов по делам Департамента с 1802-го по 1810 год.

О производстве в чины по Министерству просвещения прежних лет по 1809 год.

Дело принцесс Бироновых.

Об отправлении в Институт студентов 3го курса³.

Производство в чины за 1809 и 1810.

Мемории и ведомости Виленского и Харьковского университет[а].

Дело о Митавской гимназии⁴ и приходских училищах по Дерптскому округу.

Дела по Педагогическому институту⁵ прежних лет.

Об определении студентов на учительские места прежних лет.

Об увольнении из департамента чиновников

Разные бумаги для приложения к прежним делам.

По последнему производству в чины.

Сведения о суммах Приказов общественного призрения.

Грузинские дела.

О путешествии студентов Педагогического института в чужие края.

Входящие [бумаги] всех годов.

Исходящие [бумаги] до 1810 года

Казанские [за] 1811 [год].

Дерптский – [за 1811 год]
Виленский – [за 1811 год]
Общие – [за 1811 год]⁶
Петербургские [за] 1811 [год].
Московский – [за 1811 год]
Харьковские – [за 1811 год]
Фундушовые⁷ [за] 1807, 1808, 1809 и 1810 [годы].
Финляндские.
Двадцать номеров периодического издания⁸.

Отчеты за 1810 и 1811 годы.
Указы Сената [за] 1802, [180]3, [180]4, [180]5, [180]6 и [180]7 [годы].
Дела Совета о военных училищах⁹.
№ 1 Общие.
№ 2 Журналы Совета и реестры.
№ 3 По Смоленскому кадетскому корпусу и Тамбовскому военному училищу.
№ 4 и 5 По военной коллегии
№ 6 По канцелярии Совета
№ 7, 8 и 9 шнуровые книги¹⁰.
№ 10 и 11. Общие.
№ 12 по 1му и 2му кадетским корпусам.
№ 13 по Смоленскому корпусу.
№ 14, 15 и 16 по Военно-сиротскому дому.
12-ть книжек периодического издания¹¹.

Указы Правительств[ующего] Сената [за] 1804, 1808, 1809, 1810, 1811 и 1812 [годы].

Четыре связки дел разных годов.
Для справок взятые по 1-й Эспед[иции]¹².
1-й Экспедиции две связки.
Медицинские [за] 1808 [год].
Медико-хирургические две связки [за] 1810 [год].
Мемории Академии три связки.
О выписке врачей две связки.
Разных академий мемории три связки.
Медико[-]хирург[ические за] 1809 и 1810[годы].
Еще медико[-]хирург[ические за] 1809[год]¹³.

Одиннадцать связок дел 1-й Экспедиции.

Еще две связки по одной же Экспедиции.
Академии художеств три связки.
Медицинские [за] 1807, 1808, 1809 и 1810 [годы]. Четыре связки с выписок врачей.

Медицинский Совет¹⁴.
Медико-хирургическая 1810.
Две связки меморий Академии¹⁵.

Педагогического института дела.
и 1812-го года по Департаменту и одна связка дел Академии художеств¹⁶.

Два ящика с делами Попечителя Виленского учебного округа.
Три ящика с делами Попечителя Казанского учебного округа¹⁷.
Ящик директора Департамента¹⁸ под лит[ерой] Д.¹⁹

От Департамента министра²⁰ народного просвещения отправляются ящики с делами и именно семь ящиков с надписью Департамента просвещения²¹ под № 1, 2, 3, 4, 5, 6 и 7; один ящик с тою же надписью под лит[ерой] Д. два ящика с надписью Департамента просвещения по Канцелярии попечителя Виленского округа, три ящика с надписью: департамента просвещения по Канцелярии попечителя Казанского округа, два ящика с надписью М[инистерство] Н[ародного] П[росвещения] Медицинского Совета № 1 и 2 и три ящика с библиотекою департамента; всего восемнадцать ящиков. Сии восемнадцать ящиков принял надворный советник Василий Митурич.

РГИА. Ф. 733. Оп. 86. Д. 314. Л. 7–10. Подлинник.

¹ Помета на полях по вертикали напротив перечисленного выше: Дела сих годов в ящике № 1-го.

² Помета на полях по вертикали напротив перечисленного выше: В ящике под № 2-м.

³ Помета на полях по вертикали напротив перечисленного выше: Дела сии в ящике под № 2-м.

⁴ Митавская гимназия – гимназия, находящаяся в округе Дерптского университета, на территории Курляндской губернии.

⁵ Речь идет о Педагогическом институте в Санкт-Петербурге, основанном в 1804 году.

⁶ *Помета на полях по вертикали напротив перечисленного выше:* Все сии дела находятся в ящике под № 3-м.

⁷ От «фундуш» (польск.) – дар, чаще всего в виде земли, в пользу какого-нибудь учреждения. Форма государственного финансирования, согласно которой владельцы имений на государственных землях обязаны были направлять прибыль с них на счет Министерства народного просвещения. В данном случае речь идет о финансовых делах Дерптского и Виленского университетов, существовавших как раз за счет таких имений.

⁸ Скорее всего, имеется в виду периодическое издание Главного управления училищ – «Периодическое сочинение об успехах народного просвещения», выходившее в 1803–1819 гг. под редакцией Н.Я. Озерецковскового.

Помета на полях по вертикали напротив перечисленного выше: Дела сии в ящике № 3.

⁹ Имеется в виду Непременный совет о военных училищах, учрежденный под председательством великого князя Константина Павловича 29 марта 1805 г., управлявший всеми военно-учебными заведениями. При Совете существовал Комитет для разработки устава, штатов и инструкций директорам военных училищ и составления учебных программ. Сейчас большинство документов о работе этого Комитета хранится в фонде 327 «Непременный совет о военных училищах (1805–1830)» (214 ед. хр.) Российского государственного военно-исторического архива.

¹⁰ *Шнуровая книга* – книга, сквозь листы которой продернут шнур, припечатанный к переплету, с обозначением, сколько всего листов в книге.

¹¹ Скорее всего, имеется в виду сборник «Периодическое сочинение об успехах народного просвещения».

Помета на полях по вертикали напротив перечисленного выше: Дела сии находятся в ящике № 4.

¹² Имеется в виду I экспедиция Первого Департамента Сената, к которой относились дела об опубликовании манифестов, законов и указов; о деятельности местных учреждений; по жалобам частных лиц на неправильные действия местной администрации; о привлечении к ответственности чиновников за злоупотребления по службе; о наложении опеки на имения помещиков за жестокое обращение с крестьянами и мотовство; о дворянских и купеческих выборах; о городских органах самоуправления и городском хозяйстве; об определении на службу чиновников высшего класса.

¹³ *Помета на полях по вертикали напротив перечисленного выше:* в ящике № 5.

¹⁴ Речь идет о Медицинском совете Министерства внутренних дел, созданном в 1803 г. при Департаменте полиции МВД для усовершенствования медицинской науки и практики, а также для контроля деятельностью медицинских и фармацевтических учреждений Российской империи. В 1810 г. он был передан в Министерство народного просвещения.

¹⁵ *Помета на полях по вертикали напротив перечисленного выше:* в ящике № 6.

¹⁶ *Помета на полях по вертикали напротив перечисленного выше:* № 7.

¹⁷ Имеется в виду Румовский Степан Яковлевич (1734–1812), астроном, академик. Глава Казанского учебного округа жил в Санкт-Петербурге, и по-

сле его смерти в июле 1812 г. попечительская канцелярия была передана в Департамент народного просвещения, где и хранилась до вступления в должность преемника.

¹⁸ Имеется в виду Мартынов Иван Иванович (1771–1831), деятель народного просвещения, поэт и переводчик.

¹⁹ Последние три строчки приписаны другой рукой.

²⁰ Так в документе.

²¹ Здесь и далее подчеркнуто в оригинале.

№ 7

Рапорт В.П. Митурича в Департамент народного просвещения о ходе перевозки архива Министерства народного просвещения

Шлиссельбург, 23 сентября 1812, № 1¹

Прибыв 24-го числа сего месяца в город Шлиссельбург, долгом поставляю донести о благосостоянии как команды, так и дел Департамента. Отправясь из С.-Петербурга 19-го числа, мы ехали до означенного города 5-ть дней; медленность путешествия нашего происходит от недостатка в людях, которых и со шкипером только 3 человека, поелику на половину принуждены были тянуться вверх по Неве завозами², ибо при постоянных ныне ветрах, проехав одно колено реки на парусах, не могли уже пользоваться им в другом колене, почему для поспешнейшего хода принужденным находимся употреблять на то иногда и двух дряхлых своих сторожей. Теперь мы вышли в Ладожской канал, откуда идем прямо к назначенному нам месту.

РГИА. Ф. 733. Оп. 86. Д. 314. Л. 11. Подлинник.

¹ *Помета о получении: № 3702. Сентября 27-го 1812.*

² То есть передвигаться, подтягивать судно с помощью якоря, выброшенного за борт на канате.

№ 8

Рапорт В.П. Митурича в Департамент народного просвещения о ходе перевозки архива Министерства народного просвещения

Лодейное поле, 4 октября 1812¹

Сего октября 4-го дня прибыли мы благополучно в город Лодейное поле. Путешествию нашему препятствовали сильные сверху противные ветры, почему в одном месте на реке Свири и

принуждены были мы простоять пять дней сряду, а на шестой хотя и не способствовал нам вет[е]р, но как поутихла погода, пустились по бичевой до означенного места. Команда и дела Департамента находятся в благосостоянии.

РГИА. Ф. 733. Оп. 86. Д. 314. Л. 12. Подлинник.

¹ *Помета о получении*: № 3790. Октября 8 д[ня] 1812.

№ 9

Рапорт В.П. Митурича А.К. Разумовскому о завершении перевозки архива Министерства народного просвещения¹

Петрозаводск, 23 октября 1812, № 6²

Предназначенный мне путь от Вашего сиятельства я совершил, прибыв 17-го числа сего месяца в город Петрозаводск благополучно. Теперь предлежит мне долг отдать верный и подробный отчет во всем моем путешествии. Я уже имел случай рапортовать (сентября 25 числа) Вашему сиятельству о затруднениях, встречавшихся мне во время проезда реки Невы до Шлиссельбурга. 25 числа сентября вошед³ в Ладожский канал тянулся я тяглецами почти день и ночь, проходя канал Свяжский, реку Волхов, канал Свирский и малую Свирь при наилучшей тихой и ясной погоде, хотя и встречали нас по утрам и вечерам крепкие морозы. Вошед в большую Свирь, которая простирается на 180-ть верст и включает в себя более 8-ми порогов, ход путешествия нашего много затруднялся сильными противными ветрами до самого Лодейного поля, как уже от меня представлено было (4-го октября). Здесь встретил я академические суда, которые в то самое время поднялись далее, но я не мог за ними следовать по той причине, что шкиперу судна моего следовало здесь в силу контракта получить денег; в следующий день (5-го октября) на рассвете пустился я на всех парусах и обогнав их, стоящих на якоре, остановился у порогов, называемых Железные Ворота, где надлежало выждать сильнейшего попутного ветра, простоял я два дня на якоре; 8-го октября я поднялся, и с помощью лоцманов узкой проход сих порогов перешел благополучно до Сиговецкого и Медведицкого порогов, которые суть опаснейшие во всей Свири, и один от другого в весьма близком расстоянии не более как на 2 или на 3 версты. На пути сем нагнала нас сойма⁴ Св[ятая] Мария с

грузом Академии наук и Медико-хирургической. Остановясь здесь, я нашел множество частных и казенных судов, особливо от Адмиралтейства больших плоскодонных, для тяги коих наряжалось до 200-т и более человек, почему и надлежало ожидать очереди. Чтоб избежать сего и не потерять напрасно времени, я воспользовался бурным ветром, которой поднялся в ночи с 11-го на 12-е число. В два часа утра с помощью 8-ми человек лоцманов, из коих 1 управлял кормою, 2 стояли на носу для наблюдения вех и камней, 2 сидели в лодках с готовым тросом, а прочие для запаса, чтоб в случае нужны, когда б потребовалось тянуть воротом, который построен по обеим сторонам берегов, было достаточно сил; снаряжаясь таким образом, судно наше пустилось со всего ходу; но не смотря на чрезвычайный вет[е]р, оно было много раз шумным и быстрым, в сем месте течением относимо. К счастью, вет[е]р усилился еще более, и мы обошли без тяги, прошед благополучно оба сии порога. Следующие два дни, мы шли то на парусах, то тянулись. Тут встречалось нам одно препятствие, особливо на последней станции, – недостаток в людях. За всем тем мы прибыли 14-го октября в Вознесение, где остановясь на короткое время, чтоб шкиперу получить следуемую по контракту сумму, продолжали путь свой, сколько способствовал нам в том вет[е]р, и наконец встали в Онежском озере на якорь, расстоянием от Вознесения в 30-ти верстах. От Сиговецких порогов почти до самого сего места сопровождали нас беспрестанные и сильные дожди. 15-го числа судно наше выдержало сильную качку, от которой потерпел я жестокую болезнь, которой обыкновенно небывалые в море подвержены бывають; но, слава Богу, что все прочие были в сие время здоровы. Сойма Св[ятая] Мария, стоявшая от нас в 10-ти верстах ближе к Вознесенью, пустилась в гавань; но я не мог на то решиться, чтоб в случае не упустить ветра, как то действительно и случилось, что на другой день (16го числа) открылся самой попутной вет[е]р, который сначала был умерен, но к вечеру час от часу становился сильнее, и мы двинулись на расвете в путь и продолжали оный до самого Петрозаводска, куда прибыв в 9-ть часов вечера, остановились близ гавани, проложив в день сей 120-ть верст; на следующее утро втянулись в самую гавань, и наше судно было первое из Санкт-Петербурга. Все путешествие наше продолжалось совершенно месяц. Ежели я имел удачу совершить благополучно предписанный мне путь, то обя-

зан в том наставлениям, данным мне в ордере Вашего сиятельства, которые я ни в каком случае не упускал из виду.

По прибытии в Петрозаводск я относился к г[осподи]ну гражданскому губернатору⁵, который хотя и приказал отвести мне лавку для поклажи дел и квартиру для помещения меня с чиновниками и служителями, но притом объявил, что с платежом. Не имея на то ни предписания от Вашего сиятельства, ни суммы, я решился сложить дела и остановиться со всеми служащими в небольшой квартире гимназического дома, потому более, что привезены мною дела не только вверенного Вашему сиятельству Департамента, но и дела Педагогического института и С.-Петербургской гимназии, которые также сюда прибыть имеют и для которых очищены уже здесь покои, дабы в случае надобности по делам сим, не иметь им затруднения. Выгрузку и перевозку дел я поручил директору здешней гимназии⁶, как местному жителю, которому известны уже как цены, так и самые обыватели.

РГИА. Ф. 733. Оп. 86. Д. 314. Л.13–14об. Подлинник.

¹ Впервые опубликовано К.А. Военским: Рапорт надворного советника Митурича министру народного просвещения, от 23 октября 1812 года, со сведениями об отправлении дел Департамента народного просвещения из С.-Петербурга в Петрозаводск // Московский университет и С.-Петербургский учебный округ в 1812 году: Документы Архива Министерства народного просвещения... С. 306–307.

² *Помета о получении*: № 3990. Ноября 1-го 1812.

³ Так в документе. Имеется в виду, войдя.

⁴ *Сойма* – одномачтовое палубное грузовое судно.

⁵ Имеется в виду Мертенс Василий Федорович (Виллим Фердинандович; 1761–1839), губернатор Олонецкой губернии (1804–1821).

⁶ Имеется в виду Ушаков Николай Петрович, директор народных училищ Олонецкой губернии (1807–1813) и одновременно – учитель французского языка в гимназии.

№ 10

Рапорт В.П. Митурича А.К. Разумовскому о желании Ф.Е. Трунева уехать в С.-Петербург по семейным обстоятельствам

[Петрозаводск], 20 ноября 1812, № 71

По случаю отправления дел Департамента Министерства народного просвещения и Главного правления училищ, назначенный

мне в помощники служащий в сем Правлении титулярный советник Федор Трунев, по причине расстроенного состояния семейства его, просит меня об исходатайствовании ему позволения для отъезда в Санкт-Петербург на узаконенное время. Находя просьбу его справедливою, осмеливаюсь при сем представить оную в подлиннике² на благоусмотрение и решение Вашего сиятельства.

РГИА. Ф. 733. Оп. 86. Д. 314. Л. 15. Подлинник.

¹ Помета о получении: № 4245. Ноября 25 д[ня] 1812.

² Прощение находится на Л. 16. Не публикуется, так как данный рапорт дублирует его содержание.

№ 11

Черновик отношения директора Департамента народного просвещения действительного статского советника И.И. Мартынова В.П. Митуричу о возвращении Ф.Е. Трунева в С.-Петербург вместе с эвакуированными ранее делами

[Санкт-Петербург], 2 декабря 1812

Милостивый государь мой Василий Федорович!

На рапорт ваш, при котором прилагается прошение г[осподина] Трунева об отпуске его в С.-Петербург, Его сиятельство г[осподин] министр отозваться изволил, что как дела отправленные с вами в скором времени уже должны сюда возвратиться, то и г[осподин] Трунев вместе с ними прибыть может.

РГИА. Ф. 733. Оп. 86. Д. 314. Л. 17. Черновик.

№ 12

**Отношение А.К. Разумовского
Олонецкому гражданскому губернатору
действительному статскому советнику В.Ф. Мертенсу
о возвращение дел и вещей из Петрозаводска в С.-Петербург¹**

[Санкт-Петербург], 26 ноября 1812, № 3835

Милостивый государь мой Вилим Федорович!

Как по случаю перемены обстоятельств предполагаю я ныне возвратить в Санкт-Петербург отправленные в Олонецкую губернию заведения, дела и вещи ведомства Министерства народного просвещения, то покорно прошу Ваше превосходительство,

призвав чиновников сего Министерства в Петрозаводске находящихся и сообразив с ними, сколько потребно подвод для обратной перевозки нынешним зимним путем находящихся под их присмотром заведений и вещей, [а] также во что обойдется сия перевозка, считая каждое заведение особо, меня о последующем уведомить; при чем надеюсь, что вы, милостивый государь мой, не оставите содействовать зависящими от вас распоряжениями удобнейшему и выгоднейшему исполнению таковой меры.

Пребываю с истинным почтением Вашего превосходительства покорным слугою [граф Алексей Разумовский].

РГИА. Ф. 733. Оп. 86. Д. 314. Л. 18. Черновик.

¹ Впервые опубликовано К.А. Военским: Отношение министра народного просвещения Олонецкому губернатору, от 26 ноября 1812 года, о возвращении дел и вещей Министерства народного просвещения из Петрозаводска в С.-Петербург // Московский университет и С.-Петербургский учебный округ в 1812 году: Документы Архива Министерства народного просвещения... С. 308.

№ 13

Предписание А.К. Разумовского В.Ф. Митуричу о подготовке к перевозке дел и вещей Министерства народного просвещения

Санкт-Петербург, 16 декабря 1812, № 3998

Господину надворному советнику Митуричу.

Я отнесся к г[осподину] Олонецкому гражданскому Губернатору о немедленном отправлении обратно в С.-Петербург находящихся во вверенной ему губернии заведений, дел и вещей ведомства Министерства просвещения, кроме тех, кои неудобны к перевозке сухим путем. Почему вы имеете по назначению г[осподина] губернатора отправиться сюда вместе с чиновниками, с вами в Петрозаводске находящимися, и привезти с собой все, состоящие под надзором вашим, дела и вещи, так как между оными не находится таких, коих бы нельзя было перевозить зимним путем.

Средства же к проезду вашему и перевозке вещей доставлены будут вам от г[осподина] губернатора.

РГИА. Ф. 733. Оп. 86. Д. 314. Л. 19. Черновик

№ 14

Донесение В.П. Митурича И.И. Мартынову о подготовке к перевозке вещей и дел Министерства народного просвещения¹

Петрозаводск, [4] декабря 1812

Ваше превосходительство! Милостивый государь!

Первого декабря я получил от здешнего гражданского губернатора бумагу, которой требовал он от меня уведомления, сколько потребно подвод для меня и для дел при мне находящихся, и когда подал я ему на оную ответ, то, по прочтении оногo, вызвался весьма охотно, что он меня очень легко отправить может, сказав при том, что сие будет стоить не более 450 руб[лей], полагая за доставление в Петербург на каждую подводу по 25 рублей, что может быть он полагал слишком дешево. Напротив, секретарь его, г[осподи]н Ореховский², уверяет, что мы не ранее как в марте месяце можем быть отправляемы, следовательно, в такое время, когда дороги, за распутицею, бывают затруднительны. Препятствия, какие он в рассуждении сего полагает суть: во 1-х, что они должны от всех отправленных в здешнюю губернию с делами отобрать подробные сведения, для общего соображения; во 2-х, что они должны вызвать из крестьян желающих взять на себя такую перевозку; в 3-х, что в Олонецкой губернии недостаточно подвод и в 4-х, рекрутский набор, который для сего немалым также препятствием. По сим причинам я опасаюсь, чтоб нам и в самом деле не привелось остаться до весны, почему и почитаю долгом отнестись в рассуждении сего к Вашему превосходительству и естли³ мои по сему обстоятельству предосторожности, Ваше превосходительство, изволите найти основательными, то осмеливаюсь представить не за благо ли рассудите сделать по рапорту моему, у сего приложенному, вторичное к г[осподи]ну губернатору отношение, которое, я надеюсь, судя по уважению его к особе Его сиятельства⁴, заставит его в рассуждении нас сократить длиннорасположенные свои меры, тем больше, что и Его сиятельство из рапорта моего усмотреть изволит, что в отправлении дел наших из Петрозаводска в Петербург ни малейшего не может быть затруднения.

С глубочайшим почтением и всесовершеннейшею преданностию имею честь пребыть Вашего превосходительства милостивого государя всепокорнейшим слугою

Василий Митурич.

РГИА. Ф. 733. Оп. 86. Д. 314. Л. 20–21. Подлинник.

¹ Впервые опубликовано К.А. Военским: Донесение надворного советника Митурича директору Департамента народного просвещения, от 4 декабря 1812 года, о предполагаемом отправлении дел Департамента народного просвещения из Петрозаводска в С.-Петербург // Московский университет и С.-Петербургский учебный округ в 1812 году: Документы Архива Министерства народного просвещения... С. 308–309.

² Имеется в виду коллежский секретарь Григорий Козьмич Ореховский. См.: Месяцеслов с росписью чиновных особ или общих штат Российской империи. СПб., 1813. Ч. 2. С. 38.

³ Так в документе.

⁴ Речь идет о министре народного просвещения А.К. Разумовском.

№ 15

Рапорт В.П. Митурича А.К. Разумовскому о подготовке к перевозке вещей и дел Министерства народного просвещения

[Петрозаводск], 11 декабря 1812, № 9¹

Каковую вследствие отношения Вашего сиятельства, г[осподи]н Олонецкий гражданский губернатор Вилим Федорович Мертенс сообщил мне бумагу², при сем честь имею всепокорнейше представить в копии Вашему сиятельству, равно как и ответ³ мой на оную.

РГИА. Ф. 733. Оп. 86. Д. 314. Л. 15. Подлинник.

¹ *Помета о получении:* № 4501. Декабря 16 д[ня] 1812.

² Отношение губернатора В.Ф. Мертенса В.П. Митуричу от 1 декабря 1812 года (копия с которого была отослана министру и сохранилась в деле) содержала в себе пересказ отношения к губернатору А.К. Разумовского от 26 ноября 1812 года и запрос о количестве необходимых подвод (РГИА. Ф. 733. Оп. 86. Д. 314. Л. 23).

³ В ответном донесении от 3 декабря 1812 года В.П. Митурич сообщал: «На сие имею честь Вашему превосходительству донести, что все оные дела принадлежат Департаменту министра (так в документе. – З. Г., К. И.) народного просвещения, и заключаются в 30-ти ящиках. Весу Вашему превосходительству я показать не могу, потому что мне оные поручены были без весу; но заключаю, что для поднятия оных достаточно будет 10 подвод, полагая удобно на каждую по 3-ри ящика; что же касается до меня самого, то для 8-ми человек при мне находящихся необходимо почитаю 4-ре кибитки». В деле сохранилась посланная им министру копия (РГИА. Ф. 733. Оп. 86. Д. 314. Л. 24).

№ 16

Рапорт В.П. Митурича А.К. Разумовскому о подготовке перевозки дел и вещей Министерства народного просвещения

[Петрозаводск], 25 декабря 1812, № 10¹

Предписание Вашего сиятельства от 16-го декабря за № 3998-м о немедленном отправлении мне с находящимися под надзором моим делами и вещами обратно в Санкт-Петербург, я имел счастье получить 21-го числа сего месяца; вследствие которого, я в то же время лично отнесся к здешнему г[осподи]ну гражданскому губернатору Его превосходительству Вилиму Федоровичу Мертенсу, и получил от него в ответ, что он не замедлит меня в само скорейшем времени отправить, о чем сим Вашему сиятельству всепокорнейше честь имею донести.

РГИА. Ф. 733. Оп. 86. Д. 314. Л. 25. Подлинник.

¹ *Помета о получении: № 4652. Декабря 29 д[ня] 1812.*

№ 17

Рапорт В.П. Митурича А.К. Разумовскому об отправлении дел и вещей Министерства народного просвещения из Петрозаводска в С.-Петербург¹

Петрозаводск, 7 января 1813²

По получении мною 13 подвод генваря 6-го дня от Его превосходительства господина Олонецкого гражданского губернатора для дел и вещей, вверенных мне от Департамента [народного] просвещения, я на другой же день отправился, о чем сим Вашему сиятельству всепокорнейше честь имею донести.

РГИА. Ф. 733. Оп. 86. Д. 314. Л. 26. Подлинник.

¹ Впервые опубликовано К.А. Военским: Рапорт надворного советника Митурича Департамента народного просвещения, от 7 января 1813 года, об отправлении дел Департамента народного просвещения из Петрозаводска в С.-Петербург // Московский университет и С.-Петербургский учебный округ в 1812 году: Документы Архива Министерства народного просвещения... С. 309.

² *Помета о получении: № 126. Генваря 13 д[ня] 1812.*

№ 18

Расписка крестьян в получении денег

[Санкт-Петербург], 18 января 1813

Назар Тарасов, Феофан Тимофеев и Ефим Осипов получили от господина надворного советника Митурича остальные деньги по 30 рублей каждой; в чем за неумением грамоты по просьбе их расписался Иван Кульматицкий.

РГИА. Ф. 733. Оп. 86. Д. 314. Л. 27. Подлинник.

№ 19

Отношение В.Г. Анастасевича в Департамент народного просвещения о принятии обратно дел Канцелярии попечителя Виленского учебного округа

[Санкт-Петербург], 23 Генваря 1813¹

Бывшие в Департаменте оном дела сей канцелярии, запечатанные в двух ящиках для сохранения, сего генваря 23-го ч[исла] 1813 года приняты обратно в целости.

РГИА. Ф. 733. Оп. 86. Д. 314. Л. 28. Подлинник.

¹ Помета о получении: № 232. 23 ген[варя] 1813.

II.

ДЕЛА ОБ ЭКСПЕДИЦИИ «УЧЕНЫХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ»

№ 1

Копия отношения попечителя Казанского учебного округа С.Я. Румовского совету Казанской гимназии с предложением кандидатур для участи в экспедиции

[Санкт-Петербург], 6 июля 1811, № 658¹

Препровождая при сем копию с отношения ко мне Его сиятельства г[осподина] министра просвещения, предлагаю Совету немедленно приступить к исполнению по тому, что касается до лиц, предлагаемую экспедицию составлять долженствующих, я с моей стороны не нахожу способнее к оной г[осподина] профессо-

ра Вуттига² по роду его упражнений и из молодых людей принадлежащих к университету магистра Дунаева³, по свидетельству Педагогического института в естественной истории похвальные успехи оказавшего. Подлинное подписал: Степан Румовский. С подлинным верно: письмоводитель Климов.

Резолюция совета Казанской гимназии: 1811 года июля 19-го дня при слушании сего предложения в собрании Совета определено: как многих из г[оспод] членов совета не находится, в том числе и г[оспод] профессоров Вуттига и Фукса⁴, коих дело сие особенно касается, то и предоставить г[осподам] членам совета представить г[осподину] профессору директору и кавалеру⁵ мнения свои по сему делу. Г[осподину] профессора Фукса о сем обстоятельно уведомить для получения от него своего мнения, по собрании же всего оного составить в скорости для заключения особенный совет, между тем и ждать прибытия прочих г[оспод] отсутствующих, в том числе и г[осподину] профессора Вуттига, и когда же прибудет, то объявить им о сем предписании и истребовать их мнения. О распоряжении же сем донести Его превосходительству г[осподину] попечителю и кавалеру особым рапортом. С подлинной резолюцией верно. Письмоводитель Климов.

Рапортовано от 24-го июля за № 332.

Сообщено г[осподину] проф[ессору] Фуксу от 24 июля за № 334.

НА РТ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 8674. Л. 1-1об. Копия

¹ Письмо было получено 18 июля 1811 года, слушано – 19 июля.

² Вуттиг Федор Христианович (Иоганн Фридрих Христиан; 1783–1850), адъюнкт (с 1808), а потом профессор (1810–1812) химии, технологии и фармацевтики Казанского университета.

³ Дунаев Иван Иванович (1788–1840-е), магистр химии и технологии (1811), адъюнкт (с 1814), экстраординарный (с 1821) и ординарный профессор (с 1823) Казанского университета.

⁴ Фукс Карл Федорович (1776–1846), врач, ботаник, этнограф, историк, археолог и нумизмат. Профессор (с 1805) и ректор (1823–1827) Казанского университета.

⁵ Имеется в виду Яковкин Илья Федорович (1764–1836), профессор российской истории, географии и статистики, директор Казанского университета и Казанской гимназии (1805–1814).

№ 2

Копия с копии отношения А.К. Разумовского С.Я. Румовскому
о планировании научной экспедиции

[Санкт-Петербург], 28 июля 1811, № 1993

Милостивый государь Степан Яковлевич!

Я имею намерение составить экспедицию ученых путешественников из лиц, принадлежащих к Московскому, Виленскому, Дерптскому, Харьковскому и Казанскому университетам. Предметом сих путешественников будет делать наблюдения, открытия в российских губерниях по минералогии, зоологии, ботанике, сельскому домоводству и технологии. От каждого университета должно быть отправлено не менее двух лиц, ежели не по всем, то по крайней мере по некоторым из упомянутых наук. Лица сии могут быть избраны из профессоров, адъюнктов, магистров или из студентов-кандидатов, отличных дарованиями и сведениями в тех науках, но таких, кои наименее или вовсе могут быть не заняты по университету, или коих можно заменить другими лицами на срок их путешествия, имеющих продолжится два года. Экспедиция сия имеет быть отправлена не прежде, как с наступлением весны будущего 1812 года, к которому времени должны быть сделаны все распоряжения, предварительно для сего путешествия потребные. На сей конец предложите Ваше превосходительство Казанскому университету ныне же заняться начертанием наставления сим путешественникам по всем вышеозначенным наукам. В состав наставления должно войти: а) в какие именно губернии и по каким наукам полезнее отправить путешественников; б) их занятия по каждой науке; в) их отчетность университету; г) все, что университет придумать может необходимо для сделания сих путешествий наиболее полезными. Такового проекта наставления я буду ожидать в непродолжительном времени для моих соображений. С доставлением оно не оставьте меня уведомить, сколько именно лиц и по каким наукам могут быть отправляемы; равно и о том, каких издержек, примерно полагая, будет стоить сие путешествие университету, и на какие суммы можно отнести оные?

Пребываю с истинным почтением Вашего превосходительства покорным слугою

г[раф] Алексей Разумовский.

№ 1993

Июля 28-го 1811-го.

Его прев[осходительств]ву С.Я. Румовскому.

С подлинным читал: надворный советник Соколов¹. С копии верно: Письмоводитель Климов.

НА РТ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 8674. Л. 2–2об., 12. Копия с копии.

¹ Соколов Дмитрий Михайлович, надворный советник, старший письмоводитель Канцелярии попечителя Казанского учебного округа. См.: Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи. СПб., 1812. Ч. 1. С. 435.

№ 3

Копия выписки из протокола совета Казанской гимназии о выполнении предписания министра народного просвещения

Казань, 24 августа 1811

1811-го года августа 24 дня в заседании совета докладывано было об исполнении предписания Его превосходительства г[осподина] попечителя и кавалера от 6-го июля месяца сего года за № 658 в рассуждении имеющей состояться ученой экспедиции, назначении членов в оную и сочинении наставлений для сих путешественников. Определено: поспешить сколько возможно исполнением сего предписания. С подлинным протоколом верно: письмоводитель Климов.

НА РТ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 8674. Л. 3. Копия.

№ 4

Представление ординарного профессора терапии, патологии и клиники императорского Казанского университета К.Ф. Фукса в Совет Казанской гимназии

Казань, 31 августа 1811¹

Предписание Совета от 24-го дня июля за № 334-м, в котором требовалось выбрать членов университета для предназначенного путешествия, я получил августа 22-го дня и спешу дать на оное мой ответ.

Хотя Его превосходительство господин попечитель и назначил уже сих членов, однако ж я осмеливаюсь представить о сем предмете мое мнение, которое прошу взять на рассмотрение.

Я осмеливаюсь на сей конец представить себя самого по особенным причинам, которые, думаю, оправдают мой выбор, и исходатайствуют мне согласие почтеннейшего совета.

Давно уже я имел желание видеть полуденные страны² России, и особенно губернии Астраханскую и Кавказскую, и потому стараюсь доставить себе все нужное для того, чтобы совершить с пользою такое путешествие.

Сверх познания ученых и употребительнейших европейских языков, вообще облегчающих приобретение сведений, касающихся истории и просвещения, сведений, кои не должны быть опускаемы в таковой экспедиции, я равным образом занимался изучением русского и особенно татарского языка, которые непосредственно могут способствовать для приобретения оных сведений.

По счастливому расположению обстоятельств, каковым ни один из назначенных для сей экспедиции членов льститься не может, к сим приуготовительным, так сказать, средствам, присоединяется в мою пользу еще одно, способнейшее облегчить мне исполнение оногo.

Я знаком с начальником кочующим в тех степях народов, и князем Тюменом³, калмыцким тайшою⁴, и нахожусь с ним в особенных сношениях. Удастаиваемый уже несколько лет благорасположения сего любезного и довольно просвещенного князя, я получал от него весьма милостивые письма, в которых он приглашает меня к себе и обещает дать мне способы видеть все его владения. Известно, что он есть сильнейший из начальствующих над сими народами, что его владения распространяются от Волги даже до Гульева; что ему особенно известна степь Рынь-пески⁵ и что никто, даже должностные люди, занимающие первейшие степени в Астрахани, не могут проезжать сей безлюдный и пустой степи без помощи оногo князя.

Имея оные пособия и будучи уверен в вспомоществовании такового сильного покровителя, думаю, что почтеннейший совет будет согласен дать мне преимущество, на получение которого счастливые обстоятельства дают мне столько причин, и осмеливаюсь просить препроводить к Его превосходительству господину попечителю изъявление моего желания отправиться в губернии Симбирскую, Саратовскую, Астраханскую и Кавказскую, в которых надеюсь собрать драгоценные познания для естественной истории, технологии и истории народов, населяющих оные страны.

Что касается до моего действительного места, я думаю, что оно может быть занято на время моего отсутствия магистром Тимьянским⁶, который сверх сведений в естественной истории имеет некоторые познания в садоводстве, необходимо нужном для надзирания над ботаническим садом. Августа 31 дня 1811 года. Профессор Карл Фукс.

Резолюция совета Казанской гимназии: 1811 года сентября 6-го дня при слушании сего в собрании совета определено: поелику для рассуждения о сем деле положено собрать особенный совет, то и доложить об оном рапорте при том случае. С подлинною резолюциею верно: письмоводитель Климов.

НА РТ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 8674. Л. 4-4об., 11. Подлинник.

¹ Представление было подано в совет 6 сентября 1811 г. (входящий № 433), слушано 6 сентября 1811 года.

² В первой половине XIX в. полуденными называли южные страны, а полуночными – северные территории.

³ Серебджаб Тюмень (кон. XVIII в. – 1848), князь, полковник, командир Второго Астраханского кавалерийского пятисотенного полка, входившего в состав 3-й Западной армии генерала А.П. Тормасова.

⁴ *Тайша* (с монг.) – знать. В первой половине XIX в. – наследственное звание главного начальника калмыцких племен.

⁵ Речь идет о большой территории песчаных бугров в Букеевской орде Астраханской губернии. Для жителей соседних губерний в XIX в. название «Рынь-пески» было синонимом самой орды.

⁶ Тимьянский Василий Ильич (1791–1840), естествоиспытатель, геолог-минералог. Магистр физико-математических наук (1811), адъюнкт естественной истории и ботаники (с 1814), экстраординарный (с 1820) и ординарный (1823–1825) профессор Казанского университета.

№ 5

Копия выписки из протокола совета Казанской гимназии о составлении специального Комитета для разработки плана научной экспедиции

Казань, 4 октября 1811

1811-го года октября 4-го дня в заседании совета слушан был доклад за секретаря оного г[осподина] адъюнкта Кондырева¹ о том, что предписанием Его превосходительства г[осподина] попечителя и кавалера от 6-го июля за № 658 велено составить план для имею-

щей быть ученой экспедиции по части естественной истории, сельского домоводства и технологии и по получении (рассуждаемо было в Совете 19-го июля) немедленно приступить к сочинению оного плана для представления Его сиятельству г[осподину] министру народного просвещения чрез Его превосходительство г[осподина] попечителя и кавалера; но как со времени сего рассуждения прошло уже довольно времени, а к исполнению сказанного не приступлено, то дабы мне в случае не отвечать, о сем имею честь доложить. При слушании сего г[осподин] профессор директор и кавалер предложил для точнейшего и скорейшего исполнения по сказанному предписанию составить особенной комитет, который бы исполнив все порученное ему представил заключение свое в совет, где для рассуждения о том можно назначить особенное собрание. Когда предложение сие советом было принято, то в члены такового комитета избраны: г[оспода] профессор директор и кавалер Яковкин, профессора: Фукс, Реннер², Эрдман³, Броннер⁴ и адъюнкты: Петровский⁵ и Кондырев. Определено: составленному комитету немедленно приступить к начертанию плана для сей ученой экспедиции и соображению, касающегося оной, что по совершении и представить в совет: о чем для сведения особым рапортом донести Его превосходительству г[осподину] попечителю и кавалеру, приобщив в оном и то, что к исполнению по сказанному предписанию нельзя было долго приступить по отсутствию нужных для сего членов совета.

С подлинным протоколом верно: письмоводитель Климов.

Рапортовано от 9-го октября за № 535.

НА РТ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 8674. Л. 5. Копия.

¹ Кондырев Петр Сергеевич (1786–1823), адъюнкт исторических наук и политической экономии (с 1811), экстраординарный (с 1814) и ординарный (с 1820) профессор Казанского университета.

² Реннер Каспар Федорович (1780–1816), доктор философии, профессор прикладной математики Казанского университета (с 1808).

³ Эрдман Федор Христофорович (Иоганн-Фридрих; 1778–1846), профессор патологии, терапии и клиники Казанского университета (1810–1817).

⁴ Броннер Франц Ксаверий (1758–1850), профессор теоретической и практической физики Казанского университета (1810–1817).

⁵ Петровский Степан Сергеевич (1768 (1770?) – 1819), адъютант военной и гражданской архитектуры Казанского университета (с 1812), библиотекарь Казанской гимназии.

№ 6

Представление Комитета в совет Казанской гимназии

Казань, 15 ноября 1811

Комитет сей имел семь заседаний, в течение которых учинено им следующее:

1) Для путешествия предназначены: а) по части естественной истории, медицины и сельского домоводства – г[осподин] профессор Фукс, вместо же его могут занять лекции г[оспода] магистры Тимьянский и Шоник¹, равно как иметь надзирание за ботаническим садом и кабинетами естественной истории. Для снятия же видов и рисунков с естественных произведений и для собирания оных произведений придать в помощь ему [студентов-] кандидатов естественной истории Панкратова и МаксUTOва. б) по части химии, технологии, минералогии и металлургии – г[осподин] профессор Вуттиг, придав ему в помощь на первый год г[осподина] магистра Лобачевского 2-го², дабы в сие время оный приобрел более сведений и мог заниматься лекциями со студентами, лекции же химии и технологии препоручить, между тем, г[осподину] магистру Дунаеву, который во второй год по возвращении первого может отправиться для путешествия, оба г[оспода] магистры могут чинить наблюдения по химии и технологии, а г[осподин] Лобачевский кроме сего и по физико-математике. в) сверх того иногда по встречающимся обстоятельствам и донесениям ученых путешественников для статистического познания предметов сельского хозяйства и технологии нужным находит присовокуплять к оным на известное время г[осподина] адъютанта Кондырева.

2) Назначен путь оных чрез тракт Казанской в Оренбургскую, Вятскую и Пермскую, а потом есть ли позволит время в южные стороны Тобольской, Томской и Иркутской губернии.

3) Сделаны наставления для путешественников.

4) На издержки для экспедиции ученых предположили, что судя по возвышающейся цене на все вещи и дороговизне, каждому из г[оспод] профессоров и адъютантов нужно будет выдать кроме их жалованья и квартирных денег еще в год по две тысячи рублей, а каждому из г[оспод] магистров и кандидатов также

кроме жалованья по тысяче рублей. Сверх того на закупку инструментов для химических и других опытов и исследований, собрания достопамятных вещей и другие ученые надобности также не менее можно положить пяти тысяч рублей ежегодно. Сумму же сию, есть ли благоугодно будет, можно назначить из общего училищного капитала. Издержки ученых путешественников, отправленными быть имеющих по столь отдаленным губерниям, каковы выше показаны, пред другими путешественниками, какие будут отправлены из других университетов в ближайшие места, могут быть преимущественнейшие.

5) В рассуждении отчетности путешественников университету положено:

а) по части хозяйственной о распоряжении и употреблении назначенных для путешествия сумм, совет по утверждении сей экспедиции, в обязанность себе может поставить снабдить ученых путешественников потребными наставлениями на законном основании, приняв оную сумму в свое ведение.

б) по части учебной: 1) чтобы в ближайших местах и где сие сделано быть может, рапортовано было совету чрез месяц; в отдаленнейших же, где сего учинит невозможно, не долее как чрез три месяца, впрочем же как только обстоятельства то позволят, 2) чтобы каждый младший рапортовал старшему по своей науке, а сей университету сам по себе с приложением подлинных рапортов младшего или младших, 3) все из старших путешественников в разных местах находящиеся должны по временам иметь между собою письменное сношение и извещать кратко о себе и делах своих.

с) в чрезвычайных случаях доносить, сколько то возможно скорее университету, предпринимая, есть ли то нужно, при сем законные меры.

б) Найдено необходимо нужным для успехов сей экспедиции препоручить ученых путешественников благорасположению и покровительству местных начальств, с испрошением на то позволения от кого следует, также, чтобы идущие от путешественников в университет, присутственные места, начальственным особам и друг к другу бумаги и посылки, принимались за казенные.

При чем Комитет имеет честь также представить и самые наставления, а все дело на благоусмотрение, разрешение и утверждение совета и представление Его превосходительству г[осподину] попечителю и кавалеру, извещая сим, что по исполнении на него

всего возложенного, заседания, а с тем и самой Комитет, могут считаться прекратившимися.

Председатель Комитета профессор и кавалер Яковкин.
Адъюнкт Петр Кондырев.

НА РТ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 8707. Л. 6–7об. Подлинник.

¹ Шоник Степан Францевич, магистр естественной истории Казанского университета.

² Лобачевский Алексей Иванович (1795–1870), магистр физико-математических наук (1811), адъюнкт технологии Казанского университета (1817–1823). Младший брат Н.И. Лобачевского.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

В.П. Тотфалушин. Саратовский край и Наполеоновские войны: к 200-летию Отечественной войны 1812 года. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2011. – 216 с.

V.P. Totfalushin. Saratov's region and the Napoleonic Wars: in commemoration to bicentennial of the 1812 Russian Patriotic War. Saratov State University, 2011. –216 p.

Долгое время жизнь русской глубинки в эпоху противоборства России и Наполеоновской Францией зачастую оказывалась вне поля зрения историков. Между тем, без полноценного анализа социально-экономических и культурно-политических процессов, происходивших в российской провинции первых десятилетий XIX в., незавершенной остается и вся картина жизни огромной империи в годы грозных потрясений. К счастью, в последнее время наметился рост интереса ученых к локальной истории, в том числе, и к состоянию российской провинции периода Наполеоновских войн.

Книга саратовского историка – итог его многолетней исследовательской деятельности в области изучения различных аспектов военной и социально-экономической истории России и Саратовской губернии первой четверти XIX века. Документальной основой монографии являются опубликованные источники и, главное, архивные данные десятков фондов центральных и местного архивов, введенные в научный оборот впервые. Разумеется, предшественники автора монографии – саратовские историки и краеведы – многое сделали для изучения темы. Однако исследование Тотфалушина, пожалуй, первая удачная попытка системного анализа процессов, происходивших в губернии с начала XIX столетия и вплоть до окончания Заграничных походов.

Особо стоит отметить тщательный историографический анализ, проведенный В.П. Тотфалушиным. К сожалению, во многих научных трудах последних лет интересные авторские наблюдения соседствуют с халатностью в работе с трудами предшественников, неоправданно пренебрежительным отношением к «марксистской историографии», а часто и откровенно карикатурным «пересказом» выводов историков старшего поколения.

Историографический обзор Тотфалушина отличается объективностью, доказательностью заключений, корректностью по отношению к работам коллег «тех и этих» лет. Показательно, что автор «Саратовского края...» стремится учесть все, даже самые незначительные, публикации по теме исследования.

Значительное место и во введении, и в основном тексте работы занимают уточнение фактических данных, аргументированное опровержение безосновательных, порой самых нелепых «сведений», развенчание мифов и легенд эпохи Наполеоновских войн. Возможно, исследователь даже несколько увлекся, критикуя авторов юбилейных заметок в местной прессе, незначительных по объему и содержанию.

Монография открывается кратким, но добротным анализом хозяйственного, социального и культурного облика губернии в начале XIX столетия. Определены значение и место Саратовского края в экономике России, особенности его национального состава и системы управления.

Какой же встретила «громадная», с почти «миллионным населением» губерния «век девятнадцатый, железный»? Как следует из текста работы, «волжская губерния» почти ничем не выделялась среди иных, нестоличных регионов России. Новые тенденции социально-экономического развития края сочетались с застойными, почти средневековыми чертами в его жизни.

Основой экономики Саратовщины оставалось сельское хозяйство. Почти вся местная промышленность была связана с переработкой сельскохозяйственных продуктов. Важную роль играли торговля, рыбный промысел, расширялся и внутренний рынок. В то же время, как отмечает саратовский исследователь, сохранялись мелкотоварный характер производства, малочисленность и низкая экономическая мобильность городского населения (С. 42). Собственно, в губернии насчитывалось всего десять городов, самым крупным из которых был Саратов, в котором, по разным данным, проживало от 15 до 25 тыс. человек (С. 42, 43). Как отметил В.П. Тотфалушин, в губернском центре можно было встретить все слои населения царской России, включая крестьян.

К числу достоинств рецензируемой монографии следует отнести то, что ее автор не ограничился общими, хорошо известными из литературы, сведениями о численности и составе населения губернии, а дал яркую зарисовку быта провинциального общества, со всеми его плюсами и минусами. По наблюдению

В.П. Тотфалушина, в начале XIX в. для городского населения губернии были характерны не только общая слабость культурного развития, но и малочисленность, низкая степень образованности благородного сословия (С. 47, 48).

Итак, Саратов в канун грозных потрясений, несмотря на некоторые подвижки в культурной жизни, все же оставался глубоко провинциальным городом, а губерния в целом – аграрным регионом. Тем не менее, как полагает В.П. Тотфалушин, – «Саратов и губерния были тесно связаны с экономической и социально-политической жизнью страны» (С. 55). С этим утверждением саратовского историка можно согласиться только отчасти. Сам автор монографии убедительно показал целый ряд типичных для Саратовщины, как провинциальной губернии, особенностей: мелкотоварность производства, сезонность торговли, преобладание крепостных форм труда, невысокую экономическую мобильность населения, малочисленность горожан. Думается, все это не только снижало темпы экономического развития края, но и вызывало его определенную хозяйственную замкнутость, что в немалой степени и спровоцировало те трудности, с которыми столкнулась Саратовская губерния в эпоху Наполеоновских войн.

Очень важен для темы исследования авторский вывод, что «к началу <...> XIX в. Саратовская губерния, как одна из внутренних, почти потеряла военное значение» (С. 50). Опасность миру и порядку в крае представляли лишь редкие набеги кочевников Нижнего Поволжья, да разбой «лихих людей», гнездившихся по Волге. Именно тыловой статус Саратовской губернии и предопределил ее положение в разворачивающейся борьбе Российской империи с Наполеоновской Францией.

Пожалуй, центральное место в работе В.П. Тотфалушина занимает тщательный анализ военно-стратегического значения края, финансовых, податных и прочих обязательств населения, деятельности местной администрации в военные годы.

Столкновение с Францией вызвало целый ряд беспрецедентных мер правительства Александра I, достигших своей кульминации в 1812 году. В частности, как отметил Тотфалушин, впервые в истории России гарнизонные подразделения были востребованы военным ведомством и командированы в действующую армию. Этот факт подчеркивает всю степень интенсивности военных усилий империи, вынужденной в тот момент (с

1806 по май 1812 г.) действовать на западе против армии Наполеона, и одновременно на юге против турок.

Внутренние губернии, в их числе и Саратовская, должны были обеспечивать потребности армии в рекрутах, деньгах, продовольствии, лошадях. Соответственно, увеличивался объем общегосударственных и земских повинностей податного населения. В.П. Тотфалушин на большом фактическом материале показал разорительность этих мер для крестьянства, падение его платежеспособности, быстрый рост недоимок. Автор пришел к заключению о серьезном социально-экономическом кризисе губернии, обремененной рекрутскими наборами и повинностями.

Очень ярко описаны саратовским историком громадные трудности местных властей в связи с комплектованием рекрутских команд, нашествием беженцев, а затем и размещением военнопленных. Немалые проблемы возникали и со сбором обязательных «добровольных» пожертвований. В условиях военного времени патриотическое воодушевление дворянского сословия значительно уступало прагматизму и стремлению переложить тяготы войны на плечи, главным образом, крестьянства. В условиях крепостного права, «когда вершителем судеб крестьян был их помещик, и тотальной централизации в решении всех вопросов, говорить о подъеме патриотизма и массовом добровольчестве среди местного населения не приходится», – констатирует автор монографии (С. 102).

Ни дворянство, ни крестьяне, ни тем более, кочевавшие в пределах губернии, калмыки и башкиры, не были, мягко говоря, охвачены патриотическим подъемом. Это проявлялось не только в 1805–1807 гг., в период первых столкновений с наполеоновской Францией, но и в эпоху Отечественной войны. Среди благородного сословия обыденной реальностью были «бесконечные тяжбы о том, кому идти на службу, и малочисленность добровольцев» (С. 91). Крестьяне старались избежать рекрутчины, калмыки уклониться от военной службы. Более того, понизовая вольница» «вербовала» в свои ряды беглых рекрутов. Случаи налетов на селения, грабежей, убийств вынуждали власти предпринимать срочные меры против разбоя.

Рекрутские наборы разоряли не только крестьян. Большой ущерб вследствие оттока рабочей силы несли и помещичьи хозяйства. Поэтому дворяне всеми способами старались избежать рекрутирования своих крепостных рабов. Это вынуждало власти,

и центральные, и местные, жестко контролировать ситуацию и учитывать едва ли не подушно каждого рекрута. Большие усилия пришлось приложить местной администрации для «взыскания денег» с дворян, чьи крестьяне были освобождены от ратной службы (С. 75–77). В исследовании на большом фактическом материале показано как дворянство и купечество губернии пытались уклониться от денежных поборов. «При этом, – замечает Тотфалушин, – податные сословия выполнили свой долг сполна, а вот саратовские дворяне раскошелиться не торопились» (С. 76). Главный, очень хорошо аргументированный вывод автора «Саратовского края...», состоит в том, что «в эпоху Наполеоновских войн именно правительство выступило организатором „всенародной“ помощи армии, используя при этом административно-полицейский аппарат и сословные органы самоуправления» (С. 115). Сказанное – вовсе не «приговор» корыстолюбивому русскому дворянству или утверждение о полном отсутствии всякого патриотизма в благородном сословии. Дело, как представляется, в другом. В губернии, удаленной от театра военных действий, ненависть к врагу и патриотический порыв не были и не могли быть столь же острыми как, например, на Смоленщине. Для большинства саратовских обывателей борьба с Наполеоном казалась чем-то далеким в сравнении с повседневными заботами о собственном благосостоянии. Большинство саратовцев, не говоря уже о населении уездных городов или тем более волостей, почти не представляли себе истинной картины Отечественной войны.

Как хорошо показал В.П. Тотфалушин, информационно-пропагандистское обеспечение войны с французами в губернии было поставлено не лучшим образом. Отчасти по причине плохой работы почты, отчасти из-за нерадения властей. Типичные средства антинаполеоновской пропаганды – церковные проповеди, распространение журнала «Сын Отечества», официальные сообщения – дополнялись распространением в народе предсказаний, толкований «небесных знамений», а среди дворянства чтением частных писем. Автор монографии приводит весьма примечательный факт: о взятии русскими войсками Берлина саратовцы узнали из частного письма прапорщика В.С. Норова (С. 189). Вероятно, неповоротливость официальных властей, предпочитавших держать население в неведении, недостаток достоверных сведений о положении на фронтах и провоцировали разрастание порой самых нелепых слухов.

Отдельный, очень любопытный сюжет исследования В.П. Тотфалушина – иностранцы в Саратовской губернии. Речь идет о «ссылнопоселенцах» и военнопленных Великой армии. Следует отметить, что этническое многообразие населения губернии никоим образом не способствовало интенсивности межнациональных культурных контактов. Саратовское Поволжье было далеко от культурной интеграции. Каждый из многочисленных народов волжской губернии, проживал почти исключительно в пределах национально очерченной территории, придерживаясь издавна установившихся норм поведения, бытовых и религиозных традиций. Средневековая дихотомия «свой – чужой» абсолютно преобладала в массе населения края, может быть, за исключением крошечной части просвещенного и затронутого веяниями космополитизма местного дворянства. Так, например, по сообщению автора монографии, жители Саратова были изрядно напуганы одной только азиатской внешностью и непривычной речью команды башкир, проходивших через город. Массовый приток «чужих» в губернию породил интереснейшие процессы культурной рефлексии, обострив и понимание собственного национального своеобразия, и внимание к чуждому, непохожему.

В период Наполеоновских войн центральное правительство предприняло борьбу с «пятой колонной», сопровождавшейся «разбором» и высылкой подозрительных лиц вглубь России, в том числе и в Саратовскую губернию. Характерно, что в числе «иностранцев», подлежащих «разбору», оказывались и российские подданные. Так, например, по данным автора монографии, в «иностранцы» были зачислены некоторые жители западных окраин империи. В.П. Тотфалушин совершенно прав, предположив, что такое положение было следствием целенаправленной политики правительства, а вовсе не досадной ошибкой. Верхам было хорошо известно, что в присоединенных к России в конце XVIII в. бывших польских землях население враждебно относилось к русскому господству, злорадствовало по поводу отступления нашей армии, восторженно встречало наполеоновские войска как освободителей. Практически всех высланных на волжские берега поляков впоследствии отправили на Кавказскую военную линию.

По подсчетам Тотфалушина, всего в губернии оказалось 39 сосланных. Из них собственно иностранцев – 19 человек – французов, немцев, подданных Австрийской короны и даже испанский фокусник, принятый за французского шпиона (С. 141). В то

же время, в числе неблагонадежных оказались и полторы сотни евреев, сосланных в Саратовскую губернию, видимо «на всякий случай» (С. 142). Практически каждый иноземец был немедленно взят под подозрение патриотами. К чести губернской администрации шпиономания и ксенофобия «бдительных» граждан не заставила местные власти принять «крутые» меры в отношении предполагаемых шпионов. После краха империи Наполеона большинство ссыльных покинуло губернию, почти не оставив никакого следа в ее истории.

Несколько по иному сложились отношения жителей губернии с военнопленными Великой армии, по отношению к которым, по свидетельству самих пленников, преобладали чувства сострадания и милосердия.

По подсчетам Тотфалушина, из 6300 военнопленных, оказавшихся в губернии, умерло более тысячи, без малого шестая часть. Однако, как показано в монографии, пленные французы, сетовавшие на нерадивость властей, были неправы. Губернская администрация в непростых условиях предпринимала максимум возможного для обеспечения их жильем и медицинскими услугами (С. 166–167 и сл.). Денежное содержание рядовых пленных было таким же, как и русских солдат, а содержание офицеров было гораздо выше (С. 168). Учитывая дешевизну и разнообразие продуктов на местных рынках, урожденные солнечной Франции, а также австрийцы, венгры, португальцы, испанцы, подданные германских государств не испытывали нужды, обычной для большей части населения губернии в годы военного лихолетья. Единственным, да и то не весьма строгим ограничением для пленников был запрет покидать далеко и надолго место поселения. Было бы любопытно сравнить положение военнопленных Великой армии в России, с положением российских военнопленных на территории Франции и ее сателлитов. Но, к сожалению, таких данных в рецензируемой монографии нет.

Как показал исследователь, процесс культурной и бытовой адаптации большинства европейских «невольников» к жизни волжской губернии проходил на удивление безболезненно и быстро. Характерно, что большинство военнопленных обеспечили свое материальное положение, занимаясь ремеслами или учительством в дворянских домах. Пленные офицеры охотно принимались местным обществом, были желанными гостями на званных вечерах с непременно танцами. Ненависть к «врагам рода

человеческого», свойственная жителям разоренных войной районов, совершенно не коснулась большинства населения Саратовской губернии. Интересно, что по наблюдению автора, пленных с симпатией встречали и русские крестьяне, и немецкие колонисты, и дворяне губернского и уездных городов. Лишь саратовское купечество враждебно отнеслось к бывшим солдатам и офицерам Великой армии. Французы, в свою очередь, отметили не только гостеприимство и радушие саратовцев, но и пороки провинциальной российской глубинки: невежество духовенства, открытые поборы чиновников.

В заключение, отмечу, что на сегодня монография В.П. Тотфалушина – наиболее полное и разностороннее исследование жизни Саратова и губернии в эпоху Наполеоновских войн. Думаю, что она станет заметным событием и в изучении темы «российская провинция и Наполеоновские войны». Остается только пожелать автору новых творческих успехов.

Ю.Г. Степанов,
кандидат исторических наук, доцент
Саратовского государственного аграрного
университета им. Н.И. Вавилова

**ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ
ИСТОРИИ ОККУПАЦИИ ФРАНЦИИ В 1814–1818 гг.
И РАБОТЫ Ж. АНТРЕ**

А.В. Гладышев

Саратовский государственный университет,
кафедра истории нового и новейшего времени
E-mail: Gladav2002@mail.ru

В статье рассматриваются основные этапы развития французской историографии оккупации Франции войсками союзников в 1814–1818 гг. В центре внимания – работы одного из ведущих французских специалистов в этой области Ж. Антрэ, написанные в русле «культурной истории» войны (L'histoire culturelle de la guerre) и касающиеся, в том числе, и вопросов исторической памяти французов о «казаках».

Ключевые слова: История Франции. История Реставрации. История оккупации 1814–1818 годов. Историография. Ж. Антрэ.

**J. HANTRAYE ON HISTORICAL ISSUES
OF FRENCH OCCUPATION 1814–1818**

A.V. Gladishev

In this article author examines French historiography of the period of the occupation of France by the allied Forces in 1814–1818. Author focuses on the texts of one of the leading French writers and experts in this field, J. Hantraye, his cultural historical approach (L'histoire culturelle de la guerre). Also article describes a historical memory of French about «cosagues».

Key words: History of France. History of Restauration. History of Occupation 1814-1818. Historiography. J. Hantraye.

Вопросы изучения истории оккупации Франции союзными войсками в ходе и после завершения наполеоновских войн, вплоть до решений конгресса Священного союза 30 сентября – 21 ноября 1818 г. в городе Ахен (Экс-ля-Шапель), остаются для нашей отечественной историографии территорией не то что маргинальной, а практически неизведанной и даже неизвестной. Редкие попытки коснуться этой тематики ограничивались ис-

ключительно военной стороной проблемы¹ или персоналиями русских генералов (например, командующего русским Оккупационным корпусом М.С. Воронцова² или В.И. Левенштерна³). Лишь в самое последнее время о восприятии русскими (в том числе и военными) Франции в этот период стала писать М. Губина⁴.

Для французской историографии, естественно, эта тема должна была бы вызывать более живой интерес. Но и здесь внимание исследователей в первую очередь привлекали сражения и маневры: как в политике, так и на поле боя. Войска союзников находились на территории Франции 5 лет: с 1814 по 1818 год. Их пребывание здесь в 1814 г. связано с военной кампанией, в 1815 г. – опять с военной кампанией и с 20 ноября 1815 г. (Парижский договор) по ноябрь 1818 г. (договор в Экс-ля-Шапель) – с оккупационным режимом. Довольно давно заложив традицию различать «первую» (январь-апрель 1814 г.) и «вторую» (1815-1818 гг.) оккупации, французские историки долгое время отдавали предпочтение скорее истории «вторжений», чем истории собственно «режима оккупации». Приоритеты были расставлены еще современниками. Кавалер Почетного Легиона за службу в Наполеоновской разведке Альфонс Бошам писал в 1816 г. историю «кампаний» 1814 и 1815 гг. как древние греки историю «деяний». «Переход», «захват», «взятие», «марш», «сопротивление», «декларация», «внезапное появление казаков» и «манера действий казаков», «сопротивление» и «вступление союзников в Париж», «марш по Елисейским полям», «въезд Людовика Желанного в столицу» и «отъезд союзников»⁵, – все это есть, но нет ни слова о режиме оккупации... Довольно скоро появляется целый ряд исследо-

¹ Напр., действиями казачьих полков. См.: *Рахимов Р.Н.* История тептярских конных полков. 1790–1845. Уфа, 2008.

² См.: *Захарова О.Ю.* Генерал-фельдмаршал светлейший князь М.С. Воронцов. Рыцарь Российской империи. М., 2001.

³ См.: *Цоффка В.В.* Личность генерала В.И. Левенштерна в оценке французского военного историка М.А. Вейля // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Бородино, 1997.

⁴ См. ее диссертацию 2007 г.: *Goubina M.* La perception réciproque des Français et des Russes d'après la littérature, la presse et les Archives 1812–1827 // URL: http://www.theses.paris4.sorbonne.fr/these_goubina/paris4/2007/these_goubina/html/index-frames.html (дата обращения: 10.11.2012).

⁵ *Beauchamp A., de.* Histoire des campagnes de 1814 et de 1815, comprenant l'histoire politique et militaire des deux invasions de la France, rédigée sur des matériaux authentiques ou inédits. Paris, 1816. Т. 1.

ваний по региональной истории, которые прямо посвящены истории «вторжения», либо оккупации⁶, либо содержат специальный соответствующий раздел или параграф⁷. Но в массе своей это по-прежнему история событийная, к тому же еще и «эпизодная».

Несмотря на «мелкость» и фрагментарность исследовательского фокуса уже тогда эта история, часто еще живая в памяти земляков, вызывала страсти и споры. Уже тогда между краеведами шли дискуссии о том, оказывал их город или не оказывал (как, в какой степени, почему) сопротивление иностранным войскам. Так, Ван Аккер сделал на заседании общества любителей истории Камбрэ сообщение по изданной в 1855 г. в Женеве книге воспоминаний одного швейцарского офицера об осаде Камбрэ в 1815 году⁸. Информация Ван Аккера акцентировала силу духа и храбрость ме-

⁶ См.: *Leroy (Aimé)*. Fragments sur l'histoire du Nord de la France en 1815, adressés en forme de lettres à M. Abel du Pujol // *Archive historique du Nord de la France*, 1-re série. 1829. T. I. P. 335–476; *Он же*: Fragments sur l'invasion du nord de la France en 1815, et sur l'occupation militaire d'une partie de cette frontière pendant les trois années suivantes. Valenciennes, 1831; *Prignet*. Invasion du Nord et occupation d'une partie de la frontière. Valenciennes, 1835; *Beauvillé V.* Histoire de Montdidier. Paris, 1857. 3 v. Livre 1. (Пер. см.: *Douët D'arcq L.* Bibliothèque de l'école des chartes. 1859. T. 20. № 20. P. 182–194); *Fleury É.* Le département de l'Aisne en 1814. Laon, 1858; *Lecomte E.* Les Autrichiens dans le département de l'Ain et dans le Pays-de-Gex en 1814 et en 1815: episode historique. Paris, 1859; *Lebeau I., Micaux A.* Notice sur les événements dont Avesnes a été le théâtre en 1814–1815 // *Notices historiques sur l'arrondissement d'Avesnes*. Avesnes. 1859. P. 11–20; *Steenackers F.F.* L'Invasion de 1814 dans la Haute-Marne. Paris, 1868; *Cassagne P. de.* Invasion de 1814 dans le département des Vosges. Correspondance inédite du général Cassagne. Épinal, 1877; *Giard R. (Wimannus)*. Valenciennes et l'occupation anglaise. Valenciennes, 1900; *Van Ackere*. Le siège de Cambrai en 1815. Souvenirs d'un officier Suisse, lieutenant au 42e d'infanterie, arrivant à Cambrai le 22 juin 1815 // *Mémoire Société d'émulation de Cambrai*. 1901. №. 55; *Galonne A., de.* Histoire de la ville d'Amiens: Amiens au XIXe siècle. Amiens; Paris, 1906; *Deloffre*. Landrecies de 1814 à 1818, fragments d'histoire locale suivis de notes biographiques et historiques sur le maréchal Clarke, duc de Feltre, né à Landrecies, 1765–1818. S.p., 1910; *Deloffre*. Landrecies de 1814 à 1818 // *Bulletin de la Commission historique du département du Nord*. 1911, t. 28, P. 229–235. См. также: *Dumesnil A.J.* Les Cosaques dans le Gatinais en 1814. Paris, 1880; *Tournon Ph. A. de.* Notes sur l'invasion du Lyonnais en 1814. Lyon, 1887; *Beuve O.* L'invasion de 1814–1815 en Champagne; souvenirs inédits publiés avec une introduction et des notes. Paris; Nancy, 1914.

⁷ См.: *Nicol Ch.* Etude historique sur Pontfaverger et les communes environnantes. Reims, 1895.

⁸ См.: *Van Ackere*. Le siège de Cambrai en 1815. Souvenirs d'un officier Suisse, lieutenant au 42-e d'infanterie, arrivant à Cambrai le 22 juin 1815 // *Mémoire Société d'émulation de Cambrai*. 1900. №. 55. P. 507–513.

стных жителей, что шло в разрез с документами, представленными обществу другим краеведом Полем Делануа, установившем, что ни гарнизон города, ни ресурсы были неспособны выдержать осаду, да камбрезийцы и не оказали никакого сопротивления. Поскольку речь шла о «репутации жителей» города, то «Общество» попросило Ван Акра провести дополнительные исследования вопроса⁹.

Первая мировая актуализировала для французов обращение к проблематике немецкой оккупации, и Жан Рене посвятил довольно обширную статью (а затем и книгу), к тому же основанную в значительной части на архивных документах, истории австрийской оккупации в Ардеше¹⁰. После первой мировой войны в изучении данной темы появились новые веяния. Макс Брюше¹¹, с одной стороны продолжил традиции «департаментской», «кантиональной» или «коммунальной» истории¹², а с другой предпринял попытку комплексного осмысления оккупационного периода 1814–1818 годов.

Среди работ, претендующих на изучение именно оккупационного режима, да к тому же не в региональном масштабе, а обобщающего характера, надо отметить 180-страничную доктор-

⁹ См.: *Mémoire Société d'émulation de Cambrai*. 1900. №. 55. P. XLV.

¹⁰ См.: *Régné J.* Les autrichiens dans l'Ardèche en 1814 et 1815 // *Revue Historique de la Révolution Française et de l'Empire*. 1918. № 34–35; *Idem*: Les Autrichiens dans l'Ardèche en 1814 et 1815. Largentière, 1919.

¹¹ См.: *Bruchet Max.* L'Invasion et l'Occupation du département du Nord par les alliés. 1814–1818. Lille, 1920. То же см.: *Revue du Nord*. 1920. Т. 6. P. 261–300; Т. 7. P. 30–61, 99–110.

¹² См.: Укажу лишь несколько исследований в этом ключе, касающихся нашей темы: *Aillaud L.* Chroniques du Vieux Nîmes. Nîmes, 1923; *Mûssay J.* L'occupation russe en 1815–1818 dans l'arrondissement d'Avesnes. Quelques renseignements inédits // *Mém. Soc. archéol. et hist. del'arrond. d'Avesnes*. 1936. Т. 16. P. 56–63; *Creveaux E.* L'occupation étrangère dans le département de l'Aisne en 1814 et 1815 // *Études et documents divers*. Paris, 1936; *Duvivier J.* La chute de l'Empire dans la région de Bouchain et l'occupation du pays par l'armée danoise // *Bulletin de la Commission historique du département du Nord*. 1933. Т. 34. P. 191–192; *Duvivier J.* La ville de Bouchain et l'Ostrevent de 1814 à 1818. L'occupation danoise // *Bulletin de la Commission historique du département du Nord*. 1933. Т. 34. P. 322–338. См. также послевоенные публикации Ж. Дювивье, посвященные все той же датской оккупации Бушэна: *Duvivier J.* L'occupation étrangère dans la région du Nord de 1816 à 1818. *Journal du lieutenant danois Minier* // *Bulletin de la Commission historique du département du Nord*. 1948, Т. 36. P. 47–49; *Duvivier J.* Occupation d'une ville par l'ennemi après Waterloo. Les Danois à Bouchain // *Actes du 81e congrès des sociétés savants*. Lille, 1955, P. 301–310.

скую диссертацию Андре Роже¹³, представленную в разряде «политических и экономических наук» и акцентировавшую внимание на вопросах права.

Если историю первой оккупации еще можно было признать падчерницей истории наполеоновской империи, то история второй оккупации уже по определению оставалась вне внимания наполеоноведов. Если о ней и писали, то обращали внимание главным образом на финансовую сторону вопроса: на то, как правительство искало деньги для содержания оккупационных войск. В XIX в., в пору бисмарковской политики военных тревог по отношению к недавно побежденной Франции, появилась работа, начавшая разговор «с конца» – работа А. Креё «Освобождение территории Франции в 1818 году»¹⁴. После Первой мировой войны эта историографическая линия была продолжена¹⁵.

Еще шире решил во время Второй мировой войны взглянуть на проблему А. Меркьель, пошедший по правоведческим стопам Андре Роже¹⁶. Но в целом, видимо, гром недавних сражений все же заглушал мирное позвякивание шпор английского или датского офицера по мостовым маленького провинциального Валансьена или Дуэ: главным образом краеведы, любители-патриоты своих «валансьенов» и «дуэ» согласны были дышать архивной пылью, чтобы вывести из небытия на суд читателей сюжеты, связанные с малоприятной оккупацией и явно уступающие по привлекательности масштабам битвам народов.

После Второй мировой войны появляется целый ряд публикаций, посвященных оккупации, и в этом ряду любопытно отме-

¹³ См.: Roger A. L'Occupation de la France par les Alliés en 1815 (juillet-novembre). Paris, 1924. После А. Роже А. Никол посвятит одну из глав своей книги освобождению Франции от оккупации, а всю книгу – собственно тому, как страна платила. См.: Nicoll A. Comment la France a payé après Waterloo. Paris, 1929.

¹⁴ См.: Creux H. La libération du territoire en 1818. Paris, 1875.

¹⁵ См.: А. Никол посвятит одну из глав своей книги освобождению Франции от оккупации, а всю книгу – собственно тому, как страна платила. См.: Nicoll A. Comment la France a payé après Waterloo. Paris, 1929. См. также: Nigohosian V.-A. La Libération du territoire français après Waterloo 1815–1818. Bordeaux; Paris, 1931. Contamine H. Les conséquences financières des invasions de 1814 et de 1815 dans les départements de la Moselle et de la Meurthe. Metz, 1932.

¹⁶ См.: Merquiol A. Les Occupations étrangères en France au XIXe siècle. Thèse pour le doctorat en droit de l'Université de Aix-Marseille. Nice, 1944.

титель, возросший интерес исследователей к «русскому вопросу», к истории тех мест, где были расквартированы русские части¹⁷. Отдельно в этой связи стоит упомянуть заслуги Ж. Брейяра и маленькую полемику с ним М. Колена.

Жан Брейяр (1945-2011) – блестящий знаток русского языка и исследователь, который, едва ли не первым в историографии постарался четко установить границы оккупируемой территории, к тому же, пожалуй, в наибольшей степени из современных специалистов именно он погрузился в изучении истории *русской* оккупации Франции. В ряде статей, изданных как во Франции, так и в России¹⁸, на протяжении более 30 лет он вновь и вновь (Жан Брейяр – филолог, а не историк, и писал, естественно, не только об оккупации) обращался к этой тематике.

В одном из своих относительно недавних докладов он отмечал, что историк, который задался целью реконструировать со-

¹⁷ См.: *Ficherouille A.* L'entrée des cosaques à Bailleul en 1814 // *Miscellanées bailleuloises et hazebrouckoises. Bulletin du Comité flamand de France.* 1960. Т. XVI. Fasc. 2. P. 265–368; *Mûssay J.* Maubeuge en 1815 // *Mémoire Soc. archéologique et historique d'Avesnes.* 1980. Т. 27. P. 129–138; *Desgranges J.* L'occupation étrangère dans le Cambrésis de 1815 à 1818. Quelques aspects des rapports de la population avec les occupants // *Etudes cambrésiennes de la Société d'émulation de Cambrai.* 1981. № 1. P. 13–21; *Herbert G.* Le Cambrésis sous l'occupation russe, 1815–1819 // *Jadis en Cambrésis.* 1981. № 10. P. 1–10; *Durin.* Les Russes dans le Cambrésis, 1816–1818 // *Jadis en Cambrésis.* 1981. № 11. P. 13–14. Или, напр., работа помощника библиотекаря Бюро Академического общества Сен-Квентина и историка-краеведа родного города Рене Дотёйля, в которой на основе документов из муниципального архива буквально *по дням* прослеживается история сдачи Сен-Квентина. См.: *Dauteuille R.* L'occupation russe et prussienne à Saint-Quentin en 1814 // *Fédération des Sociétés d'Histoire et d'Archéologie de l'Aisne. Mémoires.* Т. XXXI. 1986. Chauny, 1986.

¹⁸ См.: *Breuillard J.* L'occupation russe a Givet de 1816 a 1818, d'après les *Memoires du general-baron V.I. Lowenstern* // *Revue historique ardennaise.* 1977. Т. XII. P. 57–77; *Breuillard J.* L'occupation russe en France, 1816–1818 // 14 decembre 1824, orogone et heritage du mouvement des decembristes. Paris, 1980; *Breuillard J.* Les Russes envahisseurs et occupant en France (1816–1818). *Fantasmes et realites* // *Slavica Occitania. Les russes et l'Orient.* 1999. № 8. P. 67–113; Короткую версию этой статьи см.: *Брейяр Ж. М.С.* Воронцов в Мобеже. К истории русского оккупационного корпуса во Франции, 1816–1818 // *Воронцовы – два века в истории России. Труды Воронцовского общества.* Вып. 6. СПб., 2000. С. 127–151; Переиздано: *Алексеев В.Н.* Графы Воронцов и Воронцов-Дашков в истории России. М., 2002. С. 320–340; *Брейяр Ж.* О некоторых политических аспектах пребывания русской армии во Франции (1816–1818 гг.) // *Е.Р. Дашкова. Портрет в контексте истории.* М., 2004. С. 102–113.

бытия трех лет, в течение которых на территории Франции располагался русский оккупационный корпус, должен четко разграничить факты и мифы. Эта оккупация дала пищу для нескольких мифов, которые циркулируют на протяжении десятилетий: начиная с мифа о «русской угрозе» французскому трону, до конца XIX в., когда заключается франко-русский союз, когда под пером некоторых французских краеведов конца XIX в., полных энтузиазма от заключенного союза, эта оккупация изображалась идиллически¹⁹. Но, как уверяет Ж. Брейяр, и без этой идеализации можно констатировать: территория занятая русскими войсками отличалась от других оккупированных территорий (англичанами, австрийцами, пруссаками, вюртембергцами и т.д.) «общим спокойствием, которое здесь царствовало в течение трех лет»²⁰. Он не отрицает, что в 1814 г. имели место грабежи и бесчинства и со стороны русских частей, но подчеркивает, что «своим поведением русские войска значительно различались в зависимости от их состава»: одно дело регулярные части, другое – башкирская и калмыцкая конницы.

Вскоре после Ж. Брейяра его общий взгляд на оккупацию поддержал Марк Бланкпен (1909–2001) – журналист, писатель-новеллист и историк в одном лице. Он работал профессором в Женеве и Каире, много путешествовал, был генеральным секретарем, а затем и президентом «Альянс франсез» (1988). Переживший две мировых войны и плен, как исследователь он сосредоточил свои усилия на изучении ущерба от войн и на исследованиях по Германии. Самым известным его историческим эссе стала работа о повседневной жизни французов периода военной оккупа-

¹⁹ См.: *Breillard J. Héraclius de Polignac et quelques aspects de l'occupation // L'Influence française en Russie au XVIIIe siècle: actes du colloque international, Paris, 14 et 15 mars 2003 / Poussou Jean-Pierre (red.). Paris, 2004. P. 437–464.* Любопытно, как эти слова оказались созвучны, высказанным Ж. Ренье почти за 90 до Брейяра: «Вторжение <...> оставило глубокий след в народной душе. Легенда преувеличила события и людей, она их и улучшила, и ухудшила». Ренье так же обратил внимание, что эта легенда о вторжении пережила периоды своего бурного цветения, проявляя жизнестойкость и характеризуясь обилием подробностей. См.: *Régné J. Les autrichiens dans l'Ardèche en 1814 et 1815 // Revue Historique de la Révolution Française et de l'Empire. 1918. № 34. P. 177–178.*

²⁰ *Breillard J. Héraclius de Polignac... P. 438.*

ции²¹. При этом нельзя сказать, что историки живо отреагировали на появление этой книги. Понадобился своего рода антропологический поворот в историографии войн («военной истории»), чтобы пробудился интерес историков к повседневной жизни французов времен «вторжений» и «оккупаций»²². Работа Марка Бланкпена так и не была признана за «веху», она скорее опровергает, нежели подтверждающей концепцию методологических и историографических «поворотов». Сегодня историки склонны датировать этот «поворот» в целом в военной истории серединой 1990-х годов²³.

М. Колен, автор статей о Крылове, Радищеве, Чацком и идеологии декабристов, вслед за Ж. Брейяром и М. Бланкпеном, также обратился к историческим сюжетам²⁴. С одной стороны, М. Колен согласен, что русские, в отличие от немцев, не имели комплекса мести²⁵. С другой стороны, он, рассуждая о мнении, в соответствии с которым русские продемонстрировали гораздо больше гуманности, нежели пруссаки, оговаривается, что это будет справедливо для уровня правителей и первых государственных лиц, но есть еще уровень кантональной истории с ее постоями и реквизициями, приведшими в итоге к голоду. Колен знает точку зрения и Бланкпена, и Брейяра, но, по его мнению, они не использовали, якобы, местные источники. А вот сам Колен такие документы нашел и поэтому его взгляд на русскую оккупацию более «пессимистичен»²⁶. Колену кажется, что русские молодые

²¹ См.: *Blancpain M.* La vie quotidienne dans la France du Nord sous les occupations (1814–1944). Paris, 1983. Подобный же компаративистский подход, но на другом материале применил позже Ф. Коше: *Cochet Fr.* Les occupations en Champagne-Ardenne, 1814–1944. Reims, 1996.

²² См.: При этом, и чисто военная история, никуда, естественно, не исчезла. См.: *Blanchard Fr.-X.* 1814, résistance et occupation des villes françaises. Paris, 2001.

²³ См.: *Roynette O.* Pour une histoire culturelle de la guerre au XIXe siècle // *Revue d'histoire du XIXe.* 2005. № 30. P. 6.

²⁴ См.: *Colin M.* A propos de l'occupation des Ardennes par les troupes alliées (1815–1818); peut on parler d'un patriotisme des frontières? // *Revue du département des Ardennes.* 1979. № 14; *Idem.* Comment l'opinion russe a-t-elle pu percevoir et ressentir les idées révolutionnaires françaises (1789–1818)? // *Revue des études slaves.* 1989. T. 61. № 2. P. 87–102.

²⁵ См.: *Colin M.* Comment l'opinion russe a-t-elle pu percevoir et ressentir les idées révolutionnaires françaises (1789–1818)?..

²⁶ См.: *Colin M.* Comment l'opinion russe a-t-elle pu percevoir et ressentir les idées révolutionnaires françaises (1789–1818)?.. P. 99, note.

офицеры довольно быстро увидели, что простые французы симпатизируют не Бурбонам, а, как не странно, Наполеону, остающемуся символом революционных свобод. Эти чувства особенно были распространены в приграничных департаментах, весьма патриотично настроенных: экзальтация Наполеоном подчеркивала неприязнь Бурбонов. К таким департаментам относились и Арденны, с расквартированными в них русскими²⁷.

Брейяр, кажется, пропустил эту попытку дискуссии мимо ушей. По крайней мере, заводя разговор об историографии вопроса, он о М. Колене вообще не упоминает (впрочем, как и о многих других) и отмечает, что если история вторжения иностранных войск тщательно изучалась, начиная с А. Уссэ, то сама оккупация, взятая комплексно, рассматривалась только с точки зрения истории дипломатии, истории ее открывающего (Ж.-А. Кректино-Жоли, А. Сорель и др.) и закрывающего конгрессов (Ж.-А. Крё, Р. Андрэ и др). И никто из этих авторов не занимался изучением русских²⁸. Относительно изучения «русских» пока спорить не буду, а, вот, относительно общего состояния историографии темы замечу, что Ж. Брейяр в докладе 2004 г. явно проигнорировал не только М. Колена, но и защиту диссертации Ж. Антрэ (Nantraue) и работы других исследователей...

После «повседневности» жизни времен оккупации Бланкпена появились исследования «общественного духа» французов, проживающих на оккупированных территориях²⁹. К. Куто в своей докторской диссертации исследовал «общественный дух»³⁰

²⁷ См.: Ibid. P. 100.

²⁸ См.: *Breuillard J. Héraclius de Polignac et quelques aspects de l'occupation russe de 1816-1818 en France // L'influence française en Russie au XVIII-e siècle. Paris, 2004. P. 438, note. См. также одну из последних его работ по истории русской масонской ложи в Мобеже: Idem. La loge militaire russe de Maubeuge (1817-1818) // La franc-maçonnerie et la culture russe. Slavica Occitania. № 24. Toulouse, 2007. P. 307-342.*

²⁹ См.: *Couteau C. L'Esprit public dans l'arrondissement de Douai-Valenciennes de l'avènement de la Première Restauration à la fin de l'occupation (1814-1818). S.p., 2001.*

³⁰ См.: Автор четко отличает «общественный дух» и «общественное мнение». Если второе больше обращается к разуму, то первый к страсти. См.: *Couteau C. L'Esprit public dans l'arrondissement de Douai-Valenciennes de l'avènement de la Première Restauration à la fin de l'occupation. (1814-1818). S.p., 2001. P. 13. Хотя, если вспомнить спорящего с А. Уссэ Р. Перрена, Л. Энгеранда или Эмиля Божо, то сам интерес К. Куто к «общественному духу» нельзя назвать исключительно новаторским. См.: *Perrin R. L'esprit pub-**

французов периода оккупации, проживающих в округе Дуэ и Валансьена.

В том же году, что и у К. Куто была защищена диссертация Жака Антрэ так же ограничивающаяся региональным аспектом³¹. Не замахиваясь на общую оценку эпистемологии, методологии или «творческой лаборатории» историка, на развернутый анализ его «исторических воззрений», «вклада в науку» и т.п., проследим основные подходы этого, за последнее десятилетие уже ставшего весьма известным в своей области, специалиста к изучению оккупации 1814-1815 годов.

Основные положения диссертации вошли в виде тезисов в одноименную работу, опубликованную в 2003 г. в «*Annales historiques de la Révolution française*»³². В ней Жак Антрэ уверяет читателей, что «несколько лет» интересовался проблематикой современных войн и пришел к выводу о важности военного феномена для понимания людских сообществ вообще, и европейских обществ XIX и XX вв., в частности. В первую очередь внимание Антрэ привлекали процессы «брутализации» общества в период войны. И исходным моментом в этом процессе эпохи модерна он счел войны периода Революции и Империи³³.

Относительно историографии оккупации Жак Антрэ указал, что среди тех работ, что хоть как-то освещают связь иностранных военных с местным населением, хотя прямо и не касаются специфических вопросов оккупации, он может посоветовать лишь

lique dans le département de la Meurt de 1814 a 1816 // *Annales de l'Est*. 1913. № 2; Engérand L. *L'Opinion Publique dans les provinces Rhénanes et en Belgique, 1789-1815*. Paris, 1919; Beaujot E. *L'Esprit public dans le département du Nord au début de la Restauration* // *Revue du Nord*. Tome XIX. 1933. P. 81-185. См. так же: Hauteclouque G. *Les Cent jours et la seconde Restauration dans le département du Pas-de-Calais*. Arras, 1907-1912. 3 vol. Любили рассуждать о состоянии общественного духа и современники событий. См.: *Essai sur l'esprit public*, par L***, ancien consul de France. Paris, 1815.

³¹ См.: Hantraye J. *La société française et la guerre: les invasions et les occupations étrangères en Seine-et-Oise (1814-1816)*. Paris, 2001.

³² См.: Hantraye J. *La société française et la guerre: les invasions et les occupations étrangères en Seine-et-Oise (1814-1816)* // *Annales historiques de la Révolution française*. 2003. № 333. P. 140-147. Далее цитирование по этому изданию. Сокращенный вариант см.: *Idem*. *Seine-et-Oise occupée 1814-1816* // *La faute à Rousseau*. 2003. № 33. P. 41-42.

³³ См.: Hantraye J. *La société française et la guerre...* P. 140.

три тома А. Уссэ и работу Феликса Понтёйля (Ponteil)³⁴. Вообще же ему кажется, как это он утверждал в статье 2001 г., что эта тема еще «относительно малоизвестна»³⁵.

Но Ж. Антрэ интересуют далеко не все аспекты истории оккупации. Своими работами он намеревается внести вклад в изучение военного насилия именно в отношении гражданских лиц, рассматривая свои усилия в общем русле исследований последних лет о военных конфликтах³⁶. Его интересует насилие по отношению к гражданским лицам во всех его проявлениях: «насилие повсюду, ибо везде – враг, в городах, в деревнях, в домах, везде, где проявляется напряжение между военными и гражданскими»³⁷.

Его заинтересовала проблема «функционирования сельского мира в период оккупации», проблема адаптации этого мира к новым чрезвычайным обстоятельствам, которую он хотел понять через изучение «армейской логистики», а именно через изучение реквизиций. Ж. Антрэ обращается к вопросам питания войск, восприятия населением событий, а также реакции местных жителей на требования оккупационных властей, которым они обязаны были подчиняться³⁸. Формы насилия были разнообразны, а степень различна и по региональным и по социальным показателям³⁹. При этом указывается, что, если проявления насилия во времена оккупации 1814 и 1815 гг. могут показаться сегодня нам

³⁴ См.: *Ponteil F. La Chute de Napoléon Ier et la crise française de 1814–1815. Paris, 1943.*

³⁵ *Hantraye J. Guerre et monde rural. Les réquisitions dans les environs de Paris (1814–1816) // Histoire & Sociétés Rurales. 2001. Vol. 16. № 2. P. 117.*

³⁶ См.: Но ссылается при этом не на Брейяря или Бланкпена, на Стефана Одуан-Рузо. См.: *Audoin-Rouzeau S. 1870. La France dans la guerre. Paris, 1989.* Т.е. еще в одном из своих первых исследований, посвященных оккупации 1814 и 1815 гг. Антрэ практически прямо указывает на исследования по оккупации Франции в 1870 году как на побудительный источник для своих изысканий. Не удивительно, что через 10 лет он перейдет уже к сравнительному анализу этих двух периодов в истории Франции.

³⁷ *Hantraye J. La société française et la guerre... P. 143.*

³⁸ См.: *Idem. Guerre et monde rural... P. 117.* По его мнению, оккупации 1814 и 1815 гг. – важный эпизод истории начала современного периода Франции, ибо их последствия «были очень важны» для общества в целом, и для сельской местности в частности.

³⁹ Иногда местным властям удавалось, как, например, мэру Сант-Мартен-дю-Тертр (Saint-Martin-du-Tertre) убедить военных (в данном случае Сакена) в бедности своей коммуны и тем самым избежать расквартирования в ней контингентов. См.: *Hantraye J. Guerre et monde rural... P. 90.*

более легкими, чем во времена оккупации 1870 г. или, тем более, в годы Первой и Второй мировых войн, то нам необходимо учитывать, что они очень болезненно воспринимались современниками, которые на десятилетия запомнили унижения, реквизиции, разрушения и еще более крепко – убийства и изнасилования⁴⁰. Под этим углом зрения объектом внимания Ж. Антрэ стал департамент Сены-и-Уазы⁴¹ в период двух оккупаций⁴².

В 2003 г. у Ж. Антрэ помимо основных тезисов диссертации вышли еще две работы, посвященные истории оккупации. Это доклад по локальной истории одной коммуны в 1814-1816 гг. на коллоквиуме «Сен-Жермен-ан-Лайе во времена иностранной ок-

⁴⁰ См.: *Idem. La société française et la guerre...* P. 144. Надо помнить, что насилие могло быть обоюдным. Наряду со случаями индивидуального насилия в отношении военных из числа союзных контингентов, о которых имеется мало информации, есть описания коллективных насильственных действий. Когда это было возможно, предпочитали использовать запугивание. Так, 6 мая 1814 г., мэр Сен-Сир (Saint-Cyr) сообщает, что русские военные пасли без разрешения своих лошадей на общинном лугу. Он попытался договориться с русским офицером, но безуспешно. Тогда он привел 60 вооруженных национальных гвардейцев и военные тотчас же ретировались. См.: *Idem. Guerre et monde rural...* P. 88, note.

⁴¹ Это сельский регион с населением к концу империи в 429–430 тыс. жителей. Выбор его для изучения объясняется тем, «изучение оккупации всей страны весьма затруднительно», а Сена-и-Уаза – это крупнейший на то время департамент. В целом это богатый департамент, хотя между коммунами и могла быть очень большая разница. Речь шла о том, что бы враг стал хозяином политического и символического сердца страны – Парижа и его окрестностей – пространства необходимого для снабжения столицы. Здесь было много различных иностранных контингентов, что открывает исследователю возможности для сравнения. Наконец, в отличие от многих других регионов здесь сохранилось от той поры многочисленная документация. См.: *Idem. La société française et la guerre...* P. 142.

⁴² Ж. Антрэ сравнивает первую и вторую оккупации и подчеркивает, насколько вторая была тяжелее: более обширна географически – 60 департаментов оккупированы, часть территорий вообще потеряна, репарации огромны. Войска, расквартированные весной 1814 г. в тогдашнем департаменте Сены и Уазы количественно составляли 5,6% от общего населения департамента. В 1815 г. оккупация была более многочисленной: части, расположившиеся в вышеуказанном департаменте составляли уже 16,9% по отношению к населению. Тут хотелось бы обратить внимание, что хронология оккупации того или иного города, департамента может не совпадать с хронологией общей оккупации Франции.

купации»⁴³ и статья «Казачьи и русские на повороте XVIII и XIX вв. перед лицом Запада»⁴⁴. Ж. Антрэ констатирует, что вторжение в 1814 г. во Францию русских войск вызвало большое смутение среди населения: среди «войск царя» были казаки, которые имели самую плохую репутацию. Автор взялся за изучение механизма формирования и эволюции исторического мифа и в русле имажологии пытался показать, как во Франции конца XVIII в. родился «казачий миф» и как последовавшая за 1814 г. русская оккупация этот миф усилила.

Усилия к тому времени уже доктора Университета Пари-1 и члена Центра исторических исследований XIX в. Ж. Антрэ по изучению оккупированной Франции были им аккумулированы в книге с броским названием «Казачьи на Елисейских полях»⁴⁵, хотя, конечно, содержание ее гораздо шире.

В книге рассказывается история двух этапов военной оккупации Франции союзниками в 1814 и в 1815 гг., а внимание автора, по-прежнему сосредоточено на «среднем» департаменте, расположенном между приграничными департаментами и центральными, – Сены-и-Уазы. Сюжет книги, как заметил один рецензент – Мари-Сесиль Тораль – «оригинален, интересен и до настоящего времени мало изучен»⁴⁶.

⁴³ *Hantraye J.* Les occupations étrangères à Saint-Germain-en-Laye en 1814 et en 1815-1816 // *Bulletin des Amis du Vieux Saint-Germain*. 2003. № 40. P. 33-52. См. также: *Ordre et désordres à Saint-Germain-en-Laye au XIXe siècle: séminaire enseignement d'histoire de l'Université libre de Saint-Germain-en-Laye et sa région. Tome IV. Saint-Germain-en-Laye ville occupée, 1814-1815 et 1870-1871 / sous la dir. de Hélène Solignac-Saint-Cernin. Saint-Germain-en-Laye, 2002.* Две странички (с учетом работы Ж. Антрэ) посвящены оккупации Сен-Жермен-ан-Лайе в книге Франсуа Буле: *Boulet F.* Leçon d'histoire de France Saint-Germain-en-Laye: Des antiquités nationales à une ville internationale. Paris, 2006. P. 141-142. С марта по начало июня 1814 г. здесь стояли русские войска, с 30 июня до середины октября 1815 г. – прусские, затем – британские.

⁴⁴ *Hantraye J.* Cosaques et Russes face à l'Occident au tournant des XVIIIe et XIXe siècles // *Revue de l'Institut Napoléon*. 2003. № 186. P. 7-28.

⁴⁵ *Idem.* Les Cosaques aux Champs-Élysées. L'occupation de la France après la chute de Napoléon. Paris, 2005.

⁴⁶ *Thoral M.-C.* Les cosaques aux Champs-Élysées. L'occupation de la France après la chute de Napoléon // *Annales historiques de la Révolution française*. 2006. № 346. Octobre/Décembre. Статью самой Мари-Сесиль Тораль об администрации Изера в 1814-1815 гг. см.: *Thoral M.-C.* L'administration locale en temps de crise: le cas de l'Isère en 1814-1815 // *Annales historiques de la Révolu-*

Книга, как это отмечено самим автором в предисловии к ней, носит откровенно описательный характер. Читатель, интересующийся теоретико-проблемной или глобальной историей, может быть разочарован: масштаб исторических событий теряется за перечислением многочисленных примеров и никому не знакомых исторических персонажей коммунального уровня. Тем не менее, эта книга Ж. Антрэ – серьезное исследование, основанное на архивных и различных печатных источниках (газеты, воспоминания).

План работы соответствует трем поставленным во введении вопросам, трем центральным проблемам изучения связи между войной и обществом, проблемам изолированным, между собой не связанным: «военного насилия», повседневной жизни гражданского населения и следов присутствия оккупантов во французском обществе.

Автор начинает свое исследование с анализа причин и форм «военного насилия», понимаемого им в широком смысле и включающего в себя акты насилия в отношении гражданского населения со стороны военных, как во время войны, так и во время периода оккупации. Ж. Антрэ среди этих разнообразных мотивов обнаруживает и национальное самолюбие, стремящееся к мести, и страх перед чужой страной, и взгляд на местное население как на угрозу, а также алкоголь, усталость, политическую нестабильность и беспомощность французских властей, стремление «пометить свою территорию» (насилие проявляется как символический элемент доминирования) и т.д.

Рассуждая о «культуре войны» иностранных армий, он сбивается, главным образом, на пруссаков и пытается выявить ту роль, которую играет прошлое в генезисе агрессивности союзников⁴⁷.

tion française. 2005. № 339 (URL: <http://ahrf.revues.org/2144> [дата обращения: 10.11.2012]).

⁴⁷ Жак Антрэ проводит мысль, что для прусской идеологии войны характерно генетически увязывать «кампанию 1814 г.» и «кампанию 1813 г.». В государственных кругах Пруссии была выработана концепция «освободительной войны», и эта концепция играла в немецкой истории ту же роль, что и концепция 1792 г. в сознании французов: речь в обоих случаях шла о формировании национальной идентичности. Эта немецкая концепция «освободительной» войны постоянно воспроизводилась в политических речах представителей Пруссии на протяжении периода оккупации Франции. В этом отношении вторжение во Францию в 1814 и 1815 гг. было для пруссаков не просто хронологическим продолжением «войны за освобождение» Германии в 1813 г. Акцентированная идея «победы над врагом» во имя ро-

Но вопрос, каковы «разумные основания прусского неистовства»⁴⁸ все же остается открытым. Ж. Антрэ справедливо указывает, как изменилось в 1815 г. у союзников (и опять, в первую очередь, – пруссаков) отношение к французам: идея мщения лишь укрепилась, речи все больше отражают враждебность уже не только Наполеону, но и всем французам⁴⁹. Хотя, признает Антрэ, у разных членов коалиции мы находим разные градусы антифранцузских настроений, «смесь притяжения и неприятия»⁵⁰.

Естественно, что изучение насилия военных над гражданскими лицами не может обойти вниманием случаи изнасилования. Проявления насилия порой были brutальны, проходили под угрозой применения оружия, а иногда и заканчивались убийствами, как это было в 1815 г. в Севре и Мёдоне. Бывало, что потерпевшим удавалось отбиться: в июле 1814 г. в Дравёле русский дезертир нашел в лесу большой дом. Хозяйка была одна, и он по-

дины или нации, которая была широко распространена среди прусских оккупационных войск особенно в 1815 г., представляет собой лишь переодетую идею «освободительной войны» 1813 г. При этом автор только констатирует «отличную от пруссаков привычку» русских – подчеркивать не оппозицию с французами, а примирение. Никак не объясняется, почему же, если прошлое играет столь важную роль в генезисе агрессивности союзников против французов, то поведение пруссаков, «очень хорошо запомнивших 1806 год» столь отличалось от поведения русских, «имеющие все резоны отомстить за вторжение 1812 г.». См.: *Hantraye J. Les Cosaques aux Champs-Élysées...* P. 18.

⁴⁸ *Hantraye J. Les Cosaques aux Champs-Élysées...* P. 19.

⁴⁹ Автор приводит два примера. Во-первых, – публикации в «*Mercure du Rhin*», в которых проявляется агрессивность не только к Наполеону или его армии, но и к народу в целом. В Европе распространяются весьма негативные представления о французах. Во-вторых, – свидетельство мэра Версаля, который пересказал слова адъютанта Блюхера: «он говорил, что мы предатели, подлые бонапартисты, что мы во всем отказываем их армии, без сомнения ожидая возвращения собаки Наполеона...». См.: *Ibid.* P. 20. Антрэ не пытается объяснить это «разочарование» европейцев в французах, а, между тем, именно европейцы, а, точнее, политические элиты европейских монархий убедили сами себя, что во всех войнах виноват не французский народ, а узурпатор власти Наполеон. И чем больше Наполеон воображался и представлялся узурпатором, тем больше находилось оправдания французскому народу: ведь не может же народ в принципе не любить своих законных монархов?! В 1815 г. наступило протрезвление.

⁵⁰ *Hantraye J. Les Cosaques aux Champs-Élysées...* P. 21.

пытался ее изнасиловать, но женщине удалось его выгнать: нападавший не использовал оружия⁵¹.

Ж. Антрэ подчеркивает, что изнасилование и оккупация теснейшим образом взаимосвязаны, в том смысле, что изнасилование – это еще и своеобразный символический акт. Акт, символизирующий подчинение территории, особенно в момент вторжения Антрэ даже приходит к выводу (впрочем, мало обоснованному), что контроль над страной проходит, в том числе, и через демускулинизацию французов.

Заключая первую главу, автор констатирует некий «порог» насилия, который союзники не переходили или почти не переходили, что ставит под сомнение идею чрезмерного насилия со стороны пруссаков и русских. В первой главе автор демонстрирует коллективную психологию, бытовавшие представления об одном из самых главных элементов культурной истории войны, истории гражданских лиц в период войны: насилие вне поля брани.

Вторая глава первой части «Французы перед лицом испытаний» посвящена изучению поведения французов в ответ на угрозу войны и вторжения. Наполеон призвал население к военной помощи, не вооружая его (например, наблюдать за передвижениями врага). Автор показывает и пропагандистские усилия властей⁵² и колебания

⁵¹ Здесь автор дает пояснение, появление которого, наверное, можно объяснить только реалиями сегодняшней Франции: молоденькие девочки подвергались насилию гораздо чаще их сверстников мальчиков, в этом отношении – никаких сюрпризов. Но отдельные случаи насилия над сыновьями фермеров все же случались. Антрэ приводит случай с двумя прусскими военными 15 июля 1815 г. на ферме Виллакублай, когда они заставили раздеваться донага сына фермера. Иногда были случаи не изнасилования, а просто унижения женщин: раздевание с тасканием за волосы и т.д. Изнасилованиям подвергались женщины всех возрастов, и замужние, и нет: в июле 1815 г. в Газеране изнасиловали 18-летнюю девушку, а в августе 1815 г. в Оргерюсе – 39-летнюю вдову. Были и групповые изнасилования (пруссаками), но чаще всего – изнасилования двумя лицами (в 3-х случаях пруссаками, в 1 случае – голландцами). См.: *Hantraye J. Les Cosaques aux Champs-Élysées...* P. 42.

⁵² При этом он отмечает, что пропагандистские тексты конца Империи напоминают тексты 1792 г., и в качестве примера приводит обращение префекта Понтуаза Гарнье от 22 марта 1814 г. к членам свой администрации в связи с исполнением декрета от 21 января 1814 г. об образовании добровольческих полков. Префект говорил о необходимости защиты «французских социальных порядков» и прямо использовал некоторые выражения из обращения Законодательного собрания к гражданам от 12 июля 1792 года. См.: *Hantraye J. Les Cosaques aux Champs-Élysées...* P. 47–48.

населения. Столкнувшись с продвижением союзников, правительство окончательно решило добиваться военной помощи от всех гражданских лиц, и простолюдинов и знати, и объявило всеобщую мобилизацию 5 марта 1814 года. По мнению Ж. Антрэ, это было сделано слишком поздно, в этой политической проволочке – одна из причин поражения французов в 1814 году. Наученное горьким опытом правительство Ста дней объявит мобилизацию уже 3 мая 1815 г. Несмотря на все усилия мэров, гражданские лица весьма неохотно отреагировали на это решение. Между тем, в департаменте Сены-и-Уазы удалось мобилизовать до 90% национальных гвардейцев от предписанной квоты. Автор обращает внимание в этой связи на довольно значительную роль, какую сыграли национальные гвардейцы, защищая свои города во время осады и даже после капитуляции Парижа⁵³. Но при этом не стоит забывать, что реакция союзников на гражданское население во время оккупации (особенно второй) отражала степень сопротивления вторжению.

Ж. Антрэ попытался оценить и последствия оккупации. Если последствия войны и оккупации для собственников были незначительны (несколько мостов и домов, разрушенных в результате боевых действий, несколько инцидентов), то реквизиции гражданскими лицами воспринимались очень болезненно (только 2% коммун их избежали), особенно – изобильные порции продовольствия, выдаваемые солдатам, которые контрастировали со скромной продовольственной корзиной местных крестьян. Большое возмущение вызывали грабежи, которые охватили большую часть коммун департамента (только 20% коммун их избежали). Главное же – передача части повседневной сельскохозяйственной продукции для нужд иностранных военных.

Во второй части книги автор переходит к изучению французского общества в период оккупации. В третьей главе (первой главе второй части) он рассматривает реакцию жителей сначала на вторжение, а затем на оккупацию. Автор указывает, что в первое время

⁵³ Напр., в 1814 г. через 8 дней после капитуляции Парижа, было организовано сопротивление в селе Мёлан, когда оно было занято казаками. Местный историк Э. Рео изучал историю уроженца этого села генерала К.-У. Генси (Gency). 5 апреля, когда он командовал войсками между Манте и Пуасси, русские появились перед Мёланом. Генси во главе трех эскадронов кавалерии *при поддержке местных крестьян* заставил казаков ретироваться. Были и другие случаи, когда гражданские помогали регулярным частям или же просто сами открывали огонь по врагу. См.: *Hantraye J. Les Cosaques aux Champs-Élysées...* P. 50.

перед лицом приближающейся опасности преобладали страх и защитное поведение. Население прятало часть своего имущества или пыталось переехать (последних, по Антрэ, было около 12.000 чел.) в более безопасное место. Однако эти временные миграции не приняли большого размаха: люди не хотели покидать родные места и бросать остатки имущества, с установлением режима оккупации многие спешат вернуться. Если война изменила повседневную жизнь, то гражданские лица довольно быстро адаптировались к новым явлениям. Немного спустя после установления режима оккупации население вернулось к своим прежним занятиям.

Четвертая глава посвящена описанию управленческих практик местной администрации в условиях войны и оккупации. Чего стоили одни только новые формуляры?! Автор рассматривает и реакцию местной администрации на вторжение: большинство чиновников осталось, а не бежало. Он останавливается на чистках администрации (нескольких префектов и мэров поменяли, что вполне, на мой взгляд, естественно и никак не связано с «оккупантами»), на связях между прусскими офицерами, обосновавшимися в Версале и французскими властями: как французские власти исполняли приказы пруссаков⁵⁴.

Третья часть книги посвящена рассмотрению деталей повседневной жизни во время войны, изучению форм «присутствия» оккупантов во французском обществе. Автор рассматривает взаимоотношения местных жителей и оккупантов через: 1) коллективные представления французов о союзниках (например, через образ казака); 2) через факты дезертирства солдат из армии и полной их интеграции во французское общество после окончания оккупации; 3) через отношение французов к умершим союзникам (совместные кладбища и т.п.). В пятой главе «Образ врага» автор останавливается сначала на материальных следах: транспортировка войск, здания военного назначения – лазареты, казармы и т.п., «военный туризм» – путешествия иностранных военных по интересным местам и памятникам, остатки жизнеобеспечения армии – снаряды, оружие, монеты...

В шестой главе «Образ казака» автор, как достойный ученик крупнейшего современного специалиста по истории XIX в. Алена Корбена, весьма тонко показывает, какие изменения происходили в этот период в национальных стереотипах в связи с увеличе-

⁵⁴ См.: *Hantraye J. Les Cosaques aux Champs-Élysées...* P. 153.

нием контактов между французскими гражданскими лицами и иностранными военными. Так, некоторые французы, наблюдая за поведением русских, отказались от своих предрассудков; особенно это касалось представлений о русских как о нации жестокой и склонной к насилию (пруссакки рассматривались как более жестокие, нежели русские и занимали, соответственно, во французской иерархии национальностей более низкую ступень).

Но далеко не все «пересмотрели» свои стереотипы. Надо заметить, что на формирование образа казака во Франции влияли не только личные наблюдения, но и мнение возвращающихся из плена французов, многих из которых брали в плен именно казаки. Ж. Антрэ, когда писал об образе казака, ссылаясь на книгу Раймонда Фора – доктора Великой армии, взятого в октябре 1812 г. накануне Тарутинского сражения казаками в плен⁵⁵. Фор вернулся не в 1814 г., а не ранее 1817 г., но его суждения *показательны*. Для русских книга «Воспоминания о Севере» была мало лестной, автор не сказал доброго слова ни о стране, ни о людях, а, между тем, «книга достаточно заурядная, наполненная штампами и представляющая своего рода компендиум расхожих представлений о России»⁵⁶. Из-за своей антирусской направленности книга даже была запрещена в России...

В седьмой главе (два параграфа «Уважение» и «Траур») рассматривается отношение французов к телам убитых врагов. Связанные с этим практики так же помогают понять восприятие «другого». Чувства при виде трупа врага, как пишет Ж. Антрэ, колебались между страхом, жалостью, состраданием, безразличием и гипнозом⁵⁷.

Если даже кому-то покажется, что этой книге Ж. Антрэ «не хватает проблемности» – он не пишет о влиянии этого периода тесных взаимных контактов на формирование национального самосознания – то это вовсе не означает, что она не интересна (к сожалению, часто чем «проблемнее» исследование, тем оно скучнее). Автор чутко улавливает чувства и эмоции участников конфликта и красочно передает читателю общую атмосферу того времени, он

⁵⁵ Faure R. Souvenirs du Nord, ou la Guerre, la Russie et les Russes, ou l'Esclavage. Paris, 1821. P. 67-70, 101.

⁵⁶ Ларионова Е.О. История о докторе Форе в русском плену // Пушкин и его современники: Сб. науч. тр. СПб., 2009. Вып. 5 (44).

⁵⁷ Hantraye J. Les Cosaques aux Champs-Élysées... P. 233.

дотошен и скрупулезен⁵⁸. Безусловно, Ж. Антрэ этой работой внес свой весомый вклад в историю малоизвестных, но важных событий, его книга – хороший пример того, насколько продуктивен «культурный подход к политическим и военным событиям»⁵⁹...

Так получилось, что выход в свет книги Ж. Антрэ совпал с появлением специального номера «Revue d'histoire du XIXe siècle», посвященного «культурной истории войны в XIX веке». На его страницах подводился некий итог «новым веяниям» в этом направлении исторических исследований, констатировалось отставание в инновациях историографии войн XIX в. от историографии войн XX столетия. Одиль Руанетт из университета Франш-Конте во вступительной статье подчеркнула эвристическую ценность изучения «войны», которая позволяет исследователю проникнуть в самое сердце системы представлений мужчин и женщин XIX в. и решить вопросы, стоящие *a priori* довольно далеко от самой войны⁶⁰. Новые же веяния, по ее мнению, проявляются, прежде всего, в новых объектах исследования, каковыми стали письма, записные книжки или дневники солдат, которые рассматриваются как важная часть процесса *выживания* (с эмоциональной, психологической точки зрения) на войне. Предметом внимания историков все чаще становятся, например, женщины на войне (солдатки, маркитантки, прачки, проститутки и т.д.) и их постепенное устранение из армии в ходе мускулинизации вооруженных сил. Или «горизонтальные связи» воинов (чувство общности, принадлежности к одной «семье» и т.д.). Или «тотализация» войны с ее реквизициями и грабежами как средством выживания. Или природа психических расстройств среди солдат во взаимосвязи с прогрессом артиллерии... Речь идет, иными словами, об истории «телесности», которая предлагает проблематику военного насилия пересмотреть с точки зрения исторической антропологии.

Жан Антрэ опубликовал в этом выпуске статью «Военные погребения во Франции конца Первой империи»⁶¹, посвященную в

⁵⁸ См.: Так, он скрупулезно пересчитал браки русских с местным населением и составил даже перечень коммун, где подобные браки зарегистрированы. См.: *Hantraye J. Les Cosaques aux Champs-Élysées... P. 240.*

⁵⁹ *Thoral M.-C. Les cosaques aux Champs-Élysées. L'occupation de la France après la chute de Napoléon // Annales historiques de la Révolution française. 2006. № 346. Octobre/Décembre.*

⁶⁰ См.: *Roynette O. Pour une histoire culturelle de la guerre au XIXe siècle // Revue d'histoire du XIXe. 2005. № 30. P. 6.*

⁶¹ *Hantraye J. Les sépultures de guerre en France à la fin du Premier Empire // Revue d'histoire du XIXe siècle. 2005. № 1. Увидевшая свет в следующем году*

широком смысле коммеморативному феномену, а, точнее, практике идентификации и захоронения мертвецов в 1814–1815 гг., когда закладывается новая «культура отношения к смерти на войне»⁶². Эта статья логически, методологически и содержательно перекликается с седьмой главой его вышеуказанной монографии⁶³. Статья описывается, как хоронили «своих» и «чужих», какие чувства испытывали, как воспринимали смерть французские или английские солдаты в 1813–1815 годов⁶⁴. И все же делать, какие-то выводы о типологии процессов и явлений, связанных с захоронениями военных из представленного Ж. Антрэ материала, весьма сложно: разношерстные сведения, извлеченные из самых разнообразных источников и сочинений, объединены скорее тематически, нежели систематизированы. Как это было понятно и *a priori*,

статья «Смерть на полях сражений Шампани» продолжает эту тематику. См.: *Hantraye J. Les morts des champs de bataille champenois de 1814 // La Vie en Champagne. 2006. № 48. P. 9–12. См. также: Idem. L'intégration en ville des étrangers venus en France par faits de guerre (première moitié du XIXe siècle) // Bragard Ph. (ed.). L'armée et la ville dans l'Europe du Nord et du Nord-Ouest du XVe siècle à nos jours: actes du colloque international, mai 2004, Université catholique de Louvain. Louvain, 2006. P. 117–127.*

⁶² Подпр. см.: *Capdevila L., Voldman D. Nos morts: les sociétés occidentales face aux tués de la guerre, XIXe – XX siècles. Paris, 2002.*

⁶³ В этом же году у него вышли еще две работы по истории оккупации: *Hantraye J. 1813–1818, les premières occupations de la période contemporaine en France // Revue historique des armées. 2005. № 2; Idem. Les préfets de la Sarthe lors de la crise de la fin du Premier Empire et du début de la Restauration (1814–1815) // La Province du Maine. 2005. T. 107. 5-e série. № 18. P. 47–55.*

⁶⁴ И эта работа построена на массе конкретных примеров, извлеченных, как правило, из муниципальных архивов. Хотя, временами, значимость (и даже пафосность) умозаключения мало коррелируется с банальностью описываемой в источнике житейской повседневности. В феврале 1814 г. вблизи Эперне, русские солдаты, убитые в отместку французскими военными и гражданскими лицами, лишь «попросили помолиться Богу перед смертью». Из чего Ж. Антрэ выводит сентенцию, что, естественно, на войне обстоятельства требуют иногда «поспешной подготовке к смерти».

хоронили и «свои»⁶⁵, и чужие», и с почестями, и без, могилы были и индивидуальные и братские, и даже интернациональные⁶⁶.

Иногда захоронение давало названию местности. Так, ту местность, где были захоронены русские солдаты после сражения в окрестностях Кольмара 24 декабря 1813 г., стали называть Kosakenfeld. Местным жителям оно внушало страх: опасались, то убитые захотят отомстить. Погибших в 1814 г. под Монмираем русских солдат захоронили в заброшенных карьерах, а место получило название «bois-des-Cosaques»⁶⁷.

«На месте ратуши и дворца правосудия видна только куча пепла и мусора: руины более двухсот домов и многочисленных стен садов покрывают все улицы города; множество зданий носят следы опустошения; изрешеченные пулями и ядрами стены свидетельствуют о тяжелых испытаниях, которые местное население вынуждено было перенести посреди столь ожесточенной битвы»... Это описание разрушенного Суассона из старой книги Леру⁶⁸ и подтолкнуло Ж. Антрэ к изучению сюжета о разрушениях, произведенных во Франции в ходе кампании января-марта 1814 г. и в ходе начавшейся с лета 1815 г. оккупации. В своей новой статье 2007 г. «Восстанавливать после наполеоновских разрушений: реконструкция недвижимости на Севере и Востоке (1814–1860)⁶⁹ Ж. Антрэ обращается к теме материального ущерба, нанесенного войной гражданскому населению, проживавшему в непосредственной близости от полей сражений, а то и прямо среди руин. Он приходит к выводу, что основу всех расходов составляли расходы

⁶⁵ В Шомоне в марте 1814 г. на могиле подполковника Бламова была сделана надпись: «От братьев по оружию» (эта могила еще существовала в 1868 г. на городском кладбище.). См.: *Steenackers F.-F. L'invasion de 1814 dans la Haute-Marne. Paris, 1868. Pp. 204–207. Цит. по: Hantraye J. Les sépultures de guerre en France... P. 5.*

⁶⁶ «Довольно надежный источник» сообщает, что в феврале 1814 г., казаков убитых около Ножан-сюр-Сен, сбросили в Сену, связав между собой и поставив между связанными шест, изображающий мачту, к которой прикрепили надпись: «Пусть эти господа, плывут прямо в Париж». См.: *Lemaitre J.-M. Combat de Nogent-sur-Seine. Nogent, 1840. P. 38. Цит. по: Hantraye J. Les sépultures de guerre en France... P. 6.*

⁶⁷ См.: *Chuquet A. L'Alsace en 1814. Paris, 1900. P. 47. Цит. по: Hantraye J. Les sépultures de guerre en France... P. 7.*

⁶⁸ *Leroux. Histoire de la ville de Soissons. Soissons, 1839.*

⁶⁹ См.: *Hantraye J. Rebâtir après les défaites napoléoniennes: les enjeux de la reconstruction immobilière dans du Nord et de l'Est (1814–1860) // Annales Historiques de la Révolution Française. 2007. № 2. P. 185–198.*

на восстановление недвижимости: разрушения порой были настолько сильны, что менялось само восприятие городского пространства⁷⁰. Антрэ обращает внимание на любопытный феномен: эстетика руин завораживала путешественников, а местное население еще долгие годы гордилось следами былых сражений и не спешило, как, например, в Арси-сюр-Об, реставрировать фасады обстрелянных замков.

В своей статье 2008 г. «Тотальная история, тотальная война?» историк попытался провести сравнительный анализ оккупации в 1814–1815 и 1870–1871 гг. в департаменте Сены и Уазы. И речь в статье не идет об истории оккупации как таковой, а, скорее, о возможностях ее изучения. Департаментские архивы сохранили разнообразные материалы, относящиеся в целом к периоду оккупации и собственно к проблеме присутствия иностранных войск на территории Франции. Но, как известно, все познается в сравнении, и если, например за 1870–1871 гг. в департаментской архиве Сены-и-Уазы сохранилось 53 дела, то за 1814–1816 гг. – только 12...⁷¹. Поэтому и материал, указываемый Ж. Антрэ, относится в большей степени к 1870–1871 гг., которые, кстати, во французской историографии изучены гораздо лучше, чем 1815–1818 годы. Надо отметить еще одно обстоятельство, попутно характеризующее исследовательский масштаб региональной истории, – ближайший к Парижу департамент Сены-и-Уазы насчитывает около 700 коммун, но Ж. Антрэ по преимуществу ссылается на материалы лишь кантона Буасси-Сен-Лежер на юго-востоке департамента. Перефразируя известное выражение клиометристов, оценю усилия Ж. Антрэ: узость территориальных и хронологических рамок – та цена, которую мы платим за достоверность выводов...

В этом же году у Ж. Антрэ вышли сначала статья, а потом и книга (44 томом «Коллекции неизданных документов по истории Франции»), посвященные одному из любопытнейших источников

⁷⁰ Так, общий ущерб, нанесенный в феврале 1814 г. Ножан-сюр-Сен, составлял 2.081.977 франков, из которых 61% приходился на недвижимость. Жители строили среди руин временные укрытия. Городская же администрация Ножан-сюр-Сен не имела своего постоянного здания и переезжала с места на место до 1825 года. См.: *Hantraye J. Rebâtir après les défaites napoléoniennes...* P. 187.

⁷¹ См.: *Idem. Histoire totale, guerre totale? Approche historiographique comparée des occupations de 1814-1815 et 1870-1871 dans le département de Seine-et-Oise // Napoleonica. 2008. № 2.*

по истории оккупации Франции в 1814 г., в том числе, и по истории русской оккупации⁷².

Речь идет о новой критической публикации 64-х писем Пьера Дарденна (Dardenne), профессора в Коллеж де Шомон, который был свидетелем вторжения и оккупации этого города в 1814 г. союзниками. Эти письма впервые были опубликованы еще между 1831 и 1833 гг. в газете «Le citoyen de la Haute-Marne», а затем, в 1835 г., и отдельным сборником в 112 страниц. Это письма и не военного, и не государственного чиновника, а обывателя.

Ж. Антрэ предваряет публикацию введением на сотню страниц, в котором вышеуказанные письма представлены как источник весьма перспективный с точки зрения антропологической, социальной и культурной истории войны, а их автор как пример революционизированного священнослужителя. П. Дарденн – церковный клерк из скромной семьи ремесленников и мелких торговцев Тулузы встал на путь революции, превратившись сначала в светского учителя, затем в издателя якобинского органа, а затем в профессора Центральной школы Арьежа (Ariège). В 1811 г. он был принят на работу в Шомон, где он преподавал математику, физические и естественные науки в местном Колледже. В конце 1815 г. он стал хранителем библиотеки⁷³. Жак Антрэ, анализируя письма, обращает внимание, что их публикация последовала только через 20 лет после описываемых событий, когда отношения Франции с Европой вновь стали напряженными, а французы оказались не столь далеки от угрозы нового вторжения. Историк проанализировал степень аутентичности этих писем и заключил, что они создавались с 19 января по 21 апреля 1815 г., т.е. в ту эпоху, каковая в них описана. Но при этом первоначальная их форма затем была подвергнута переработке⁷⁴. Антрэ акцентирует именно на форме: письма Дарденна своему другу в Арьеж он впи-

⁷² См.: *Hantraye J. Ecrire la guerre. Etude et récit de l'occupation étrangère de 1814 à Chaumont (Haute-Marne) dans les «Lettres historiques» de Pierre Dardenne // La Vie en Champagne. 2008. № 53. P. 9–13; Idem. Le récit d'un civil dans la campagne de France de 1814. Les «Lettres historiques» de Pierre Dardenne (1768–1857). Paris, 2008. (Рец.: Crepin A. Le récit d'un civil dans la campagne de France de 1814. Les «Lettres historiques» de Pierre Dardenne (1768–1857), éditées par Jacques Hantraye. Paris, 2008 // Annales historiques de la Révolution française. 2009. № 356).*

⁷³ Его письма обильно цитировал еще Ф. Стинакер. См.: *Steenackers F.-F. L'invasion de 1814 dans la Haute-Marne. Paris, 1868.*

⁷⁴ См.: *Hantraye J. Le récit d'un civil dans la campagne de France de 1814. Les «Lettres historiques» de Pierre Dardenne (1768–1857). Paris, 2008.* Но, согласитесь, нельзя при этом исключить, что не было скорректировано и содержание.

сывает в эволюцию других эго-исторических жанров – интимного дневника мужчины, исторических воспоминаний, автобиографических мемуаров – и в целом в развитие романтизма. По его мнению, подобная история войны – свидетельство демократизации исторического писания, ограниченного, впрочем, образованным слоем населения. Ж. Антрэ пытается вписать анализируемый источник в исторический контекст кампании 1815 г. в районе Шомона. Он тщательнейшим образом выявляет противоречия данного источника со свидетельствами других источников и с историографическими мнениями. Каждое публикуемое письмо сопровождается комментариями и примечаниями. По мнению Антрэ, оригинальность источника в том, что в нем мы встречаем не только описание событий, но и попытку осмыслить феномены войны и насилия, взаимоотношения местных жителей с оккупантами. Здесь же мы встречаем многочисленные детали повседневной жизни времен оккупации, материальное и моральное давление, оказываемое на местное население и больше «следов» сражений, чем их изложения их хода (например, описание трупов, пролежавших 14 дней на поле битвы). Это письма «пылкого патриота», готового сопротивляться, но боящегося возмездия, стремящегося к миру, но симпатизирующего Наполеону как воплощению национального духа⁷⁵. Можно только поддержать один из тезисов Ж. Антрэ: оккупации 1814 и 1815 гг. заслуживают не меньшего внимания, чем события 1870 и 1871 годов.

В 2010 г. Ж. Антрэ – адъюнкт-профессор истории в лицее Гийома Бюде в Лимёй-Бреванн (Валь-де-Марн) – обращается к еще одному малоисследованному аспекту военной истории 1814–1815 годов.

Вооруженные движения гражданских лиц связанные с вторжением во Францию в 1814-1815 гг. войск союзников слабо изучены, ибо слабо документированы. В центре внимания Ж. Антрэ на сей раз оказываются национальные гвардейцы, вольные корпуса, спонтанно создаваемые отряды или в широком смысле – партизанское движение. В последние годы историки эпохи наполеоновских войн все чаще стали обращать внимание на этот феномен (движение сербов против турок в 1804 г., финнов против русских в 1808-1809 гг., народные движения в Тироле, Калабрии, Испании и т.д.), но период 1814-1815 гг. оставался неисследованным. Во многом зависящие от наличия харизматического лидера

⁷⁵ См.: *Hantraye J. Le récit d'un civil dans la campagne de France de 1814...* P. LXXXIX.

партизанские отряды насчитывали до несколько сотен человек. Настроенные в пользу империи их участники могли отрицательно относиться к рекрутским наборам. Нельзя не принимать во внимание и тот факт, что память об этих движениях оказывала влияние на военные заговоры времен Реставрации. Романтическая литература второй половины XIX в. помогла восстановить некоторые забытые эпизоды войны⁷⁶.

Усилия Ж. Антрэ тем более важны, что мифология оккупации оказывается весьма живучей, время от времени возрождаются полузабытые штампы. Пример тому – книга Алека Арка и Филиппа Гайара, авторов книги «Года казаков»⁷⁷. Книга посвящена тому периоду, когда после поражения под Лейпцигом, но еще до начала кампании 1814 г. в центральной Франции военные действия велись на территории Голландии, Бельгии, Северной Франции. В это время, по мысли авторов, местное население указанных регионов, где велись военные действия в 1813–1814 гг., вынуждено было жить под ярмом их русских и прусских «освободителей»⁷⁸.

На коллоквиуме «1812: перекрестный взгляд на европейскую войну», который состоялся 4 и 5 апреля 2012 г. в Министерстве иностранных дел Франции, верный своему антропологическому измерению войны Ж. Антрэ выступил с докладом о состоянии медицинской службы в Великой Армии, потонувшей в конечном итоге в материальных трудностях.

Как видно, Антрэ продолжает «описывать войну», следуя ее антропологическому измерению. Это можно назвать «культурной историей» войны⁷⁹. Проза чистой физиологии или армейской

⁷⁶ См.: *Hantraye J. Les prises d'armes de 1814–1815, signe et facteur de la politisation des ruraux // Annales de Bretagne et des pays de l'Ouest. 2011. № 4.*

⁷⁷ *Arcq A., Gaillard P. Les années cosaques: 1813–1814. Belgique, Hollande et Nord de la France dans la tourmente. Allonzier-La-Caille, 2010.*

⁷⁸ Не вдаваясь в критический разбор данной публикации, приведу одно, но показательное, известие о движении в Нидерландах против французов в феврале 1814 г.: «Французы хотят снабдить провиантом Риссель (Лилль) и Дюнкирхен (Дюнкерк), но казаки и возмущившиеся жители Брабанта им в этом препятствуют». См.: *Сын Отечества. 1814. № XVII. Первое прибавление. С. 2.* И далее: «Несколько жителей города Гента, при помощи 5 казаков (! – А.В.), взяли силою Са-де-Ган и отправились в Изендик, чтобы занять сие место, а также Ниенпорт и Дюнкирхен». См.: *Там же. № XIX. Первое прибавление. С. 2.*

⁷⁹ Современная культурная история захватывает такой объект исследований как «война», но долгое время она фокусировала свое внимание лишь на Первой мировой войне. См.: *Roynette O. Pour une histoire culturelle de la*

снабженческой логистики отступают под пером Ж. Антрэ перед поэзией культурно-исторической антропологии с ее «символизирующими демускулинизацию актами», коллективной психологией, мифологизацией сознания и образами «Другого». Автор погружает нас в мир многочисленных исторических персонажей коммунального уровня, чьи имена сегодня едва ли кому-нибудь что-то скажут. Вместо войны генералов и храбрецов, перед читателем открывается панорама, посвященная не столько войне как таковой, сколько ее неизменному спутнику – насилию. Антрэ рассматривает разнообразные мотивы, различные формы, варианты проявления насилия в отношении гражданского населения со стороны военных. Его интересуют реквизиции, постой, избиения, изнасилования, убийства, а также последствия вторжения и оккупации – от грабежей и разорений до появления нового поколения французов с русскими именами, от вопросов отношения французов к умершим (своим и чужим) до вопросов памяти поколений, в которой на десятилетия сохранились страх и унижения. С другой стороны, это вопросы восприятия местным населением иностранцев, реакции на выдвигаемые требования, вопросы адаптации сельского мира к новым чрезвычайным обстоятельствам... Так что, господа, вперед к культурной истории войны, смелее: Антрэ!

guerre au XIXe siècle // *Revue d'histoire du XIXe siècle*. 2005. № 30. Понятие «культура войны» также используется такими историками современности как Оливье Шален (Chaline), который откровенно ссылается в своей книге о битве на Белой горе на работы о Первой мировой войне, но ничего подобного мы не найдем у специалистов по истории XIX века. См. программную в этом отношении статью Стефана Адуэн-Рузо и Аннет Беккер: *Audoin-Rouzeau S., Becker A. Violence et consentement: la «culture de guerre» du premier conflit mondial // Pour une histoire culturelle*. Paris, 1997. P. 251–271. Тому есть свои причины. Но останавливаться сейчас на них означало бы слишком далеко уйти в сторону от собственно Жака Антрэ.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Ададуров Вадим Валентинович, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всемирной истории Нового и Новейшего времени Украинского католического университета, г. Львов.

Амбарцумян Каринэ Размиковна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Северо-Кавказского федерального университета.

Булыгина Тамара Александровна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Северо-Кавказского федерального университета.

Вишленкова Елена Анатольевна, доктор исторических наук, заместитель директора Института гуманитарных историко-теоретических исследований им. А.В. Полетаева НИУ-ВШЭ.

Галиуллина Руфия Хазибовна, кандидат исторических наук старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Казанского юридического института МВД России.

Гатина Зарина Салидаровна, стажер-исследователь Института гуманитарных историко-теоретических исследований НИУ ВШЭ.

Гладышев Андрей Владимирович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории Нового и Новейшего времени ИИиМО Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

Захарова Инна Евгеньевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Саратовского музея-усадьбы Н.Г. Чернышевского.

Ильина Кира Андреевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института гуманитарных историко-теоретических исследований НИУ ВШЭ.

Кожемяко Татьяна Николаевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Северо-Кавказского федерального университета.

Крючков Игорь Владимирович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой археологии и всеобщей истории, декан факультета истории философии и искусств Северо-Кавказского федерального университета.

Крючкова Наталья Дмитриевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и всеобщей истории Северо-Кавказского университета.

Малютина Татьяна Петровна, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории Отечества и философии

фии гуманитарно-правового факультета Воронежского государственного аграрного университета им. Императора Петра I.

Постникова Алёна Александровна, ассистент кафедры всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета.

Посохов Сергей Иванович, доктор исторических наук, профессор заведующий кафедрой историографии, источниковедения и археологии, декан исторического факультета Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина.

Ростиславлева Наталья Васильевна, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории ИАИ, директор Российско-германского учебно-научного центра Российского государственного гуманитарного университета.

Самохвалова Наталья Валерьевна, начальник отдела использования и публикации документов Государственного архива Саратовской области.

Степанов Юрий Геннадьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, культурологии и политологии Саратовского государственного аграрного университета им. Н.И. Вавилова.

Тотфалушин Виктор Петрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России ИИиМО Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

Трошин Николай Николаевич, старший научный сотрудник сектора международных экономических организаций Центра экономических исследований Российского института стратегических исследований (Москва).

Федоренко Антон Игоревич, магистрант факультета истории философии и искусств Северо-Кавказского федерального университета.

Хаазер Рольф, доктор философии, хранитель Среднегерманского литературного архива при Гиссенском университете им. Ю. Либиха.

СПИСОК АББРЕВИАТУР И СОКРАЩЕНИЙ

<i>ВЕ</i> –	Вестник Европы (С.-Петербург).
<i>ВИ</i> –	Вопросы истории (Москва).
<i>ВИКЭ</i> –	Воронежская историко-культурная энциклопедия.
<i>ГАСО</i> –	Государственный архив Саратовской области.
<i>ГИМ</i> –	Государственный исторический музей (Москва).
<i>ГМФ</i> –	Государственный музей К.А. Федина.
<i>ДНП</i> –	Департамент народного просвещения.
<i>ЗНБ СГУ</i> –	Зональная Научная библиотека им. В.А. Артисевич СГУ.
<i>ИВ</i> –	Исторический вестник (С.-Петербург).
<i>ИЗ</i> –	Исторические записки (Москва).
<i>ИИиМО</i> –	Институт истории и международных отношений СГУ.
<i>КЧГУ</i> –	Карачаево-Черкесский государственный университет.
<i>КЧР</i> –	Карачаево-Черкесская Республика.
<i>МВД</i> –	Министерств внутренних дел.
<i>МИД</i> –	Министерство иностранных дел.
<i>МКПУ ДК</i> –	Муниципальное культурно-просветительное учреждение Дом культуры.
<i>МНГЧ</i> –	Муниципальное учреждение культуры музей-усадьба Н.Г. Чернышевского (Саратов).
<i>МНП</i> –	Министерство народного просвещения.
<i>МОУ СОШ</i> –	Муниципальное образовательное учреждение средняя общеобразовательная школа.
<i>НА РТ</i> –	Национальный архив республики Татарстан (Казань).
<i>НВФ</i> –	Научно-вспомогательный фонд.
<i>НЛО</i> –	Новое литературное обозрение (Москва).
<i>ОБДЮ</i> –	Саратовская областная библиотека для детей и юношества имени А.С. Пушкина.
<i>ОРРК НБЛ К(П)ФУ</i> –	Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского (Поволжского) федерального университета.
<i>ОФ</i> –	Основной фонд.
<i>ПИУ</i> –	Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина.

РА –	Русский архив (Москва).
РБ –	Русское богатство (С.-Петербург).
РВ –	Русский вестник (Москва).
РГАДА –	Российский государственный архив древних актов (Москва).
РГИА –	Российский государственный исторический архив (С.-Петербург).
РМ –	Русская мысль (Москва).
РОССПЭН –	Российская политическая энциклопедия.
РПЦ –	Русская Православная Церковь.
РС –	Русская старина (С.-Петербург).
РФ –	Российская Федерация.
СГАП –	Саратовская государственная академия права.
СГМБС –	Саратовский государственный музей боевой славы.
СГХМ –	Саратовский государственный художественный музей им. А.Н. Радищева.
СГУ –	Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского.
Сб. ИРИО –	Сборник Императорского Русского Исторического Общества (С.-Петербург).
СИЗО –	Следственный изолятор.
СИЭ –	Советская историческая энциклопедия.
СМ –	Советский музей (Москва).
СМИ –	Средства массовой информации.
СНГ –	Союз Независимых Государств.
СОМК –	Саратовский областной музей краеведения.
СОУНБ –	Саратовская областная универсальная научная библиотека.
СУАК –	Саратовская ученая архивная комиссия.
ЦГВИА –	Центральный государственный военно-исторический архив (Москва).
ЦИАМ –	Центральный исторический архив Москвы.
АFA –	Alte Feldakte / Старинные полевые документы.
AG –	Rotteck C., v. Allgemeine Geschichte vom Anfang der historischen Kenntnis bis auf unsere Zeiten. Freiburg im Br., 1834. 9 Bde / Роттек К., фон. Всеобщая история от зарождения исторического знания до наших дней: в 9 т. Фрайбург-в-Бр. 1834.

- AMAE* – Archives du Ministère des Affaires Étrangères / Архив
 Министерства иностранных дел (Париж, Франция).
- CP* – Correspondance politique / Политическая переписка.
- AN* – Archives Nationales / Национальный архив (Париж,
 Франция).
- DAT* – Département de l'armée de terre / Департамент
 сухопутной армии.
- Digitalisat BSB* – Digitalisat Bayerische Staatsbibliothek München /
 Оцифрованный экземпляр Баварской государст-
 венной библиотеки (Мюнхен, Германия).
- GNS* – *Rotteck H. Carl von Rotteck's gesammelte und nach-
 gelassene Schriften. Pforzheim, 1841 / Роттек Х.*
 Посмертное собрание сочинений Карла фон Рот-
 тека. Пффорцхайм, 1841.
- HHStA* – Haus-, Hof- und Staats-Archiv / Домашний, при-
 дворный и государственный архив (Вена, Австрия).
- KA* – Kriegsarchiv / Военный архив (Вена, Австрия).
- SL* – Staats-Lexikon oder Encyclopädie der Staatswissen-
 schaften. Altona, 1834–1843. 15 Bde / Государст-
 венный лексикон или энциклопедия политиче-
 ских наук: в 15 т. Альтона, 1834–1843.
- SHD* – Service historique de la Défense / История Мини-
 стерства обороны (Париж, Франция).
- УІЖ* – Український історичний журнал / Украинский
 исторический журнал (Киев).

Научное издание

ИСТОРИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

Межвузовский сборник научных трудов

Выпуск 6

Под редакцией *А.В. Гладышева, Т.А. Булыгиной*

Ответственный за выпуск *Д.Е. Луконин*
Оригинал-макет и обложку подготовил *А.И. Жемков*

Подписано в печать 16.11.2012. Формат 60x84^{1/16}
Усл. печ. л. 16,97(18,25). Тираж 300 экз. Заказ № 389

Отпечатано в ООО «Бюро новостей»
г. Ставрополь